

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

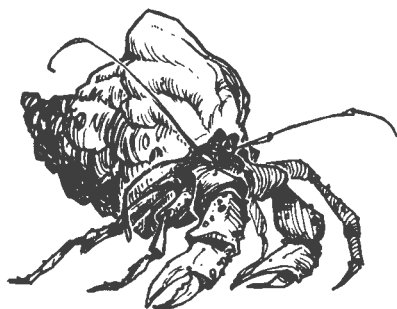
НАРОД,
ИЛИ КОГДА-ТО МЫ БЫЛИ ДЕЛЬФИНАМИ

Nation

C2430066

TERRY PRATCHETT

Worm
The first of the Discworld novels

TERRY PRATCHETT

Nation

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

*Народ,
или Когда-то мы были дельфинами*

Москва

2021

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

П70

Е 2430065

Terry Pratchett
NATION

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2008

First published as Nation by Random House Children's Publishers UK,
a part of the Penguin Random House group of companies

Перевод с английского *Татьяны Боровиковой*

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Пратчетт, Терри.

П70 Народ, или Когда-то мы были дельфинами / Терри
Пратчетт ; [перевод с английского Т. Боровиковой]. —
Москва : Эксмо, 2021. — 448 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-04-119664-6

Мау – последний из своего народа: остальных унесло цунами, обрушившееся на его родной остров. Дафна чудом выжила после кораблекрушения. Он – мальчик-дикарь; из неё росли леди. Они говорят на разных языках и выросли на разных концах земного шара, но катастрофа сводит их вместе. Чтобы выжить, Мау и Дафна должны бросить вызов духам предков и самой смерти. А ещё раскрыть тайну, которая буквально перевернёт мир...

УДК 821.111-312.9

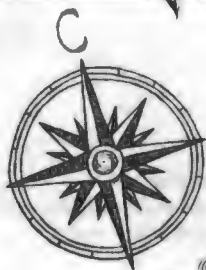
ББК 84(4Вел)-44

© Т.В. Боровикова, перевод на русский
язык, 2021

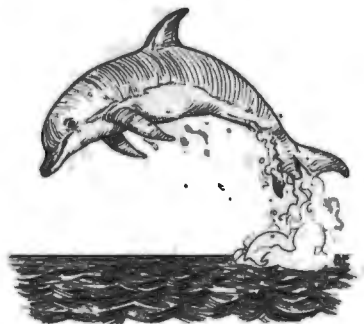
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-119664-6

Посвящается Лин

Наход

**КАК ИМО СОТВОРИЛ МИР
ДАВНЫМ-ДАВНО, КОГДА ВСЕ БЫЛО
ПО-ДРУГОМУ И ЛУНА ТОЖЕ БЫЛА ДРУГАЯ**

ОДНАЖДЫ ИМО ПОШЕЛ НА РЫБАЛКУ, НО МОРЯ НЕ БЫЛО. Вообще ничего не было, кроме Имо. Тогда он плюнул на ладони и потер одну о другую, и сделался шар, состоящий из моря. Потом Имо сделал несколько рыб, но они были ленивые и глупые. Тогда он взял души дельфинов, ведь дельфины хотя бы умели говорить, и смешал их с глиной, и помял в ладонях, и придал им форму, и они стали людьми. Они были умные, но не могли плавать целый день, поэтому Имо накопал еще глины, помял ее в ладонях, обжег на костре и так сотворил сушу. Скоро люди заполнили всю сушу и съели все, что можно было, поэтому Имо взял немного ночи, помял ее в ладонях и сделал Локаху, бога смерти.

Но Имо все равно чего-то не хватало. Он сказал: «Я играл с песком, как ребенок. Этот мир плох. Я де-

лал его не по плану. Он получился неправильный. Я разомну этот мир в ладонях и сделаю другой, получше». Но Локаха сказал: «Глина уже схватилась. Люди погибнут». Имо рассердился и сказал: «Кто ты такой, чтобы со мной спорить?» И Локаха ответил: «Я часть тебя, как все сущее. И потому говорю тебе: отдай этот мир мне, а сам пойд и сделай другой, получше. Я буду справедливо править этим миром. Умирая, люди будут превращаться в дельфинов — на время, пока им не придет пора родиться снова. Но когда я найду человека, который стремился к цели, смог подняться над глиной, из которой его сотворили, оправдал этот гнусный мир своей жизнью в нем, — тогда я открою людям дверь в твой совершенный мир, и они больше не будут принадлежать времени, но облачатся в звезды».

Имо согласился, ведь этот мир был его творением. Он отправился творить новый мир, в небе. Но прежде чем уйти, ондохнул себе в ладони и сделал других богов, чтобы Локаха не мог править один. Люди должны умирать, но пусть умирают в свой срок.

Вот потому мы рождаемся в воде, не убиваем дельфинов и стремимся к звездам.

Глава 1

ЭПИДЕМИЯ

СНЕГ ВАЛИЛ ТАК ГУСТО, ЧТО СНЕЖИНКИ НА ЛЕТУ СЛИПАЛИСЬ В БОЛЬШИЕ ХРУПКИЕ СНЕЖКИ; они падали на лошадей, стоящих в ряд вдоль причала, и тут же таяли. Было четыре часа утра, а в порту уже началось движение. Капитан Сэмсон никогда не видел, чтобы в доке царила такая суматоха. Груз прямо-таки вылетал с корабля; краны напрягались изо всех сил, стараясь как можно быстрее перекидать тюки. На корабле уже не просто пахло дезинфекцией, а прямо-таки разило. Люди, что поднимались на борт, были так пропитаны обеззараживающим раствором, что у них капало с сапог. Мало того, несколько человек протащили на корабль огромные, тяжелые опрыскиватели; они изрыгали ядовито-розовый туман, окутавший все вокруг.

Капитан Сэмсон ничего не мог поделать. Агент компании-владельца стоял тут же, на пристани, с приказом в руках. Но нужно было хотя бы попробовать.

— Мистер Блеззард! Вы действительно думаете, что у нас на борту зараза? — крикнул капитан человеку на берегу. — Я вас уверяю...

— Нет, капитан, насколько мы знаем — нет, но все эти меры для вашего же блага, — отозвался агент в огромный рупор. — И еще раз напомню: ни вам, ни команде не разрешено сходить на берег!

— Мистер Блеззард, у нас семьи!

— Я знаю, и о них уже позаботились. Поверьте, капитан, их не обидят, и вы тоже не останетесь внакладе, если выполните приказ. Вы должны выйти на рассвете и взять курс на Порт-Мерсию. У меня просто нет слов, чтобы объяснить вам, насколько это важно.

— Это невозможно! На другой конец света! Мы всего несколько часов как вернулись! У нас мало провианта и воды!

— Вы поднимете якорь на рассвете и в проливе Па-де-Кале встретитесь с «Ливерпульской девой», она как раз идет из Сан-Франциско. У нее на борту люди из компании. Они дадут вам все нужное. Они оберут и обдерут свой корабль до ватерлинии, лишь бы у вас было сколько нужно провианта и команды!

Капитан покачал головой.

— Мистер Блеззард, этого недостаточно. Вы требуете слишком многого. Я... Бог свидетель, мне недостаточно, что вы покричали в жестяную трубку. Мне нужны приказы от вышестоящего начальства.

— Капитан, я думаю, мой приказ вы сочтете достаточно веским. Вы позволите мне подняться на борт?

Капитан узнал голос.

Это был голос Бога. По крайней мере, его первого заместителя. Капитан узнал голос, но не самого человека, стоявшего у сходней. На говорящем было надето что-то вроде птичьей клетки. Во всяком случае, так показалось капитану сначала. Вблизи стало видно, что это каркас из тонкой проволоки, обтянутый марлей. Человек, облаченный в такое сооружение, передвигался в облаке дезинфицирующего средства.

— Сэр Джеффри! — сказал капитан на всякий случай, когда человек начал медленно подниматься по блестящим мокрым сходням.

— Да, капитан. Прошу меня извинить за этот наряд. Он, по очевидным причинам, называется костюмом спасения. Это для вашей защиты. Русская инфлюэнца... Вы и представить себе не можете, насколько это ужасно... Мы полагаем, что худшее уже позади, но все слои общества очень сильно пострадали. *Все* слои, капитан. Поверьте.

Тон, которым председатель произнес слово «все», поверг капитана в замешательство.

— Надеюсь, его величество не... не... — Остаток вопроса застрял у него в горле.

— Не только его величество, капитан. Как я уже сказал, вы и представить себе не можете, — отозвался сэр Джеффри; красный дезинфекционный раствор капал с подола «костюма спасения», и на палубу натекла лужа, цветом похожая на кровь. — Слушайте. Страна не ввергнута в полный хаос только потому,

что люди пока боятся высунуть нос на улицу. Я как председатель корабельной компании приказываю — а как старый друг умоляю: ради блага империи, идите в Порт-Мерсию. С такой скоростью, словно за вами гонится сам дьявол. Найдите там губернатора. Потом... А, вот и ваши пассажиры. Сюда, джентльмены.

К хаосу, царящему в порту, добавились еще две кареты. Пять закутанных фигур поднялись по сходням, таща огромные ящики. Ящики сгрузили на палубу.

— Кто вы такой, сэр? — спросил капитан ближайшего незнакомца, который ответил:

— Вам этого не нужно знать, капитан.

— Да неужели?! — Капитан умоляюще простер руки к сэру Джеффри. — Черт возьми, председатель, простите за грубость! Я ли не служил компании верой и правдой больше тридцати пяти лет? На «Катти Рен» я капитан, сэр! Капитан должен знать свой корабль и все, что на нем есть! Я не позволю держать меня в неведении, сэр! Если вы считаете, что мне нельзя доверять, я прямо сейчас сойду на берег!

— Прошу вас, капитан, не обижайтесь, — сказал сэр Джеффри. И обратился к главе пришельцев: — Мистер Блэк? Капитан, безусловно, заслуживает доверия.

— Да, я поторопился. Капитан, примите мои извинения, — ответил мистер Блэк, — но нам нужен ваш корабль по чрезвычайно важным причинам, поэтому, к сожалению, приходится опускать формальности.

— Вы из правительства? — резко спросил капитан. Мистер Блэк явно удивился:

— Из правительства? Боюсь, что нет. Между нами говоря, от правительства мало что осталось, а кто и остался, большей частью попрятались в подвалах. Буду с вами откровенен: правительство всегда старалось знать о нас как можно меньше. И вам советую держаться того же курса.

— Да неужели?! Я, знаете ли, не вчера родился...

— Да, капитан. Действительно, вы родились сорок пять лет назад вторым сыном у мистера и миссис Берти Сэмсон и при крещении получили имя Лионель в честь дедушки, — сказал мистер Блэк, преспокойно опуская свою ношу на палубу.

Капитан опять заколебался. Похоже было, что ему сейчас начнут угрожать. То, что угрозы не последовало, почему-то сильно выбило его из колеи.

— Так на кого вы работаете? — выдавил он из себя. — Я должен знать, кто у меня на борту.

Мистер Блэк выпрямился.

— Как вам будет угодно. Мы известны под именем Джентльменов Последней Надежды. Мы служим Короне. Так лучше?

— Но я думал, что король... — Капитан умолк, не желая произносить страшное слово.

— Он умер, мистер Сэмсон. Но Корона никуда не делась. Скажем так... мы служим высшим целям. И ради достижения этих целей, капитан, ваши люди получают вчетверо против обычной платы и сверх того по десять гиней за каждый день, на который вы побьете рекорд скорости в достижении Порт-Мерсии. И еще сверх того — сто гиней по возвращении. Вероятность повышения по службе для всех рядовых

и офицеров на борту сильно возрастет. Вы, капитан, конечно, получите повышенную плату, подобающую вашему чину. А поскольку, как нам известно, вы собираетесь в отставку, то Корона, разумеется, выразит свою благодарность традиционным образом.

За спиной капитана сэр Джеффри произнес несколько слов, одновременно закашлявшись: «*Кх-рыцарское-звание-кха*».

— Я уверен, что миссис Сэмсон очень обрадуется, — сказал мистер Блэк.

Это было пыткой. Капитан Сэмсон представил себе, что произойдет, если миссис Сэмсон когда-либо узнает, что он упустил возможность сделать ее *леди* Сэмсон. Думать об этом было невыносимо. Он уставился на человека, называвшего себя «мистер Блэк», и тихо спросил:

— Что-то должно случиться? Вы пытаетесь что-то предотвратить?

— Да, капитан. Войну. Наследник трона должен ступить на землю Англии не позднее девяти месяцев после смерти монарха. Это все записано в Великой хартии вольностей — мелким шрифтом. Точнее, мелким почерком. Видите ли, бароны не хотели появления нового Ричарда Львиное Сердце. К сожалению, официант, который разливал суп на дне рождения короля, оказался носителем болезни. Поэтому двое ныне живущих наследников престола, первых на очереди, сейчас находятся где-то в Великом Южном Пелагическом океане. Полагаю, капитан, вы его хорошо знаете?

— О, теперь я все понял! — воскликнул капитан, указывая на ящики. — Это английская земля. Мы

находим наследника, он на нее ступает, и мы кричим: «Ура!»

Мистер Блэк улыбнулся.

— Отлично, капитан! Я впечатлен. К сожалению, об этом подумали до нас. В Хартии вольностей есть подпункт, специальная оговорка, что земля Англии, на которую ступает наследник, должна быть прикреплена к собственно Англии. Мы можем объявить наследника престола за границей — можем даже короновать его, если нужно, — но для полной ратификации он должен прибыть в Англию в установленный срок.

— Простите, мистер Блэк, мне казалось, что я хорошо знаю Великую хартию вольностей, но я никогда не слышал об этих условиях, — произнес сэр Джеффри.

— Все правильно, сэр, — терпеливо ответил Джентльмен Последней Надежды. — Это потому, что они из *окончательной* версии. Бароны и подписаться-то едва умели — думаете, они смогли бы разработать набор разумных правил для управления огромной страной до скончания века? Их секретари составили полную, действующую Хартию месяцем позже. Она в семьдесят раз длиннее, зато в ней все предусмотрено. К сожалению, у французов тоже есть копия.

— Почему? — спросил капитан.

На пристань въехала еще одна карета. Она выглядела дорого, и на дверях был нарисован герб.

— Потому, капитан, что если вы не преуспеете, вполне возможно, что королем Англии станет француз, — ответил мистер Блэк.

— Что?! — заорал капитан, отвлекаясь от прибывшей кареты. — Этого никто не потерпит!

— Французы — очаровательные люди, — торопливо замахал руками сэр Джеффри. — Наши союзники в той неприятной крымской истории и все такое, но...

— О, на этот счет у нас с французским правительством полное согласие, и мыслим мы в одном ключе, — сказал мистер Блэк. — Менее всего они хотели бы видеть француза на троне — любом троне, любой страны. Наши галльские братья этого не потерпят. Однако во Франции есть и те, кто придерживается иного мнения. Поэтому мы считаем, что для всех будет лучше, если нового монарха удастся привезти в Англию как можно скорее, поднимая при этом как можно меньше шума.

— Они и своего последнего короля убили! — продолжал капитан Сэмсон, не желая, чтобы такой добротный гнев пропал напрасну. — Мой отец сражался против них при Трафальгаре! Нет, сэр, мы этого не потерпим, ни за что! Я говорю от лица всей команды, сэр! Мы снова побьем этот рекорд, сэр, и на пути туда, и на пути обратно!

Он огляделся в поисках сэра Джеффри, но тот уже сбежал по сходням на берег и суетился вокруг двух вышедших из кареты особ, закутанных в вуали.

— Это... дамы? — спросил капитан, когда они вспорхнули на борт «Катти Рен» и прошествовали мимо, словно капитан вообще не заслуживал внимания.

Мистер Блэк отряхнул от снега собственную вуаль.

— Та, что поменьше ростом, — горничная. Она, полагаю, женщина. Та, что повыше, вокруг которой так вьется ваш председатель, — держательница крупного пакета акций вашей корабельной компании и, что гораздо важнее, мать наследника престола. Она действительно дама, хотя, по моему ограниченному опыту общения с ней, она к тому же нечто среднее между Боадичеей, но без боевой колесницы, Катериной Медичи без отравленных колец и Аттилой-гунном, но без его чувства юмора. Не садитесь играть с ней в карты — она плурует, как миссисипский шулер. Запирайте от нее шерри. Делайте, что она говорит, и тогда мы, может быть, выживем.

— Острый язык, а?

— Как бритва, капитан. А вот более радостные вести: по пути мы можем нагнать дочь наследника. Она поехала к отцу — к счастью, задолго до того, как разразилась эпидемия. Сегодня она должна отплыть из Кейптауна на шхуне «Милая Джуди», которая идет в Порт-Мерсию через порт Адвент. Капитаном там Натан Робертс. Вы, кажется, его знаете.

— Что, старый Робертс-Аллилуйя? Он еще не отдал концы? Он отличный капитан, один из лучших, да и «Милая Джуди» отличное судно. Так что девочка в хороших руках. — Капитан улыбнулся. — Надеюсь только, что она любит гимны. Интересно, старик Робертс по-прежнему разрешает команде ругаться только в бочонок воды, стоящий на корме?

— Набожный человек? — спросил мистер Блэк по пути в тепло кают-компаний.

— Самую чуточку, сэр, самую чуточку.

— И насколько же велика эта «чутьочка» у капитана Робертса?

Капитан Сэмсон усмехнулся.

— Примерно с Иерусалим...

На другом конце света море пылало, ветер выл и ревушая тьма была над бездною¹.

Чтобы складывать гимны на ходу, нужно быть незаурядным человеком, но именно таков был капитан Робертс. Он знал все до единого гимны в «Сборнике старинных и современных песнопений» и, стоя на вахте, всегда распевал их ревностно и громко, что и послужило одной из причин мятежа.

А сейчас близился конец света, небеса на рассвете потемнели, с неба падал апокалиптический огненный дождь, поджигая такелаж, капитан Робертс привязал себя к штурвалу, море вздымалось под ним, и он чувствовал, как «Милая Джуди» взлетает в небеса, словно подхваченная некой всемогущей рукой.

Грохотал гром, сверкала молния. Град барабанил по зюйдвестке капитана. Огни святого Эльма засияли на верхушках мачт, а затем затрещали на бороде самого капитана, когда он запел красивым, глубоким баритоном.

— *К Тебе, Отец Предвечный, льну, Ты дланью укротил волну*, — ревел он в наступающую темноту, а «Джуди» плясала, как балерина, пытаясь удержать-

¹ Ср.: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2). (*Здесь и далее, если не оговорено иначе, прим. переводчика.*)

ся на неукротимой волне. — *Пучине, пред Тобою ниц, держаться наказал границ...*

«С какой скоростью мы движемся?» — подумал он, а ветер рвал паруса и уносил обрывки прочь. Волна была высотой с церковь и, похоже, двигалась быстрее ветра! Капитан смотрел вниз и видел, как островки исчезают под набегающей ревущей водой. В такой час особенно необходимо без устали восхвалять Господа!

— *На море гибнущих в борьбе услышь, взывающих к Тебе!*¹ — допел он, замолк и стал вглядываться во тьму.

Там было что-то большое и темное. Оно очень быстро приближалось. Лавировать было уже поздно. Препятствие слишком большое, и судно все равно не слушается руля. Капитан, однако, продолжал цепляться за штурвал в знак своей веры — чтобы показать Богу, что капитан его не оставляет. Капитан надеялся, что и Бог, в свою очередь, его не оставит. Капитан запел следующий куплет и принялся поворачивать штурвал; молния осветила путь по неукротимой волне — при свете горящего неба капитан увидел проход впереди, долину или расщелину в каменной стене. «Словно воды Черного моря расступились»², — подумал капитан, только наоборот, конечно.

¹ Текст гимна до этого места написан Уильямом Уайтингом из Винчестера (Англия) в 1860 году. Этот гимн известен также как гимн британского Королевского военно-морского флота, Военно-морских сил США и Корпуса морской пехоты США. Строки, использованные в тексте далее, созданы самим Терри Пратчеттом.

² Исх. 14:21–2.

Еще одна вспышка молнии — и стало ясно, что расщелина заросла лесом. Но волна ударит в этот лес на уровне верхушек деревьев. Может быть, спасение еще возможно, даже теперь, даже из самой адовой пасти. Вот сейчас...

Так и получилось, что шхуна «Милая Джуди» плыла через джунгли, а капитан Робертс во внезапном приступе вдохновения сочинял новый куплет, по вполне понятной причине отсутствовавший в оригинале.

— *Воздвигший горы и леса, чтоб не упали небеса...*

Капитан не был особенно уверен насчет «воздвигший», но вместо него, в крайнем случае, можно было подставить «создавший».

Ветви деревьев ломались под килем с треском ружейных выстрелов, толстые лианы цеплялись за остатки мачт...

— *Плодов создатель и ветвей... Десницей мощною Твоей...*

На палубу дождем сыпались плоды и листья, но корабль вдруг сотрясся — обломок ствола вспорол днище, рассыпав балласт.

— *Услышь взывающих к Тебе.* — Капитан Робертс крепче вцепился в бесполезный штурвал и расхохотался в лицо надвигающейся тьме. — *На суше гибнущих в борьбе!*

Три огромных ствола смоковницы, что веками противостояли циклонам, мощные, как крепостные башни, вылетели из будущего в настоящее, к вящему удивлению капитана. Его последняя мысль была: «Может, лучше было бы сказать «лесов создатель и полей»?..»

Капитан Робертс отправился на небеса. Там все оказалось не совсем так, как он ожидал. Отступающая волна тихо опустила останки «Джуди» на лесную почву. На всем корабле осталась только одна живая душа. Ну, можно считать, что две, если вы любите попугаев.

В день, когда случился конец света, Мау направлялся домой. Ему нужно было преодолеть больше двадцати миль. Но он прекрасно знал дорогу. Еще бы: кто не знает этой дороги, тот не мужчина. А он уже мужчина... ну почти. Разве он не прожил месяц на острове Мальчиков? Кто там выжил — тот уже мужчина.

Точнее говоря — кто выжил и вернулся.

Про остров Мальчиков никто не рассказывал. Открыто не рассказывал. Мальчики росли и набирались сведений по ходу дела, но самое главное узнавали очень быстро.

Главное, что следовало знать об острове Мальчиков, — то, что с него надо выбраться. Твоя душа мальчика останется там, а когда вернешься к Народу, получишь новую — душу мужчины.

Выбраться нужно обязательно, иначе случится ужасное. Если пройдет тридцать дней и ты не вернешься с острова — тебя привезут, и ты уже никогда не станешь мужчиной. Мальчики говорили так: «Чтобы тебя привезли с острова? Да лучше утонуть!» Все будут знать, что ты неудачник. И ни одна женщина никогда не пойдет за тебя в жены. Разве что такая, на которую больше никто не позарится: с гнилыми зубами и вонючим ртом.

Мау не мог спать несколько недель, все думал об этом. На остров ничего нельзя было взять с собой, кроме ножа, и Мау снились кошмары о том, что нельзя построить каноэ за тридцать дней одним ножом. Просто невозможно. Но все мужчины Народа как-то умудрились это сделать, значит, какой-то способ есть, правда же?

Мау нашел его на второй день пребывания на острове Мальчиков.

Посреди острова был якорь богов — бурый каменный куб, полускрытый землей и песком. Тяжелые лианы выросли поверх него и обвилились вокруг огромного ствола табаго. В сухую кору дерева были глубоко врезаны знаки на детском языке: «Мужчины помогают друг другу». Рядом, глубоко всаженный в дерево, торчал алаки, полированный черный камень на длинной ручке. С одного конца камня был топор. С другого — тесло, чтобы выдолбить лодку.

Мау вытащил топор и усвоил урок. Как и множество мальчиков до него, однажды вечером Мау залез на то дерево и нашел сотни зарубок — поколения благодарных мальчиков оставляли здесь этот, или такой же, топор для тех, кто придет за ними. Иные из этих мальчиков — уже Дедушки, там, в пещере, на горе, дома.

Они видят на много миль вокруг — может быть, смотрели и на него, на Мау, когда он нашел бревно, хорошо выдержанное и не слишком старательно спрятанное среди панданусов в дальней части островка. Вот Мау доберется домой и всем расскажет, что нашел бревно, и все скажут, что ему повезло и что, может

быть, это бревно боги положили туда. Мау подумал и вспомнил, что недавно его отец и пара дядюшек ездили ловить рыбу в эту сторону, а его с собой не взяли...

Он хорошо провел время. Он умел разводить костер и нашел пресноводный ручеек. Он сделал копье, которое годилось для ловли рыбы в лагуне. И еще построил хорошее каноэ — крепкое и легкое, с балансиrom. Можно было сделать на скорую руку, чтоб только домой добраться, но Мау обстругал каноэ ножом и отполировал шкурой ската до того, что оно словно шептало, скользя по воде.

Мау не спешил приблизить последний день своей мальчиковой жизни. Так посоветовал отец. «Наведи порядок в лагере, — сказал он. — Скоро ты будешь принадлежать жене и детям. И это правильно. Но порой ты будешь с нежностью вспоминать последний день, когда был мальчиком. Пусть у тебя останется добрая память. И возвращайся вовремя, чтобы поспеть к пиру».

Мау так убрал свою стоянку, что и следов не осталось. Он в последний раз встал перед древним деревом табаго с топором в руках. Он был уверен, что Дедушки смотрят ему в спину.

Он знал, что все будет точно так, как надо. Прошлой ночью в небе сошлись звезды Воздуха, Огня и Воды. Хорошее время для новых начинаний.

Мау нашел нетронутое место в мягкой коре и занес топор. Перед глазами мелькнула голубая бусина на нитке, обвязанной вокруг запястья, — она сохранит его по дороге домой. Отец говорил, что на обратном пути Мау будет очень гордиться собой. Но он должен

вести себя осторожно, чтобы не привлечь внимания каких-нибудь богов или духов. Пока он не получил новую душу, он в опасности. Он как *мией гауи*, маленький синий краб-отшельник, что раз в году перебегает из одной скорлупы в другую, — легкая добыча для любого случайного кальмара.

Эта мысль пугала, но каноэ было хорошим, море — спокойным, и Мау полетит по воде быстро, да-да! Он со всей силы взмахнул топором, думая: «Ха! Следующий мальчик, который вытащит этот топор, по справедливости заработает звание мужчины».

— Мужчины помогают друг другу! — прокричал он, когда каменное лезвие вонзилось в кору.

Он хотел, чтобы этот крик возымел какой-то эффект. Но на такой — даже не рассчитывал. Со всех концов островка, подобно взрыву, в небо поднялись птицы. Они роились, как пчелы. Вьюрки, цапли, утки взлетели из кустов, воздух наполнился паникой и перьями. Несколько самых крупных птиц направились в море, но большинство просто кружили в небе. Они как будто боялись оставаться на острове и в то же время не знали, куда лететь.

Мау шел на берег, пробираясь сквозь птичьи стаи. Яркие раскрашенные крылья мельтешили у лица, как летящие градины, и это было бы волшебно красиво, только все без исключения птицы, едва взлетев, гадили на лету. Когда торопишься, ни к чему тащить с собой лишний вес.

Что-то было не так. Это чувствовалось в воздухе, во внезапном спокойствии; мир как будто взяли и придавили тяжелым прессом.

И вдруг это что-то ударило Мау, повалив его на песок. Казалось, голова сейчас взорвется. Это было еще хуже, чем тогда, когда Мау играл в «собери камни со дна» и слишком задержался под водой. Что-то давило на мир, как огромный серый камень.

Потом боль ушла, вспоров воздух, — так же быстро, как и появилась. Мау задышался, оглушенный. Небо над головой все так же кишело птицами.

Мау, шатаясь, поднялся на ноги. Он знал только, что отсюда надо уходить, и больше ничего, но, по крайней мере, он ощущал это каждым волоском и каждым ногтем.

В чистом небе прогремел гром. Один невероятный раскат, сотрясший горизонт. Мау, нетвердо ступая, сбежал к маленькой лагуне, а шум все не прекращался. Вот и каноэ — ждет на белом песке у края воды. Но вода, обычно спокойная, танцевала... танцевала, словно под сильным дождем, хотя никакого дождя не было.

Надо убираться отсюда. Каноэ легко соскользнуло в воду, и Мау яростно погреб к просвету между рифами, ведущему в открытое море. Вокруг каноэ и под ним рыбы пробивались в ту же сторону. Звук длился, словно что-то твердое врезалось в воздух, разбивая его на куски. Он заполнил все небо. Мау словно великан ударил по ушам. Мау попытался грести быстрее, но потом у него в голове появилась мысль: «*Животные* спасаются бегством. Так говорил отец. *Мальчики* спасаются бегством. Мужчины — нет. Мужчина смотрит на врага, чтобы узнать, что тот делает, и найти его слабое место».

Мау вывел каноэ из лагуны, оседлал прибой и легко вылетел в океан, а затем огляделся вокруг, как мужчина.

Горизонт был одним огромным облаком. Облако кипело и росло, полное огня и молний, и рычало, как в кошмарном сне.

Волна ударила в коралл, и это тоже было неправильно. Мау знал море, и так не должно было быть. Остров Мальчиков быстро удалялся, потому что ужасное течение тащило Мау к огромному пузырю, надутому бурей. Горизонт словно всасывал море в себя.

Да, мужчины смотрят в лицо врагу, это правда. Но иногда они поворачиваются спиной и гребут изо всех сил.

Только это ничего не изменило. Море текло туда, к черному облаку, а потом вдруг опять затанцевало, как вода в лагуне. Мау старался не потерять головы и боролся с каноэ, пытаясь удержать его.

Он доберется домой. Как же иначе? У него в голове была маленькая и отчетливая картинка. Он вертел ее в голове, рассматривая со всех сторон, упиваясь ею.

Соберутся все. До единого. Без исключения. Хворые старики скорее согласятся умереть на циновках у края воды, чем пропустить это событие. Женщины родят прямо там, если по-другому не получится, наблюдая, как возвращается домой его каноэ. Пропустить прибытие нового мужчины — невысказанно. Это навлекло бы ужасное несчастье на весь Народ.

Отец будет смотреть на него, стоя на краю рифа, и они вытащат каноэ на песок, и прибегут все дядюшки, и новые молодые мужчины будут наперебой

поздравлять его, а мальчики, которых он обогнал, будут завидовать, а мать и другие женщины начнут готовить пир, и будет... то, что делают острым ножом, когда нельзя кричать, а потом... потом будет всё.

Если только у него получится удержать в голове эту картину, она превратится в реальность. Это была сверкающая серебряная нить, которая связывала его с будущим. Она подействует, как якорь богов, который удерживает их на месте.

Боги — вот оно что! Эта штука идет с острова Богов. Он за горизонтом, отсюда не видно, но старики рассказывали, что однажды, давным-давно, он взревел, и на море было волнение, и много дыма и грома, потому что бог огня рассердился. Может быть, теперь он опять рассердился?

Облако уже дошло до верхушки неба, а внизу, на уровне моря, появилось что-то новое. Темно-серая линия. Она росла. Волна? Ну, про волны Мау все знает. Их надо атаковать, пока они не атаковали тебя. Он умеет играть с волнами. Не позволяй им себя опрокинуть. Используй их. Волны — это просто.

Но эта волна вела себя не как другие, обычные волны в просвете рифа. Она, казалось, стояла неподвижно.

Мау уставился на нее и наконец понял, что видит. Кажется, что волна стоит неподвижно, потому что это очень большая волна и очень далеко, и она движется очень быстро и тащит за собой черную ночь.

Очень быстро и уже не очень далеко. Это даже не волна. Слишком уж большая. Это была гора воды, с молнией, танцующей на вершине, она неслась, она ревела, она подхватила каноэ, как муху.

Взлетая по вздымающемуся, пенящемуся изгибу волны, Мау всунул весло под лианы, которыми был привязан балансир, и вцепился изо всех сил...

Шел дождь. Тяжелый, грязный, полный пепла и тоски. Мау пробудился от сна о жареной свинине и приветственных криках мужчин, открыл глаза и увидел серое небо.

Потом его стошнило.

Каное покачивалось на зыби, пока Мау вносил свой вклад в то, что уже плавало в море, — куски дерева, листья, рыба...

Вареная рыба?

Мау подгрел к большой рыбе *хеке* и умудрился втащить ее на борт. Действительно, рыба оказалась вареной, и это был настоящий пир.

Ему нужен был пир. Все тело болело. Голова с одной стороны была вымазана чем-то липким — это оказалась кровь. Видимо, в какой-то момент он ударился о борт каное, что, в общем, было неудивительно. Катание на волне осталось в памяти — ударами по ушам, жжением в груди, — словно сон, от которого хочется только скорее проснуться. Мау ничего не мог — только цепляться изо всех сил.

В воде был туннель — словно движущаяся пещера воздуха в толще гигантской волны, а потом — буйство бурунов, когда каное вылетело из воды, как дельфин. Мау готов был поклясться, что каное взлетело в воздух. И еще пение! Мау слышал его лишь несколько секунд, когда каное мчалось вниз по другому склону волны. Должно быть, какой-нибудь бог, а может, де-

мон... а может, просто у людей в голове раздаются такие звуки, когда они наполовину летят, наполовину утопают в мире, где вода и воздух каждый миг меняются местами. Но все уже кончилось, и море, которое только что пыталось его убить, теперь предлагало ему ужин.

Рыба была вкусная. Мау чувствовал, как тепло проникает до костей. Рыбы было много, и кроме нее в море еще много чего плавало. Мау нашел пару неспелых кокосов, с благодарностью выпил сок и приободрился. Теперь ему будет что рассказать! Такая большая волна должна была дойти и до дома, так что они будут знать, что он не врет.

А кстати, где же дом? Острова Мальчиков видно не было. Неба тоже. Островов не было вообще! Но один горизонт был светлее другого. Солнце садилось где-то вон там. Прошлой ночью Мау смотрел, как солнце садится над островом Народа. Значит, надо плыть туда. Мау двинулся в путь, глядя на бледный горизонт.

Птицы были повсюду — они примащивались на все, что плавало. В основном маленькие вьюрки, они бешено щебетали, когда каноэ проплывало мимо. Некоторые подлетали и опускались прямо на каноэ, сбиваясь в кучку и глядя на Мау с каким-то отчаянным, испуганным оптимизмом. Один вьюрок даже сел Мау на голову.

Пока Мау выпутывал птицу из волос, послышался удар, словно что-то намного более тяжелое приземлилось на корму. Вьюрки испуганно вспорхнули и тут же опустились обратно, потому что у них не было

сил лететь куда-то еще. Но постарались оказаться подальше от нового пассажира, зная его неразборчивость в еде.

Это была большая птица с блестящим иссиня-черным оперением и белой грудью. На ногах росли пушистые белые перышки. Зато огромный клюв был яркий — красно-желтый.

Это птица-дедушка, она приносит удачу — во всяком случае, людям. Ничего, что из-за нее каноэ Мау замедлило ход и что она съела одну из его рыб. Птицы-дедушки научились не бояться людей: даже просто прогнать одну из них значило навлечь на себя неудачу. Мау греб, чувствуя, что глаза-бусинки смотрят ему в спину. Он надеялся, что птица и вправду приносит удачу. Если ему хоть немножко повезет, он будет дома еще до полуночи.

— Эк! — закричала птица и поднялась в воздух, унося в клюве еще одну рыбу из запасов Мау; каноэ закачалось.

«Ну что ж, — подумал Мау, — зато оно стало легче. Не так уж мне и нужна эта рыба. Сегодня вечером я до отвала наемся свинины!»

Птица тяжело приземлилась на плавающее впереди бревно. Довольно большое бревно. Подплыв поближе, Мау обнаружил, что это целое дерево, даже с корнями, хотя многие ветви у него обломаны.

Он увидел торчащий из воды топор, опутанный лианами. Он как знал, что увидит этот топор. Топор приковал к себе взгляд Мау и на миг стал центром, неподвижной точкой, вокруг которой завертелся весь мир.

Птица-дедушка подбросила рыбу в воздух, чтобы проглотить ее целиком, а потом взлетела с мрачным видом, словно говоря: «Да стоит ли оно того?» — и медленно хлопая большими крыльями. Крылья почти касались грязной воды.

Ствол, освободившийся от веса птицы, начал вращаться. Но Мау был уже в воде. Он схватился за ручку топора как раз в тот момент, когда она ушла под воду. Задержал дыхание, уперся ногами в ствол дерева и дернул. Ничего не скажешь, от большого ума он тогда, сто лет назад, всадил топор в дерево со всей силы, чтобы показать следующему за ним мальчику, какой он весь из себя мужчина...

У него должно было все получиться. Последний могучий рывок — и дерево должно было отпустить топор. В идеальном мире так и было бы. Но разбухшая древесина держала крепко.

Мау нырял еще три раза и каждый раз выныривал, кашляя и плюясь соленой водой. У него была глубокая, мрачная уверенность, что это неправильно: он не сомневался, что боги послали этот топор ему. Потому что этот топор ему потом понадобится. Мау был в этом уверен. А он не справился.

В конце концов, он поплыл обратно к каноэ и схватился за весло, пока птица-дедушка не скрылась из виду. Птицы-дедушки всегда прилетают на сушу ночевать, а Мау был совершенно уверен, что от острова Мальчиков ничего не осталось и возвращаться туда нет смысла. Этому дереву табаго, должно быть, несколько сотен лет. У него корни толще, чем туловище Мау. Похоже, что это дерево удерживало весь остров!

А среди корней был якорь богов. Никакая волна не должна была сдвинуть с места якорь богов. Это все равно что сдвинуть с места весь мир.

Птица-дедушка летела себе вперед, где алела тонкая линия горизонта — Мау никогда не видел такого алого заката. Он греб изо всех сил, стараясь не думать о том, что найдет впереди; и именно потому, что он старался не думать, мысли метались у него в голове, как встревоженные собаки.

Он постарался их успокоить. Если вдуматься, остров Мальчиков — просто скала, окруженная песчаными отмелями. Верно ведь? Он ни на что не годится, разве только как пристанище для рыбаков или место для мальчиков, пытающихся стать мужчинами. А на острове Народа есть горы — ну, по крайней мере, одна настоящая гора, — и река, и пещеры, и целые леса, и мужчины, которые знают, что делать!

Правда же? Но что они могут сделать?

Картинка, изображающая пир в честь новой мужской души Мау, все мерцала у него в голове. Она никак не соглашалась замереть, и Мау не мог найти серебряную нить, связующую его с картиной.

Что-то темное проплыло на фоне заката, и Мау чуть не расплакался. Это закатная волна идеальной формы прокатилась через красный диск, который как раз коснулся линии горизонта. У всех мужчин на островах Солнца была татуировка с такой картинкой, знак их мужской сущности, и Мау знал: через несколько часов такая же будет и у него.

А потом там, где прошла волна, появился остров Народа. Мау мог узнать его очертания с любой сто-

роны. До острова было миль пять. Ну что ж, еще пять миль Мау по силам. Скоро он увидит огни костров.

Мау с удвоенной силой заработал веслом. Напрягая глаза, чтобы разглядеть темный силуэт в странном сумеречном свете, он увидел белую полосу прибоя на рифе. Пожалуйста, ну, пожалуйста, пускай скоро покажутся огни костров!

Он уже улавливал все запахи суши, кроме одного — вождя запаха дыма.

А вот и он — резкая струйка на фоне запахов моря и леса. Где-то горит костер. Мау не видел его, но где огонь, там и люди. Конечно, где прошла та волна, рухого дерева много не осталось. Но здесь эта волна не могла быть такой страшной. Где угодно, только не здесь. Он и раньше видел большие волны. Они могли творить беды, разломать в щепки одно-два каноэ. Ну да, эта волна показалась ему *очень* большой, но ведь все волны кажутся большими, когда они вздымаются у тебя над головой! Люди сходили в горы и принесли сухих дров. Да, так и случилось. Конечно, так и было. Он беспокоится из-за ерунды. Они скоро вернутся.

Так оно и есть. Именно так все и будет.

Но серебряная нить не появлялась. Он мог сколько угодно рисовать в голове счастливые картинки, но их окружала тьма, и пути к ним не было.

Уже почти стемнело, когда каноэ вошло в лагуну. Мау различал ветки и листья. Он ударился о большой кусок коралла, который, видимо, волна отломала от рифа. Но риф для того и существовал. Он принимал на себя удары штормов. За рифом, в лагуне, люди были в безопасности.

Каное коснулось пляжа, ткнулось в песок — словно поцеловало его.

Мау вышел на берег и в последний момент вспомнил о жертве. За успешное путешествие нужно принести в жертву красную рыбу, а его путешествие было, конечно же, успешным, хоть и необычным. Он не запасся красной рыбой. Ну что ж, он ведь пока еще мальчик, а мальчикам боги многое прощают. Он хотя бы *вспомнил*. Это уже считается.

Других каное вокруг не было. А должно быть много. Даже в темноте стало ясно: что-то не так. В лагуне никого не было; никто не стоял на берегу.

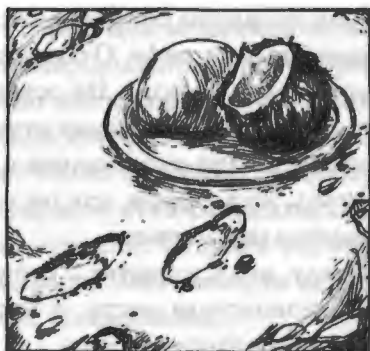
Мау все равно крикнул:

— Эй! Это я, Мау! Я вернулся!

Он заплакал, и это было еще хуже. Он плакал и раньше, в каное, но там у него просто вода стекала с лица. А теперь его сотрясали рыдания, неудержимые слезы текли из глаз, из носа, изо рта. Он плакал и звал родителей, потому что ему было страшно, он замерз, и очень устал, и очень боялся, и уже не мог притворяться. Но больше всего он плакал из-за того, что знал только он.

Кто-то услышал его в лесу. В свете скрытого костра блеснул острый металл.

Свет умер на западе. Ночь и слезы поглотили остров Народа. Звезда Воды медленно плыла среди облаков, как убийца, бесшумно покидающий место преступления.

Глава 2

НОВЫЙ МИР

УТРО БЫЛО ТОГО ЖЕ ЦВЕТА, что и ночь, только чуть посветлее. Мау, скрючившемуся среди широких опавших листьев кокосового дерева, казалось, что он совсем не спал; но, должно быть, в какие-то моменты его тело и мозг просто отключались, словно понемногу упражнялись в смерти. Он проснулся — или, может быть, ожил — в мертвенном сером свете, онемевший и замерзший. Волны на берегу едва двигались, море было почти одного цвета с небом, а небо по-прежнему плакало дождем.

Русло речки, стекающей с горы, было забито песком, грязью и обломками ветвей. Мау покопал руками, но вода не шла, а едва сочилась. В конце концов, Мау пришлось слизывать с листьев капли дождя, отдающие пеплом.

В лагуне было месиво из обломков коралла: волна пробила большую брешь в рифе. Отлив сменился приливом, и в дыру вливалась вода. На островке Малый Народ — чуть больше, чем песчаная отмель на краю лагуны, — осталась одна-единственная пальма, измочаленный ствол, на котором, как ни удивительно, еще торчало несколько листьев.

Надо найти еду, воду, укрытие... первое, что следует сделать в незнакомом месте. А это и есть незнакомое место, и он здесь родился.

Мау видел, что деревня исчезла. Волна снесла ее с острова. Несколько пней торчало там, где когда-то стоял длинный дом племени... стоял с незапамятных времен. Волна разнесла риф на куски. Деревню она, видимо, даже не заметила.

Путешествуя с отцом и дядьями, Мау научился читать историю берега. И теперь, глядя вверх, он видел историю волны, записанную обломками скал и деревьев.

Деревня смотрела на юг. Да и как иначе. С трех остальных сторон ее защищали высокие крошащиеся утесы, у подножия которых, в пещерах, грохотало и пенилось море. Волна пришла с юго-востока. Ее след отмечали поломанные деревья.

Все люди собрались на берегу, вокруг большого костра. Услышали ли они рев волны за треском пламени? Поняли ли, что это означает? Если они вовремя спохватились, они могли поспешить вверх, по долине Большой Свины, на склон горы за полями. Но часть волны уже поднималась с ревом по восточному склону (там трава, задержать волну нечем) и снова преградила им путь.

А потом — ревущая мешанина из камней, песка и воды, и людей, должно быть, выбросило в море через западную часть рифа, в глубоководное течение, и там они стали дельфинами.

Но не все. Волна оставила за собой рыбу, грязь и крабов, к радости птиц-окороков, серых ворон и, конечно, птиц-дедушек. Остров в это утро был полон птиц. Птицы, каких Мау никогда не видел, дрались со знакомыми, обиденными.

И люди — запутавшиеся в сломанных ветвях, полузанесенные грязью и листьями, только одна из частей погибшего мира.

Лишь через несколько долгих секунд до Мау дошло: то, что он принял за сломанную ветку, на самом деле рука.

Он медленно огляделся и понял, почему здесь столько птиц и за что они дерутся.

Он побежал. Ноги сами понесли его, и он побежал, выкрикивая имена, вверх по длинному склону, мимо нижних полей, покрытых мусором, мимо верхних плантаций, высоко, куда даже волна не достала, почти до края леса. И там услышал свой собственный голос, отдающийся эхом от утесов.

Никого. Но кто-то же должен быть...

Но они все ждали, ждали того, кто перестал быть мальчиком и еще не стал мужчиной.

Мау подошел к Женской деревне — конечно, мужчинам вход сюда был строжайше запрещен — и рискнул одним глазом заглянуть сквозь изгородь, за которой стояли сады, не тронутые волной. Но здесь ничто не двигалось, и ни один голос не отозвался на его крик.

Они ждали на берегу. Он ясно видел, как они болтают, смеются, пляшут вокруг костра, но серебряной нити не было, и нечем было притянуть их обратно.

Они ждали нового мужчину. Волна, должно быть, обрушилась на них, как молот.

Он пошел обратно к полям, по дороге подобрал отломанную ветку и замахал ею, безуспешно пытаясь отогнать птиц. Чуть выше места, где раньше стояла ныне сровненная с землей деревня, тела валялись повсюду. Их нелегко было заметить — перемешанные с мусором, такие же серые, как пепельная грязь. Ему придется их трогать. Их нужно передвинуть. Скоро с гор спустятся свиньи. Начнут жрать... *Нет!*

За облаками на востоке виднелось что-то яркое. Как это может быть? Неужели еще одна ночь прошла? А разве он спал? Где он был? Но усталость уже полностью овладела им. Он подтащил несколько покрытых листьями ветвей к большой скале, сделал нечто вроде укрытия, заполз под них и почувствовал, как серость грязи, дождя и словно покрытого синяками неба молчаливо заползает в него, заполняет его и смыкается у него над головой.

И Мау приснился сон. Конечно, это был сон. Он почувствовал, что он разделился, стал двумя разными людьми. Один из них — серое тело, слепленное из грязи, — начал искать тела, не унесенные волной. Он делал это очень осторожно и так бережно, как только мог, а другой Мау сидел глубоко внутри первого, скрючившись в комок, и все это ему снилось.

«А кто же я, который это делает? — думал серый Мау. — Кто я теперь? Я уподобился Локахе, я ощупы-

ваю черты смерти. В этот день лучше быть Локахой, чем Мау. Потому что вот передо мной тело. Если Мау его увидит, заглянет ему в глаза, он сойдет с ума. Так что я все это сделаю за него. Это лицо Мау видел каждый день на протяжении всей своей жизни, но сейчас он не должен его увидеть».

Так он и работал, а небо тем временем посветлело, и солнце взошло за пышным веером пара, поднимающимся на востоке, и в лесах зазвенели песни птиц, несмотря на морось. Он прочесывал нижние склоны, натыкался на очередное тело и волок его или нес — некоторые тела были маленькие, и их можно было нести — вниз, к воде, к тому месту, откуда было видно течение. Здесь обычно водились черепахи, но сегодня их не было.

Он, серая тень, находил камни и большие куски коралла, а они тут валялись в изобилии, и привязывал к телам кусками бумажной лианы. «Теперь надо вытащить нож, — думал серый Мау, — прорезать дырку, чтобы духу было удобно выйти, выволоочь тело в волны, где течение уходит под воду, и отпустить».

Спящий Мау предоставил своему телу думать: «Поднимаешь *вот так*, тянешь *вот так*. Бумажную лиану отрезаешь вот так и не кричишь от ужаса, потому что ты — рука, тело и нож, а они даже плакать не умеют. Ты покрыт толстой серой кожей, которая ничего не чувствует. И ничто не может сквозь нее проникнуть. Ничто не может до тебя добраться. Вообще ничто. Сейчас ты отпустишь тело, оно медленно погрузится в темную воду, подальше от птиц, свиней и мух, вырастит новую кожу и станет дельфином».

Среди прочего он нашел двух собак и чуть не сломался на этом. Люди... этот ужас был так велик, что его разум просто отключался, но изуродованные тела собак изуродовали, перевернули его душу. Они были с людьми и тоже радовались, хотя и не знали почему. Он и их завернул в бумажную лиану, привязал груз и отправил по течению. Собаки захотят остаться с людьми, потому что они тоже люди, только по-своему.

А вот что делать с поросенком, он не знал. Поросенок был один. Должно быть, свиноматка умчалась в горные леса — свиньи всегда так делают, когда чувствуют приближение воды. А поросенок за ней не угнался. Желудок говорил, что это пища, но он сказал — нет, только не этот, не эта крохотная обманутая тварь. Он отдал течению и поросенка. Пускай боги разбираются. Он слишком устал.

Время близилось к закату, когда он выволок на пляж последнее тело и уже собирался побрести к течению, но тут его тело сказало ему: «Нет, этому телу туда не надо. Это ты сам, ты очень устал, но еще не мертв. Тебе надо поесть, попить и поспать. А самое главное — постарайся не видеть снов».

Он постоял немного, усваивая эти слова, а потом потащился назад, вверх по берегу, нашел свой на скорую руку сделанный шалаш и упал в него.

Пришел сон, но ничего хорошего с собой не принес. Снова и снова он отыскивал тела и нес их к берегу, потому что они были очень легкие. Они пытались с ним разговаривать, но он их не слышал, потому что слова не проникали через толстую серую кожу.

Было во сне и одно странное существо — призрачная девочка, совершенно белая. Она несколько раз пыталась заговорить с ним, но потом блекла и сливалась со сном, как и все остальные. Солнце и луна выписывали пируэты на небе, и он шел по серому миру, единственное движущееся пятно среди покрывал молчания, навеки один.

А потом из серости кто-то позвал.

— МАУ, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

Он огляделся. Местность была странная, какая-то бесцветная. Солнце светило, но при этом было черным.

Когда голоса слышались снова, казалось, что они раздаются отовсюду, словно их приносит ветер.

— СЕЙЧАС НЕ ВРЕМЯ СПАТЬ. ОЧЕНЬ МНОГО ДЕЛ.

— Кто вы такие?

— МЫ — ДЕДУШКИ!

Мау задрожал. Больше он ничего не мог сделать. Ноги не двигались.

— Пришла волна, — сказал он. — Все погибли! Некоторых я отправил в темную воду!

— ТЫ ДОЛЖЕН СПЕТЬ ЗАКЛИНАНИЕ ТЕМНОЙ ВОДЫ.

— Я его не знаю!

— ТЫ ДОЛЖЕН ВОССТАНОВИТЬ ЯКОРЯ БОГОВ.

— Как я это сделаю?

— ТЫ ДОЛЖЕН ПЕТЬ УТРЕННЮЮ ПЕСНЬ И ВЕЧЕРНЮЮ ПЕСНЬ.

— Я не знаю слов! Я не мужчина! — в отчаянии сказал Мау.

— ТЫ ДОЛЖЕН ЗАЩИЩАТЬ НАРОД! ТЫ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ДЕЛАЛОСЬ ВСЕГДА!

— Но, кроме меня, никого нет! Все остальные погибли!

— ВСЕ, ЧЕМ БЫЛ НАРОД, ОСТАЛОСЬ В ТЕБЕ! ПОКА ТЫ ЕСТЬ, НАРОД СУЩЕСТВУЕТ! ПОКА ТЫ ПОМНИШЬ, НАРОД ЖИВЕТ!

Давление воздуха чуточку изменилось, и Дедушки... исчезли.

Мау моргнул и проснулся. Солнце было желтое и уже прошло полпути по небу, а рядом с Мау лежала круглая железная штука, а на ней — кокос с отрезанной верхушкой и манго.

Он уставился на эти дары.

Он был один. Сейчас тут никого больше быть не могло. Некому было оставить еду и бесшумно уйти.

Он посмотрел на песок. Там были отпечатки ног, не очень больших, но без пальцев.

Он очень осторожно встал и огляделся. Он был уверен, что существо, у которого на ногах нет пальцев, следит за ним. Может быть... может быть, его послали Дедушки?

— Спасибо, — сказал он в пустоту.

С ним говорили Дедушки. Он думал об этом, обгрызая мякоть манго с огромной косточки. Он никогда раньше не слышал Дедушек. Но что они от него хотели... разве можно такое требовать от мальчика? Мальчикам не разрешалось даже подходить к пещере Дедушек. Это было строго запрещено.

Правда, мальчишки все равно подходили. Когда Мау было восемь лет, он увязался за старшими маль-

чиками. Они его не видели — он крался за ними по пятам всю дорогу, сквозь леса на склонах горы, до высокогорных лугов, с которых был виден весь мир. Тут жили птицы-дедушки, которые поэтому так и назывались. Старшие мальчишки сказали Мау, что птицы-дедушки шпионят для Дедушек, и если подойдешь слишком близко к пещере, они спикируют на тебя и выключают тебе глаза. Мау знал, что это неправда, потому что наблюдал за повадками птиц-дедушек. Они не нападали на добычу крупнее мыши, если только поблизости не было пива: боялись, что жертва даст сдачи. Но некоторые люди готовы врать как угодно, лишь бы тебя напугать.

За лугами лежала пещера Дедушек — она располагалась высоко на склоне горы, открытая ветрам и солнечному свету, и оттуда словно наблюдала за всем миром. Дедушки жили за круглой каменной дверью, которую можно было сдвинуть только вдесятером. Человек мог прожить сто лет и лишь несколько раз увидеть, как эту дверь открывают, потому что лишь лучшие из мужчин, лучшие охотники и воины становились Дедушками после смерти.

В тот день, когда Мау увязался за мальчишками, он спрятался в густой листве травяного дерева и стал смотреть, как мальчишки подначивают друг друга подойти поближе, коснуться каменной двери, толкнуть ее... Тут кто-то крикнул: «Слышу!» Мальчишки мгновенно рванули домой, несколько секунд — и они скрылись за деревьями. Мау немножко подождал, но ничего не случилось. Он слез с дерева, подошел к каменной двери и прислушался. Он услышал слабый,

едва уловимый треск, но в этот момент с утеса у него над головой начало тошнить птицу-дедушку (эти твари не просто ели все подряд, они ели все подряд *целиком*, а потом старательно отрыгивали все, что не влезало в глотку, все невкусное и всех, кто просыпался и начинал протестовать). Ничего особенно страшного. Слыханное ли дело, чтобы Дедушки вылезали из пещеры! Этот камень ведь тут не просто так лежит. И *тяжелый* он не без причины. Мау забыл про звук; скорее всего, это какие-нибудь насекомые стрекотали в траве.

В ту ночь, по возвращении в хижину мальчиков, старшие мальчики хвалились перед младшими: рассказывали, как откатали камень в сторону, и как Дедушки повернули им навстречу древние иссохшие лица и попытались встать на крошащиеся ноги, и как мальчики (очень храбро) задвинули громадный камень обратно... в самый последний момент.

А Мау лежал у себя в углу и гадал, сколько раз старшие мальчики рассказывали эту историю за прошедшие сотни лет, чтобы почувствовать себя смельчаками и еще чтобы младшие мальчики видели страшные сны и писались под себя.

Прошло пять лет. Он сидел и вертел в руках серую круглую штуку, на которой раньше лежало манго. Она вроде бы металлическая, но у кого может быть столько металла, что он его тратит на подставки для еды?

На штуке были какие-то знаки, намалеванные полустертой белой краской. Они гласили: «Милая Джуди», но гласили напрасно.

Мау хорошо умел читать *важные* вещи. Он умел читать море, погоду, следы животных, татуировки и ночное небо. В полосках потрескавшейся краски ему читать было нечего. Вот мокрый песок прочитать — много умения не надо. Тварь, у которой на ногах нет пальцев, вышла из нижнего леса и ушла туда же.

Когда-то давно что-то раскололо глыбу острова, и на восточной стороне образовалась низкая длинная долина. Она располагалась не очень высоко над уровнем моря, и земли на ней почти не было. Правда, в ней все равно что-то росло — в любом месте всегда что-нибудь да вырастет.

В нижнем лесу было всегда жарко, сыро и солоно; воздух в нем был застоявшийся, липкий, парной, от которого зудело тело... Мау несколько раз пробирался туда, но там было мало интересного, во всяком случае, на уровне земли. Основные события происходили наверху, в кронах деревьев. Там росли дикие фиги. Но до них могли добраться только птицы. Птицы дрались за лакомые кусочки, отчего на лесную почву непрекращающимся градом сыпались птичий помет и полусъеденные фиги, предоставляя, в свою очередь, пропитание мелким красным крабам, которые сновали по земле и съедали все, что на нее падало. Иногда сюда приходили свиньи — поесть крабов, так что в нижний лес стоило иногда заглядывать. Правда, приходилось быть начеку, потому что сюда порой забредали осьминоги-древотлазы, охотясь за птенцами и всем, что попадется. Когда такой осьминог падает тебе на голову, его очень трудно оторвать. Мау знал: главное, чтобы осьминог не принял тебя за кокосо-

вый орех. Этому учишься очень быстро, потому что у древолазных осьминогов острые клювы¹.

Мау дошел до огромных обломков скалы, лежавших у входа в долину, и остановился.

Здесь что-то вломилось в лес, и это что-то было гораздо большего размера, чем комок птичьего помета или свинья. Волна не могла такого натворить. Что-то огромное промчалось по лесу. Вдаль уходила полоса сломанных деревьев.

И не только деревьев. Оно оставило за собой сокровища. Камни! Серые круглые, коричневые, черные... хорошие твердые камни на острове очень ценились, потому что из местной хрупкой скальной породы невозможно было сделать приличные орудия.

Но Мау поборол искушение и не стал собирать камни прямо сейчас, потому что камни не убегают, и к тому же тут был мертвец. Он лежал прямо у тропы, словно неведомая тварь отшвырнула его, и весь был покрыт маленькими красными крабами, которым сегодня выпал удачный день.

Мау никогда не видел таких людей, но слышал о них. Бледнокожие люди с севера, которые заворачивают ноги в полотно, так что становятся похожи на птиц-дедушек. Они назывались брючниками и были бледные, как привидения. Этот его не испугал — после вчерашнего дня, память о котором с воем рвалась наружу из-за двери, куда Мау их захлопнул и запер.

¹ Осьминог-древолоз (*Octopus Arbori*) водится на острове Рождающегося Солнца в архипелаге Четвертого Воскресенья Великого Поста. Эти осьминоги — чрезвычайно смышленные и хитрые воры. (Прим. автора.)

Это был просто мертвец. Мау его не знал. Человек умер, обычное дело.

Мау не знал также, что ему делать с этим мертвецом, особенно потому, что крабы это очень хорошо знали. Он вполголоса произнес: «Дедушки, что мне делать с брючником?»

Раздался такой звук, словно лес набирал воздуха в грудь, и Дедушки ответили:

— ОН НЕВАЖЕН! ВАЖЕН ТОЛЬКО НАРОД!

Это как-то не очень помогло, и Мау оттащил мертвеца с разбитой тропы поглубже в лес, а маленькие красные крабы решительно последовали за ним. Много лет они довольствовались птичьим пометом и полусъеденными фигами. Они словно говорили: «Да, мы с этим мирились, как положено хорошим крабам, но теперь и на нашей улице праздник».

Дальше у тропы лежал еще один брючник — его тоже уронила неведомая тварь. На этот раз Мау даже не стал задумываться, а просто оттащил его в густой подлесок. Больше он ничего не мог сделать. Он и так в последнее время слишком много ходит по стопам Лоахи. Может быть, крабы доставят душу этого человека обратно в мир брючников, но здесь и сейчас Мау приходится думать о другом.

Что-то вышло из моря на той волне, подумал он. Что-то *большое*. Больше, чем крокодил-парусник¹,

¹ Крокодил-парусник (*Crocodylus porosus maritimus*) до сих пор повсеместно встречается в Пелагическом океане. Он преодолевает огромные расстояния по поверхности моря при помощи огромного «паруса» из хрящей и кожи, которым может, до определенной степени, также и рулить. (Прим. автора.)

больше военного каноя, больше... кита? Да, это мог быть большой кит. Почему бы и нет? Волна зашвырнула огромные обломки скал выше деревни, так что и с китом бы запросто справилась. Да, конечно, это был кит — он бился в лесу, ломая огромным хвостом деревья и медленно умирая под собственной тяжестью. Или очень большой морской спрут, или огромная акула.

Мау должен был убедиться. Нужно выяснить точно. Он огляделся и подумал: «Да, но только не в темноте. Не в сумерках». Утром он вернется сюда с оружием. А до утра тварь, может быть, сдохнет.

Он выбрал пару годных в дело камней из следа, оставленного чудовищем, и сбежал.

А в гуще сломанных, перепутанных деревьев в конце тропы что-то рыдало всю ночь.

Мау проснулся рано. На круглой железной штуке больше не было фруктов, но птица-дедушка с надеждой наблюдала за Мау — вдруг он умер. Когда птица увидела, что Мау зашевелился, она вздохнула и вперевалку зашагала прочь.

«Огонь, — подумал Мау. — Надо развести огонь. А для этого нужно трухлявое дерево». Волна превратила его мешочек с трутом в мокрую кашу, но в горном лесу всегда можно найти трухлявое дерево.

Мау хотел есть, но для этого нужен был огонь. Без огня и копья мужчина — не мужчина, разве не так?

Он положил железную штуку на камень, взятый со следа чудовища, и колотил по ней другим камнем, пока не вышла полоса металла. Она довольно легко гнулась,

но была очень острая. Отличное начало. Потом Мау принялся оббивать один камень другим. Он трудился, пока не выдолбил бороздку, чтобы привязать этот камень к палке бумажной лианой. Он также обернул бумажной лианой один конец нового металлического ножа, чтобы получилось что-то вроде рукоятки.

Когда встало солнце, встал и Мау и взял свою новую дубинку и свой новый нож.

Да! Мужчина, может быть, выкинул бы эти жалкие орудия — зато теперь Мау может убивать. А ведь без этого мужчина — не мужчина, правда же?

Птица-дедушка все еще наблюдала за Мау с безопасного расстояния, но, увидев выражение его лица, торопливо заковыляла прочь и тяжело поднялась в воздух.

Мау направлялся в горный лес, а солнце пекло все сильнее. Он стал вспоминать, когда последний раз ел. Он съел манго, но когда это было? Вспоминать было трудно. Остров Мальчиков отдалился и во времени, и в пространстве. Он исчез. Все исчезло. Народ исчез. Люди, хижины, каноэ — все стерто с лица земли. Они остались только у Мау в голове, как сны, спрятанные за серой стеной...

Он попытался остановить эту мысль, но серая стена треснула, и оттуда вырвались весь ужас, вся смерть, вся тьма. Они наполнили голову Мау и с жужжанием полезли наружу, словно рой насекомых. Все зрелища, которые он от себя прятал, все звуки и запахи ползли и рвались из памяти.

И вдруг ему все стало ясно. Остров, полный людей, не может умереть. А мальчик — может. Да, вот

оно что! Теперь все понятно! Это он умер! А его дух вернулся домой, но не может выглянуть из своего призрачного мира. Он — призрак, да! Его тело осталось на острове Мальчиков! И волны на самом деле не было, это просто Локаха за ним приходил. Все встало на свои места. Он умер на суше, некому было отпустить его в темную воду, и он стал призраком, блуждающей тварью, а люди были повсюду, вокруг него — в стране живых.

Мау решил, что это не так уж плохо. Самое плохое уже случилось. Он не увидит больше свою семью, потому что люди вешают вокруг хижин ловушки для духов, но, по крайней мере, он знает, что его родные живы.

Окружающий мир набрал воздуха в грудь.

— ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ЗАМЕНИЛ ЯКОРЯ БОГОВ?
ПОЧЕМУ ТЫ НЕ СПЕЛ ПЕСНОПЕНИЯ? ПОЧЕМУ
ТЫ НЕ ВОССТАНОВИЛ НАРОД?

Ложбина, где живут птицы-дедушки, поплыла у Мау перед глазами.

— Дедушки, я умер.

— УМЕР? ЕРУНДА. ТЫ НЕДОСТАТОЧНО ХОРОШ,
ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ!

Горячая боль пронзила левую ногу Мау. Он перекатился на бок и заорал. Птица-дедушка, которая тоже решила, что он умер, и потому клюнула его в ногу для проверки, торопливо поскакала прочь. Правда, не ушла далеко — видимо, надеялась, что он вдруг все-таки умрет. По опыту птицы-дедушки, рано или поздно все умирают, главное — дождаться.

«Ну хорошо, я не умер, — подумал Мау, заставляя себя встать. — Я просто смертельно устал». Сон,

полный темных сновидений, — вовсе не сон; все равно что еда из пепла. Нужны огонь и настоящая еда. Все знают, что дурные сны приходят от голода. Мау не хотел, чтобы эти сны опять пришли. Ему снилась темная вода, и в этой воде кто-то за ним гонялся.

Поля занесло песком и грязью, но, что гораздо хуже, волна сломала колючие изгороди, и свиньи явно рылись в полях всю ночь, пока Мау томился в плену собственных снов. Наверное, если рыться в грязи достаточно долго, можно найти то, что они не доели, но мужчина не ест там, где ела свинья.

На острове было много дикорастущей еды: плоды вверх ногами, злополучный корень, стебли маллы, звездчатое дерево, орехи бумажной лианы... Выжить можно, но большую часть этой еды приходится жевать очень долго, а вкус у нее такой, словно ее до тебя уже кто-то ел. Мужчинам полагается есть рыбу или свинину, но вода в лагуне была до сих пор мутная, а свиней Мау после своего возвращения еще ни разу не видел. Они тоже хитрые. Охотнику-одиночке может повезти, если свинья забредет ночью в нижний лес полакомиться крабами, но, чтобы поймать свинью в горном лесу, нужно много охотников.

Войдя в лес, Мау сразу увидел следы. Свиньи всегда оставляли следы. Правда, эти были свежие, так что Мау порылся в земле, чтобы понять, что искали свиньи, и нашел безумные клубни — большие, белые, сочные. Должно быть, свиньи так нажрались на полях, что рылись в земле только по привычке, и у них в желудках не хватило места даже для одного клубня. Но безумные клубни можно есть только жареными.

Если есть их сырыми, сойдешь с ума. Свиньи ели их сырыми, но свиньям, наверное, все равно — сойдут они с ума или нет. Они даже не заметят разницы.

Сухой трухлявой древесины нигде не было. Гнилые ветки валялись повсюду, но они промокли до самой сердцевины. «Кроме того, — думал Мау, нанизывая клубни на кусок бумажной лианы, — я еще не нашел ни огненных камней, ни нормального сухого дерева на огненные палочки».

Дедушка Науи, который не ходил в походы, потому что у него была кривая нога, иногда брал мальчиков с собой в лес — читать следы и охотиться. Он часто говорил про куст бумажной лианы. Эти кусты росли повсюду, их длинные листья были ужасно крепкие, даже когда высыхали до треска. «Возьми продольную полоску бумажной лианы — нужно двое мужчин, чтобы ее разорвать. А сплетишь пять полосок в веревку — и сто человек не разорвут ее. Чем больше они тянут, тем сильнее сплетается веревка и тем крепче она становится. Это Народ».

Мальчишки за глаза смеялись над Науи, над его валкой походкой и не обращали внимания на его рассказы. Разве может хромоногий знать что-то важное? Но они старались не смеяться старику в лицо. Он всегда слегка улыбался, и при взгляде на него становилось ясно, что он про тебя много знает — ты и не догадываешься, как много.

Мау старался не смеяться над Науи, потому что Науи ему нравился. Старик наблюдал за полетом птиц и всегда знал, какое место самое лучшее для рыбалки. Еще он знал волшебные слова, которыми можно

отогнать акулу. Но его, когда он умер, не высушили тщательно в песке и не отнесли в пещеру Дедушек, потому что он родился с плохой ногой, а значит, боги его проклинали. Науи мог по виду вьюрка определить, на каком острове тот родился; он наблюдал, как пауки плетут паутину, и видел то, чего другие не замечали. Мау думал об этом и недоумевал: зачем какому-то богу понадобилось проклинать такого человека? Он ведь родился с такой ногой. Чем мог новорожденный младенец прогневить богов?

Как-то раз Мау набрался храбрости и спросил. Науи сидел на камнях и строгал что-то, время от времени поглядывая на море. Он взглянул на Мау, давая понять, что не возражает против его общества.

Выслушав вопрос, старик расхохотался.

— Мальчик, это подарок, а не проклятие, — сказал он. — Когда многое утеряно, что-то да вернется. Раз у меня никуда не годная нога, мне пришлось обзавестись умной головой! Я не могу гоняться за добычей, поэтому я научился наблюдать и ждать. Я делюсь с вами, мальчишками, своими секретами, а вы надо мной смеетесь. Скажи, я хоть раз возвращался с охоты с пустыми руками? Я думаю, что боги посмотрели на меня и сказали: «Он у нас умник, а? Давайте искривим ему одну ногу, тогда он не сможет быть воином и ему придется сидеть дома с женщинами». Можешь мне поверить, мальчик, это очень завидная судьба. И я благодарю богов.

Мау был в ужасе. Ведь каждый мальчик мечтает стать воином, правда же?

— Ты *не хотел* быть воином?!

— Нет, никогда. Женщине нужно девять месяцев, чтобы сделать нового человека. Зачем портить ее труды?

— Но ведь тогда тебя после смерти не положат в пещеру и ты не сможешь вечно наблюдать за нами!

— Ха! Я на вас уже насмотрелся. Я люблю свежий воздух, знаешь ли. Стану дельфином, как все. Буду наблюдать коловращение небес и гоняться за акулами. А еще я думаю, что, поскольку все великие воины будут заперты в пещере, самок дельфинов будет намного больше, чем самцов, и эта мысль мне приятна.

Он подался вперед и заглянул в глаза Мау.

— Мау, — сказал он. — Да, я тебя помню. Ты всегда плетешься в хвосте. Но я вижу, ты умеешь думать. Очень немногие люди думают, то есть *на самом деле* думают. Большинство только думают, что думают. И когда мальчишки смеялись над старым Науи, ты не хотел смеяться вместе с ними. Но все равно смеялся, чтобы быть как все. Я прав, да?

Как он заметил? Но отрицать нет смысла, особенно когда светлые глаза видят тебя насквозь.

— Да. Прости меня, пожалуйста.

— Молодец. А теперь, раз я ответил на твои вопросы, ты мне кое-что должен.

— Ты хочешь, чтобы я сбегал и что-нибудь принес? Или я могу...

— Я хочу, чтобы ты для меня кое-что запомнил. Ты слышал, что я знаю заклинание, отгоняющее акул?

— Люди так говорят, но они над этим смеются.

— О да. Но оно работает. Я пробовал три раза. Первый — когда открыл это заклинание, в тот раз,

когда акула собиралась откусить мне здоровую ногу; потом попробовал с мяса, чтобы проверить — может, в первый раз мне просто повезло. А потом как-то раз я поплыл в море с рифа и отогнал акулу-молот.

— Ты что, специально *искал* акулу? — спросил Мау.

— Да. И нашел. Довольно большую, насколько я помню.

— Но она могла тебя съесть!

— О, я и с копьём неплохо управляюсь, а мне нужно было выяснить правду, — ухмыльнулся Науи. — Например, кто-то должен был первым съесть устрицу. Посмотреть на половинку раковины, полную соплей, и набраться храбрости.

— Но почему не все знают?

Постоянная улыбка Науи слегка увяла.

— Я ведь странноватый, разве не так? И жрецы меня не очень любят. Если бы я всем рассказал и кто-нибудь погиб, боюсь, мне плохо пришлось бы. Но кто-то должен знать. А ты — мальчик, задающий вопросы. Только не пользуйся этим заклинанием, пока я жив, хорошо? Конечно, кроме тех случаев, когда тебя соберется съесть акула.

И в тот день, на скалах, пока закат рисовал красную дорожку поперек моря, Мау научился акульему заклинанию.

— Это трюк! — воскликнул он, не подумав.

— Потише, — прикрикнул Науи, оглянувшись на берег. — Конечно, это трюк. Построить каноэ — это тоже трюк. Бросить копьё — трюк. Вся жизнь — трюк, и у тебя не будет другого шанса ему научиться. Теперь

ты знаешь еще один трюк. Если когда-нибудь он спасет тебе жизнь, поймай большую рыбу и брось первому встречному дельфину. Если повезет, это буду я!

А теперь от старика и его ноги осталось одно воспоминание, как и от всех остальных людей, которых Мау когда-либо знал. Это давило такой тяжестью, что Мау хотелось кричать. Мир опустел.

Он посмотрел на свои руки. Он сделал дубинку. Орудие? Зачем? Почему с орудием он чувствует себя лучше? Но он должен выжить. Да! Если он умрет, получится, как будто Народ никогда не существовал. Островом завладеют птицы-дедушки и красные крабы. Некому будет даже сказать, что когда-то здесь кто-то был.

Над головой захлопали крылья. Птица-дедушка приземлилась в косматую крону травяного дерева. Мау это знал, хотя и не мог видеть через сплетение лиан: птицы-дедушки были очень неуклюжи и не опускались, а медленно плюхались на землю. Птица запрыгала вокруг дерева, ворчливо повторяя «наб-наб», потом раздался знакомый звук отпрыгивания, и дождь мелких косточек обрушился на лесную почву.

Дерево затряслось — это птица-дедушка опять взлетела. Она вылетела на открытое пространство, увидела Мау, решила понаблюдать за ним на случай, если он вздумает умереть, и тяжело приземлилась на сук дерева, едва заметный в сплетении лиан-душителей.

Секунду мальчик и птица смотрели друг на друга. Сук треснул.

Птица-дедушка хрипло крикнула, взлетела раньше, чем гнилое дерево ударилось о землю, и исчезла

в подлеске, хлопая крыльями и оскорбленно вопя. Мау не обратил внимания. Он смотрел на облачко тонкой желтой пыли, поднимающееся над упавшим суком. Это была мелкая, как пыль, труха, которая получается, когда из-за термитов и гнили в ветке мертвого дерева образуется полость. А эта ветка была высоко над землей и не намокла. Труха походила на пыльцу. Для разведения костра лучше не придумаешь.

Мау отломил от сука самый большой кусок, какой только мог унести, и пошел с горы вниз.

Свиньи опять рылись на полях, но некогда было их отгонять. «Одно волокно бумажной лианы скоро порвется, — думал он, — а пять сплетенных вместе — крепки. Это нужно знать, и это правда. Беда в том, что я — одно-единственное волокно».

Он остановился. Он пошел обратно другой тропой, покруче, которая вела в дере... к месту, где раньше была деревня. Волна и здесь прокатилась через остров. Деревья были поломаны, и воняло водорослями. Но по ту сторону поломанных деревьев был утес, нависавший над нижним лесом.

Мау осторожно запрятал клубни и трухлявый сук в гущу травы и стал пробираться через путаницу лиан и ветвей на краю утеса. На утес нетрудно было залезть, и слезть по нему нетрудно — Мау это и раньше проделывал. Камень оброс огромным количеством корней, лиан и ползучих растений, а почва и старые птичьи гнезда становились пищей для любого принесенного ветром семечка. Утес больше напоминал вертикально стоящий луг, заросший цветами. Бумажные лианы тут тоже росли. Бумажные лианы росли везде.

Мау срезал кусок, чтобы сделать петлю на запястье для своей дубинки, и пробормотал запоздалые слова благодарности Женщине — Бумажной Лиане за ее прочные, надежные волосы.

Затем он протиснулся к краю утеса и отодвинул в сторону купу орхидей.

Внизу стелился туман, но след, пропаханный чудовищем в лесу, был хорошо виден — белый шрам в полмили длиной. Он кончался у группы фиговых деревьев, которые росли в самой высокой части нижнего леса. Деревья были огромны. Мау их хорошо знал. Стволы опирались на огромные комли, которые, казалось, уходили вниз к самым корням мира. Они остановили бы что угодно. Но Мау не видел, что именно они остановили — мешали испарения и распростершиеся кроны.

Зато он услышал голос. Очень слабый. Он доносился откуда-то снизу. Это было немножко похоже на пение, но не очень. На слух Мау оно звучало как «на, на, на».

Но это был человеческий голос. Может, еще один брючник? Голос был писклявый. А бывают женщины-брючники? А может, это призрак? Там теперь, должно быть, куча призраков.

Времени было чуть за полдень. Если это призрак, он сейчас очень слаб. Мау — Народ. Он должен что-то сделать.

Он полез вниз по утесу. Это было достаточно просто, несмотря даже на то, что ему приходилось соблюдать тишину, хотя птицы все время вспархивали вокруг. Он дрожал. Он не умеет плести ловушки для призраков. Это женская работа.

Звуки, похожие на пение, продолжались. Может, это и правда какой-то призрак. Птицы так орали, что любой живой человек, конечно же, сделал бы перерыв и пошел бы посмотреть, что там такое.

Ноги Мау коснулись мешанины из каменной крошки и древесных корней, устилавшей землю в нижнем лесу. Мау бесшумно заскользил среди деревьев, с которых капало.

— На, на, на — звяк! На, на, на — звяк!

Похоже на удары металла. Мау схватил дубинку обеими руками.

— ...в смятении даруешь покой... — звяк!

— ...на море гибнущих в борьбе... — звяк!

— ...услышь взывающих к Тебе... — бряк!

— ...черт!

Мау выглянул из-за комля гигантского фигового дерева.

Зрелище было необыкновенное.

Тут действительно что-то разбилось, но оно было не живое. Что-то вроде гигантского каноэ. Оно застряло между двумя древесными стволами, заваленное интересными обломками, которые стоили того, чтобы их исследовать — только сейчас было некогда. В боку зияла большая дырка, это из нее выпали камни. Но это все был фон. Гораздо ближе к Мау, с ужасом глядя на него, стояла девочка. Во всяком случае, он решил, что это девочка. Конечно, она была такая бледная, что вполне могла оказаться призраком.

И брючником. Брюки были белые и пышные, как покрытые перышками ноги птицы-дедушки. Кроме этого на девчонке было что-то вроде юбки, сейчас

подоткнутой у пояса. Волосы блестели на солнце. Она плакала.

Еще она пыталась копать землю какой-то странной штукой вроде плоского копья, блестящей, как металл. Очень глупо: лесная почва — сплошные корни и камни, и рядом с девчонкой уже лежала кучка камней. И еще что-то лежало — большой сверток. «Должно быть, я слишком долго ходил по стопам Лоахи, — подумал Мау, — потому что я знаю: там мертвец. А эта призрачная девчонка являлась мне в кошмарах».

Я не один.

Девчонка уронила плоское копье и быстро подняла какой-то другой предмет, тоже сверкавший металлическим блеском.

— Я... я умею этим пользоваться! — очень громко закричала она. — Только сделай шаг, и я нажму на спуск, обещаю!

Металлическая штука плясала у нее в руках.

— Не думай, что я тебя боюсь! Я не боюсь! Я тебя и раньше могла убить! Я тебя пожалела, но это не значит, что тебе можно сюда приходить! Скоро мой папа за мной приедет!

Похоже, она очень волнуется. Мау решил, что она хочет отдать ему эту металлическую штуку. Девчонка так держала ее двумя руками и так махала ею, что стало ясно: она этой штуки страшно боится.

Он протянул руку. Девчонка завизжала, отвернулась, что-то щелкнуло, из одного конца металлической штуки вылетел фонтан искр, а из другого конца очень медленно выкатился маленький круглый шарик

и упал в грязь, девчонке под ноги. Мау с благоговейным ужасом понял, что у нее на ногах какие-то... штуки; они выглядели как черные стручки, и на них *не было пальцев*.

Девчонка смотрела на него круглыми от ужаса глазами.

Мау осторожно забрал металлическую вещь, а девчонка отскочила к борту каноэ и прижалась к нему, как будто это Мау был призраком.

Металл вонял горько и омерзительно, но это было неважно. Эта штука делает искры. А Мау знал, зачем нужны искры.

— Благодарю тебя за дар огня, — произнес он, подобрал свой топор и обратился в бегство, пока девчонка не сделала с ним чего-нибудь ужасного.

На пляже, среди мешанины обломков Мау склонился над своей работой. Трухлявый сук был только началом. Кроме этого Мау прочесал лес в поисках сухих веточек и коры. Их всегда можно было найти, даже после сильного дождя, и Мау аккуратно рассортировал добычу на маленькие кучки — от травы до довольно толстых веток. Он сложил кучку из скомканной сухой коры бумажной лианы, добавил древесной трухи и очень осторожно взял в руки вещь, которая делала искры.

Если оттянуть назад вот этот кусок металла с верхней стороны, пока он не щелкнет, а потом потянуть за кусок металла снизу и позаботиться, чтобы пальцы не оказались на пути — во всяком случае, во второй раз, — тогда что-то вроде металлического когтя

царапает темный камень, расположенный в глубине металлической штуки, и рождаются искры.

Он попробовал еще раз, держа делатель искр почти вплотную к кучке трухи, и задержал дыхание: несколько искр упало на тонкую пыль, оставив черные следы.

Мау подул на кучку, прикрыл ее ладонями, и к нему поднялась тонкая струйка дыма. Мау продолжал дуть, и на свет с треском родился язычок пламени.

Началось самое трудное. Мау осторожно подбрасывал в огонек топлива, подкармливая его травой и корой и ожидая, когда огонь будет готов к первой ветке. Каждое движение было продуманным, потому что огонь очень легко спугнуть. Только когда пламя уже трещало, шипело и плевалось, Мау рискнул положить в него первую тонкую веточку. На миг он испугался, что огонь вот-вот подавится ею, но языки пламени тут же взмыли опять и вскоре запросили еще. Ну, в топливе недостатка не было. Поломанные деревья валялись повсюду. Мау подтащил их к огню, и когда вода из них выкипала, они вспыхивали одно за другим. Мау подкинул еще дерева, в воздух полетели искры и пар. Тени скакали и плясали на песке, и пока огонь горел, он создавал ощущение жизни.

Через некоторое время Мау выкопал ямку на краю костра, закопал безумные клубни, так, чтобы они только-только покрылись песком, и нагреб сверху пылающих углей.

Потом он лег у костра. Когда он в последний раз сидел у костра здесь, дома? Воспоминания вернулись, захлестнули его, и Мау не успел их остановить.

Это было, когда он в последний раз ел как мальчик, вместе со всей семьей, а по традициям Народа вся семья — почти то же самое, что весь Народ. Мау ел в последний раз, потому что следующий раз он поест на острове Мальчиков, уже как мужчина, который больше не живет в хижине для мальчиков, а спит в доме для неженатых мужчин. Он ел мало — был слишком возбужден. И испуган тоже, потому что в голове у него только начала укладываться мысль: все происходящее касается не только его, но и его семьи. Если он вернется готовый к татуировкам, положенным мужчине, и, конечно, к... тому, что делают ножом, и при этом нельзя кричать, это будет торжество и его семьи тоже. Это будет означать, что его правильно воспитывали и он научился, Чему Положено.

Костер потрескивал, дым и пар поднимались вверх, в темноту, и Мау увидел в свете огня своих родных: они наблюдали за ним и улыбались ему. Он закрыл глаза и постарался отогнать толпу воспоминаний.

Отправил ли он в темные воды кого-то из своих родных, когда шел по стопам Лоахи? Может быть. Но этих воспоминаний у него не было. Он лежал, скрюченный в сером теле Лоахи-Мау, пока часть его передвигалась туда и обратно, делая то, что нужно, отпуская мертвецов в море, чтобы они стали дельфинами, а не пищей для свиней. Надо было спеть погребальную песню, но его никто не научил словам, так что он просто выпрямлял руки и ноги тел, насколько мог. Может быть, он видел их лица, но та часть его, что видела, умерла. Он попробовал вспомнить лицо своей матери, но ничего не видел перед собой, кроме

темной воды. Зато он слышал голос матери — она пела песню про бога огня и про то, как Женщине — Бумажной Лиане надоело, что бог огня преследует ее дочерей, и она связала его огромными жгутами лианы; младшая сестра Мау на этом месте всегда смеялась и начинала гоняться за ним со жгутами... Но волна прошла по душе Мау, и он очень обрадовался, что она смыла это яркое воспоминание.

Он чувствовал, что у него внутри дырка чернее и глубже темного течения. Все исчезли. Все было не на своих местах. Он был здесь, на безлюдном берегу, и ему ничего не шло на ум, кроме глупых детских вопросов... Почему все кончается? А как все начинается? Почему хорошие люди умирают? Чем занимаются боги?

Это было трудно, потому что мужчинам в числе прочего Положено не задавать глупых вопросов.

И вот маленький синий краб-отшельник вылез из своей раковины и бежит по песку, ища новую, но ее нигде не видно. Бесплодный песок простирается во все стороны, и остается только бежать...

Мау открыл глаза. Остались только он и девчонка-призрак. Настоящая ли она? А сам-то он **настоящий** Интересен, это глупый вопрос или нет?

Сквозь песок просочился запах клубней. Желудок подсказал Мау, что, по крайней мере, еда настоящая, и Мау обжег пальцы, выкапывая клубни из песка. Один подождет до завтра. Второй клубень Мау разломал пополам и погрузил лицо в пышную, хрустящую, горячую, ароматную мякоть. И уснул с набитым ртом, а тени все водили хороводы вокруг костра.

Глава 3

ТРОПИЧЕСКАЯ ЛИХОРАДКА

Во тьме, в останках «Милой Джуди» вспыхнула спичка. После некоторого звяканья и скрежета зажглась наконец и лампа. Лампа была цела, но приходилось экономить керосин, потому что запасов керосина не нашлось. Скорее всего, они были в самом низу. Кажется, абсолютно *все* было в самом низу. Хорошо, что она успела обернуться матрасом до того, как «Милая Джуди» поплыла через лес. Она по гроб жизни не забудет треск и вопли. Она слышала, как расселся корпус корабля и треснули мачты, а потом услышала тишину, и это было хуже всего.

Она выбралась наружу, в парное утро, полное птичьих песен. Большая часть «Джуди» была раскидана по тропе за спиной, а в голове билось одно: «Тропическая лихорадка».

Это такое особенное безумие, которое нападает на человека в жару. Про эту болезнь ей рассказал первый помощник Кокс — наверное, хотел напугать. Это на него похоже. «Моряки заболевают тропической лихорадкой, если на море слишком долго царит штиль, — сказал Кокс. — Тогда они смотрят за борт и видят не океан, а прохладные зеленые поля. Моряки прыгают в эти поля и тонут». Первый помощник Кокс рассказывал, что видел, как взрослые люди это такое проделывали. Спрыгнут на поросший ромашками луг и утонут, или, как выражался Кокс, утопнут. Небось сам их сталкивал.

Вот и она спрыгивает с борта корабля прямо в зеленые джунгли. Это было в чем-то противоположно безумию. Она была совершенно уверена, что она в своем уме, это мир сошел с ума. На тропе валялись мертвые тела. Ей и раньше приходилось видеть покойников, когда ее дядя сломал шею на охоте, и еще был тот ужасный случай с хлебоуборочной машиной. Она убедилась, что Кокчика среди этих мертвецов нету, и устыдилась своей радости. Она быстренько прочитала молитву над усопшими, побежала назад на корабль, и там ее стошнило.

Среди хаоса, царившего в некогда аккуратной каюте, она нашла свой ящик с письменными принадлежностями. Примостила его на коленях, открыла, вытащила одну из пригласительных карточек с золотым обрезом, полученных на день рождения, и задумчиво уставилась на нее. Согласно книге о правилах хорошего тона (тоже подарок на день рождения), если девушка приглашает молодого человека в гости,

при этом должна присутствовать дуэнья, а ей некого было попросить — разве что бедного капитана Роберта. Он настоящий капитан, а это чего-нибудь да стоит, но, к несчастью, он мертв. С другой стороны, в книге не сказано, что дуэнья обязательно должна быть живая — сказано только, что она должна присутствовать. Как бы там ни было, за койкой до сих пор спрятан острый мачете. С тех пор как на борту появился первый помощник Кокс, путешествие стало не слишком приятным.

Она посмотрела на покрытый одеялом предмет в углу. Под одеялом кто-то бормотал, не переставая. Нельзя снимать одеяло, а то он опять начнет ругаться. Некоторые из этих слов респектабельная молодая особа даже знать не должна. Впрочем, слова, значения которых она не знала, беспокоили ее еще больше.

Она знала, что несправедливо обошлась с мальчиком. Нельзя стрелять в людей, особенно если вы друг другу не представлены, а ведь порох оказался мокрым только волей Провидения. Она просто ударила в панику, а ведь мальчик так тяжело работал, хороня этих несчастных в море. Но, по крайней мере, ее отец жив, он будет ее искать и найдет, хотя на островах Четвертого Воскресенья Великого Поста ему придется обыскать больше восьмисот мест.

Она обмакнула перо в чернила, вычеркнула адрес в верхней части карточки: «Правительственная резиденция, Порт-Мерсия» и аккуратно вписала пониже: «Развалины “Милой Джуди”».

Пришлось внести и другие изменения. Создатель этих карточек явно не предполагал возможности при-

глашать в гости человека, имени которого ты не знаешь, который живет на пляже, практически не одет и почти наверняка не умеет читать. Но она постаралась заполнить обе стороны карточки¹, а потом подписалась: «Эрминтруда Фэншоу (достопочтенная мисс)» и сразу пожалела об этом, особенно насчет Эрминруды.

Потом надела большой клеенчатый плащ, принадлежавший бедному капитану Робертсу, засунула в карман последнее манго, взяла саблю, сняла с крюка лампу и вышла в ночь.

Мау проснулся. В голове раздавались вопли Дедушек. Костер превратился в алую светящуюся кучу.

— ВОССТАНОВИ ЯКОРЯ БОГОВ! КТО ОХРАНЯЕТ НАРОД? ГДЕ НАШЕ ПИВО?

«Не знаю, — подумал Мау, глядя на небо. — Пиво делали женщины. Я не умею его делать».

Он же не может пойти в Женскую деревню. Он уже там был — заглядывал, хотя мужчинам туда нельзя, а женщинам нельзя в долину Дедушек. Случись такое, это был бы конец всему, настолько эти правила важны.

Мау моргнул. Все уже и так кончилось, куда же больше? Людей больше нет, так какие могут быть правила? Правила же не могут сами по себе плавать в воздухе!

Он встал и заметил золотой блеск. В обломок дерева был всунут белый прямоугольник, а на песке опять

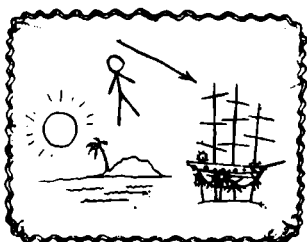
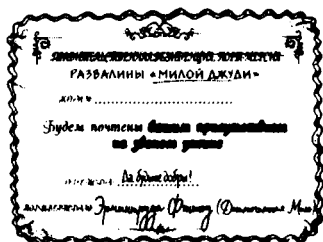
¹ В графе «Одежда» она написала: «Да, будьте добры». (Прим. автора.)

отпечатались ступни без пальцев. Рядом с обломком дерева лежало очередное манго.

Она тут ходит украдкой, пока я сплю!

На белом прямоугольнике были бессмысленные значки, зато на обратной стороне — картинки. Мау знал, что такое послания, и разгадать это послание оказалось нетрудно.

«Когда солнце будет как раз над последним деревом, оставшимся на островке Малый Народ, ты должен бросить копье в большое разбитое каное», — произнес он вслух. В этом не было никакого смысла, и в призрачной девчонке — тоже. Но она дала ему штуку, которая делает искры, хоть и очень боялась. Он тоже боялся. Что полагается делать с девчонками? Мальчишкам следует держаться от них подальше, но он слышал, что мужчины получают на этот счет другие инструкции.

А что до Дедушек и якорей богов, их он вообще не видел. Это были большие камни, но волне оказалось все равно. Знают ли боги? Может, их тоже смыло? Это слишком сложные вопросы, о них трудно думать. Пиво проще, но ненамного.

Пиво делали женщины, и Мау знал, что перед пещерой Дедушек стоит большая чаша, куда ежедневно возливается жертвенное пиво. Он это знал, просто хранил этот факт у себя в голове, но теперь у него начали возникать вопросы. Зачем мертвым пиво? Ведь оно... протечет насквозь? А если не они его пьют, то кто? И не будет ли у него неприятностей просто за то, что такие вопросы приходят ему в голову?

Неприятностей — от кого?

Он вспомнил, как ходил в Женскую деревню, когда был совсем маленький. Лет с семи или с восьми его там уже не привечали. Женщины отгоняли его или прекращали свои занятия и сверлили его взглядом, дожидаясь, чтобы он ушел. Особенно старухи. Они умели так посмотреть, что тебе страшно хотелось очутиться где-нибудь в другом месте. Один старший мальчик сказал ему, что старухи знают волшебные слова, от которых у мальчика может отвалиться набабука. После этого Мау держался подальше от Женской деревни, и она стала для него как луна: он знал, где она, но даже не думал о том, чтобы там оказаться.

Ну что же, старух больше нет. Мау об этом пожалел. Теперь он может делать что угодно, и его никто не остановит. Об этом он тоже пожалел.

Тропа к Женской деревне ответвлялась от тропы, ведущей в лес, шла под гору к юго-востоку и вниз, к узкому руслу, проточенному дождями. В конце тропы стояли два больших камня, выше человеческого роста, заляпанные красной краской. Это был единственный вход — тогда, когда еще существова-

ли правила. Мау отодвинул куст терновника у входа и пролез внутрь.

Вот она, деревня, круглая чаша долины, наполненная солнечным светом. Плотные стоящие деревья загораживали ее от ветра, а кусты терна и можжевельника, растущие между ними, сплелись так тесно, что в долину никто не проник бы — разве что змея. Сегодня у долины был такой вид, словно она уснула. Мау слышал море, но словно где-то очень далеко. Журчал ручеек, который стекал тоненькой струйкой со скалы с одной стороны чаши, наполнял углубление, служившее местом для купания, и терялся среди садов.

Народ растил главный урожай на большом поле. Там можно было найти ахаро, табор, бумеранговый горох и черную кукурузу. Там мужчины растили то, без чего нельзя было жить.

В садах Женской деревни женщины растили то, что делало жизнь приятной, сносной и более продолжительной: пряности, фрукты, жевательные корни. Женщины умели сделать так, чтобы зерна и овощи были крупнее или вкуснее. Женщины выкапывали или выменивали растения и приносили сюда. Они знали секреты семян, стручков и всякого такого. Здесь они выращивали розовые бананы, необыкновенные овощные бананы и ямс, в том числе прыгучий ямс. Еще они растили здесь лекарственные растения. И детей.

Там и сям по краям садов были разбросаны хижины. Мау осторожно приближался к ним. Ему становилось все больше не по себе. Кто-нибудь должен

был бы закричать на него, какая-нибудь старуха должна была бы указать на него пальцем и начать бормотать заклинания, а он должен бы сейчас бежать отсюда со всех ног, прикрывая пах ладонями, сложенными ковшиком, — так, на всякий случай. Все, что угодно, было бы лучше этого пустого, солнечного безмолвия.

«Значит, правила никуда не делись, — подумал он. — Я принес их с собой. Они у меня в голове».

В некоторых хижинах стояли корзины, и связки корней свисали с потолка, подальше от любопытных пальчиков. Это были корни маниоки. Про них дети узнавали очень рано. Из этих корней выходило самое лучшее пиво, а кроме того, они могли убить человека на месте. А секретным ингредиентом, определяющим результат, была песенка, которую знали все.

В хижине у ручья Мау нашел то, что искал. Целый чан рубленых корней. Они тихо шипели и пузырились сами по себе, накрытые охапкой пальмовых листьев. Острый запах, от которого колело в носу, наполнял хижину.

Сколько пьют покойники? Мау набрал калebas. Должно хватить. Он наливал очень осторожно, так как пиво на этой стадии крайне опасно, и, закончив, помчался прочь, пока призраки его не поймали.

Он добежал до долины Дедушек, даже не очень много разлив по дороге, и вывернул содержимое калebasа в большую каменную чашу перед закрытой камнем пещерой. На искривленных узловатых деревьях сидели две птицы-дедушки и сторожко наблюдали за ним.

Он плюнул в чашу, и пиво словно закипело. Большие желтые пузыри поднимались на поверхность и лопались.

Он запел. Простую песенку про четырех братьев, сыновей Воздуха, которые в один прекрасный день решили обежать наперегонки вокруг огромного брюха своего отца, чтобы решить, кто из них будет ухаживать за женщиной, живущей на Луне. Потом в песенке рассказывалось о подвохах, которые братья устраивали друг другу, чтобы прибежать первыми. Эту песенку даже младенцы знали. Все ее знали. И почему-то она обращала яд в пиво. Честное слово.

Пиво пенилось в чаше. Мау следил за большим круглым камнем — так, на всякий случай, но Дедушки, наверное, умели пить пиво прямо из мира духов.

Он пропел всю песню, стараясь не пропустить ни одного куплета, особенно того, который получался очень смешным, если делать правильные жесты. К тому времени, когда он закончил, пиво стало прозрачным, и золотые пузырьки поднимались на поверхность. Мау отхлебнул, чтобы проверить. Сердце не остановилось после первого же удара, а это значило, что пиво, скорее всего, в порядке.

Он отступил на несколько шагов и сказал, обращаясь к открытому небу:

— Дедушки, вот ваше пиво!

Ничего не случилось. Конечно, нехорошо так думать, но они могли бы и «спасибо» сказать.

Потом мир втянул воздух и выдохнул слова:

— ТЫ НЕ СПЕЛ ЗАКЛИНАНИЕ!

— Я спел песню! Это хорошее пиво!

— МЫ ГОВОРИМ ПРО ЗАКЛИНАНИЕ, СОЗЫВАЮЩЕЕ НАС К ПИВУ!!!

Еще пара птиц-дедушек плюхнулась на близстоящие деревья.

— Я даже не знал, что такое существует!

— ТЫ ЛЕНИВЫЙ МАЛЬЧИШКА!

Мау схватился за эти слова.

— Вот именно! Я еще мальчик! Некому меня научить! Вы можете...

— ТЫ ИСПРАВИЛ ЯКОРЯ БОГОВ?

И голоса умолкли, остались только вздохи ветра.

Пиво с виду хорошее. Зачем ему заклинание? Мать Мау варила хорошее пиво, и люди сами приходили.

На край пивной чаши, хлопая крыльями, приземлилась птица-дедушка и окинула Мау взглядом, говорившим: «Если ты собираешься умирать, то поторопись. А если нет, то иди отсюда».

Мау пожал плечами и пошел прочь. Но спрятался за дерево, а уж прятаться он умел. Может, большой круглый камень и правда откатится?

Прошло совсем немного времени, и к каменной чаше слетелось еще несколько птиц-дедушек. Они некоторое время ссорились, а потом, прерываясь время от времени на очередную короткую стычку, принялись серьезно пьянствовать, качаясь взад-вперед (потому что именно так двигаются птицы, когда пьют), потом — качаясь назад и вперед, и еще дальше вперед, и часто падая (потому что именно так передвигаются птицы, когда выпьют свежего пива). Одна птица поднялась в воздух и задом наперед улетела в кусты.

Мау в раздумьях пошел обратно на пляж, остановившись по дороге, чтобы вырезать в лесу копье. На берегу он заострил копье и обжег острие на огне для прочности, время от времени поглядывая на солнце.

Все это он делал медленно, потому что голова его заполнялась вопросами. Они вылезали из черной дырки у него внутри так быстро, что трудно было думать отчетливо. Скоро ему придется встретиться с призрачной девчонкой. Это будет... непросто.

Он опять посмотрел на белый прямоугольник. Блестящий металл по краю был мягкий и бесполезный, и его легко было соскрести. Что же до картинки — а вдруг это какое-то колдовство или амулет вроде голубой бусины? Что толку бросать копье в большое каное? Это же не добыча, его не убьешь. Но призрачная девчонка была единственным, кроме Мау, человеком на острове, и, что ни говори, она дала ему штуку, которая делает искры. Эта штука ему больше не нужна, но все равно это замечательная вещь.

Когда солнце приблизилось к островку Малого Народа, Мау прошел по пляжу и вошел в нижний лес.

Даже по запаху можно было определить, что тут все растет изо всех сил. Обычно здесь царила полутьма, но большое каное оставило широкий след, и дневной свет лился на клочки земли, которые не видели его веками. Шла борьба за место под солнцем. Новые зеленые ростки яростно тянулись к небу, разворачивались петельки стеблей, лопались семена. Лес отвечал на прошедшую по нему волну своей собственной, зеленой волной: через полгода никто даже не догадается, что тут произошло.

Мау замедлил шаг при виде разбитого большого каноэ, но там никто не двигался. Нужно быть чрезвычайно осторожным. Ошибиться очень легко.

Ошибиться очень легко.

Она ненавидела имя Эрминтруда. Точнее, ненавидела «труду». «Эрмин» звучало совсем неплохо. Труди тоже неплохое имя, но бабушка сказала, что оно звучит «легкодоступно», не объяснив, что это значит, и запретила ей так себя называть. Даже Гертруда — и то лучше. Конечно, в нем все еще остается «труда», но одну из принцесс королевского дома звали Гертрудой, и газеты называли ее принцессой Герти, а девушка с таким именем, наверное, получает хоть какое-то удовольствие от жизни.

«А вот Эрминтруда, — думала она, — как раз подходящее имя для девушки, способной пригласить молодого человека на чай и все испортить». Угольная печка по-прежнему дымила, мука, из которой Эрминтруда пыталась испечь кексы, ужасно пахла из-задохлого омара, которого держали в бочонке. И еще у нее было стойкое ощущение, что мука не должна двигаться сама по себе. Эрминтруде удалось открыть последнюю жестянку «Патентованного вечного молока доктора Паундбери», на которой было написано, что молоко и через год сохранит тот же вкус, что и в день, когда его законсервировали. Это была, по всей видимости, правда. К сожалению. Молоко пахло так, как будто в нем утонули мыши.

Если бы только ее учили как следует! Если бы кто-нибудь потратил хотя бы полдня, чтобы об-

учить ее разным полезным вещам на случай, если ее когда-нибудь выбросит на необитаемый остров! Ведь это с кем угодно может случиться! Даже пара советов по выпечке оказалась бы нелишней. Но нет, бабушка утверждала, что настоящая леди не должна поднимать ничего тяжелее зонтика, и, уж, конечно, нога ее не должна ступать в кухню — за исключением случаев, когда нужно изготовить «экономичный благотворительный суп для достойных бедняков», а бабушка считала, что достойных бедняков не так уж и много.

— Никогда не забывай, — повторяла бабушка (чересчур часто), — стоит всего ста тридцати восьми людям умереть, и твой отец станет королем! А значит, в один прекрасный день ты можешь стать королевой!

Это говорилось с таким выражением лица, словно бабушка сама планировала все сто тридцать восемь убийств. Даже при поверхностном знакомстве с ней становилось ясно, что она вполне способна их организовать. Конечно, это были бы очень вежливые убийства. Никаких крайностей с кинжалами и пистолетами. Все будет элегантно и тактично. В одном месте камень или кирпич упадет со свода особняка... в другом — кто-то поскользнется на обледенелой поверхности крепостной стены в родовом замке... Подозрительное бланманже на дворцовом банкете (ведь мышьяк так легко перепутать с сахаром!) поможет избавиться сразу от нескольких человек... Наверное, бабушка все же не зашла бы так далеко. Но она все равно жила в надежде и готовила внучку к роли ко-

ролевы, то есть следила, чтобы ее ни в коем случае не учили ничему хоть сколько-нибудь полезному.

И вот теперь она с этим дурацким именем пытается приготовить пятичасовой чай в развалинах кораблекрушения посреди джунглей! Ну почему такая возможность никому не пришла в голову?

И к тому же молодой человек был из тех, кого бабушка звала дикарями. Но он был совсем не дикий. Она смотрела, как он хоронил всех этих людей в море. Он очень бережно поднимал их — даже собак. Он это делал совсем не так, как выбрасывают мусор. Ему было не все равно. Он плакал настоящими слезами, но ее не видел, даже когда она вставала прямо перед ним. Только один раз он попытался разглядеть ее сквозь слезы, но потом обошел ее и продолжил свою работу. Он работал так осторожно и нежно — трудно было поверить, что он дикарь.

Она вспомнила, как первый помощник капитана Кокс стрелял в обезьян из пистолета, когда «Джуди» встала на якорь в дельте реки в Керамическом море. Он хохотал каждый раз, когда бурое тельце падало в воду — особенно если зверек был еще жив, когда до него добирались крокодилы.

Она закричала, чтобы он перестал, а он расхохотался, и капитан Робертс пришел из рулевой рубки, и был ужасный скандал, и с тех пор дела на «Милой Джуди» пошли совсем плохо. Но как раз перед тем, как Эрминтруда отправилась в свое кругосветное путешествие, в газетах много писали про мистера Дарвина и его новую теорию, что далеким предком людей было существо, похожее на обезьяну. Эрминтруда не

знала, правда ли это, но в глазах первого помощника Кокса она видела нечто ужасное. На такое никакая обезьяна неспособна.

Тут в треснутое стекло иллюминатора ударило копьё, просвистело сквозь каюту и вылетело в иллюминатор напротив, стекло которого было выбито волной.

Эрминтруда застыла: сначала от испуга, а затем — потому что вспомнила совет отца. В одном из писем он написал ей, что, поселившись с ним в правительственной резиденции, она станет его «первой леди», и ей придется знакомиться с самыми разными людьми. Поведение некоторых поначалу может показаться ей странным, и, может быть, она даже поймет его совершенно превратно. Поэтому она должна быть великодушной и многое прощать людям.

Очень хорошо. Значит, мальчик уже пришел. А что ему было делать по прибытии? Даже на неразбитом корабле не найти дверного звонка. Может быть, то, что он бросил копьё, означает: «Смотри, я бросил копьё! Я не вооружен!»? Да, наверное, так и есть. Это совсем как рукопожатие — ведь оно тоже означает, что у человека нет меча. «Ну что ж, — подумала она, — хорошо, что эта маленькая загадка разъяснилась».

Она выдохнула впервые с того момента, как копьё просвистело через каюту.

Стоящий снаружи Мау уже начал подозревать что-то неладное, но тут раздались деревянные звуки, и из бока большого каноэ показалась голова призрачной девочки.

— Как это мило, что вы так пунктуальны, — произнесла она, сияясь улыбнуться. — Большое спасибо, что разбили окно, — в каюте было очень душно!

Он ничего не понял, но она почти улыбалась, и это было хорошо. Еще она хотела, чтобы он залез в разбитое каноэ. Он очень осторожно повиновался. «Милая Джуди» накренилась, когда волна бросила ее на землю, поэтому внутри все было тоже наклонено и перекошено.

Внутри царил чудовищный беспорядок — словно отдельные беспорядки перепутались между собою. Воняло грязью и застоявшейся водой. Но девочка провела Мау в другое помещение, где, судя по всему, пытались прибраться, хотя и безуспешно.

— Боюсь, что стулья все поломались, — сказала девочка. — Но я полагаю, что сундук бедного капитана Робертса окажется подходящей заменой.

Мау, который сроду не сидел ни на чем, кроме земли, осторожно примостился на деревянном ящике.

— Я подумала, нам стоит познакомиться поближе, поскольку мы друг другу не представлены, — сказала призрачная девочка. — К сожалению, тот факт, что мы друг друга не понимаем, несколько усложняет дело...

Пока она произносила всю эту тарабарщину, Мау смотрел на огонь в маленькой пещерке. Из круглой черной трубы выходил пар. Рядом с ней была круглая плоская штука, на которой лежали бледные штуки, похожие на хлеб. «Это Женская деревня, — подумал Мау, — а я не знаю правил. Нужно быть очень осторожным. Она может сделать со мной *что угодно*».

— ...и масло прогоркло. Но совсем зеленую муку я выбросила. Не хотите ли чаю? Я полагаю, вы пьете без молока?

Он посмотрел на бурую жидкость, которую девочка налила в бело-синюю чашку. Мау пристально смотрел на питье, а девочка говорила все быстрее и быстрее. «Откуда мне знать, что правильно и что нет? — думал он. — Какие правила годятся, когда сидишь наедине с девчонкой-призраком?»

На острове Мальчиков он был не один. Конечно, там никого, кроме него, не было, но он чувствовал, что его окружает Народ. Он делал то, что Положено. А сейчас? Как ему Положено поступать? Дедушки только орали на него, жаловались, помыкали им, но не слушали.

И ни серебряную нить, ни картину будущего он никак не мог найти. Картины больше не было. Были только он и эта девочка, и никаких правил, которые помогли бы сразиться с подстерегающей впереди тьмой.

Девочка сняла с огня хлебные штуки и положила на другую круглую металлическую штуку, которую Мау постарался примостить у себя на коленях.

— Большинство тарелок побилось при крушении, — грустно сказала девочка. — Две чашки чудом уцелели. Не хотите ли кекс?

Она показала на хлебные штуки.

Мау взял одну. Она была горячая (это хорошо), но, с другой стороны, вкусом напоминала подгнившее дерево.

Девочка с беспокойством следила, как он передвигает кусок во рту, думая, куда его деть.

— Я все неправильно сделала, да? — спросила она. — Я так и думала, что мука чересчур отсырела. Бедный капитан Робертс держал в бочонке омара, чтобы он ел мучных червей, но я уверена, что он что-то напутал. Простите. Я не обижусь, если вы это выплюнете.

И заплакала.

Мау не понял ни слова, но иногда слова не нужны. Она плачет, потому что хлеб получился ужасный. Не надо, чтобы она плакала. Он проглотил кусок и откусил другой. Она уставилась на него и шмыгнула носом, словно думала, перестать ей плакать или еще рано.

— Очень хорошая еда, — сказал Мау.

Он с усилием проглотил кусок и прямо-таки почувствовал, как тот ударился о дно желудка. Мау откусил еще хлеба.

Девочка вытерла глаза тряпкой.

— Очень хороший хлеб, — сказал Мау, стараясь отвлечься от вкуса протухшего омара.

— Простите, я вас не понимаю, — сказала она. — О боже! Я еще и кольца для салфеток забыла положить. Представляю, что вы обо мне подумали...

— Я не знаю слов, которые ты произносишь, — ответил Мау.

Воцарилось долгое, беспомощное молчание. Мау почувствовал, что два комка плохого, ужасного хлеба сидят у него в желудке и замышляют побег. Он стал глотать кислую горячую жидкость, чтобы их утопить. Тут он осознал, что в углу каюты кто-то тихо бормочет. Там стояло... что-то непонятное,

прикрытое большим одеялом. Казалось, под одеялом кто-то вполголоса гневно беседует сам с собой.

— Я очень рада, что мне есть с кем поговорить, — громко сказала девочка. — Я смотрю, как вы ходите по острову, и мне уже не так одиноко.

Мучным комкам, сидящим в желудке Мау, коричневое питье явно не понравилось. Он сидел неподвижно, стараясь удержать их на месте.

Девочка испуганно посмотрела на него и сказала: — Меня зовут... мм... Дафна.

Кашлянула и добавила:

— Да, именно Дафна.

Она показала на себя и протянула ему руку.

— Дафна, — сказала она еще громче. Ну что ж, это имя ей всегда нравилось.

Мау послушно посмотрел на ее руку, но в ладони ничего не было. Так, значит, она из клана Дафна? На островах самое важное, что можно сказать о человеке, — имя его рода. Мау никогда не слышал про такое место, но ведь говорят, что все острова узнать невозможно. Некоторые островки победнее в прилив просто исчезали, и хижины там строились так, чтобы оставаться на плаву. Теперь этих островков, должно быть, уже нет... Так сколько их всего осталось? Неужели весь мир смыло?

Девочка-призрак встала и прошла по наклонной палубе к двери. Мау решил, что это хороший знак. Если повезет, ему больше не придется жевать дерево.

— Вы бы не могли помочь мне с бедным капитаном Робертсом? — спросила она.

Она явно хочет, чтобы он вышел на воздух. Мау быстро встал. Плохой хлеб просился наружу, а от запаха очага у Мау разболелась голова.

Он поднялся, шатаясь, и вышел на свежий после-полуденный воздух. Девочка стояла на земле, у большого серого свертка, который Мау видел вчера. Она беспомощно посмотрела на Мау.

— Бедный капитан Робертс, — сказала она и тронула свертки ногой.

Мау оттянул плотную ткань и увидел тело старого брючника с бородой. Тот лежал на спине, глаза смотрели в пустоту. Мау оттянул ткань дальше и увидел, что руки мертвеца сжимают большой деревянный круг, из которого по краю торчат штуки, похожие на деревянные шипы.

— Он привязал себя к штурвалу, чтобы его не смыло, — сказала девочка, стоя у Мау за спиной. — Я перерезала веревки, но его бедные руки не разжались, поэтому я нашла молоток и выбила ось штурвала. Я так старалась его похоронить, но земля очень жесткая, и я не могу в одиночку поднять тело. Я уверена, что он не возражал бы против погребения в море, — закончила она на одном дыхании.

Мау вздохнул. «Она же знает, что я ее не понимаю, но продолжает говорить. Я понял, она хочет, чтобы я похоронил тело. Интересно, сколько времени ей понадобилось, чтобы процарапать в скальной породе эту жалкую ямку. Но она потерялась, она далеко от дома, и я тоже».

— Я могу послать его в темную воду, — сказал он.

Он изобразил волны голосом и рукой. Девочка сначала вроде бы испугалась, но потом засмеялась и захлопала в ладоши.

— Да! Да! Море! Правильно! Ш-ш-ш, вш-ш-ш! Море!

Человек с деревянным кругом был очень тяжелый, но Мау обнаружил, что ткань плотная и можно прекрасно тащить тело волоком по следу, устланному раздавленной зеленью. Девочка помогала ему в трудных местах — во всяком случае, пыталась, а когда они достигли пляжа, серый сверток легко заскользил по сырому песку, но волочь его к западному концу пляжа оказалось делом долгим и утомительным. В конце концов, Мау затащил капитана в воду у самого края рифа, где глубина была по пояс.

Мау заглянул в мертвые глаза, смотрящие прямо вперед, и задумался: что они увидят в темном течении? Увидят ли вообще что-нибудь? *И видит ли кто-нибудь что-нибудь?*

Этот вопрос поразил его, словно его огрели по голове дубинкой. Разве можно такое думать?

«Когда-то мы были дельфинами, а Имо сделал нас людьми! Это же правда? Да почему сам этот вопрос пришел мне в голову? А если это неправда, значит, нет ничего, кроме темной воды, и нет ничего, что было бы чем-то...»

Он прервал ход этой мысли, пока она не зашла слишком уж далеко и не утащила его за собой. Девочка из клана Дафна смотрела на него. Сейчас не время для колебаний и неуверенности. Он скрутил в жгут волокна бумажной лианы и привязал к бедно-

му капитану Робертсу с его кругом камни и обломки коралла.

Намокая, бумажная лиана только сильнее затягивается и не гниет годами. Куда бы ни направлялся бедный капитан Робертс, там он и останется. Если, конечно, не превратится в дельфина. Мау быстро сделал надрез, чтобы выпустить дух капитана.

Девочка, сидя на камнях за спиной Мау, запела. На этот раз песня не звучала как «на, на, на». Послушав, как девочка разговаривает, Мау почему-то стал лучше различать ее голос. Наверное, в том, что она произносит, есть какие-то слова, хотя для Мау в них не было никакого смысла. Но он подумал: «Это брючковское песнопение для мертвых. Значит, брючники в чем-то похожи на нас! Но если Имо сделал и их тоже, почему они совсем другие?»

Капитан уже почти ушел под воду, но штурвала из рук не выпустил. Мау зажал в руке последний камень и толкнул плавающее тело капитана вперед, все время нащупывая пальцами ног край скального уступа. Еще он чувствовал под собой холод глубин.

Там было течение. Никто не знал, откуда оно приходит, хотя люди рассказывали истории про землю на юге, где вода падает в виде перьев. Но все знали, куда оно уходит. Это можно было увидеть своими глазами. Оно превращалось в Сверкающую тропу, звездную реку, текущую по ночному небу. Говорили, что раз в тысячу лет Локаха выбирает среди мертвых тех, кто должен отправиться в совершенный мир, и они поднимаются по этой тропе, а остальных посылают обратно, чтобы те стали

дельфинами, пока не придет их время родиться заново.

«Как это происходит? — подумал Мау. — Как вода превращается в звезды? Как мертвый человек становится живым дельфином? Но это ведь детские вопросы, правда? Которые нельзя задавать? Эти вопросы — глупые или неправильные, а тем, кто слишком много спрашивает «почему?», отвечают, что так уж устроен мир, и дают побольше работы по хозяйству».

Над капитаном прошла небольшая волна. Мау привязал к штурвалу последний камень, капитан неторопливо ушел под воду, и Мау подтолкнул его в течение.

На поверхность всплыло несколько пузырьков, и капитан очень медленно скрылся из виду.

Мау только собирался отвернуться, как увидел: что-то поднимается из воды. Оно выскочило на поверхность и лениво перевернулось. Это была капитанская шляпа. Она наполнилась водой и опять начала тонуть.

За спиной Мау раздался всплеск, и девочка из клана Дафна, барахтаясь, проплыла мимо. Белое платье развевалось вокруг нее, как огромная медуза.

— Нельзя, чтобы она опять утонула! — закричала девочка. — Он хочет оставить шляпу тебе!

Она рванулась вперед, схватила шляпу, победно замахала ею... и ушла под воду.

Мау ждал, пока она опять покажется на поверхности, но виднелись только пузырьки.

Да неужели на свете есть хотя бы один человек, который не умеет...

Его тело среагировало само. Он пошарил в воде, схватил самый большой кусок коралла, попавшийся на глаза, и нырнул в темную глубину.

Вон внизу бедный капитан Робертс медленно погружается навстречу вечности. Мау пронесся мимо в шлейфе серебряных пузырьков.

Дальше вниз были еще пузыри, и бледное пятно, исчезающее там, куда уже не достигает солнечный свет.

«Только не она, — подумал Мау изо всех сил. — Не сейчас. Никто не уходит во тьму живым. Я служил тебе, Локаха. Я ходил по твоим стопам. Ты мне должен — ее. Одну жизнь, из темноты обратно на свет!»

И голос ответил из мрака: *«Я не припомню, Мау, чтобы у нас с тобой был договор. Или сделка, или завет, или обещание. Есть то, что бывает, и то, чего не бывает. Нет никакого “должен”»*.

Вот он уже путается в медузе ее юбок. Мау отпустил камень, и тот продолжил свой путь в темноту. Мау нашел лицо девочки, вдул воздух из своих разрывающихся легких в ее, увидел, как широко открылись ее глаза, и заработал ногами, стремясь наверх и таща девочку за собой.

Прошла целая вечность. Он чувствовал, как длинные, холодные пальцы Локахи тянут его за ноги, сжимают легкие. Свет, совершенно точно, начал меркнуть, шум воды в ушах стал похож на шепот. *«Может, проще остановиться? Соскользнуть обратно во тьму, отдаться течению? Кончатся все печали, сотрутся все плохие воспоминания. Нужно только отпустить ее и...»* Нет! Эта мысль возродила гнев, а гнев пробудил в нем силу.

Мелькнула тень, и Мау пришлось посторониться — это медленно погружающийся капитан прошел мимо в последнее свое плавание.

Но свет не приближался, вообще не приближался. Ноги были словно каменные. Все тело жгло. Вот она, серебряная линия, она опять вернулась к Мау, она влекла его вперед, к картине того, что могло быть...

...и вдруг он ощутил под ногами камни. Он забил ногами; голова вырвалась на воздух. Ноги опять коснулись скалы, и свет ослепил его.

Все, что было дальше, он наблюдал изнутри себя — как он вытаскивал девочку на скалы, переворачивал ее вниз головой и хлопал по спине, пока она не начала выкашливать воду. Потом помчался по песку, чтобы уложить девочку у костра. Там она вытошнила еще немного воды и застонала. Только тогда мозг Мау объяснил его телу, что оно предельно измучено, и позволил ему упасть навзничь на песок.

Мау умудрился вовремя повернуться на бок, чтобы выблевать остатки ужасного хлеба, и уставился на свою рвоту. «Не бывает», — подумал он, и эти слова стали выражением его торжества и победы.

— Не бывает, — сказал он, и эти слова, разрастаясь, подняли его на ноги. — Не бывает! — заорал он, обращаясь к небу. — *Не бывает!!!*

Раздался тихий звук, и Мау посмотрел вниз. Девочка дрожала на песке. Мау встал на колени рядом с ней и взял ее за руку, в которой до сих пор была зажата капитанская шляпа. Даже в тепле костра кожа у девочки была белая и холодная, как прикосновение Лоахи.

— Обманщик! Я ее вытащил! — закричал Мау. — Не бывает!

Он помчался по песку, а потом — по тропе, ведущей в нижний лес. Он бежал по тропе из сломанных деревьев, и красные крабы бросались врассыпную. Он добежал до большого каноэ и влез по борту наверх. Тут было... да, вот оно — большое одеяло в углу. Мау схватил его и потащил, но что-то вцепилось в другой конец одеяла. Он потянул сильнее, и что-то рухнуло на палубу и затрещало, разлетаясь на куски.

Голос сказал:

— Ва-а-ак! Робертс ужасный пьяница! Покажи нам панталончики!

В конце концов, одеяло слетело. На полу остались разбитая деревянная клетка и очень сердитая серая птица. Птица уставилась на Мау.

— Ва-а-ак! Блаженны кроткие, крестить мой лысый череп!

Мау не мог сейчас отвлекаться на птиц, но у этой в глазах был опасный блеск. Она как будто требовала ответа.

— Не бывает! — крикнул Мау и выбежал из каюты с одеялом, хлопающим на ветру.

Он уже пробежал половину тропы, когда над головой захлопали крылья и раздался противный крик:

— Не бывает!

Мау даже головы не поднял. Слишком уж причудливым стал этот мир. Мау добежал до костра и закутал девочку одеялом как можно плотнее. Через некоторое время она перестала дрожать и, кажется, заснула.

Народ, или Когда-то мы были дельфинами

— Не бывает! — завопила птица с поломанного дерева.

Мау моргнул. Он понял! Он и раньше понимал, но сам не понимал, что понимает.

Конечно, многие птицы могут выучить по несколько слов, например серая ворона и желтые попугайчики-неразлучники, но их очень трудно понять. А эта птица словно сама понимает, что говорит.

— Эй ты, кислomorдый старый горшок, где моя жарчак? — произнесла птица, резво прыгая вверх-вниз. — Жрать давай, старый ханжа!

Вот *это* точно было похоже на речь брючников.

Солнце клонилось к закату, но пока стояло на ладонь выше моря. Очень много всего случилось за короткий срок, который мог показаться вечностью тому, кто пережил его.

Мау посмотрел на спящую девочку. Одного «не бывает» недостаточно. Локахе доверять нельзя. Теперь Мау нужно думать еще и про «да не будет». Смерть не будет тут править.

Он нашел копые и простоял на посту до утра.

Глава 4

СДЕЛКИ, ЗАВЕТЫ И ОБЕЩАНИЯ

ЭРМИНТРУДА СЛЫХАЛА, ЧТО КОГДА ЧЕЛОВЕК ТОНЕТ, вся жизнь проходит у него перед глазами.

На самом деле это происходит, если *не* утонуть окончательно. Жизнь словно начинается сначала и проносится вихрем перед глазами: от первого до последнего сознательного мгновения. По большей части картины расплывчаты, но в каждой жизни есть важные моменты, а они тем красочнее, чем дольше их вспоминают.

В ее жизни один такой момент был связан с картой. В каждой жизни должна быть карта.

Карта. О да, карта. Эрминтруда нашла ее однажды сырым зимним днем в большом атласе в библиотеке. Через неделю она уже могла бы нарисовать эту карту по памяти.

Карта называлась «Великий Южный Пелагический океан».

Синее море занимало полмира. Оно было прошито рядами мелких стежков, крохотных точек, которые папа называл цепями островов. Островов были сотни, тысячи. Он сказал, что на многих из них поместится только пальма. Он сказал, что по закону на каждой островке должна быть по меньшей мере одна кокосовая пальма, чтобы потерпевшие кораблекрушение могли хотя бы укрыться от солнца¹. И нарисовал картинку: Эрминтруда в белом платье и с зонтиком от солнца сидит в тени кокосовой пальмы. Но тут же быстро добавил на карандашной линии горизонта корабль, идущий на помощь.

Гораздо позже Эрминтруда научилась читать имена архипелагов: острова Государственного Выходного Дня, острова Дня Всех Святых, острова Шестого Воскресенья После Пасхи, острова Четвертого Воскресенья Великого Поста, острова Сочельника... Такое ощущение, что Великий Южный Пелагический океан открывали не с компасом и секстаном, а с календарем.

Папа сказал: если знать, где искать, можно найти остров Дня Рождения Миссис Этель Дж. Банди, — и вручил Эрминтруде большую лупу. Эрминтруда

¹ Одинокая пальма (*Cocos nucifera solitaria*) распространена в большей части Пелагического океана. Ее единственная особенность в том, что корни взрослого дерева выделяют яд, смертельный для других пальм. Поэтому на островках поменьше довольно часто растет только одна такая пальма. Следовательно, тысячи существующих карикатур совершенно верны с ботанической точки зрения. (Прим. автора.)

провела не одно воскресенье, множество длинных послеполуденных часов, лежа на животе, тщательно исследуя цепочки крохотных точек одну за другой. В конце концов, она заключила, что остров Дня Рождения Миссис Этель Дж. Банди относится к разряду «папиных шуток» — не очень смешных, но умильных своей нелепостью. Зато благодаря папе Эрминтруда выучила наизусть все островные цепочки Великого Южного Пелагического океана.

У нее тут же появилась мечта: пожить на острове, затерянном в море и таком маленьком, что непонятно даже, то ли это остров, то ли муха посидела на карте.

Но это еще не все. На задней обложке атласа была карта звездного неба. На следующий день рождения Эрминтруда попросила телескоп. Мама тогда была еще жива и предложила подарить ей пони, но папа рассмеялся и купил замечательный телескоп. Папа сказал: «Конечно, она должна смотреть на звезды! Если девочка не может найти на небе созвездие Ориона, она просто невнимательна!» А когда Эрминтруда начала задавать папе сложные вопросы, он стал водить ее на лекции Королевского общества. Оказалось, что девятилетняя девочка со светлыми кудряшками, знающая, что такое прецессия равноденствий, может задавать знаменитым ученым с огромными бородами какие угодно вопросы. Кому нужен пони, если можно заполучить целую Вселенную? Вселенная гораздо интереснее, и к тому же за ней не нужно еженедельно выгребать навоз.

— Ну что ж, мы неплохо провели время, — сказал как-то папа, когда они возвращались с очередного собрания.

— Да, папа. Я думаю, что доктор Агассис привел очень убедительные доводы в пользу теории ледникового периода. И еще мне нужен телескоп побольше, а то я не увижу Большое Красное Пятно у Юпитера.

— Ну посмотрим, — ответил папа, безуспешно пытаясь принять тон дипломатичного родителя. — Но, пожалуйста, не говори бабушке, что ты пожимала руку мистеру Дарвину. Она думает, что он сам дьявол.

— Ух ты! А он... правда?..

Девочку страшно заинтересовала эта новость.

— Честно сказать, — ответил отец, — я считаю, что он величайший из всех ученых, которые когда-либо жили на свете.

— Больше Ньютона? Нет, папа, я не согласна. Многие его идеи высказали до него другие люди, в том числе его собственный дедушка!

— Ага! Ты опять рылась в моей библиотеке! Ну что ж, но ведь и Ньютон говорил, что стоял на плечах великанов.

— Да, но... я думаю, он это сказал только из скромности!

И они спорили всю дорогу домой.

Это была игра. Папа очень любил, когда Эрминтруда собирала нужные факты и прижимала его к стенке каким-нибудь железным аргументом. Папа верил в рациональное мышление и научные методы исследований и потому ни разу не смог выиграть в споре с собственной матерью, которая твердо верила, что

все должны ее беспрекословно слушаться, — верила с незыблемостью, о которую разбивались все попытки возражать.

По правде сказать, в самом посещении лекций уже было что-то запретное. Бабушка возражала против лекций, утверждая, что «от них девочка лишится покоя, и у нее начнут появляться идеи». Она была права. Правда, идей у Эрминтруды уже и без того было много, но ведь еще парочка никогда не помешает...

Тут картинки жизни замелькали еще быстрее, чтобы проскочить темные годы. Эрминтруда вспоминала эти годы только при звуках младенческого плача, да еще видела в ночных кошмарах. Поток жизни перескочил вперед, на тот день, когда Эрминтруда впервые узнала, что своими глазами увидит острова под новыми звездами...

Мама к тому времени уже умерла, а это означало, что жизнью в их особняке стала полностью заправлять бабушка. И у отца, тихого, работающего человека, недоставало силы духа, чтобы ей противостоять. Замечательный телескоп заперли в чулан, потому что «хорошо воспитанной юной девушке не пристало глядеть на луны Юпитера, ведь его домашний уклад разительно отличался от домашнего уклада нашего дорогого короля!». Папа очень терпеливо объяснил, что между римским богом Юпитером и Юпитером — самой большой планетой Солнечной системы — разница по меньшей мере в тридцать шесть миллионов миль. Но это не помогло. Бабушка даже слушать не стала. Она никого не слушала. Выходов было два: либо смириться с этим, либо треснуть ее по голове

боевым топором. А на это папа был неспособен, даже несмотря на то, что один его предок когда-то сделал нечто совершенно ужасное с герцогом Норфолкским раскаленной докрасна кочергой.

Визиты в Королевское общество были запрещены, так как ученые оказались всего лишь людьми, которые задают глупые вопросы. И конец делу. Папа пришел извиняться перед Эрминтрудой, и это было ужасно.

Но Вселенную можно исследовать разными способами...

Тихая девочка, живущая в большом доме, может, если очень постарается, оказаться невидимкой, находясь прямо на глазах у людей. Просто удивительно, чего только не подслушаешь, когда, как хорошая девочка, помогаешь кухарке вырезать фигуры из раскатанного теста. В кухню вечно заглядывали на чашку чая то мальчишки-рассыльные, то работники из их деревенского имения, да и кухаркины подружки забегали поболтать. Главное было — заплетать косички с ленточками да беспечно ходить вприпрыжку. Такая маскировка действовала безотказно.

Только не на бабушку, к сожалению. Едва взяв бразды правления в свои руки, бабушка запретила визиты на нижний этаж.

— Детей должно быть видно, но не должно быть видно, что они слушают! — сказала она. — А ну прочь! Быстро!

И конец делу. Эрми... Дафна проводила большую часть времени у себя в комнате за вышиванием. Шитье — при условии, что результат шитья не будет иметь практического применения, — принадлежало

к разряду немногих занятий, дозволенных девочке, которая «в один прекрасный день собирается стать настоящей леди». Во всяком случае, так утверждала бабушка.

Надо сказать, что Дафна занималась отнюдь не только шитьем. Главное — она обнаружила старый кухонный лифт, подъемник для еды. Он остался с тех пор, как в нынешней комнате Дафны жила ее двоюродная прабабушка, которой подавали еду прямо в комнату из кухни, расположенной пятью этажами ниже. Подробностей этой истории Дафна не знала, но, насколько удалось выяснить, когда-то, на двадцать первом дне рождения двоюродной прабабушки, ей улыбнулся молодой человек. Она немедленно слегла в чахотке и тихо чахла в постели, пока наконец не зачахла совсем в возрасте восьмидесяти шести лет. Очевидно, ее тело просто умерло от скуки.

С тех пор кухонным лифтом официально не пользовались. Дафна, однако, обнаружила, что, если выломать несколько досок и смазать кое-какие шестеренки, его вполне можно передвигать, подтягивая вверх-вниз на блоках, и подслушивать происходящее в нескольких комнатах. Лифт стал чем-то вроде звукового телескопа для исследования солнечной системы дома, который вращался вокруг бабушки.

Эрминтруда хорошенько помыла лифт, а потом помыла его еще раз, потому что... фу... раз уж горничные не желали таскать на пятый этаж подносы с едой, тем более они не собирались таскать с пятого этажа вниз кое-что другое — например, ночную вазу.

Это было очень интересно и познавательно. Она слушала ничего не подозревающий большой дом, но понимать, что именно в нем происходит, было трудно — как будто вывернули на пол большую головоломку, дали тебе пять кусочков и предложили по ним догадаться, что нарисовано на всей картине.

И вот однажды, подслушивая двух горничных, обсуждавших конюха Альберта и то, какой он гадкий (они явно не слишком осуждали это его качество, и у Эрминтруды появилась уверенность, что оно имеет мало отношения к усердию, с которым он ходил за лошадьми), она услышала спор в столовой. Голос бабушки резал ухо, как алмаз стекло, но отец говорил спокойно и ровно, как всегда, когда сильно гневался и не осмеливался это показать. Она подтянула лифт поближе, чтобы лучше слышать, и поняла, что они спорят уже довольно давно.

— ...и каннибалы сварят тебя в котле! — Голос бабушки нельзя было перепутать ни с чьим другим.

— Матушка, каннибалы обычно жарят свою добычу на вертеле, а не варят.

А этот тихий голос, несомненно, принадлежал отцу. В разговорах с собственной матерью у него всегда были интонации человека, полного решимости не поднимать глаз от газеты, которую он читает.

— Это, конечно, намного лучше!

— Сомневаюсь, что лучше, матушка, но, во всяком случае, точнее. Как бы то ни было — насколько нам известно, жители острова Шестого Воскресенья После Пасхи никогда не готовили людей для употребления в пищу, будь то в котле или без него.

— Не понимаю, зачем тебе вздумалось ехать на другой конец света. — Бабушка переменила направление атаки.

— Кому-то надо ехать. Наш флаг должен реять над морями.

— Это еще почему?

— Матушка, вы меня удивляете. Это *наш флаг*. Он должен реять.

— Не забывай: стоит всего ста тридцати восьми людям умереть, и ты станешь королем!

— Матушка, вы мне постоянно об этом напоминаете. А вот отец говорил, что наши претензии весьма слабы, если учесть события тысяча четыреста двадцать первого года. В любом случае в ожидании всех этих маловероятных смертей я вполне могу послужить империи.

— А там есть *общество*?

Бабушка умела очень отчетливо выделять голосом нужные слова. *Общество* означало людей богатых, влиятельных или (предпочтительно) богатых и влиятельных одновременно. Правда, ни в коем случае не богаче и не влиятельнее самой бабушки.

— Ну, там есть епископ... Очень хороший человек, судя по всему. Плавает по островам на каноэ и болтает на местном языке как абориген. Ходит босиком. Есть еще Макразер, владелец верфи. Учит местных жителей играть в крикет. Кстати говоря, я должен привезти с собой еще набор для крикета. И, конечно, туда часто заходят корабли, так что я как губернатор должен буду устраивать приемы для офицеров.

— Безумцы, пораженные солнечным ударом, голые дикари...

— Они вообще-то носят щитки.

— Что? Что? О чем ты говоришь?

Еще одной чертой бабушки была незыблемая уверенность: беседа — это когда бабушка говорит, а все остальные слушают. Поэтому, если собеседник вдруг подавал голос, хотя бы ненадолго, бабушку это удивляло и сбивало с толку. Для нее это была странная игра природы, вроде летающих свиней.

— Щитки, — любезно повторил отец Дафны, — и защитные... как их там. Макразер говорит, что им трудно понять разницу между ударами по воротцам и ударами по защитнику.

— Прекрасно! Безумцы, пораженные солнечным ударом, *полуголые* дикари и морской флот. Неужели ты думаешь, что я подвергну свою внучку таким опасностям?

— Морской флот — это не очень опасно.

— А если она выйдет замуж за моряка!

— Как тетя Пантенопа?

Дафна представила себе едва заметную улыбку отца. Эта улыбка всегда злила его мать. Впрочем, ее злило практически все.

— Ее муж — контр-адмирал! — отрезала бабушка. — Это совсем другое!

— Матушка, незачем устраивать такую суматоху. Я уже сказал его величеству, что поеду. Эрминтруда поедет вслед за мной, через месяц-два. Нам полезно будет попутешествовать. Этот дом слишком большой и холодный.

— Тем не менее я запрещаю...

— И слишком *безлюдный*. В нем живут *воспоминания!* С того дня здесь слишком много утихшего смеха, шагов, которых никто не слышит, беззвучного эха! — Слова рокотали, как раскаты грома. — Я решил и не позволю отменить свое решение, даже вам не позволю! Я сообщил во дворец, чтобы ее отправили ко мне, как только я устроюсь на новом месте. Вы поняли? Думаю, моя дочь поняла бы! *И, может быть, на другом краю света найдется место, где я не буду слышать тех криков, и тогда, может быть, я найду в себе силы простить Бога!*

Судя по шагам, отец направился к выходу. У Дафны двумя ручейками текли слезы, встречаясь на подбородке, ночная рубашка промокла.

И тут бабушка сказала:

— А где девочка будет учиться, позволь тебя спросить?

Как ей это удастся? Как она может выдавать такое, когда в серебре и люстрах еще бродит маленькое жестяное эхо? Неужели она не помнит те гробы?

Может, и помнит. Может быть, она полагает, что ее сын должен провести жизнь на одном месте, как корабль на приколе. И, видимо, это сработало, потому что он остановился, взявшись за ручку двери, и сказал почти без дрожи в голосе:

— В Порт-Мерсии у нее будет учитель. Это ей будет полезно — расширит горизонты. Видите, я обо всем подумал.

— Ты их этим не воскресишь, знаешь ли.

В этом была вся бабушка. Дафна в ужасе зажала рот рукой. Почему эта женщина такая... *тупая?*

Дафна прекрасно представляла себе, какое у отца сейчас лицо. Она услышала, как он идет по столовой, направляясь к выходу. Сейчас он изо всех сил хлопнет дверью... Но папа был не такой человек. Дверь закрылась с едва слышным щелчком, который отдался у Дафны в голове громче любого грохота.

Тут Дафна проснулась и очень этому обрадовалась. Расширившийся горизонт алел, но Дафна зачоченела до костей и была такая голодная, словно с самого рождения ничего не ела. Проголодалась она как раз вовремя: из горшка доносился рыбный, пряный запах, от которого у нее слюнки потекли.

Мальчик стоял поодаль, держа копье и вглядываясь в море. Дафна едва различала его в свете костра.

Он подложил в костер еще бревен. Они ревели, трещали и взрывались, выпуская пар. Густые облака дыма и пара уходили в небо. А мальчик охранял пляж.

От чего? Это был настоящий остров. Многие острова, виденные Дафной в плавании, были гораздо меньше. Иные представляли собой просто скалу, окруженную песчаными дюнами. Осталась ли хоть одна живая душа в радиусе ста миль? Чего боится мальчик?

Мау смотрел в море. Оно было такое ровное, что отражало звезды.

Откуда-то с края света к острову летел завтрашний день. Мау понятия не имел, чем обернется этот день, но ждал его с опаской. У них были еда и огонь, но этого

недостаточно. Люди говорили: человеку нужно найти воду, еду, оружие и укрытие. Они думали, что больше ничего не нужно, потому что самое главное принимали как должное. Человеку нужно к чему-то принадлежать.

Мау никогда не считал, сколько людей в Народе. Их было... достаточно. Достаточно, чтобы чувствовать себя частью чего-то большего. Чего-то такого, что видело вчерашние дни и увидит еще множество завтрашних дней. Живущего по известным правилам, которые работали именно потому, что все их знали настолько хорошо, что они стали тканью самой жизни. Люди жили и умирали, а Народ был всегда. Мау отправлялся с дядьями в долгие путешествия, на сотни миль от острова, но Народ никуда не девался, он был где-то за горизонтом и ждал, пока Мау вернется. Мау это *чувствовал*.

Что ему делать с призрачной девчонкой? Может, какие-нибудь другие брючники будут ее искать и явятся сюда? И заберут ее, и Мау опять останется один. Это будет ужасно. Его пугали не призраки, а воспоминания. Может, это одно и то же? Если женщина ежедневно ходит с калебасом за водой по одной и той же тропе, запомнит ли ее тропа?

Мау закрывал глаза, и остров наполнялся людьми. Может быть, это остров помнит их шаги и лица и вкладывает их в голову Мау? Дедушки сказали, что теперь Народ — это он. Но этого не может быть. Много людей могут стать одним, но один человек не может стать многими. Но он будет их помнить, и если сюда придут другие люди, он расскажет им о Народе, и тогда Народ опять оживет.

Хорошо, что призрачная девочка здесь. Без нее Мау вошел бы в темную воду. Нырять за девочкой в косяк серебряных пузырей, он слышал шепот. Так легко было поддаться на хитрые слова Локахи и кануть во тьму, но тогда и девочка утонула бы.

Мау не намерен был оставаться в одиночестве. Да и не будет. Остаться наедине с голосами стариков, которые все время командуют и никогда не слушают? Ни за что.

Нет... они будут тут вдвоем, и он научит ее говорить, чтобы поделиться с ней воспоминаниями, и когда кто-нибудь придет, они смогут сказать: «Когда-то здесь жило много людей, а потом пришла волна».

Он услышал, как девочка зашевелилась, и понял, что она за ним наблюдает. И еще одно: из горшка вкусно пахло супом, а для себя одного Мау, скорее всего, не стал бы готовить. В супе была рыба-лапша, наловленная им с рифа, горсть мидий, имбирь из Женской деревни. Еще Мау нарубил туда таро — для сытности.

Он взял две палки, вытащил горшок из углей и вручил девочке половинку раковины в качестве ложки.

А потом на них «напала смешинка». Наверное, потому, что обоим приходилось дуть на суп, чтобы он остыл, и девочка заметно удивилась, когда оказалось, что Мау выплевывает рыбные кости в огонь. Сама она очень осторожно выкашливала их на клочок материи с оборочками, задубевший от песка и соли. Кто-то из них двоих захихикал... а может, и оба сразу... и Мау так ослабел от смеха, что не смог выплюнуть очередную рыбью кость, а вместо этого выкашлянул ее

на ладонь с тем же звуком, который производила девочка, — что-то вроде «пю!», и девочка чуть не подавилась от смеха. Но ей удалось на секунду подавить смех, чтобы попробовать выплюнуть кость. Правда, это у нее так и не вышло.

Они не знали, почему это смешно. Иногда человек смеется, потому что в душе больше нет места для слез. Иногда потому, что светский этикет у костра на морском берегу — это очень смешно. Иногда потому, что ты выжил, когда все было против тебя.

А потом они легли у костра, глядя в небо, где звезда Воздуха сверкала желтоватым светом на востоке, а Костер Имо краснел прямо в зените. И сон накрыл их, как волной.

Мау открыл глаза.

Мир был полон птичьих песен. Они царили повсюду, самые разные — от трубных звуков, с которыми птицы-дедушки отрывгивали вчерашний ужин, до чего-то такого, что, строго говоря, никак не могло считаться песней. Оно доносилось от нижнего леса и звучало следующим образом: «Попка хочет сахарку! Старый святоша! Покажи нам панталончики!»

Мау сел.

Девочка исчезла. Ее странные беспалые отпечатки ног вели в сторону нижнего леса.

Мау заглянул в горшок. Вчера они съели все без остатка, но пока они спали, какой-то мелкий зверек вылизал горшок дочиста.

Сегодня, пожалуй, можно продолжить расчистку полей. Может быть, от урожая осталось хоть что-то...

— ВОССТАНОВИ ЯКОРЯ БОГОВ! ИСПОЛНИ ПЕСНОПЕНИЯ!

Ну вот... А ведь день начинался так замечательно, хоть и ужасно, конечно.

Якоря богов... Трудно объяснить, что это такое. Если ты о них спрашивал, тебе отвечали, что ты еще мал и не поймешь. Мау знал только, что якоря удерживают богов на месте и не позволяют им улететь в небо. Конечно, боги все равно жили в небе. Но любые вопросы по этому поводу считались глупыми. Боги могли быть где им угодно. Хотя по каким-то причинам — совершенно очевидным, или, точнее, совершенно очевидным для жрецов, — боги оставались в окрестности якорей богов и приносили людям удачу.

Так какой же бог привел большую волну и какая именно в этом была удача?

Люди рассказывали, что большая волна уже один раз приходила. Она часто упоминалась в историях про времена, когда все было другое и луна тоже была другая. Старики говорили: волна пришла, потому что люди стали плохие. Но старики всегда такое говорят. Волны приходят, люди умирают, а богам все равно. Имо сотворил всё и сам был всем — почему он?.. Неужели он мог сотворить *бесполезных* богов? Это была очередная мысль, которая родилась в темноте, царившей внутри Мау. Несколько дней назад ему не пришлось бы в голову даже подумать о таком. Эта мысль была настолько опасна, что Мау решил выбросить ее из головы как можно скорее.

Что ему делать с якорями богов? Но Дедушки не отвечали на вопросы. Небольшие алтари из глины

или деревья были раскиданы по всему острову. Люди ставили их с самыми разными целями — чтобы боги помогли больному ребенку выздороветь или позаботились о сохранности урожая. А поскольку передвигать алтари было очень плохой приметой, их никто не трогал. Они сами со временем разваливались.

Мау видел их так часто, что перестал замечать. Должно быть, волна сдвинула с места и унесла сотни алтарей. Как он может их восстановить?

Он посмотрел вдоль берега — в одну сторону, потом в другую. Бóльшая часть веток и поломанных стволов исчезли, и он впервые заметил, чего не хватает.

В деревне было три особенных алтаря, три якоря богов. Мау примерно помнил, где именно они стояли, но сейчас их там уже точно не найти. Это были большие кубические белые камни, тяжелые — почти неподъемные для одного человека. Но волна поломала даже сваи племенного дома и зашвырнула куски коралла размером с человека на другую сторону лагуны. Несколько каменных кубиков она унесла не глядя, и ей было все равно, что именно они привязывают к месту.

Мау прошелся вдоль берега, надеясь найти какие-нибудь следы, ведущие к занесенному песком якорю. Но не нашел. Зато увидел каменный якорь богов на дне лагуны, потому что к этому времени вода стала немного прозрачнее. Мау нырнул и попытался вытащить якорь, но тот был слишком тяжел. Потребовалось несколько попыток. Волна словно вспахала дно лагуны и вырыла большую яму на западном конце.

Мау пришлось тащить камень по дну, время от времени бросая его и выныривая за глотком воздуха. Наконец удалось найти пологое место и выволочь якорь на сушу. Конечно, на воздухе камень весил гораздо больше, чем в воде, — по магическим причинам, которых никто не понимал. Выкатив якорь на берег, Мау окончательно запыхался.

Мау помнил этот якорь. Он раньше стоял возле дома вождя. На якоре было вырезано странное существо. С четырьмя ногами, как у свиньи, но гораздо длиннее, и головой как *элас-ги-нин*. Люди называли его Ветром и перед долгими путешествиями приносили ему в жертву рыбу и пиво, предназначавшиеся богу воздуха. Рыба доставалась птицам, свиньям и собакам, а пиво впитывалось в песок, но это было неважно. Важен был дух рыбы и пива. Так говорили люди.

Мау опять нырнул. Дно лагуны покрывали груды камней. Волна разбросала повсюду куски рифа размером с дом и проделала новый вход для моря. Но Мау заметил белое пятно.

Подобравшись поближе, он увидел, как велика новая дыра. В нее пролезло бы каноэ на десять человек, даже боком.

Еще один каменный якорь богов оказался прямо у Мау под ногами. Мау нырнул, и стайка мелких серебристых рыбок испуганно прыснула в сторону.

А, это Рука — якорь бога огня! Этот камень был меньше, но залегал глубже и дальше от берега. Мау понадобилось больше часа, чтобы отвоевать якорь у моря. Его пришлось медленно, понемногу передвигать по белому песчаному дну.

Мау заметил еще один якорь в новом проломе, где опасно закручивался прибой. Это должен быть камень Воды, а вода уже забрала достаточно жертв. Она может и подождать.

— СОБЕРИ ВСЕ ЯКОРЯ БОГОВ И ВОЗНЕСИ СМЕРЕННЫЕ ХВАЛЫ! ИНАЧЕ ТЫ НАВЛЕЧЕШЬ НА НАРОД НЕСЧАСТЬЕ! — сказали Дедушки у него в голове.

Как они залезают к нему в голову? И откуда они все знают? И почему они не понимают?

Народ был силен. Существовали острова и побольше, но они были далеко, и им не так повезло. На одних было слишком сухо, на других — ветра неблагоприятные, или недостаточно почвы, или они находились в местах неправильных течений и там не ловилась рыба, или располагались слишком близко к охотникам за черепами, которые, впрочем, в последнее время не забирались так далеко в гущу островов.

Но у Народа были гора и постоянный запас питьевой воды. На острове росли овощи — большинству островов с этим не повезло. В джунглях в изобилии водились дикие свиньи и птицы. На острове росли безумные корни, и островитяне знали секрет пива. Народу было что предложить для мены. Поэтому у него были нефритовые бусы, и два стальных ножа, и трехногие горшки, и привезенные из далеких краев ткани. Народ был силен и богат. Некоторые говорили, что это все из-за белых каменных якорей богов. Нигде больше на островах не было такого камня. Люди говорили, что Народ благословен.

А теперь по острову бродит маленький мальчик, старается, как может, и все время делает все неправильно.

Он выкатил каменный куб, называвшийся Рукой, на песок возле костра. Люди оставляли что-нибудь на этом якоре, если им нужна была удача на войне или на охоте. И если удача приходила, то по возвращении имело смысл возложить на камень еще что-нибудь.

Пока что Мау водрузил на камень собственный зад. «Я выудил тебя из моря, — подумал он. — Рыбы уж точно не стали бы приносить тебе жертв! Так что извини, но я отдам тебе свою усталость». Дедушки разъярились, но Мау постарался их не слышать.

«Возблагодари богов, а не то навлечешь несчастье», — подумал он. Но что может считаться несчастьем теперь? Что сделают ему боги — хуже того, что уже совершили? Волна гнева поднялась в нем, горькая, как желчь, и он почувствовал, как внутри его разверзается тьма. Взывали ли люди к богам, когда обрушилась волна? Цеплялась ли его семья за эти камни? Смотрели ли боги, как люди пытаются добежать до безопасного места? Смеялись ли?

У него застучали зубы. Под жарким солнцем его пробил озноб. Но голову заполнял огонь, испепеляя мысли.

— Вы слышали их крики? — заорал он в пустое небо. — Вы любовались? Вы отдали их Локахе! Я не буду вас благодарить за то, что остался жив! Вы и их могли бы спасти!

Он сел на Руку, дрожа от гнева и ожидания кары.

Никто не ответил.

Он посмотрел в небо. Там не собирались грозовые тучи, и непохоже было, что сейчас польется дождь из змей. Мау посмотрел на синюю бусину на запястье. Они действуют только один день. Может быть, пока он спал, в него залез демон? Конечно, только демоны способны на такие мысли!

Но эти мысли были... правильные.

А может, у меня вообще нет души? Может быть, эта тьма внутри — моя душа, и она умерла... Он сел, обхватив себя руками, и стал ждать, пока дрожь пройдет. Нужно забить голову мыслями о повседневных вещах. Правильно. Так безопаснее.

Он сидел, глядя на пустынный пляж, и думал: «Надо посадить кокосы — их много выкинуло на берег. И еще панданусов посадить, для тени». Это звучало не очень по-демонски. Он представил себе картину будущего. Она наложилась на жуткий хаос теперешнего пляжа. В самой середине нарисовалась белая точка. Он моргнул. Это шла призрачная девчонка. Она была вся покрыта белым и над головой тоже неслла какую-то круглую белую штуку, наверное, чтобы спрятаться от солнца — или от богов.

Лицо у девочки было очень решительное, и Мау заметил, что у нее под мышкой свободной руки зажата какая-то другая штука, похожая на кусок дерева.

— Доброе утро, — произнесла она.

— Дафна, — отозвался Мау.

Это было единственное слово, в котором он не сомневался.

Она со значением посмотрела на камень, на котором сидел Мау, и едва заметно кашлянула. Потом ее лицо стало ярко-розовым.

— Извините, пожалуйста, — сказала она. — Это у меня плохие манеры, правда? Послушайте, нам надо научиться разговаривать между собой, и у меня появилась идея, потому что вы все время смотрите на птиц...

Кусок дерева оказался вовсе не куском и совсем не деревянным. Дафна потянула за края, и он распался. Внутри было что-то вроде листов бумажной лианы, но не скрученных жгутом, а плоских, расправленных. На листах были значки. Мау не мог их прочитать, но Дафна провела по листу пальцем и громко произнесла:

*Птицы Великого Южного Пелагического океана
Полковник Х.-Дж. Хукворм, Ч. К. А., Ч. К. С.
С шестнадцатью цветными, раскрашенными
от руки иллюстрациями работы автора.*

И перевернула страницу...

Мау ахнул. Ее слова звучали для него тарабарщиной, но говорить картинками он умел. Это птица-дедушка! Прямо вот тут, на бумаге! Совсем как настоящая! Замечательные яркие краски! Никто на острове не умел делать таких красок, и на обмен таких не привозили. Казалось, птица-дедушка вдруг возникла из ниоткуда!

— Как это делается? — спросил он.

Дафна постучала по птице пальцем.

— Птица-панталоны! — произнесла она. Выжидательно взглянула на Мау, показала себе на рот и сде-

лала движение большим и указательным пальцами, как будто кого-то кусала.

«Что бы это значило? — подумал Мау. — «Я собираюсь съесть крокодила?»»

— Пти-и-ца-а-а-па-ан-та-а-а-ло-о-ны-ы, — произнесла Дафна очень медленно.

«Она думает, что я маленький ребенок, — решил Мау. — Так разговаривают с младенцами, когда хотят, чтобы они по-ня-ли. Она хочет, чтобы я это сказал!»

— П-п-пти-и-и-и-ца-а-а-па-а-а-ан-та-а-а-ло-о-о-н, — произнес он.

Она улыбнулась, словно он выполнил какой-то сложный фокус, и показала на ноги птицы, усаженные густыми перышками.

— Панталоны, — сказала она, а затем показала на свои брюки в оборочках, которые виднелись из-под рваной юбки. — Панталоны!

«Ясно, — подумал Мау. — «Птица-панталоны» означает «птица-дедушка». Эти ноги в оборочках очень похожи на ноги птиц-дедушек. Но она ошиблась с названием птицы!»

Он снова показал на картинку и сказал так, как разговаривают с младенцами:

— Пти-и-и-ца-а-а-де-е-ду-у-у-шка-а!

— «Дедушка»?

Мау кивнул.

— Дедушка? — Она явно не понимала.

Ага. Надо ей показать. Ну что ж, каменную дверь он, конечно, не собирается открывать ради нее или кого бы то ни было, но...

Он устроил целое представление. Поглаживал несуществующую длинную бороду, ковылял, опираясь на невидимую палку, гневно бормотал, грозя пальцем в пространство, и наконец — этой частью представления он гордился больше всего — сделал вид, что жует кусок жесткой свинины невидимыми отсутствующими зубами. Он видел, как едят старики, и постарался, чтобы его рот был похож на двух крыс, пытающихся сбежать из мешка.

— Старик? — завопила Дафна. — Да-да! Замечательно! Птица-старик! Да, я поняла! Они всегда чем-то недовольны!

После этого с помощью песка, прутьев и камушков, а также актерского таланта дело очень быстро пошло на лад. Кое-что далось легко (каное, солнце, вода). С числами тоже все оказалось просто, после некоторой заминки (один камушек — не только «камушек», но еще и «один»). Они трудились изо всех сил. Птица, большая птица, маленькая птица, птица летит... Гнездо! Яйцо!

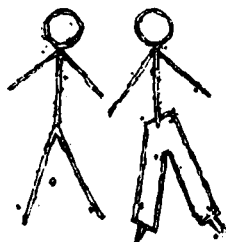
Огонь, готовить, есть, хорошо, плохо (чтобы показать «хорошо», Мау сделал вид, что ест, а потом довольно заухмылялся; в качестве «плохо» Дафна изобразила, что ее тошнит, — возможно, неподобающе для юной леди, но вполне реалистично). Они как-то разобрались со «здесь» и «там» и, кажется, с чем-то вроде «здесь камень» или «это птица». Мау был не очень уверен, но, по крайней мере, это было начало... неизвестно чего.

Они опять вернулись к песку. Мау нарисовал человеческую фигуру с ручками и ножками как палочки и произнес:

— Мужчина.

— Мужчина, — повторила Дафна и забрала у него прутик. Нарисовала другую фигуру, с ногами потолще.

Мау задумался.

— Брючник? — спросил он.

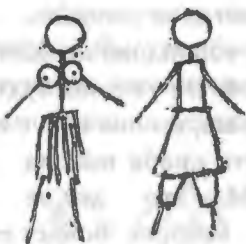
— Человек, — твердо сказала Дафна.

«Что бы это значило? — задумался Мау. — Может, она хочет сказать, что только брючники — настоящие люди? Я вот не ношу брюк. С какой стати? Представляю, каково в них плавать!»

Он взял прутик и аккуратно нарисовал женщину из палочек. Она была такая же, как мужчина из палочек, но на ней была плетеная юбка из волокон бумажной лианы, а над юбкой он добавил два круга с двумя точками.

Дафна мгновенно выхватила у него прутик и нарисовала новую фигуру. Это, видимо, была женщина, но кроме юбки на ней была другая юбка, закрывающая верхнюю часть тела. Наружу торчали только руки и голова.

Сильно покраснев, Дафна воткнула прут в песок и вызывающе скрестила руки на груди.

Ага, понятно. Перед тем как уйти жить в хижину для незамужних девушек, его сестра вела себя точно так же. Что бы он ни сказал, что бы ни сделал — все было не так, и он никогда не знал почему. Он рассказал отцу — отец только рассмеялся и сказал, что когда-нибудь Мау поймет, а до тех пор лучше просто держаться подальше.

Но сейчас у него не было возможности держаться подальше, так что он схватил палку и как мог подрисовал женщине из палочек вторую юбку на верхней половине туловища. Получилось не очень хорошо, но, судя по лицу Дафны, он поступил правильно, хотя ничего не понял.

Но все равно в небе возникло облачко. Играть со словами и картинками было весело — игра заполнила его мир и отогнала прочь видения темной воды. И вдруг он столкнулся с правилом, которого не понимал, — и мир вернулся в прежнее состояние.

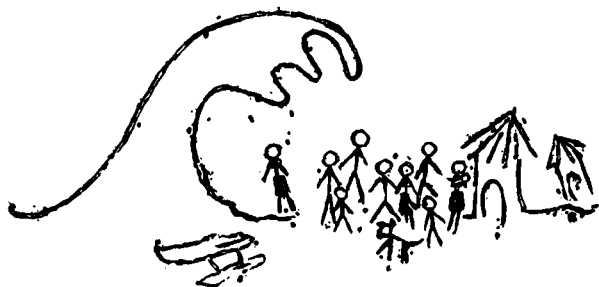
Мау сел на корточки и стал смотреть на море. Потом перевел взгляд вниз, на голубые бусы у себя на запястье. А, да... ведь у него и души-то нет. Душа мальчика исчезла вместе с островом, а душу мужчи-

ны он теперь никогда не получит. Он был как синий краб-отшельник, торопливо перебегающий от одной раковины к другой. Он уже как будто завидел новую раковину, побольше, но она вдруг исчезла. Кальмар может перекусить краба пополам за полсекунды, только в случае Мау это будет не кальмар, а какой-нибудь демон или призрак. Войдет ему в голову и захватит его.

Мау снова принялся рисовать на песке. На этот раз фигурки поменьше — мужчин и... да, женщин... тех, которых он помнил, а не закутанных женщин-брючников... и еще поменьше, фигурки разных размеров. Песок заполнялся жизнью. Мау рисовал собак, каноэ, хижины, а потом...

...нарисовал волну. Казалось, палочка сама выписывает изгибы. Линия была очень красивая... если не знать, что она натворила.

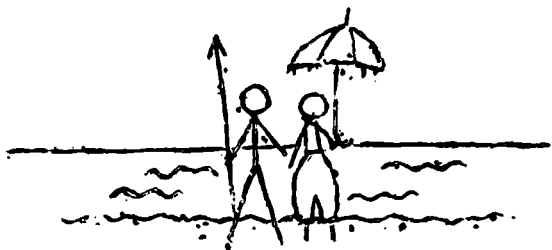

Он перешел на новое место и нарисовал одинокую фигуру с копьем, вглядывающуюся в пустой горизонт.

— Я думаю, это означает печаль, — сказала девочка у него за спиной.

Она осторожно забрала у него палку и нарисовала рядом вторую фигурку. Фигурка была одета в панталоны и держала в руках переносную крышу. Теперь фигурки вдвоем смотрели на бесконечный океан.

— Печаль, — повторил Мау. — Печаааааль.

Он повертел это слово на языке.

— Печаааль.

Оно звучало, словно волна, разбивающаяся о берег. Оно значило, что твоя душа слышит движение темных вод. И тут...

— Каноз! — сказала Дафна.

Мау поглядел на песок. Голова все еще была занята печалью. Что там насчет каноз? Каноз они выучили уже несколько часов назад, разве нет? Они уже разобрались с каноз!

И тут он увидел каноз, четырехместное. Оно входило через риф. Кто-то пытался им править, и у него неплохо получалось, но вода бурлила и кипела в новом проеме, а таким каноз должны править, по меньшей мере, два человека.

Мау нырнул в лагуну. Вынырнув, он понял, что одинокий гребец уже теряет управление лодкой: дей-

ствительно, брешь в рифе была достаточно большой, чтобы четырехместное каноэ прошло в нее боком, но если гребец задумает выкинуть такую глупость во время прилива, каноэ тут же перевернется. Мау прорвался через кипение прибоя, каждую секунду ожидая, что вот сейчас это случится.

Над ним прошла большая волна, он вынырнул опять. Гребец теперь пытался удержать каноэ подальше от острых краев пролома. Греб старик. Но он был не один. Где-то на дне каноэ раздавался детский плач.

Еще одна большая волна — и каноэ завертелось. Мау схватился за него. Каноэ опять со всей силы врезалось в коралл, а затем снова повернуло прочь, но когда оно попыталось раздавить Мау во второй раз, он был наготове. Он подтянулся на руках и ввалился в каноэ за миг до того, как оно опять врезалось в риф.

Каноэ раскачивалось на волнах, и на дне его лежал кто-то еще, накрытый одеялом. Мау, не приглядываясь к лежащему, схватил весло и заработал им изо всех сил. Старик хоть что-то соображал: он старался, чтобы каноэ не налетело на камни, а Мау в это время выгребал по направлению к пляжу. Паниковать в таких случаях бесполезно: нужно тащить каноэ из бурлящей воды, продвигаясь по несколько дюймов зараз, длинными терпеливыми гребками, и грести становится легче по мере того, как каноэ уходит из бурлящей воды на спокойную, а там дело идет уже намного быстрее. Тут Мау расслабился, но не слишком — не был уверен, что хватит сил снова сдвинуть каноэ с места, если оно вдруг остановится.

Каное вот-вот ударится о песчаное дно — Мау выскочил и вытянул его подальше на песок.

Человек почти вывалился из каное — и тут же попытался вытащить кого-то из-под одеяла. Женщину. Старик выглядел как мешок костей, причем костей было куда больше, чем мешка. Мау помог подтащить женщину и младенца к огню и уложить на расстеленное одеяло. Сначала он решил, что женщина мертва, но что-то в линии губ говорило, что в ней еще теплится искорка жизни.

— Ей нужна вода, — прохрипел старик, — а ребенку молоко! Где ваши женщины? Они знают, что делать!

Прибежала Дафна, размахивая зонтиком.

— Ах, бедненький! — сказала она.

Мау забрал младенца у женщины, которая слабым, жалким жестом попыталась за него уцепиться, и отдал девочке.

— Ой, какая прелестная крошка... ой, фу! — услышал он за спиной, пока бежал к реке.

Он вернулся с парой кокосовых скорлуп, полных воды, которая все еще отдавала пеплом.

— Где другие женщины? — спросил старик.

Дафна держала младенца на вытянутых руках и лихорадочно оглядывалась, ища, куда бы его положить. С младенца капало.

— Других нет, только эта, — ответил Мау.

— Но это женщина брючников! Они же ненастоящие люди! — возразил старик.

Это было что-то новенькое.

— Нас тут только двое, — сказал Мау.

Старика словно громом поразило.

— Но это же остров Народа! — запричитал он. — Остров камня, возлюбленный богами! Я здесь учился на жреца. Пока я греб, я думал не переставая: Народ наверняка уцелел! А тут только мальчишка и проклятая девчонка из непропеченных людей?

— Непропеченных?

— Чему тебя вообще учили? Имо сделал их в самом начале. Он еще не умел делать людей и недостаточно долго выдержал их на солнце. Ты еще узнаешь: они настолько гордые, что прикрываются от солнца. И еще они очень глупые.

«Зато у них больше красок, чем у нас», — подумал Мау, но вслух этого не сказал.

— Меня зовут Мау, — сказал он, потому что это, во всяком случае, не могло стать причиной для спора.

— И мне надо поговорить с вашим вождем. Сбегай, позови его. Скажи ему, как меня зовут. Он наверняка слышал про жреца Атабу.

В последней фразе прозвучала какая-то жалкая надежда, словно старик был сам в этом не очень уверен.

— Нет никакого вождя с тех пор, как волна пришла. Она принесла сюда девчонку брючников, а всех остальных... забрала. Я ведь сказал вам, почтенный.

— Но это же такой большой остров!

— Я думаю, волне было все равно.

Завопил младенец. Дафна попыталась его укачать, держа подальше от себя и неловко сюсюкая.

— Тогда мужчину постарше... — начал Атаба.

— Никого нет, — терпеливо повторил Мау. — Только я и девчонка брючников.

Интересно, сколько раз придется повторять, пока эта мысль найдет в лысой голове свободное место подходящей формы.

— Только ты? — растерянно переспросил Атаба.

— Поверьте, почтенный, иногда я и сам в это не верю, — ответил Мау. — Мне кажется, что я вот-вот проснусь и все это окажется сном.

— У вас были прекрасные белокаменные якоря богов, — сказал старик. — Меня сюда привозили поглядеть на них, когда я был еще совсем маленький, и как раз тогда я решил, что стану жре...

— Наверное, лучше вернуть малютку мамочке, — быстро произнесла Дафна.

Мау не понял слов, но решительная интонация была ясна и без них. Младенец орал во всю глотку.

— Мать не может его кормить, — сказал Атаба. — Я нашел ее с ребенком на большом плоту только вчера. На плоту была еда, но эта женщина не ела и не может кормить ребенка. Он скоро умрет.

Мау посмотрел на искривленное в плаче личико и подумал: «Нет. Да не будет».

Он поймал взгляд призрачной девчонки, показал на младенца и задвигал ртом, как будто ест.

— Вы *едите* детей?! — спросила Дафна, отступая на шаг.

Мау уловил нотку ужаса в ее голосе и старательно изобразил пантомиму, чтобы стало ясно, что поест должен ребенок.

— Что? — спросила Дафна. — Покормить ребенка? Чем?

«Была не была, — подумал Мау. — Ребенок плачет,

а я и так уже попал в переплет. Но... да не будет». Он неопределенно помахал рукой на уровне плоской груди, прикрытой слегка запачканными белыми оборочками.

Дафна порозовела.

— Что?! Да как ты смеешь! Для этого нужно...

Она заколебалась. Она была не очень уверена в том, что говорит, поскольку о роли этих выступов на груди знала только из подслушанного разговора хихикающих горничных, которым не поверила, и из странной лекции, которую ей когда-то прочитала одна из ее теток. В лекции очень часто повторялись слова «вот когда ты вырастешь...», а все остальное совершенно не укладывалось в голове.

— Для этого нужно быть замужем, — твердо сказала она.

Неважно, что он не понял. От одного того, что она это сказала, ей стало легче.

— Она что-нибудь знает? Она рожала детей? — спросил Атаба.

— Не думаю!

— Значит, молока не будет. Приведи другую женщину, такую, которая недавно... ох.

Старик снова вспомнил и как будто обмяк.

— У нас есть еда, — сказал Май.

— Ему нужно молоко, — отрезал старик. — Ребенок слишком маленький, он ничего другого есть не может.

— Ну что ж, по крайней мере, мы можем отнести ее в хижину, наверх, в Женскую деревню. Это недалеко. Я могу развести там костер, — сказал Май.

— Ты осмеливаешься входить в Женскую деревню? — Жрец пришел в ужас, а потом улыбнулся. — А, я понял. Ты всего лишь мальчик.

— Нет, я оставил душу мальчика на острове. Думаю, волна ее смыла.

— Она слишком много всего смыла, — ответил Атаба. — Но у тебя нет татуировок, даже закатной волны нет. Ты выучил песнопения? Нет? И пира в честь того, что ты стал мужчиной, тоже не было? Тебе не дали душу мужчины?

— Нет, ничего из этого не было.

— А обряд с ножом, когда...

— И этого тоже, — быстро сказал Мау. — У меня только вот.

Он показал на запястье.

— Голубой камень? Но он действует не больше одного дня!

— Я знаю.

— Тогда может быть, что у тебя в голове живет демон или мстительный дух!

Мау подумал. И согласился.

— Я не знаю, что живет у меня в голове, — сказал он. — Я только знаю, что оно очень злое.

— С другой стороны, ты нас спас, — сказал старик, нерешительно улыбаясь. — Это не похоже на демонов, судя по тому, что я о них знаю. Я надеюсь, ты вознес хвалы богам за спасение?

— Вознес... *хвалы?* — повторил Мау.

— Возможно, у богов на тебя есть какие-то планы, — бодро произнес жрец.

— Планы, — повторил Мау голосом холодным, как темное течение. — Планы? Ну да, конечно. Кто-то должен был остаться в живых, чтобы похоронить всех прочих.

Мау сжал кулаки и шагнул вперед.

Атаба попятился:

— Мы не можем знать причин всего, что происхо...

— *Я видел их лица!* Я послал их в темную воду! К телам поменьше я привязывал камни поменьше. Волна забрала все, что я любил. И все, что есть во мне, теперь спрашивает: почему?

— Почему волна тебя пощадила? — закричал старик. — Почему она пощадила меня? Или того ребенка, который все равно скоро умрет? Почему идет дождь? Сколько в небе звезд? Нам не дано этого знать! Просто скажи спасибо, что боги сохранили тебе жизнь!

— Не буду! Спасибо за мою жизнь означает спасибо за все смерти. Я хочу знать причину. Я хочу понять причину! Но не могу, потому что никаких причин нет. События случаются или не случаются, и кроме этого больше ничего нету!

Дедушки гневно взревели у него в голове. Они орали так, что Мау удивился — как же Атаба их не слышит.

— МАЛЬЧИШКА. ТЫ ВОЗВЫШАЕШЬ ГОЛОС ПРОТИВ БОГОВ. ТЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ. ТЫ НАВЛЕЧЕШЬ ГИБЕЛЬ МИРА. ТЫ УНИЧТОЖИШЬ НАРОД. ПРОСИ У ИМО ПРОЩЕНИЯ.

— Не буду! Он отдал этот мир Локахе! — крикнул Мау. — Пускай он просит прощения у мертвых.

И у меня. Но я не собираюсь благодарить богов за то, что я остался в живых, чтобы помнить, что все остальные умерли!

Кто-то тряс Мау, но это как будто происходило с другим человеком, где-то очень далеко.

— Перестань! Ты пугаешь ребенка, он плачет!

У Мау перед глазами возникло сердитое лицо Дафны.

— Ребенок, еда, — настойчиво сказала она.

Было совершенно ясно, что она имеет в виду, хотя собственно слов Мау не понял.

Она что, думает — он волшебник? Детей кормят женщины! Это всем известно! На острове нет молока. Разве она не понимает? Нет мо... Тут он замер, потому что в кипящем гневом мозгу вдруг открылась какая-то дверца, а за ней оказалась картинка. Он уставился на эту картинку и подумал: «Сработает ли?» Да, серебряная нить протянулась к маленькому кусочку будущего. Может быть, это действительно сработает. *Должно сработать.*

— Ребенок, еда! — настойчиво повторила Дафна и еще раз тряхнула Мау.

Он осторожно отвел ее руки. Надо было все обдумать и хорошенько спланировать. Старик смотрел на Мау так, словно тот был охвачен языками пламени, и торопливо отступил, когда Мау взял рыболовное копье и широкими мужскими шагами вошел в воду лагуны. Во всяком случае он старался, чтобы это было похоже на широкие мужественные шаги, хотя внутри у него все кипело от ярости.

Может быть, Дедушки сумасшедшие? Может, Атаба сумасшедший? Как они могут думать, что он

должен благодарить богов за спасение? Если бы не призрачная девчонка, он бросился бы в темную воду!

Младенцы и молоко были меньшей заботой. Пусть гораздо более шумной, но справиться с ней было проще. Он, кажется, знал решение. У него в голове была картинка, показывающая, как это можно сделать. Успех зависел от многого. Но путь к нему существовал. Если Мау пойдет по этому пути, то молоко будет. А достать молока для младенца куда проще, чем постичь природу богов.

Он устоял в воду, не видя на самом деле ничего, кроме своих мыслей. Понадобятся еще клубни и, может быть, немного пива, но не слишком много. Но сначала надо поймать рыбу...

А вот и она, совсем рядом с его ногами, белая на фоне белого песка — только тень ее выдавала. Она плавала рядом, как дар богов... Нет! Она плавала рядом, потому что Мау стоял неподвижно, как и полагается охотнику. Она совершенно не подозревала о его присутствии.

Он пронзил рыбу копьём, очистил и отнес жрецу, который сидел между двумя большими якорями богов.

— Вы умеете готовить рыбу, почтенный?

— Ты явился сюда, чтобы богохульствовать, о демонский мальчишка? — спросил Атаба.

— Нет. Говорить, что их не существует, было бы богохульством, только если бы они на самом деле существовали, — сказал Мау, изо всех сил стараясь не сорваться на крик. — Так что, вы умеете готовить рыбу?

Судя по всему, Атаба не собирался устраивать спора о религии, когда еда была под боком.

— Умел, когда тебя еще и на свете не было, — ответил он, пожирая рыбу взглядом.

— Тогда покормите призрачную девчонку и, пожалуйста, сделайте размазню для женщины.

— Она не будет есть, — отрезал Атаба. — У нее на плоту была еда. У нее что-то с головой.

Мау поглядел на безымянную женщину, которая никуда не делась от костра. Призрачная девочка притащила с «Милой Джуди» еще охапку одеял. Теперь женщина сидела — уже хоть что-то. Дафна сидела рядом с ней, держала за руку и что-то говорила. «Они строят Женскую деревню, — подумал он. — То, что у них нет общего языка, им не мешает».

— Скоро придут другие, — сказал Атаба у него за спиной. — Много народу.

— Откуда вы знаете?

— По дыму, мальчик! Я видел его за несколько миль! Они явятся. Мы не единственные. Возможно, и охотники за черепами тоже явятся со своей большой земли. Вот тогда ты воззовешь к богам, никуда не денешься! Когда придут охотники за черепами, ты будешь валяться на земле и умолять Имо о милости.

— После всего, что случилось? Что тут надо охотникам за черепами? У нас не осталось ничего, что они могли бы забрать!

— Черепа. Наше мясо. Удовольствие от наших смертей. То же, что и всегда. Моли богов, если осмелишься, чтобы людоеды не забрались так далеко.

— А поможет? — спросил Мау.

Атаба пожал плечами.

— А что нам еще осталось?

— Тогда моли богов, чтобы они послали молока для ребенка, — сказал Мау. — Уж такая малость им ничего не будет стоить.

— А ты что будешь делать, мальчишка-демон?

— Кое-что другое!

Мау помолчал и подумал: «Он старик. Он проплыл много миль и отклонился от своего пути, чтобы спасти женщину с ребенком. Это важно». Мау опять подавил свой гнев.

— Прости меня, Атаба, я не хотел тебя обидеть, — сказал он.

— О, я тебя понимаю, — ответил старик. — Мы все иногда гневаемся на богов.

— Даже ты?

— Да. С этого начинается каждое утро, когда у меня скрипят колени и болит спина. Тогда я проклиная богов, можешь быть уверен. Но молча. Понимаешь? И спрашиваю их: «Зачем вы послали мне старость?»

— А что они отвечают?

— Они не то чтобы отвечают. Но проходит день, порой на мою долю выпадает немножко пива, и мне кажется, что ответ богов звучит у меня в голове. Я думаю, что они говорят мне: «Потому что эта возможность гораздо приятнее другой».

Он посмотрел на растерянное лицо Мау.

— Потому что быть живым приятнее, чем мертвым, понимаешь?

— Не верю, — сказал Мау. — То есть я хочу сказать, ты просто слышишь собственные мысли.

— А ты никогда не задумывался, откуда берутся мысли?

Народ, или Когда-то мы были дельфинами

~~с. 119~~

— Не думаю, что их нашептывает демон!

Атаба улыбнулся.

— Посмотрим.

Мау воззрился на старика. Надо держаться гордо. Остров принадлежит ему, Мау. Он должен вести себя как вождь.

— Я собираюсь кое-что предпринять, — важно сказал он. — Это для моего Народа. Если я не вернусь, оставайся здесь. Если останешься, в Женской деревне есть хижины. А если я вернусь, я принесу тебе пива, старик.

— Есть пиво, которое бывает, и пиво, которое не бывает, — заметил жрец. — Я предпочитаю первое.

— Сначала должно появиться молоко, которое бывает, — улыбнулся Мау.

— Принеси его, демонский мальчишка, — сказал Атаба, — и я поверю во что угодно!

Глава 5

МОЛОКО, КОТОРОЕ БЫВАЕТ

МАУ ПОСПЕШИЛ НА-
ВЕРХ, К ЖЕНСКОЙ ДЕРЕВНЕ, и вошел туда смелее,
чем в первый раз. Нельзя было терять время. Солнце
клонилося к закату, и в небо уже поднимался при-
зрак луны.

Сперва нужно добыть пива. Это несложно. Жен-
щины делали «мать пива» каждый день, и Мау на-
шел чан, тихо пузырящийся на полке. В нем плавали
дохлые мухи, но это было не страшно. Он проделал
пивную церемонию, спел песенку о четырех братьях,
как того требовало пиво, а потом набрал охапку ба-
нанов и свистящего ямса. Бананы и ямс были старые
и подвявшие, в самый раз для свиней.

Народ был богат — у него было четыре трехногих
котла, и два из них находились здесь, в Женской дерев-

не. Мау развел огонь под одним котлом, вывалил туда бананы и ямс. Добавил немного пива, прокипятил, пока корневища не стали мягкими и мучнистыми, а потом уже ничего не стоило размять все это в кашу древком копыя.

Но все равно тени уже начали удлиняться, когда Мау продолжил свой путь в лес — с лыковой плетеной сумкой, из которой сочилась пивная каша, в одной руке и небольшим калебасом — в другой. Это был лучший калебас, который ему удалось найти. Кто-то очень тщательно выскреб всю оранжевую мякоть и бережно высушил корку, так что калебас получился легким и прочным, безо всяких трещин.

Копье он прислонил у входа в Женскую деревню и оставил там. Одиночке копье все равно не поможет против разозленной свиньи: кабан перекусит древко пополам или насадит себя на копье и попрет дальше напролом — шар живой ярости, который кусается и пронзает врага клыками, не зная, что уже мертв. А свиньи с поросятами еще хуже. Так что если пиво не сработает, Мау ждет верная смерть.

Хоть в чем-то Мау повезло. На тропе валялась старая жирная свиноматка в окружении поросят. Мау увидел свинью самую чуточку раньше, чем она его. Он остановился как вкопанный. Свинья хрюкнула и слегка колыхнула жирным телом. Она словно раздумывала, стоит ли бросаться на пришельца, но готова была атаковать, стоит ему сделать неверный шаг.

Он слепил кашу из сумки в большой ком и бросил в сторону свиньи. Каша еще не успела удариться о землю, а он уже бежал, ломясь через лес, как ис-

пуганный зверь. Через минуту он остановился и прислушался. За спиной раздавалось очень довольное чавканье.

Пришла пора грязной работы. Мау двигался теперь гораздо тише. Он сделал изрядный круг, чтобы зайти обратно на тропу, где лежала свинья. Она пришла туда из большой грязной промоины, вытоптанной свиньями в том месте, где ручей пересекал тропу. Свиньи обожали там валяться. Там было очень грязно. Грязь воняла свиньями, и Мау хорошенько в ней вывалялся, чтобы и от него пахло так же.

Он на цыпочках крался обратно по тропе. С него падали комья склизкой вонючей грязи. Ну что ж, зато от него точно не пахнет человеком. Да уж, наверное, он теперь уже никогда не будет пахнуть по-человечески.

Старая свиноматка вытоптала себе гнездо в подлеске и, довольно храпя, забылась счастливым пьяным сном. Поросята лазили по ней и шумно ссорились.

Мау бросился на землю и пополз. Свинья лежала с закрытыми глазами. Ведь она же не унюхает его за всей этой грязью? Ладно, придется рискнуть. Поросята толкались, отпихивая друг друга от сосков. А вдруг они догадаются, что он такое? Они так и так визжат не переставая, но вдруг у них есть специальный визг, чтобы натравить на него свиноматку? Ну что ж, заодно и проверим. Да и удастся ли вообще добыть молоко? Мау в жизни не слышал, чтобы свиней доили. И это выясним. Очень многое придется выяснить за такое короткое время. Но он

бросит вызов Локахе везде, где тот расправит свои темные крылья.

«Да не будет», — пробормотал Мау и скользнул в массу дерущейся, визжащей, шевелящейся свинины.

Дафна подтащила к огню еще бревно, выпрямилась и уставилась на старика. «Мог бы и он что-нибудь сделать», — подумала она. И одежда кое-какая ему не помешала бы. Но он только сидел у огня и время от времени кивал ей. Он съел больше своей доли запеченной рыбы (Дафна померила рыбу палочкой), а ей, Дафне, пришлось своими руками измельчить часть рыбы в кашу и скормить ее неизвестной женщине, которая зато стала выглядеть чуть лучше и хоть немного поела. Она все так же прижимала к себе ребенка, а он уже не плакал, и это пугало больше, чем любой плач...

Что-то заорало в холмах и орало, не прекращая, все громче и громче.

Старик со скрипом поднялся на ноги и взял в руки дубинку Мау, которую едва мог поднять. Он попытался замахнуться ею и упал навзничь.

Вопль приближался, а за ним — вопящая фигура. Она походила на человеческую, но воняла, как болото в жаркий день, и с нее капала зеленая грязь. Фигура сунула Дафне теплую, тяжелую тыкву. Дафна, не успев ничего сообразить, взяла тыкву. «Молоко!!!» — проорало неизвестное существо и скрылось в темноте. Послышался плеск — оно нырнуло в лагуну.

Запах висел в воздухе довольно долго. Когда случайный ветерок отнес его к костру, пламя на мгновение вспыхнуло синим светом.

Мау провел ночь на берегу, в отдалении от костра, а как только рассвело, опять пошел поплавать. Запах был очень стойким. Мау мог сколько угодно сидеть на дне лагуны, отскребая себя песком и водорослями, потом плавать под водой туда-сюда, и все же, стоило ему вынырнуть, запах был тут как тут — поджидал его.

Мау поймал несколько рыб и оставил там, где люди должны были их увидеть. Люди пока что спали. Мать и младенец закутались в одеяло. Они спали таким мирным сном, что Мау им позавидовал. Старик спал с открытым ртом. Он выглядел как мертвый, хотя, судя по звукам, был вполне живой. Девочка опять ушла на «Милую Джуди» по какой-то загадочной, понятной только брючникам причине.

В течение дня Мау старался держаться от людей подальше, но призрачная девочка словно следила за ним, и у него кончились приемы, которые помогали ему как бы случайно избегать встреч с ней. В конце концов, она его нашла — вечером, когда он чинил изгороди вокруг поля: новые колючие ветки должны были оградить посевы от свиней. Она ничего не сказала — просто села и стала на него смотреть. Когда люди так делают долго, это очень раздражает: молчание собирается в большое облако, похожее на грозовую тучу. Но Мау хорошо умел молчать, а девочка — нет. Рано или поздно она заговорит первая, или ее просто разорвет. Неважно, что он почти ничего из ее слов не понимает. Ей просто нужно было говорить, наполнять мир словами.

И вот она заговорила:

— У моей семьи больше земли, чем на всем этом острове. У нас есть фермы, и один раз пастух подарил мне ягненка, который остался без матери. Это ребенок овцы, кстати говоря. Я здесь овец не видела, так что ты, скорее всего, не знаешь, что это такое. Они говорят «мэ-э-э-э». Люди утверждают, что овцы говорят «бэ-э-э-э», но это неправда. Овцы не умеют произносить звук «б». Но люди все равно это повторяют, потому что не умеют слушать как следует. Мама сшила мне костюм маленькой пастушки, и я в нем выглядела очень мило... до тошноты. А это несчастное создание не упускало ни одного случая боднуть меня в... боднуть меня. Впрочем, тебе все это ни о чем не говорит.

Мау сосредоточился, пропуская длинные колючие ветви меж шестов. «Придется пойти на северный склон и нарезать еще колючих веток, — подумал он. — Может, лучше это сделать прямо сейчас. Если я туда побегу, может быть, она за мной не погонится».

— В общем, пастух показал мне, как поить ягненка молоком с пальцев, — без устали продолжала девчонка. — Нужно, чтобы молоко стекало по ладони, по капельке. Смешно, правда? Я знаю три языка, умею играть на флейте и на пианино, а оказывается, самое важное, что я умею, — поить маленькое, голодное существо молоком с пальцев!

«Похоже, она говорит о чем-то важном», — решил Мау. Он кивнул и улыбнулся.

— А еще у нас куча свиней. Я их видела с поросятами, и все такое, — продолжала она. — Понимаешь? Свиньи. Хрю-хрю.

«Ага, — подумал Мау, — она говорит про сви-ней и молоко. Замечательно. Именно этого мне и не хватало».

— Хрю? — переспросил он.

— Да, и, понимаешь, я хотела кое-что прояснить. Я *знаю*, что свиней нельзя доить, как доят овец или коров, потому что у них нету... — Она мимоходом коснулась собственной груди и тут же убрала руки за спину, — вымени. У них только такие... маленькие... трубочки.

Она кашлянула.

— Их никак нельзя подоить, понимаешь?

Она задвигала руками вверх-вниз, словно дергая за веревки, и в то же время почему-то начала издавать свистящие звуки. Она еще раз кашлянула.

— Э... и вот я поняла, что единственный способ, которым ты мог добыть молоко для ребенка... извини, пожалуйста... это подстеречь какую-нибудь свиноматку с маленькими поросятами, а это жутко опасно, и подползти, когда она будет их кормить... они ведь так шумят, правда? И... это...

Она сложила губы в трубочку и зачмокала.

Мау застонал. Она догадалась!

— И вот, ну, я хочу сказать, фу! — сказала она. — Но потом я подумала, ну пускай фу, но ребенок поел и перестал плакать, слава богу, и даже его мать теперь выглядит лучше... так что, я подумала, готова спорить, что даже великие исторические деятели, ну, знаешь, в шлемах и с мечами, и с плюмажем и прочее, я готова побиться об заклад, что никто из них не стал бы ползать в грязи ради умирающего от голода мла-

денца, не подполз бы к свинье и не... То есть я хочу сказать, это все-таки фу, но... в хорошем смысле. Все-таки фу, но важно, ради чего ты это сделал... и потому это... в каком-то смысле... подвиг...

Она наконец-то замолчала.

Мау разобрал слово «ребенок». Он также был почти уверен, что значит «фу», потому что девочка произносила это слово очень выразительно. Но не более того. «Она просто посылает слова в небо, — подумал он. — Чего она от меня хочет? Сердится? Говорит, что я поступил плохо? Как бы то ни было, ночью мне придется проделать это еще раз, потому что *младенцев надо кормить все время*.

А на этот раз будет хуже. Мне придется найти другую свиноматку! Ха, девчонка-призрак, тебя там не было, когда свинья сообразила, что происходит! Клянусь, у нее глаза загорелись красным светом! А как она бежала! Кто бы подумал, что такая туша способна так быстро бегать! Она меня не догнала только потому, что поросята все время отставали! А скоро мне придется все это проделать еще раз и еще раз, пока женщина не сможет сама кормить ребенка. Я должен это сделать, даже если у меня нет души, даже если я демон, который только думает, что он мальчик. Даже если я лишь пустая оболочка в мире теней. Потому что...»

На этом его мысли остановились, словно увязли в песке. Мау широко распахнул глаза.

Потому что... что? Потому что «да не будет»? Потому что я должен вести себя как мужчина, иначе обо мне плохо подумают?

Да, и это тоже да, но это не всё. Мне нужны этот старик, и этот младенец, и больная женщина, и призрачная девчонка. Потому что, если бы их не было, я вошел бы в темную воду прямо сейчас. Я требовал, чтобы мне объяснили причины. Вот они, причины. Они орут, воняют и чего-то требуют. Последние люди на свете. И они мне нужны. Без них я стану лишь фигурой на сером песке — потерянным мальчишкой, не знающим, кто он такой. Но они все знают, кто я такой, и я для них важен, и потому я тоже знаю, кто я.

Лицо Дафны блестело в свете огня. Она плакала. «Мы умеем говорить только как младенцы, — подумал Мау. — Чего же она все время болтает?»

— Я положила молоко охлаждаться в реку, — сказала Дафна, бездумно чертя пальцем по песку. — Но вечером нам понадобится еще. Еще молоко. Хрю!

— Да, — ответил Мау.

Воцарилось очередное неловкое молчание, которое девочка прервала словами:

— Мой папа за мной приедет. Обязательно приедет, вот увидишь.

Мау понял. Он посмотрел на то, что она рассеянно чертила в грязи. Девочка из палочек и мужчина из палочек стояли рядом на большом каное, которое, как Мау теперь знал, называется кораблем. Глядя на девочку, он подумал: «Она делает то же, что и я. Видит серебряную нить, которая ведет в будущее, и старается притянуть его к себе».

В отдалении трещал костер, посылая искры в красное ночное небо. Ветра сегодня почти не было, и дым поднимался прямо к облакам.

— Он *приедет*! Хочешь — верь, хочешь — нет. Острова Шестого Воскресенья После Пасхи довольно далеко отсюда. Волна не могла до них дойти. А если и дошла, губернаторская резиденция построена из камня и очень крепкая. Он губернатор! Он может послать дюжину кораблей меня искать, если захочет! Уже послал! Один корабль будет здесь через неделю!

Она опять заплакала. Мау не понимал ее слов, но понял слезы. Она тоже не уверена в будущем. Думаешь, что уверенность у тебя есть — будущее так близко, что уже стоит перед глазами, и вдруг его словно смывает волна, и ты пытаешься словами вернуть его обратно.

Он почувствовал, что девочка коснулась его руки. Он не знал, что с этим делать, но осторожно сжал ее пальцы пару раз и показал на столб дыма. Должно быть, на островах сейчас совсем немного костров. Этот знак наверняка виден на мили кругом.

— Он *приедет*, — сказал Мау.

Девочка на мгновение, кажется, страшно удивилась.

— Ты думаешь, он *приедет*? — спросила она.

Мау порылся в скудном запасе фраз. Лучше всего еще раз повторить то же самое.

— Он *приедет*.

— Видишь, я же тебе *говорила*, что он *приедет*, — просияла девочка. — Он увидит дым и повернет корабль прямо сюда! Столб огня ночью и столб дыма днем, совсем как у Моисея.

Она вскочила.

— Но пока я тут, я, пожалуй, пойду присмотрю за ребеночком!

Она убежала, счастливая, как никогда. А всего-то понадобилось два слова.

Явится ли за ней отец на большой лодке? Вполне возможно. Дым костра улетал в небо.

Кто-нибудь обязательно явится.

«Охотники за черепами», — подумал он...

Он знал о них только с чужих слов. Но все мальчики видели огромную дубинку в хижине вождя. Она была усажена акульими зубами, и Мау, когда попробовал впервые, даже не смог ее поднять. Дубинка осталась как воспоминание о последнем налете охотников за черепами на остров Народа. С тех пор людоеды уже не смели забираться так далеко на восток!

Все мальчики пытались поднять трофейную дубинку. Потом с круглыми глазами слушали рассказ про большие темные каноэ. Носы каноэ были увешаны окровавленными черепами. Гребцами служили пленники, которые сами почти превратились в скелеты. Мальчикам рассказывали о судьбе этих пленников — тому, кто ослабевал и не мог больше грести, страшно везло: его обезглавливали ради черепа. С теми пленниками, которых забирали на Землю Огней, обходились гораздо хуже, даже *до того*, как пускали их на мясо. Обо всем этом рассказывалось в мельчайших подробностях.

В этот момент, сидя с открытым от ужаса ртом или затыкая уши руками, ты думал только об одном: как бы не обмочиться.

Но тут начинался рассказ про Агану, вождя племени, который бросил вызов главарю охотников за черепами, сошелся с ним в поединке, согласно обычаю, и забрал из мертвых рук усаженную акульими зубами дубину, а охотники за черепами бежали обратно к своим каноэ. Они поклонялись самому Локахе, и раз уж он не собирался даровать им победу, оставаться не имело смысла, верно ведь?

После этого мальчикам предоставляли еще одну возможность поднять дубинку. Мау никогда не слышал, чтобы кто-нибудь не смог поднять ее после этого рассказа. И только теперь он задумался: это на самом деле из-за рассказа или старики придумали, как сделать, чтобы дубинка в первый раз была тяжелее?

— ТЫ ОСКОРБЛЯЕШЬ ПАМЯТЬ СВОИХ ПРЕДКОВ!

У-у-у, опять. Они весь день молчали. Даже не сказали ничего о том, что он доил свинью.

— Это не оскорбление, — сказал он вслух. — Я бы на их месте именно так и поступил. Если это трюк, то он дарит надежду. Сильным мальчикам он не нужен, а тем, кто послабее, поможет ощутить себя сильными. Каждый из нас мечтал, что именно он победит вражеского бойца в схватке один на один. Кто не верит в себя, тот никогда не победит! Разве вы сами никогда не были мальчиками?

В голове не раздалось ни ворчания, ни рева...

«Я не думаю, что они *думают*, — подумал Мау. — Может быть, они раньше и думали по-настоящему, но мысли стерлись от частого использования?»

— Этот ребенок у меня выживет, даже если мне придется подоить всех свиней на острове, — сказал Мау, хотя сама эта возможность вселяла в него дикий ужас.

Ответа не было.

— Я думал, что вам это интересно будет узнать, — сказал он, — потому что ребенку будут рассказывать о вас. Наверное. Он станет новым поколением. Он будет звать это место своим домом. Как я.

Ответ пришел не сразу и прозвучал как-то скрипуче, надтреснуто:

— ТЫ ПОЗОРИШЬ НАРОД! ЭТОТ РЕБЕНОК НЕ НАШЕЙ КРОВИ...

— А она у вас есть? — резко ответил Мау.

— А она у вас есть? — отозвался голос.

Мау посмотрел вверх, в рваную крону кокосовой пальмы. Сверху вниз на него смотрел серый попугай.

— Покажи нам панталончики! А она у вас есть? А она у вас есть? — крикнул он.

«Вот что они такое, — подумал Мау. — Обыкновенные попугаи».

Он встал, взял копьё, повернулся лицом к морю и принялся охранять Народ.

Мау, конечно, не спал. Но в какой-то момент он моргнул и обнаружил, что звезды светят ярко, а до рассвета осталось совсем немного. Ничего страшного. Найти храпящую свиноматку будет несложно. Обнаружив перед собой вкусную пивную кашу, она не будет задаваться вопросами, и, может быть, бежать придется уже засветло, так что хотя бы видно будет, куда бежишь.

Он велел себе не вешать нос. Правда, деваться некуда: доить свинью во второй раз будет куда труднее, потому что все время будешь вспоминать, как трудно было в первый раз.

Прибой в темноте светился там, где волны разбивались о риф, а Мау нужно было отправляться в путь. Мау предпочел бы сразиться с врагом.

Дедушки придерживались того же мнения. Видимо, они на досуге обдумали тему свиней.

— РАЗВЕ ЭТО ПУТЬ ВОИНА? — гневались они. — РАЗВЕ ВОИН ВАЛЯЕТСЯ В ГРЯЗИ СО СВИНЬЯМИ? ТЫ НАС ПОЗОРИШЬ!

«Этот воин сражается со смертью», — с нажимом произнес про себя Мау.

Ребенок уже попискивал. Когда Мау забрал у молодой женщины калebas, чтобы помыть его в ручье, она едва заметно грустно улыбнулась. За все время она так и не произнесла ни слова.

Мау опять не взял копье. Оно только помешает бежать.

Старик сидел на склоне над пляжем, глядя в уходящую ночь. Он кивнул Мау.

— Опять идешь доить, демонский мальчишка? — спросил он и ухмыльнулся. У него было два зуба.

— Хотите сами попробовать, почтенный? У вас рот как раз подходящий!

— Ха! Зато ноги подкачали! Правда, я свое сделал. Прешлой ночью я молился богам, чтобы они помогли тебе!

— Ну что ж, сегодня можешь отдохнуть, — сказал Мау, — а я пойду поваляюсь в грязи безо всякой мо-

литвы. А завтра я посплю, а ты помолись богам — авось они сделают так, что с неба пойдет молочный дождь. Думаю, окажется, что валяться в грязи надежнее.

— Ты что, мальчик, считаешь себя умником?

— Стараюсь не быть дураком, почтенный.

— Играешь словами, парень, играешь словами. Боги — во всем, что мы делаем. Кто знает, может, они сделают так, что и от твоего жалкого кощунства будет какая-то польза. Ты вчера упоминал про пиво... — с надеждой добавил он.

— А ты умеешь делать пиво? — улыбнулся Мау.

— Нет, — ответил Атаба. — Я всегда видел свой долг в том, чтобы его пить. Варить пиво — занятие для женщин. Девчонка-брючник не умеет делать пиво. Сколько я на нее ни кричал, все без толку.

— Мне нужно все пиво, которое у нас осталось, — твердо ответил Мау.

— Ох. Ты уверен? — У Атабы вытянулось лицо.

— Я не собираюсь сосать молоко из трезвой свиньи, почтенный.

— Ах да, — грустно сказал Атаба. — Ну что ж, я помолюсь... и насчет молока тоже.

Пора было идти. Мау поймал себя на том, что тянет время. Надо было слушать самого себя: если не веришь в молитву, приходится верить в собственное трудолюбие. Времени оставалось ровно на то, чтобы найти пока что спящих свиней. Но старик по-прежнему смотрел на небо.

— Что ты там ищешь? — спросил Мау.

— Знаки, приметы, божественные предвестия, демонский мальчишка.

Мау поднял голову. Рассвет уже был так близок, что виднелась только звезда Огня.

— И как, нашел? — спросил он у жреца.

— Нет, но будет просто ужасно, если знамение там есть, а я его пропущу, — ответил Атаба.

— А перед волной было знамение? Послание богов, написанное на небе?

— Возможно, но мы его не поняли.

— Мы бы поняли, если бы они закричали. Поняли бы! Что им стоило *крикнуть*?

— Э-ге-гей! — раздался крик, такой громкий, что, казалось, эхо отдалось в горах.

Мау задрожал всем телом и только потом сообразил: крик донесся с моря! Там, на воде, горит огонь! И это не охотники за черепами, потому что тем не пришлось бы в голову кричать «э-ге-гей!».

Но старик уже стоял на ногах. Рот его приоткрылся в жуткой усмешке.

— Ага, поверил! — каркнул он, грозя Мау тощим пальцем. — Поверил, хоть и на миг! И испугался, и правильно сделал!

— Там каноэ с парусом «клешня»! — сказал Мау, пытаясь не обращать внимания на старика. — Они огибают мыс! Смотри, у них даже есть горящий факел!

Но Атаба еще не закончил злорадствовать.

— Хоть на миг, но ты...

— Наплевать! Смотри! Там *люди*!

Каноэ входило через новый пролом в рифе. Мау различил двух человек — две фигуры, призрачные в слабом утреннем свете, опускали парус. Прилив был

удачный, и люди знали, что делают, так что суденышко легко, словно само собой, скользнуло в лагуну.

Оно мягко ткнулось в песок. Из него выпрыгнул молодой человек и побежал к Мау.

— Здесь есть женщины? — спросил он. — Пожалуйста, скорее! Жена моего брата вот-вот родит.

— У нас только одна женщина, и она больна.

— Она может спеть призывающую песню?

Мау посмотрел на безымянную женщину. Она так и не сказала ни слова, и он подозревал, что у нее с головой не все в порядке.

— Сомневаюсь, — сказал он.

Мужчина обмяк. Он был молод, всего несколькими годами старше Мау.

— Мы везли Кале в Женскую деревню на Отмельных островах, когда ударила волна, — сказал он. — Их больше нет. Стольких островов не стало. А потом мы увидели ваш дым. Скажи, где ваш вождь?

— Это я, — твердо сказал Мау. — Отведите ее в Женскую деревню. Вот Атаба, он покажет вам путь.

Старый жрец презрительно фыркнул и скривился, но спорить не стал.

Юноша уставился на Мау.

— Ты — вождь? Но ты всего лишь мальчишка!

— Не всего лишь. Не только. Может быть, даже и не мальчишка. Кто знает? — ответил Мау. — Пришла волна. Настали новые дни. Кто знает, что мы такое? Мы выжили, и это главное.

Он замолчал и подумал: и станем теми, кем должны стать...

— У нас есть девочка, она вам поможет. Я пошлю ее в Женскую деревню, — сказал он.

— Спасибо. Только это будет очень скоро! Меня зовут Пилу, а моего брата — Мило.

— Ты про призрачную девчонку? — прошипел Атаба на ухо Мау, когда юноша убежал обратно к лодке. — Это неправильно! Она не знает наших родильных обычаев!

— А *ты* знаешь? — спросил Мау. — Можешь ей помочь?

Атаба отпрянул, словно ошпаренный.

— Я?! Нет!

— Тогда отойди и не мешай. Увидишь, она сообразит, что делать. Женщины это умеют, — сказал Мау, стараясь говорить уверенно.

Кроме того, это же правда, разве нет? Мальчикам, чтобы официально стать мужчинами, нужно было пожить на острове и построить каноэ; а с девочками это получалось как-то само собой. Они волшебным образом постигали разные вещи — например, как держать младенца правильной стороной кверху и при этом издавать нужные звуки вроде «ути-сюси-пуси», чтобы он не орал до посинения.

— Кроме того, она не мужчина, она умеет разговаривать, и она живая, — закончил он.

— Ну что ж, я полагаю, при сложившихся обстоятельствах... — сдался Атаба.

Мау посмотрел на двух братьев, которые помогали беременной с большим животом выбраться из каноэ на песок.

— Покажи им дорогу. Я быстро! — сказал он и умчался.

«Интересно, женщины брючников такие же, как и обычные женщины? — думал он на бегу. — Она так рассердилась, когда я нарисовал ту картинку! Они когда-нибудь раздеваются? О, пожалуйста, пожалуйста, только бы она согласилась!»

Он вбежал в нижний лес, звенящий птичьими песнями, и следующая его мысль была: «Кому я только что сказал «пожалуйста»?»

Дафна лежала в темноте, обмотав голову полотенцем. В трюме разбитого корабля было душно и сыро и воняло. Но ей приходилось соблюдать приличия. Бабушка всегда настаивала на соблюдении приличий. Она специально искала приличия, чтобы их соблюсти, а если не находила, то придумывала новые и соблюдала их.

Вероятно, сон в капитанском гамаке нельзя было назвать соблюдением приличий, но тюфяк Дафны совершенно отсырел и был липким от соленой влаги. *Все* было мокрое. Здесь ничего не высыхало как следует, а ведь Дафна не могла развесить свою стирку на берегу: тогда мужчины увидели бы ее нижнее белье, и это, решительно, было бы вопиющим нарушением приличий.

Гамак чуть покачивался взад-вперед. В нем было очень неудобно, но у него было большое преимущество: туда не могли залезть мелкие красные крабы. Дафна знала, что они будут сновать по полу, забираясь во что попало, но, по крайней мере, если обмотать голову полотенцем, не слышно будет легкого скрежета, который они издают на бегу.

К несчастью, полотенце не помогало против того, что на родине Дафны называли рассветным хором. Впрочем, это слово не очень подходило для чудовищного взрыва звуков, раздавшегося снаружи. Это походило на войну, в которой сражающиеся вооружены свистками: все существа, покрытые перьями, одновременно сходили с ума. И ужин, съеденный этими проклятыми птицами в панталонах, начинал проситься наружу с восходом солнца: Дафна слышала, как птицы трещат на палубе у нее над головой. Кроме того, судя по доносившимся до нее звукам, у попугая, некогда принадлежавшего капитану Робертсу, еще не кончился запас ругательств. Некоторые ругательства были на иностранных языках, что ухудшало дело. Дафна все равно могла определить, что это ругательства. Просто знала, и все тут.

Она спала урывками, но в каждом туманном полусне, на грани бодрствования, видела мальчика.

В детстве Дафне подарили книгу про империю, с патриотическими картинками, и одна из них ей запомнилась. Картинка называлась «Благоуродный дикарь». Дафна тогда не поняла, почему мальчика с копьем в руке, с золотистой и гладкой кожей, похожего на только что отлитую бронзовую статую, обозвали уродным. По ее мнению, он был очень красив. Только много лет спустя Дафна поняла, что дикарь на самом деле был «благородный».

Мау был похож на того мальчика, только мальчик на картинке улыбался, а Мау — нет. И двигался он как зверь, запертый в клетке. Дафне было очень стыдно, что она тогда выстрелила в него из пистолета.

В водоворотях полусонного мозга завертелись воспоминания. Дафна вспомнила, каким был Мау в тот первый день. Он ходил по острову, словно автомат, и не слышал ее, даже не видел. Он таскал тела погибших, и глаза его смотрели на тот свет. Порой Дафне казалось, что Мау до сих пор туда смотрит. Казалось, он все время сердится, как сердилась бабушка, когда обнаруживала нарушение приличий.

Наверху раздался птичий треск. Дафна застонала. Очередная птица-панталоны отрыгивала остатки вчерашнего ужина, усеивая палубу мелкими косточками. Пора вставать.

Она размотала полотенце, стянула его с головы и села.

У кровати стоял Мау и глядел на нее. Как он попал на корабль? Как прошел по палубе, не наступив ни на одного краба? Дафна услышала бы! Что он так смотрит? Почему, о, почему она не надела свою единственную чистую ночную рубашку?

— Как ты смеешь врываться... — начала она.

— Женщина, ребенок, — настойчиво сказал Мау.

Он только что пришел и думал, как бы разбудить Дафну.

— Что?!

— Ребенок приходит!

— Что с ним такое? Ты достал молока?

Мау попытался думать. Какое это слово она использовала, чтобы обозначить одну вещь, а потом другую? А, да...

— Женщина и ребенок! — сказал он.

— Что с ними случилось?

Похоже, и это не работает. Тут его осенило. Он вытянул руки перед собой, словно у него спереди была гигантская тыква.

— Женщина, ребенок. — Он сложил руки вместе и покачал ими.

Призрачная девчонка уставилась на него. «Если Имо сотворил мир, — подумал Мау, — почему мы друг друга не понимаем?»

«Это невозможно, — подумала Дафна. — Он про ту бедную женщину? Но не может же быть, что у нее появился еще один ребенок! Или...»

— Люди приходить остров?

— Да! — радостно завопил Мау.

— Женщина?

Мау снова изобразил тыкву.

— Да!

— И она... в положении?

Это означало «беременная», но бабушка говорила, что настоящая леди никогда не употребляет таких слов в приличном обществе. Мау бабушка точно не отнесла бы к приличному обществу. Он непонимающе посмотрел на Дафну.

Она, яростно краснея, изобразила свой вариант тыквы.

— Э... вот такая?

— Да!

— Ну что же, это замечательно, — отозвалась Дафна, и стальной ужас стиснул ей душу. — Я желаю ей всяческого счастья. Но мне срочно нужно кое-что постирать...

— Женская деревня, ты приходить, — сказал Мау.

Дафна покачала головой:

— Нет! Я тут ни при чем! Я ничего не знаю... про то, как рождаются дети!

Это было вранье, но Дафне хотелось — страстно хотелось, — чтобы это было правдой. Стоило закрыть глаза, и ей до сих пор слышались... нет!

— Я не пойду. Ты не можешь меня заставить, — сказала она, отступая.

Мау схватил ее за руку — осторожно, но твердо.

— Ребенок. Ты приходишь, — сказал он, и голос его был так же тверд, как и рука.

— Ты не видел маленький гробик рядом с большим! — закричала Дафна. — Ты не знаешь, каково это!

И вдруг до нее дошло, как ударило. *Он знает.* Я же видела, как он хоронил людей в море. Он знает. Как я могу ему отказать?

Она расслабилась. Она уже не та девятилетняя девочка, которая сидела наверху лестницы, дрожа, прислушиваясь, не попадаясь под ноги, когда доктор с большим черным саквояжем, топоча, взбегал по лестнице. А хуже всего (если, конечно, в море зол можно найти самую высокую волну) было то, что *она не могла ничего сделать.*

— У бедного капитана Робертса в сундуке был медицинский справочник, — сказала она, — и ящик с лекарствами и разными другими вещами. Я, пожалуй, схожу за ними.

Когда Мау явился в сопровождении Дафны, братья ждали возле узкого входа в Женскую деревню. И тут мир опять изменился. Он изменился, когда старший брат произнес:

— Девчонка же из брючников!

— Да, ее принесла волна, — ответил Мау.

И тут младший брат произнес что-то похожее на слова брючников, и Дафна чуть не уронила ящик, который был у нее в руках, и быстро ответила ему на том же языке.

— Что ты ей сказал? — спросил Мау. — И что она тебе сказала?

— Я сказал: «Привет, красавица!»... — начал молодой человек.

— Кого волнует, кто кому что сказал? Она женщина! Ведите меня туда, быстро!

Кале, будущая мать, тяжело опиралась на руки мужа и деверя. Она была очень большая и очень сердитая.

Братья взглянули на обрамленный камнями вход.

— Э... — начал муж.

«А, боится за свою набабуку», — догадался Мау.

— Я ей помогу, — быстро сказал он. — Я не мужчина. Мне туда можно.

— А у тебя правда нет души? — спросил младший брат. — А то жрец сказал, что у тебя нет души...

Мау огляделся в поисках Атабы, но у старика оказалось какое-то срочное дело в другом месте.

— Не знаю, — ответил Мау. — А как она выглядит?

Он обхватил женщину с одной стороны, Дафна с обеспокоенным видом поддержала ее с другой, и они направились в Женскую деревню.

— Красавица, спой ребенку хорошую песню, чтобы позвать его в мир, — крикнул Пилу им вслед. Потом спросил брата: — Ты ему доверяешь?

— Он молод, и у него нет татуировок, — ответил Мило.

— Но он кажется... старше. И, может быть, у него нет души!

— Я и свою-то душу никогда не видел. А ты свою? А что до девчонки-брючника в белом... Помнишь, мы помогали тащить боцмана Хиггса в тот большой дом, где делают людям лучше? Там были дамы, которые одеты в белое и все время молятся. Они отлично зашили боцману ногу. Вот увидишь, она такая же, как они. Она точно умеет лечить людей.

Глава 6

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

ДАФНА В ОТЧАЯНИИ ЛИСТАЛА МЕДИЦИНСКИЙ СПРАВОЧНИК. Он был издан в 1770 году, когда люди еще не очень точно знали, как пишутся слова. Справочник был весь в пятнах и распадался на куски, как засаленная колода карт. Он был снабжен грубыми гравированными иллюстрациями: «Как отпиливать ногу»... а-а-а-а!.. «Как вправлять кости»... фу!.. и диаграммы в разрезе, изображающие... только не это... а-а-а! а-а-а! А-А-А-А!!!

Книга называлась «Медицинский спутник моряка». Она предназначалась для людей, у которых из всех лекарств — только бутылка касторки, операционный стол — скачущая вверх-вниз скамья на палубе, а из инструментов — молоток, пила, ведро кипящей смолы и бечевка. Насчет родов в книге было очень мало, а то,

что было... Дафна перевернула страницу... А-А-А-А!!! Она тут же пожалела, что увидела эту иллюстрацию. На ней изображался момент, когда все так плохо, что даже хирург уже не сделает хуже.

Будущая мать лежала на постели из циновок в одной из хижин и стонала. Дафна понятия не имела, хорошо это или плохо. Но она была совершенно уверена, что Мау не должен на это смотреть, будь он мальчик или кто угодно. Это Женская деревня, и тут уж ни убавить, ни прибавить...

Она указала на дверь. Мау очень удивился.

— Кыш! Пошел! Да-да. Мне все равно, человек ты, демон, призрак или кто еще. Но ты не женского пола! Должны же быть хоть *какие-то* правила! Я сказала — вон! И не подслушивать у замоч... веревки, — добавила она, задерживая травяные занавески, очень плохо игравшие роль двери.

Ей стало немного лучше. Хорошенько накричать на кого-нибудь — самое верное средство. От этого всегда становится легче и начинает казаться, что ты владеешь ситуацией, особенно если на самом деле это не так. Затем Дафна села на пол у циновки.

Женщина схватила ее за руку и скороговоркой выпалила какой-то вопрос.

— Э... простите, я не понимаю, — ответила Дафна.

Женщина опять что-то сказала и вцепилась в руку Дафны так, что кожа побелела.

— Я не знаю, что делать... ох, лишь бы обошлось...

Гробик, совсем маленький, на крышке большого гроба. И захочешь — не забудешь. Она хотела заглянуть

внутри, но ей не позволили, и не стали слушать, и не дали объяснить. Мужчины пришли посидеть с отцом, и в доме всю ночь было полно народу, а никакого нового братика или сестрички не было, и это была не единственная потеря в ее мире... И она всю ночь сидела на верхней площадке лестницы, рядом с гробами, хотела что-то сделать и не решалась, и так жалела бедного маленького мальчика, плачущего в одиночестве.

Женщина выгнулась дугой и что-то крикнула. Стоп, кажется, нужно петь. Они так сказали. Песня, чтобы приветствовать ребенка. Что за песня? Откуда ей, Дафне, знать нужную?

А может быть, и неважно, что за песня. Главное, чтобы она звала ребенка в мир, чтобы приветствовала его дух, чтобы ребенок захотел родиться. Да, похоже, это именно так, но откуда вдруг у Дафны взялась такая уверенность? И в голове у нее всплыла песня, очень старая — Дафна знала ее, сколько себя помнила. Эту песню пела ей мама, когда мама еще была.

Дафна склонилась над женщиной, тщательно прокашлялась и запела:

— Ты мигай, звезда ночная! Где ты, кто ты — я не знаю...¹

Женщина удивленно взглянула на нее и расслабилась.

— Высоко ты надо мной, как алмаз во тьме ночной, — выпевали губы Дафны, а мозг в это время

¹ Английская народная песенка на стихи Джейн Тейлор. (Перевод О. Седаковой.)

думал: «У нее много молока, она легко прокормит двоих — надо сказать, чтобы другую женщину и младенца тоже принесли сюда». За этой мыслью последовала другая: «Неужели это я сама только что подумала? Но я даже не знаю, как родятся дети! Надеюсь, крови не будет... Не выношу вида крови...»

*Только солнышко зайдет,
Тьма на землю упадет,
Ты появишься, сияя.
Так мигай, звезда ночная!
Тот, кто ночь в пути проводит,
Знаю, глаз с тебя не сводит...*

Кажется, что-то началось. Дафна осторожно отодвинула юбку женщины. О, так вот, оказывается, как это происходит. Боже мой. Я не знаю, что делать! И тут возникла другая мысль, словно выскочив из засады: «Вот что ты должна сделать...»

Мужчины ждали снаружи, у входа в Женскую деревню. Они чувствовали себя лишними, ненужными, как и положено в таких обстоятельствах.

Мау наконец запомнил, как их зовут. Милота-дан (старший брат, большой, на голову и плечи выше любого человека, которого Мау когда-либо видел) и Пилу-си (маленький, торопливый, почти все время улыбается).

Оказалось, что Пилу болтает за двоих:

— Мы как-то раз полгода плавали на лодке брючников, доплыли однажды до большущей деревни, она называется Порт-Мерсия. Весело было! Мы видели

большие дома из камня, и у брючников есть мясо, которое называется говядина, и мы научились говорить на их языке, а потом они завезли нас обратно домой, дали нам большие стальные ножи, иголки и трехногий котел...

— Тихо. — Мило поднял руку. — Она поет! Побрючниковски! Пилу, давай переводи, ты лучше всех знаешь их язык!

Мау подался вперед.

— О чем эта песня?

— Слушай, нас учили тянуть веревки и таскать тяжести, а не песни разбирать, — жалобно сказал Пилу.

— Но ты же сказал, что выучил их язык!

— Я могу кое-как объясниться! А эта песня очень сложная! Мм...

— Брат, это ведь *важно*! — сказал Мило. — Это первое в жизни, что услышит мой сын!

— Тихо! Кажется, она поет про... звезды, — сказал Пилу, скрючившись в мучительном напряжении мысли.

— Звезды — это хорошо, — сказал Мило, одобрительно оглядываясь по сторонам.

— Она говорит, что дитя...

— Сын, — твердо сказал Мило. — Это будет мальчик.

— Э... да, конечно. Он будет... да, он будет, как путеводная звезда, вести людей в темноте. Он будет мигать, но я не знаю, что это значит.

Они посмотрели вверх, в рассветное небо. Последняя звезда посмотрела на них и замигала на совершенно непонятном языке.

— Он поведет людей? — спросил Пилу. — Откуда она знает? Это очень сильная песня!

— Я думаю, она все сочиняет! — отрезал Атаба.

— Да ну? — надвинулся на него Мило. — Ты точно знаешь, что мой сын *не будет* великим вождем?

— Ну, не то чтобы, но...

— Стойте, стойте, — сказал Пилу. — Кажется... он будет искать значение звезд, я в этом почти уверен. И... ты видишь, я стараюсь, но это нелегко... из-за того, что он будет стараться это узнать, люди не останутся... в темноте. — И добавил: — Это было непросто, знаешь ли! У меня теперь голова болит! Это работа для жреца!

— Тихо, — сказал Мау. — Я, кажется, что-то слышал...

Они замолчали, а младенец завопил снова.

— Мой сын! — воскликнул Мило, а остальные разразились приветственными криками. — И он будет великим воином!

— Э... я не уверен, что это значило... — начал Пилу.

— Ну, во всяком случае, великим вождем, — отмахнулся Мило. — Говорят же, что родильная песня — пророчество. Такие слова в такое время... да, они вещие, я не сомневаюсь.

— А у брючников есть боги? — спросил Мау.

— По временам. Когда они про них вспоминают... Эй, вон она идет!

У камней, отмечающих вход в Женскую деревню, появился силуэт призрачной девочки.

— Мистер Пилу, скажите своему брату, что у него родился сын. Его жена чувствует себя хорошо. Она уснула.

Эта новость была передана с радостным воплем, который несложно перевести.

— И мы его назвать Мигай? — спросил Мило на ломаном английском.

— *Нет!* То есть — нет, не надо. Мигай — ни за что, — быстро сказала девочка-призрак. — Это неправильно. Очень неправильно. Мигай — плохо. Мигай — нет!

— Путеводная звезда, — предложил Мау, и это имя все одобрили.

— Это очень благоприятное имя, — сказал Атаба. И добавил: — А пива нам, случайно, не дадут?

Призрачной девочке перевели новое имя ребенка, и она дала понять, что любое имя, кроме Мигая, годится. Потом попросила — нет, *приказала*, — чтобы сюда принесли другую молодую женщину и ее ребенка, а также притащили кучу всякой всячины с развалин «Милой Джуди». Мужчины кинулись выполнять приказ. У них появилась цель.

Прошло две недели, и много чего случилось. Самое главное — прошло время; тысячи успокоительных секунд пронесли над островом. Время нужно людям, чтобы разобраться с «сейчас», пока оно не убежало в прошлое и не превратилось в «тогда». А самое главное — людям нужно, чтобы ничего особенного не происходило.

«Подумать только: я вижу весь этот горизонт! — думала Дафна, глядя на необъятное синее пространство, простирающееся, сколько глаз хватало, до самого края света. — Боже мой, папа был прав. Если мой

горизонт еще хоть чуточку расширится, его придется складывать вдвое».

Вообще странное выражение — «расширять горизонты». Горизонт, в конце концов, только один, и он удаляется, когда к нему приближаешься, так что его никак не поймать. Можно только добраться до места, где он был раньше. Дафна повидала море в разных частях света, и горизонт везде выглядел практически одинаково.

А может, все совсем наоборот: это сами люди двигаются, изменяются?

У Дафны не укладывалось в голове, что когда-то, в глубокой древности, она пыталась накормить бедного мальчика кексами, которые вкусом были похожи на гнилое дерево и слегка отдавалидохлым омаром! И переживала из-за салфеток! И пыталась выстрелить мальчику в грудь из древнего пистолета бедного капитана Робертса, а это совершенно неприемлемо с точки зрения правил хорошего тона.

Которая же из двух настоящая Дафна? Та, которая была раньше? Или эта, которая сейчас сидит в укрытом от невзгод саду Женской деревни и смотрит, как Безымянная Женщина у пруда изо всех сил прижимает к себе сына, словно маленькая девочка куклу. Пожалуй, пора снова забрать у нее ребенка, пусть он хотя бы подышит немного.

Мужчины, похоже, думали, что все женщины говорят на одном языке. Эта уверенность казалась Дафне глупой и немного злила, но приходилось признать, что сейчас в Женской деревне все разговаривали на одном языке — языке ребенка. Этот язык их всех

роднил. Дафна подумала: «Наверное, люди по всему свету воркуют с младенцами, издавая одни и те же звуки. Люди каким-то образом сами до этого додумываются. Никому ведь не придет в голову склониться над младенцем с железным подносом, колотя по нему молотком».

Кое-что вдруг очень заинтересовало Дафну. В промежутках между беготней по хозяйству она пристально наблюдала за младенцами. Когда они не хотели есть, они отворачивались. Когда хотели — тыкались головенками вперед. Как будто мотали головами, говоря «нет», и кивали, чтобы сказать «да». Может, отсюда и идет обычай кивать и качать головой? Повсюду ли он одинаков? Дафна мысленно сделала себе заметку — записать это при случае.

Что ее действительно беспокоило, так это мать младенца, которого Дафна мысленно называла свиномальчиком. Женщина теперь сидела, а по временам даже ходила и улыбалась, когда ей давали есть, но все же что-то было не так. Она даже не играла со своим ребенком столько, сколько Кале. Она отдавала Кале своего ребенка покормить — должно быть, в ее голове теплилась искра разума, и она понимала, что без этого нельзя. Но сразу после кормления выхватывала дитя и стремительно уносила в угол хижины, как кошка котенка.

Кале уже суежилась повсюду. Ребенка она постоянно таскала с собой под мышкой или, если ей нужно было освободить обе руки, отдавала Дафне. Дафна, кажется, повергала Кале в легкое недоумение. Похоже, Кале никак не могла решить, что же Дафна такое,

и на всякий случай обращалась с ней уважительно. Встретившись взглядами, они обычно улыбались друг другу чуть настороженно, словно говоря: «Мы тут друг с другом отлично ладим», но иногда Кале, поймав взгляд Дафны, едва заметно кивала в сторону другой женщины и с печальным видом стучала себя по голове. Перевод был не нужен.

Каждый день кто-нибудь из мужчин приносил им наверх рыбу. Кале показала Дафне кое-какие растения из тех, что росли в деревне. В основном корни. Были и пряные растения, в том числе перец, попробовав который Дафна была вынуждена пойти к ручью и три минуты пролежать, погрузив рот в воду. Зато потом она очень хорошо себя чувствовала. Некоторые растения были лекарственными, насколько Дафна могла понять. Кале замечательно умела изображать нужное значение пантомимой. Дафна так и не поняла, что бывает от мелких коричневых орешков, растущих на дереве с красными листьями, — то ли от них заболеваешь, то ли, наоборот, выздоравливаешь. В любом случае она старалась все запоминать. Она всегда суеверно хранила в памяти все полезные вещи, которые ей сообщали. По крайней мере, те, что сообщали не на уроках. В один прекрасный день они обязательно понадобятся. Мир испытывает тебя — проверяет, внимательно ты слушаешь или нет.

Она старалась все запоминать, когда Кале учила ее готовить. По-видимому, женщина была уверена, что это очень важно, и Дафна старалась не показывать, что она никогда в жизни не готовила. Еще Дафна

узнала, как делать один напиток, поскольку женщина на этом... очень настаивала.

Запах у напитка был, как у Демонского Питья, которое вело людей к Гибели. Дафна узнала об этом, когда дворецкий Биггсуик в один прекрасный день влез в кабинет ее отца, чудовищно напился виски и разбудил весь дом своим пением. Бабушка уволила его тут же и не смягчилась, даже когда отец Дафны сказал, что у Биггсуика сегодня умерла мать. Лакеи выволокли Биггсуика из дома, отнесли в конюшни и оставили там в соломе, плачущего, и лошади пытались слизывать слезы у него с лица, потому что лошади любят соль.

Дафне очень нравился Биггсуик, особенно то, как он ходил — выворачивая носки ног наружу, как будто вот-вот разорвется пополам. Особенно огорчительно было, что дворецкого уволили *из-за нее*. Бабушка, стоя наверху лестницы, словно каменная древняя богиня, указала на Дафну (которая с интересом наблюдала с верхней лестничной площадки) и рявкнула на отца:

— Ты так и будешь мириться с тем, что твое дитя становится свидетелем разврата и порока?

На этом с дворецким было покончено. Дафне было очень жаль, что его уволили, потому что он был очень добрый, и к тому же она почти научилась изображать его походку. Позже, подслушивая с помощью грузового лифта, она узнала, что он «плохо кончил». И все из-за Демонского Питья.

С другой стороны, ей всегда хотелось узнать, что это за Демонское Питье такое, о котором все время

говорит бабушка. Островной вариант Демонского Питья требовал тщательного приготовления. Сырьем для него служили красные корни, которые росли в одном из закоулков деревни. Кале очень старательно очистила корни ножом, а потом так же старательно вымыла руки в пруду, в том месте, где он переполнялся и вода текла дальше в ручеек. Кале измельчила корни большим камнем и добавила горсть мелких листьев. Осмотрела чашу и добавила еще один листок. Налила воды из тыквы, стараясь не расплескивать, и оставила чашу на полке на день.

На следующее утро в чаше пенилась и шипела неприятного вида желтая жидкость.

Дафна полезла понюхать, чтобы выяснить, пахнет ли жидкость так же противно, как выглядит, но Кале осторожно и решительно потянула ее обратно, изо всех сил мотая головой.

— Нельзя пить? — спросила Дафна.

— Пить нет!

Кале сняла чашу с полки и поставила посреди хижины. И плюнула в чашу. Столб чего-то вроде пара ударил в тростниковую крышу хижины, и бурлящая смесь в чаше зашипела еще громче.

«Да, — подумала замороженная и шокированная Дафна, — это совсем не похоже на бабушкин послеобеденный херес».

И тут Кале запела. Какую-то веселенькую песенку: такие мелодии прицепляются намертво, даже если не знаешь слов. Мотивчик был прыгучий, и становилось ясно, что выкинуть песенку из головы не удастся. Даже зубилом выбить не получится.

Она пела пиву. И пиво слушало. Оно успокаивалось, как встревоженный пес при звуках голоса хозяина. Шипение стихало, пузыри лопались, а гнусная мутная жидкость светлела.

Кале продолжала петь, отбивая ритм обеими руками. Но руки не просто отбивали ритм: они рисовали в воздухе фигуры, следуя за мелодией. В песне, заклиняющей пиво, было множество мелких куплетов, за которыми следовал один и тот же припев, так что Дафна стала подпевать и размахивать руками в такт. Она решила, что Кале этим довольна, потому что та склонилась к ней, не переставая петь, и поставила ее пальцы в правильное положение.

Странные маслянистые волны пошли по содержимому чаши, которое с каждым куплетом становилось прозрачнее. Кале внимательно смотрела на него, продолжая петь... а потом замолчала.

Чаша была полна жидкого алмаза. Пиво сверкало, как море. По нему прошла крошечная волна.

Кале зачерпнула пиво раковиной и предложила Дафне, вдохновляюще кивнув.

Ну что ж, отказаться было бы, как говорит бабушка, *не комильфо*. Не следует забывать о хороших манерах. Отказ может обидеть Кале, а это не годится.

Она попробовала. На вкус оно было как жидкое серебро, и у нее заслезились глаза.

— Для муш! Мушин! — ухмыльнулась Кале. — Для когда слишком много муш!

Она легла на спину и очень громко захрапела. Даже Безымянная Женщина улыбнулась.

«Я узнаю новое, — подумала Дафна. — Надеюсь, скоро я узнаю, что именно я узнала».

На следующий день она все поняла. На языке, составленном из немногих слов и большого количества улыбок, кивков и жестов — некоторые жесты должны были бы шокировать Дафну, только здесь, на солнечном острове, такая реакция была совершенно неуместна, — Кале учила ее всему, что нужно, чтобы заполучить мужа.

Дафна знала, что смеяться нельзя, и старалась не смеяться, но она никак не смогла бы объяснить Кале, что у нее есть другой способ найти мужа. Достаточно быть дочерью очень богатого отца, губернатора кучи островов. Кроме того, Дафна была совершенно не уверена, что вообще собирается замуж. У нее сложилось впечатление, что от мужей одни хлопоты. А что до детей, то, поучаствовав в рождении Путеводной Звезды, Дафна решила: если *ей* когда-нибудь вздумается завести детей, она найдет где-нибудь готовых.

Но она при всем желании не смогла бы объяснить этого двум молодым матерям. Поэтому она старалась усваивать объяснения Кале и даже позволила Безымянной Женщине заплести ей волосы. «Бедняжку это хоть как-то развлекло, а прическа, — решила Дафна, — получилась даже хорошенькая, хотя и слишком взрослая для тринадцати лет. Бабушка бы *не одобрила*, хотя, пожалуй, на другой край света даже ее остренькие глазки не достанут».

Конечно, в любой момент может появиться папин корабль. Дафна в этом не сомневалась. Он до сих пор не пришел только потому, что островов очень много — пока все объедешь.

А если он не приедет?

Она выпихнула эту мысль из головы.

Мысль протиснулась обратно, таща за собой шлейф других мыслей. Дафна понимала: они утащат ее на дно, стоит только начать их думать.

На следующий день после рождения Путеводной Звезды на остров явились еще люди — маленький мальчик по имени Ото-Ай и крохотная сморщенная старушка. Оба были иссохшие и голодные.

Старушка была едва ли крупнее мальчика. Она поселилась в углу одной из хижин, где ела все, что ей давали, и следила за Дафной круглыми блестящими глазками. Кале и другие женщины относились к старушке с огромным уважением и называли ее длинным именем, которое Дафна не могла выговорить. Сама она звала старушку «миссис Бурбур», потому что у старушки был неслыханно шумный желудок, и к ней лучше было подходить только с наветренной стороны.

Ото-Ай же оправился мгновенно, как это умеют дети, и Дафна отправила его помогать Атабе. Из Женской деревни она видела, как старик и мальчик чуть ниже по склону чинят ограду от свиней. Дойдя до края поля, можно было увидеть на берегу неуклонно растущую кучу досок, брусьев и парусины. Раз уж людям суждено иметь будущее, этому будущему понадобится крыша над головой.

«Джуди» умирала. Это было печально, но они лишь заканчивали начатое волной. Дело двигалось медленно, потому что корабль очень трудно разъять на части, даже если вы уже нашли сундук с плот-

ническим инструментом. Но для острова, который до волны владел двумя ножами и четырьмя небольшими трехногими котлами, это было настоящее сокровище. Мау и братья расклевывали лодку, как птицы-дедушки — дохлую тушу. Части корабля они вытаскивали на берег и волокли на пляж. Работа была жаркая.

Пилу немного задирали нос оттого, что знал названия всех инструментов в сундуке, но Мау решил, что, когда доходит до дела, молоток — он и есть молоток, все равно — металлический или каменный. И с долотами было то же самое. А шкура ската ничуть не хуже этой ихней наждачной бумаги, разве нет?

— Ну хорошо, а как насчет плоскогубцев? — спросил Пилу, демонстрируя их. — У нас никогда раньше не было плоскогубцев.

— Мы могли бы их и сделать, если бы захотели, — ответил Мау. — Если бы они нам понадобились.

— Да, но в том-то и дело. Пока у нас их нет, мы не знаем, что они нам нужны.

— У нас их никогда раньше не было, поэтому мы не могли хотеть, чтобы они у нас были! — ответил Мау.

— Совсем необязательно сердиться.

— Я не сержусь! — отрезал Мау. — Я просто думаю, что мы и без этого справляемся!

Они, конечно, справлялись. Остров всегда справлялся. Но небольшой камбуз «Милой Джуди» действовал Мау на нервы, а почему — он и сам не понимал и от этого чувствовал себя еще хуже. Как брючники умудрились накопить такую гору вещей? Вещи

приходилось таскать и складывать в кучу на пляже, у края нижнего леса, и они были *тяжелые*. Кастрюли, сковородки, ложки, вилки... Одна большая вилка, если к ней добавить древко, станет просто потрясающей острой для ловли рыбы, а таких вилок там были кучи, и еще ножи — большие, как сабли.

В этом была какая-то... самоуверенность. Команда обращалась с замечательными инструментами так, словно те ничего не стоили. Их небрежно кидали в кучу, портя и царапая. На острове такую вилку повесили бы на стену в хижине и ежедневно чистили бы.

На одной этой лодке металла, наверное, больше, чем на всех островах, вместе взятых. А если верить Мило, в Порт-Мерсии куча таких лодок, и некоторые из них куда больше «Джуди».

Мау мог сделать копье с начала до конца — правильно выбрать древко, заострить наконечник. Готовое копье будет целиком принадлежать ему, каждой своей частью. Железное копье гораздо лучше, но оно просто... вещь. Если оно сломается, Мау не сможет сделать новое.

С кастрюлями было то же самое. Даже Пилу не знал, как их делают.

«Так что мы немногим лучше красных крабов, — думал Мау, волоча к берегу тяжелый ящик. — Фиги падают с деревьев — больше крабы ничего не знают. Разве мы не можем стать лучше крабов?»

— Я хочу научиться языку брючников, — сказал он, когда они сели отдохнуть перед возвращением в вонючую, душную жару трюма. — Научишь меня?

— А что ты хочешь говорить? — спросил Пилу и ухмыльнулся. — Ты хочешь разговаривать с девчонкой-призраком, верно?

— Да, если хочешь знать. Мы с ней разговариваем, как младенцы. Нам приходится рисовать картинки!

— Ну что ж, если ты хочешь поговорить с ней насчет погрузки и разгрузки, я могу тебе помочь, — ответил Пилу. — Послушай, мы были на корабле с кучей других мужчин. Они в основном ворчали из-за еды. Хочешь научиться говорить: «У этого мяса такой вкус, словно оно с собачьей задницы»? Я знаю, как это сказать.

— Нет, но мне надоело каждый раз спрашивать у тебя слова, когда мы с ней разговариваем.

— Кале говорит, что девчонка-призрак очень быстро учится говорить по-нашему, — пророкотал Мило. — И пиво она варит лучше кого бы то ни было.

— Я знаю! Но я хочу говорить с ней на языке брючников!

— Ты, она и больше никого, а?

— Что?!

— Ну как же, она — девочка, а ты...

— Слушай, меня не интересует девчонка-призрак! То есть я...

— Положись на меня. Я точно знаю, что тебе нужно.

Пилу порылся в куче вещей, уже принесенных с разбитого корабля, и извлек нечто, с первого взгляда похожее на очередную доску. Но Пилу принялся колотить по этой штуке и разминать ее, и оказалось, что это...

— Брюки! — сказал Пилу и подмигнул брату.

— И что? — спросил Мау.

— Женщины брючников любят, чтобы мужчины были в брюках, — объяснил Пилу. — Когда мы были в Порт-Мерсии, нас не пускали на берег без брюк, а иначе женщины брючников на нас странно смотрели и принимались визжать.

— Я не собираюсь в них тут ходить!

— Если девчонка-призрак примет тебя за брючника, она, может быть, разрешит тебе... — начал Мило.

— Меня *не интересует* девчонка-призрак!

— Да-да, ты уже говорил.

Пилу попытался растянуть брюки в длину, а потом поставил их на песок. Брюки так задубели от соли и грязи, что стояли колом. Вид у них был устрашающий.

— У них очень мощная магия, честно, — сказал Мило. — За ними — будущее, это точно.

На обратном пути к кораблю Мау старался не давить красных крабов. Он думал: «Они, наверное, сами не знают, живые они или мертвые. Я уверен, что они не поклоняются маленьким крабьим богам, которые бегают бочком, и вот — волна прошла, а они все тут же, и меньше их не стало. И птицы тоже знали, что волна придет. А мы — нет. Но мы же умные! Мы делаем копья, ловим рыбу в ловушки, рассказываем истории! Когда Имо лепил нас, почему он не добавил какую-нибудь штучку, которая предупреждала бы нас, что идет волна?»

Они вернулись на «Милую Джуди». Пилу весело насвистывал, отдирая доски палубы металлической

полосой, найденной в ящике с инструментами. Мелодия была прилипчивая и не походила ни на одну знакомую Мау песню. Свистом они обычно подзывали собак во время охоты, но этот свист был какой-то особенный.

— Что это? — спросил Мау.

— Это песня. Называется «У меня отличные кокосы». Меня научил один человек на «Джоне Ди». Это песня брючников.

— О чем она?

— В ней поется: «У меня есть большие кокосы, и я хочу, чтобы ты кидался в них всякими разными вещами», — объяснил Пилу, отдирая доску от палубы.

— Но никто же не кидает камни в кокосы, если они уже сняты с дерева, — заметил Мау, облокотившись на ящик с инструментами.

— Я знаю. Брючники увозят кокосы в свою страну и там ставят их на столбы и кидаются в них.

— Зачем?

— Смеха ради, наверное. Это называется «Кокосовая потеха».

Доска наконец-то отделилась от палубы с долгим визгом выдираемых гвоздей. Звук был ужасный. Мау казалось, что они убивают живое существо. У всех каноэ есть душа.

— Потеха? Что это значит? — спросил он. Лучше говорить обо всякой чепухе, чем о смерти «Джуди».

— Это значит, что кокосы хотят показаться людям, — вставил Мило, но как-то неуверенно.

— Показать? Они же на дереве! Мы их и так видим.

— Мау, почему ты задаешь так много вопросов?

— Потому что мне нужно много ответов! Что значит «потеха»?

Пилу принял серьезный вид. У него всегда был такой вид, когда ему приходилось думать. Он, как правило, предпочитал разговаривать.

— Потеха? Ну, матросы мне говорили: «Ты потешный, не то что твой брат». Это потому, что Мило с ними никогда не разговаривал. Он только хотел заработать трехногий котел и несколько ножей, чтоб жениться.

— Ты хочешь сказать, что брючники швыряют в кокосы разные вещи, потому что кокосы с ними разговаривают?

— Возможно. Они вообще порой ведут себя как безумные, — сказал Пилу. — Вот что я тебе скажу про брючников. Они очень храбрые. Они приплывают на своих лодках с другого конца света. Они знают тайну железа. Но одной вещи они боятся. Угадай чего?

— Не знаю. Морских чудовищ? — рискнул Мау.

— Нет!

— Заблудиться? Охотников за черепами?

— Нет.

— Тогда сдаюсь. Чего они боятся?

— Ног. Они боятся ног, — торжествующе произнес Пилу.

— Боятся ног? Чьих ног? Своих? Хотят от них убежать? Как? На чем?

— Да не своих! Но женщины брючников очень расстраиваются, если увидят мужскую ногу. А один парень на «Джоне Ди» рассказывал про молодого

брючника, который упал в обморок при виде женской щиколотки. Этот парень говорил, что женщины брючников даже на ноги стола надевают брюки, иначе молодые люди их увидят и будут думать про женские ноги!

— Что такое стол? Почему у него ноги?

— Вот стол, — сказал Пилу, показывая на другой конец каюты. — Он нужен для того, чтобы сделать землю выше.

Мау и раньше видел эту штуку, но не обращал внимания. Всего-навсего несколько досок, сбитых вместе, и еще несколько кусков дерева удерживают их над палубой. Стол стоял косо, потому что «Милая Джуди» лежала на боку, а стол был прибит к ней гвоздями. К деревяшкам были приколочены двенадцать кусков тусклого металла. Оказалось, они называются тарелками («Для чего они?»), а прибили их для того, чтобы они не соскакивали со стола в шторм и чтобы их можно было мыть, выплеснув на них ведро воды («Что такое ведро?»). Глубокие царапины на тарелках были потому, что матросов в основном кормили соленой говядиной или свиной двухлетней давности, которую даже стальным ножом нелегко разрезать. Но Пилу обожал эту еду, потому что ее можно было жевать весь день. На «Милой Джуди» нашлись большие бочонки свинины и говядины. Ими сейчас питался весь остров. Мау больше всего нравилась говядина. Пилу сказал, что говядина — это мясо животного под названием «рогатыскот».

Мау постучал по столешнице.

— А этот стол не одет в брюки, — заметил он.

— Я спрашивал, — сказал Пилу, — и мне ответили, что моряки, что ни делай, все равно будут думать про женские ноги. Так что нечего зря брюки переводить.

— Странные люди, — заметил Мау.

— Но в них что-то есть, — продолжал Пилу. — Только начинаешь думать, что они сумасшедшие, — и тут видишь что-нибудь вроде Порт-Мерсии. Огромные каменные хижины выше деревьев! Некоторые внутри как лес! Лодок столько, что и не сосчитать! А лошади! О, видел бы ты только этих лошадей!

— Что такое лошади?

— Ну, они... Ну, свиней ты знаешь?

— Еще как.

— А, да. Извини. Нам рассказывали. Ты очень смелый. Ну так вот, лошади не похожи на свиней. Но если взять свинью, сделать ее больше и длиннее, удлинить ей нос и хвост, получится лошадь. Да, и еще лошади гораздо красивее. И ноги у них гораздо длиннее.

— Так, значит, лошади совсем не похожи на свиней?

— Ну, наверное, да, не похожи. Но у них столько же ног.

— Они тоже носят брюки? — Мау окончательно запутался.

— Нет. Брюки — только для людей и столов. Примерь!

Они ее заставили. Дафна признавала, что это, наверное, к лучшему. Она сама хотела это сделать, но не осмеливалась, а они ее заставили, точнее, заставили ее заставить себя это сделать, и теперь, когда она это

сделала, она была рада. Рада, рада, рада. Бабушка не одобрила бы, но это ничего, потому что: а) она все равно не узнает, б) в сложившихся обстоятельствах поступок Дафны был совершенно разумным, и в) бабушка точно не узнает.

Дафна сняла платье и все нижние юбки, кроме одной. Всего три предмета одежды отделяли ее от полной наготы! Ну четыре, если считать травяную юбку.

Юбку ей сделала Безымянная Женщина, к большому одобрению Кале. Сделала из странной лианы, которая росла по всему острову. Похоже, это была какая-то трава, но она росла не вверх, а только разворачивалась, как бесконечный зеленый язык. Она перепутывалась с другими растениями, взбиралась по деревьям и вообще залезала всюду. Очень выразительной пантомимой Кале объяснила, что из этой травы можно было сварить посредственный суп, а также мыть голову ее соком, но главное, для чего она использовалась, — изготовление веревок, одежды и мешков. Вот как эта юбка, сделанная Безымянной Женщиной. Дафна знала, что юбку придется носить, потому что бедная женщина совершила огромный подвиг — выпустила из рук своего младенца не для того, чтобы Кале его покормила; это было очень хорошо, и это надо было поощрять.

Юбка шелестела при ходьбе, что очень огорчало Дафну. Она думала, что похожа на беспокойный стог сена. Зато в юбку задувал чудесный ветерок.

Должно быть, именно это бабушка называла «отуземиться». Она считала, что быть иностранцем —

преступление или, по крайней мере, некая болезнь, возникающая от излишнего пребывания на солнце или от употребления в пищу оливок. «Отуземиться» означало *отуститься* и *стать одним из них*. Чтобы не отуземиться, следовало вести себя точно так же, как дома, в частности: переодеваться в тяжелые плотные одежды к обеду, есть вареное мясо и коричневый бульон. Овощи были «нездоровой пищей», и фруктов тоже следовало избегать, потому что «неизвестно, где они побывали». Дафна этого не понимала, потому что ну где мог побывать, скажем, ананас?

Кроме того, есть же пословица: «В чужой стране жить — чужой обычай любить». Впрочем, бабушка, наверное, сказала бы, что это значит принимать ванны из крови, или бросать людей на съедение львам, или есть павлиньи глаза.

«И вообще мне все равно, — подумала Дафна. — Я бунтую!» Хотя, конечно, она не собиралась снимать корсаж, или панталоны, или чулки. Сейчас не время совсем сходить с ума. Нужно соблюдать хоть какие-то приличия.

А потом она осознала, что последнюю мысль подумала бабушкиным голосом.

— Знаешь, они тебе идут! — сказал Пилу в нижнем лесу. — Девчонка-призрак скажет: «О, да это брючник!», и тогда ты сможешь ее поцеловать.

— Я же тебе сказал, это не для того, чтобы целоваться с девчонкой-призраком! — рявкнул Мау. — Я... просто хотел проверить, подействуют ли они на меня, вот и все.

Он сделал несколько шагов. До этого они выполоскали брюки в реке и хорошенько выколотили камнями, чтобы смягчить ткань. Но брюки все равно хрустели при ходьбе.

Он знал, что это глупо, но если нельзя возлагать надежды на богов, то, может быть, на брюки — можно? Ведь и в песне про четырех братьев говорилось, что у Северного ветра был волшебный плащ, который носил его по воздуху. А если нельзя верить песне, превращающей яд в пиво, чему тогда вообще можно верить?

— Чувствуешь что-нибудь? — спросил Пилу.

— Ага, они ужасно натирают сресер!

— А, это потому, что на тебе не надеты невыразимые.

— Невыразимые что?

— Это такие мягкие брюки, которые надеваются под наружные брюки.

— Что, даже *брюки* должны носить брюки?

— Точно. Брючники думают, что лишние брюки никогда не помешают.

— Стоп, а эти штуки как называются? — спросил Мау, шаря руками внутри брюк.

— Не знаю, — осторожно сказал Пилу. — Какие?

— Маленькие мешочки внутри брюк. Вот это ловко!

— Карманы, — сказал Пилу.

Но брюки сами по себе не помогают изменить мир. Мау это понимал. Брюки полезны, если нужно охотиться в колючих кустах, и внутренние мешочки для переноски вещей — замечательная идея, но не

брюки принесли брючникам весь этот металл и большие корабли.

Не в брюках как таковых было дело, а в сундуке с инструментами. Мау не стал слишком восторгаться сундуком в присутствии Пилу, потому что не хотел признавать, что Народ хоть в чем-то отстал от брючников. Но сундук впечатлил его. Конечно, молоток мог изобрести кто угодно, но в ящике были и другие вещи — прекрасные, сверкающие, деревянные и металлические, — и даже Пилу не знал, зачем они. И они словно о чем-то говорили Мау.

«Мы не изобрели плоскогубцы, потому что они нам никогда не были нужны. Прежде чем изобрести что-то новое, нужно, чтобы появилась новая мысль. Это важно. Нам не нужны были новые вещи, поэтому нас не посещали новые мысли.

Зато теперь нам нужны новые мысли!»

— Пойдем к остальным, — сказал Мау. — Но на этот раз давай захватим инструменты.

Он шагнул вперед и упал.

— А-а-а! Тут огромный камень!

Пока Мау растирал ушибленную ступню, Пилу раздвинул бумажные лианы, которые росли не переставая.

— А, это одна из пушек «Джуди», — объявил он.

— Что такое пушка? — спросил Мау, разглядывая длинный черный цилиндр.

Пилу объяснил.

Следующий вопрос Мау был:

— А что такое порох?

Пилу и это объяснил. И Мау снова увидел сверкающую серебряную картинку будущего. Она была пока не очень отчетлива, но пушка в нее укладывалась. Трудно верить в богов, но «Джуди» — дар, принесенный волной. В ней нашлось все, что нужно: еда, инструменты, дерево, камень, — так, может быть, все найденное на «Джуди», в конце концов, окажется нужным, даже если сами люди этого еще не знают, даже если сейчас они в этом не нуждаются. Однако пора уже идти обратно.

Каждый взялся за свою ручку сундука, который сам по себе был почти неподъемен. Им приходилось останавливаться каждые несколько минут, чтобы перевести дух, а Мило ушел вперед — он тащил свои доски упорно, не останавливаясь. Точнее, дух переводил Мау, а Пилу болтал. Он говорил без умолку о чем попало.

Узнав братьев поближе, Мау понял: неправильно было бы считать, что Мило — большой и глупый, а Пилу — маленький и умный. Мило просто меньше говорит. Зато когда он открывает рот, его стоит послушать. Но Пилу плавал в словах, как рыба в воде. Он рисовал ими картины в воздухе, причем постоянно.

В конце концов, Мау спросил:

— Пилу, а ты не думаешь про свой народ? Не гадаешь, что с ними случилось?

Пилу в кои-то веки примолк.

— Мы вернулись. Все хижины исчезли. И каноэ тоже. Мы надеялись, что люди добрались до одного из каменных островов. Когда мы отдохнем и ребенок

окрепнет, мы отправимся на поиски. Надеюсь, боги их сохранили.

— Ты правда так думаешь? — спросил Мау.

— Мы всегда относили в святилище самую лучшую рыбу, — ответил Пилу ровным голосом.

— А здесь мы ее оставляем... то есть оставляли... на якорях богов, — сказал Мау. — И ее съедали свиньи.

— Ну да, но только то, что осталось.

— Нет, всю рыбу, — резко сказал Мау.

— Но дух рыбы поднимается к богам, — возразил Пилу.

Голос его доносился как будто издалека. Он словно пытался отдалиться от разговора, только не телом, а мыслями.

— Ты хоть раз видел это своими глазами?

— Послушай, я знаю, ты думаешь, что богов нету...

— Может быть, они все-таки есть. Я только хочу знать, почему они ведут себя так, как будто их нету. Я хочу, чтобы они объяснили!

— Слушай, это случилось, вот и все, — с несчастным видом сказал Пилу. — И я просто благодарен за то, что остался в живых.

— Благодарен? Кому?

— Ну хорошо — рад! Я рад, что мы все живы, и жалею, что остальные умерли. А ты злишься, и кому от этого какая польза? — сказал Пилу.

В его голосе послышалось странное рычание, словно какой-то безобидный зверек, загнанный в угол, пришел в ярость и был готов сражаться за свою жизнь.

К изумлению Мау, Пилу заплакал. Мау обнял его, сам не зная зачем, но в то же время точно зная,

всем нутром чувствуя, что поступает правильно. Пилу сотрясали чудовищные рыдания, смешанные с обрывками слов, соплями и слезами. Мау держал его в объятиях, пока он не перестал содрогаться и лес не наполнился снова пением птиц.

— Они стали дельфинами, — пробормотал Пилу. — Я уверен.

«Почему я так не могу? — спросил себя Мау. — Где мои слезы, когда нужно заплакать? Может быть, волна забрала их. Может, их выпил Локаха, или я оставил их в темной воде. Но я их не чувствую. Может быть, чтобы плакать, нужна душа».

Через некоторое время рыдания перешли в кашель и шмыганье носом. Затем Пилу очень осторожно оттолкнул руки Мау и сказал:

— Пожалуй, так мы много не нарботаем. Пошли! Давай шевелись! И вообще я вижу, ты мне подсунул край потяжелее!

И его улыбка вновь засияла, словно и не исчезала никуда.

Достаточно было познакомиться с Пилу, чтобы понять: он плывет по жизни, как кокосовый орех по океану. Он всегда всплывает. В нем как будто бьет ключ природной жизнерадостности, которая всегда пробивается пузырьками на поверхность. Печаль подобна облаку, ненадолго закрывающему солнце. Скорбь надежно спрятана у него в голове, заперта в клетке и накрыта одеялом, как попугай, принадлежавший капитану. Чтобы бороться с тревожащими мыслями, Пилу их просто не думает. Как будто в тело юноши поместили мозг собаки.

Вот сейчас Мау отдал бы что угодно, чтобы стать Пилу.

— Перед тем как пришла волна, все птицы взлетели в воздух, — говорил Мау, пока они выходили из-под полога леса на яркий полслеполуденный свет. — Как будто они что-то знали — что-то такое, чего не знал я!

— Ну, птицы взлетают и когда охотники приближаются, — заметил Пилу. — Такая уж у них повадка.

— Да, но это было почти за минуту до прихода волны. Они знали! Как они узнали?

— Откуда нам знать?

Это была еще одна характерная черта Пилу: ни одна мысль не задерживалась у него в голове надолго, потому что ей становилось одиноко.

— У призрачной девчонки есть такая штука... называется книга. Знаешь? Из чего-то вроде бумажной лианы. А в ней куча птиц!

— Раздавленных?

— Нет, они... вроде татуировок, только правильных цветов! А брючниковское название для птицы-дедушки — «птица-панталоны»!

— Что такое «панталоны»?

— Это брючниковские брюки для женщин-брючников, — объяснил Мау.

— Очень глупо — специально для этого изобретать другое слово, — заметил Пилу.

И все. У Пилу была душа, заполняющая отведенное место, и он жил счастливо. А Мау заглядывал в себя и находил вопросы, на которые, кажется, не было ответа, кроме «потому», а «потому» — это ведь и не ответ вовсе. Потому что... боги, звезды, мир, волна,

жизнь, смерть. Нет причин, нет смысла, есть только «потому». «Потому» было проклятием, ударом по лицу, холодным рукопожатием Лоахи...

— ЧТО ТЫ НАМЕРЕН ДЕЛАТЬ, КРАБ-ОТШЕЛЬНИК? СТЯНЕШЬ С НЕБА ЗВЕЗДЫ? РАЗОБЬЕШЬ ГОРЫ, СЛОВНО В «КОКОСОВОЙ ПОТЕХЕ», ЧТОБЫ ОТЫСКАТЬ ИХ СЕКРЕТЫ? ЖИЗНЬ ТАКОВА, КАКОВА ОНА ЕСТЬ! МИР САМ СЕБЕ ОБЪЯСНЕНИЕ! ВСЕ ВЕЩИ НА СВОИХ МЕСТАХ. КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТОБЫ ТРЕБОВАТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ ПРИЧИН? КТО ТЫ ТАКОЙ?

Дедушки еще никогда так не орали. От их грохотания у Мау разболелись зубы, и он упал на колени, а сундук с инструментами грохнулся на песок.

— Что с тобой? — спросил Пилу.

— Кха, — ответил Мау и сплюнул желчью.

То, что Дедушки залезали к нему в голову, было еще полбеды, но гораздо хуже был хаос, который они после себя оставляли. Он устался на песок и стал ждать, пока осколки его мыслей опять сползутся вместе.

— Дедушки со мной говорили, — пробормотал он.

— Я ничего не слышал.

— Считай, что тебе повезло! Ох!

Мау схватился за голову. Этот раз дался ему намного тяжелее предыдущих, гораздо хуже. И еще что-то новое появилось. Казалось, звучали и какие-то другие голоса, очень тихие или очень далекие, и кричали они что-то совсем другое, но вопли Дедушек их заглушали. «Их стало еще больше, — мрачно подумал Мау. — Вот накопилось Дедушек за тысячу лет,

и все они на меня орут, и никогда не скажут ничего нового».

— Они хотят, чтобы я поднял последний якорь богов, — сказал он.

— А ты знаешь, где он?

— Да, в лагуне — и, как по мне, пускай там и остается!

— Ну хорошо, но ведь ничего страшного не случится, если ты его поднимешь?

— Страшного? — пробормотал Мау, пытаясь понять эти слова. — Ты хочешь благодарить бога воды?

— Ну, ты можешь про себя думать, что ничего такого не имеешь в виду, а людям станет легче, — сказал Пилу.

Кто-то что-то зашептал Мау в ухо, но слишком тихо, никак не разобрать. «Наверное, какой-нибудь древний и плохо соображающий Дедушка, — сердито подумал Мау. — И даже если я вождь, моя работа — делать так, чтобы людям становилось легче, так, что ли? Или боги всемогущи и не спасли мой народ, или их не существует, и все, во что мы верим, — отсветы в небе и картинки у нас в голове. Разве это неправда? Разве это неважно?»

Голос у него в голове ответил — точнее, попытался ответить. Это было все равно что смотреть на человека, кричащего на другом конце пляжа. Видно, как он подпрыгивает, размахивает руками. Может быть, даже удастся разглядеть, как у него движутся губы, но ветер дует и шелестит листьями пальм и панданусов, и прибой шумит, и птицы-дедушки срыгивают необычайно громко, и никак нельзя расслышать, что

именно кричит человек, но ты точно знаешь: то, чего не удастся расслышать, — это крик. Вот и у Мау в голове все было точно так же, только без пляжа, подпрыгивания, махания руками, губ, пальм, панданусов, прибоя и птиц, но с тем же ощущением: кто-то изо всех сил пытается тебе что-то сообщить, а ты не слышишь. Ну что ж, выслушивать правила Дедушек он точно не собирается.

— Я — маленький синий краб-отшельник, — сказал Мау вполголоса. — И я бегу. Но я не позволю опять загнать себя в скорлупу, потому что... да, здесь должно быть какое-то «потому что»... потому что... любая раковина слишком мала. Я хочу знать причины. Причины *всего*. Я не знаю ответов, но несколько дней назад я даже не знал, что существуют вопросы.

Пилу боязливо наблюдал за ним, словно пытаясь понять, нужно ли спастись бегством.

— Пойдем посмотрим, умеет ли твой брат готовить, — сказал Мау, стараясь говорить ровным, дружественным тоном.

— Обычно не умеет, — сказал Пилу.

На его лице снова появилась ухмылка, но в ней была какая-то неуверенность.

«Он меня боится, — понял Мау. — Я его не бил, даже не замахнулся. Только попытался заставить его думать по-другому, и теперь он боится. Боится мыслей. Это магия».

«Это не может быть магией, — подумала Дафна. — Слово “магия” — лишь другой способ сказать “я не знаю”».

На полках под навесом шипело пиво в многочисленных кокосовых скорлупах. Из щелей наверху вылезали и лопались пузырьки. Это было пиво, которому еще не пели. На этой стадии оно называлось «мать пива», и его легко было отличить, потому что вокруг всегда валялись дохлые мухи. Неутонувшие: стоило им глотнуть пива, они мгновенно умирали и превращались в маленькие мушиные статуи. Это было самое настоящее Демонское Питье.

В него надо плюнуть, спеть ему песню, помахать над ним руками в такт вышеупомянутой песне, и тогда демон таинственным образом изгоняется в... туда, откуда он прибыл... а у вас остается хороший напиток. Как это происходит?

Что ж, у Дафны была одна теория; Дафна полночи ее обдумывала. Все женщины ушли на другой конец Женской деревни собирать цветы. Наверное, если петь тихо, они не услышат. Плюют в пиво, скорее всего, просто... на счастье. Кроме того, к таким экспериментам нужен научный подход. Следует проверять параметры по одному. Дафна была уверена, что весь секрет — в движениях рук. Ну, в какой-то степени уверена.

Она отлила чуть-чуть смертельного недопива в чашку и уставилась на него. А может, секрет в песне, но не в словах? Может быть, частота человеческого голоса каким-то образом воздействует на крохотные атомные субстанции, как это происходит, когда леди Ариадна Стретч, знаменитое оперное сопрано, разбивает стакан своим пением? Эта гипотеза звучала очень многообещающе, особенно если учесть, что

готовить пиво положено только женщинам — а у них, конечно, высокие голоса!

Демонское Питье тоже смотрело на Дафну — довольно самоуверенно, как ей казалось. «Ну что ж, — словно говорило оно, — удиви-ка меня чем-нибудь».

— Я, кажется, не все слова знаю, — сказала Дафна, и тут до нее дошло, что она только что извинилась перед напитком. Беда, если тебя воспитывали в слишком вежливой семье. Дафна прочистила горло.

— Однажды папа водил меня в мюзик-холл, — сказала она. — Возможно, вам понравится.

Она опять прокашлялась и начала:

*Все пойдем на Стрэнд гулять —
Съешь банан!
Жизни лучше не сыскать,
Я вперед, а вы за мной...¹*

Нет, пожалуй, для напитка это слишком сложно, а банан окончательно все запутывает. А может быть?.. Она заколебалась и стала мысленно перебирать песни. Неужели все *так* просто? Она опять запела, отсчитывая на пальцах:

*Ты скажи, барашек наш,
Сколько шерсти ты нам дашь...²*

¹ Песня написана в 1904 году Гарри Кастлингом (1865–1933) и К.-У. Мерфи (1875–1913).

² Английская детская народная песенка. (Перевод С. Маршака.)

Она спела шестнадцать куплетов, не переставая считать. Она пела пиву, пока оно пузырилось, и заметила момент, когда оно вдруг стало чистым и прозрачным, как алмаз. Потом проверила свой вывод, как положено ученому, на другой чаше «матери пива». На этот раз Дафна была чуть больше уверена в себе и чрезвычайно собой довольна. У нее появилась рабочая гипотеза.

— Ты скажи...

Она вдруг замолчала: рядом с ней кто-то очень старался не шуметь. Кале и Безымьянная Женщина стояли в дверном проеме и с интересом слушали.

— Мущин! — бодро сказала Кале. В волосах у нее был цветок.

— А... что? — смущенно переспросила Дафна.

— Я пойти видать мой мущ!

Дафна поняла. На этот счет никаких запретов не было — мужчины не могли входить в Женскую деревню, но женщины вольны были приходить и уходить, как им вздумается.

— Э... очень хорошо, — сказала она.

Вдруг что-то коснулось ее волос. Она попыталась отмахнуться и обнаружила, что Безымьянная Женщина расплетает ей косички. Дафна хотела остановить ее, но наткнулась на предостерегающий взгляд Кале. Безымьянная Женщина возвращалась откуда-то, из очень плохого места, и любой признак нормальности следовало поощрять.

Дафна почувствовала, что ей осторожно расплетают косы.

Потом ощутила волну аромата и поняла, что женщина воткнула ей за ухо цветок. Эти цветы росли

в Женской деревне повсюду, огромные, свисающие, с розово-фиолетовыми лепестками, и пахли так, что с ног сбивало. Кале по вечерам вплетала их себе в волосы.

— Э... спасибо, — сказала Дафна.

Кале осторожно взяла ее за руку, и Дафну охватила паника. Что, ей тоже идти на пляж? Но она же почти голая! Под травяной юбкой у нее ничего нет, кроме одной нижней юбки, панталон и пары невыразимых! И ступни у нее голые по самые щиколотки!

Потом случилось что-то очень странное — Дафна так никогда в жизни и не поняла, что это было.

Ей надо идти вниз, на пляж. Это решение проплыло у нее в голове, ясное и определенное. Она решила, что пора идти на пляж. Но она сама не помнила, как она это решила! Ощущение было странное — все равно что забыть, как обедал. И что-то еще быстро затихало вдали, словно эхо без голоса: «У всех людей на ногах есть пальцы...»

Мау вынужден был признать, что Мило хорошо готовит. Он отлично запек рыбу. Когда они вернулись, над лагерем пахло так вкусно, что мужчины чуть не захлебнулись слюной.

На «Милой Джуди» еще оставалось множество сокровищ. На то, чтобы разобрать ее полностью, уйдут месяцы, а может, и годы. Да, теперь у них были инструменты, но людей не хватало; чтобы управиться с брусьями побольше, нужна была дюжина крепких мужчин. Но у них была хижина (даже если ее хол-

щовые бока сотрясал ветер), был огонь, а теперь еще и очаг. И какой очаг! Они перетащили сюда весь камбуз, до последнего кусочка драгоценного металла, кроме большой черной печки. Печка могла подождать, потому что у них и так уже было целое состояние — горшки, сковородка, ножи.

«А ведь мы их не сделали, — подумал Мау, пока инструменты передавались по кругу. — Мы умеем строить хорошие каноэ, но мы никогда не смогли бы построить «Милую Джуди»...»

— Что ты делаешь? — спросил он у Мило.

Тот вооружился молотком и железным зубилом и колотил по небольшому сундучку, обнаруженному в развалинах корабля.

— Он заперт на замок, — сказал Мило и показал, что такое замок.

— Значит, там внутри что-то важное? — спросил Мау. — Еще металл?

— Может быть, золото! — сказал Пилу.

Это тоже потребовало объяснений, и Мау вспомнил блестящий желтый металл, окаймлявший странное приглашение призрачной девчонки. Пилу сказал, что брючки любят этот металл едва ли не больше, чем свои брюки, хоть он и слишком мягкий и оттого ни на что полезное не годится. Один маленький кусочек золота стоит больше настоящего хорошего мачете. Это лишний раз доказывает, что все брючки сумасшедшие.

Но, когда замок сломался и крышка откинулась, оказалось, что в сундучке — запах застоявшейся воды и...

— Книги? — спросил Мау.

— Карты, — ответил Пилу.

Он ухватил несколько карт и вытащил из сундучка на всеобщее обозрение.

Атаба расхохотался.

— Что толку от этих штук? — спросил он.

Одну мокрую карту разложили на песке. Рассмотрели ее все вместе, но ничего не поняли. Мау покачал головой. Наверное, чтобы понимать эти штуки, нужно быть брючником.

Что они значили? Линии, очертания. Что толку от этих штук?

— Это... картинки, они изображают, как выглядит океан с высоты птичьего полета, — объяснил Пилу.

— Так что, брючники умеют летать?

— У них есть инструменты, которые им помогают, — неуверенно ответил Пилу. Затем просветлел лицом и продолжил: — Вот как эти.

Мау внимательно смотрел, как Пилу вытаскивает из кучки своей добычи тяжелую круглую штуку.

— Это называется компас. Если у брючников есть компас и карта, они никогда не заблудятся!

— Разве они не пробуют воду на вкус? Не наблюдают за течениями? Не нюхают ветер? Разве они не знают океан?

— О, они хорошие мореплаватели, — сказал Пилу, — но они плавают в незнакомые им моря. Компас говорит им, где находится дом.

Мау повертел компас в руке и посмотрел, как качается стрелка.

— И еще говорит, где дом не находится, — сказал он. — У этой стрелки два конца. Она показывает и на незнакомые места. А где мы на их карте?

Он показал на что-то большое, нарисованное на карте. Очевидно, это была суша.

— Нет, это Ближняя Австралия, — сказал Пилу. — Это большая земля. А мы...

Он принялся рыться в мокрых картах и показал на какие-то отметки.

— Вот здесь... наверное...

— Так где же мы? — спросил Мау, напрягая взгляд. — Тут только какие-то линии и закорючки!

— Э... эти закорючки называются цифры, — нервно ответил Пилу. — Они сообщают капитану, какая в этом месте глубина моря. А это называется буквы. Они говорят: «Острова Четвертой Недели Великого Поста». Так брючники нас называют.

— Нам это говорили на «Джоне Ди», — услужливо подсказал Мило.

— И еще я прочитал это здесь, на карте, — сказал Пилу и сердито посмотрел на брата.

— Почему они нас так называют? — спросил Мау. — Наши острова называются Рассветными!

— Только не на их языке. Брючники часто путают названия.

— А остров? Какого размера остров Народа? — спросил Мау, все так же глядя на карту. — Я его не вижу.

Пилу отвернулся и что-то пробормотал.

— Что ты сказал? — переспросил Мау.

— Его нет на карте. Он слишком маленький...

— *Маленький?* Как это *маленький?*

— Мау, он прав, — серьезно сказал Мило. — Мы не хотели тебе говорить. Он маленький. Это маленький остров.

Мау открыл рот — удивленно и недоверчиво.

— Этого не может быть, — запротестовал он. — Наш остров гораздо больше любого из островов-ветроловов.

— Они еще меньше, — ответил Пилу, — и таких островов очень много.

— Тысячи, — сказал Мило. — Просто... если уж говорить о больших островах...

— ...то этот остров — маленький, — закончил Пилу.

— Но самый лучший, — быстро добавил Мау. — И ни у кого больше не водятся осьминоги-древотазы!

— Совершенно верно, — согласился Пилу.

— Главное, чтобы мы об этом не забывали. Это наш дом, — сказал Мау и встал. Он подтянул брюки. — А-а-а! У меня от них все чешется! Должен сказать, что брючки, наверное, не очень много ходят!

Раздался какой-то звук, и Мау поднял глаза. На него смотрела призрачная девчонка. Во всяком случае, это существо выглядело как призрачная девчонка. У нее за спиной широко ухмылялась Кале и Безымянная Женщина улыбалась своей обычной слабой, отстраненной улыбкой.

Мау посмотрел вниз — на свои брюки, а потом на девочку — на ее распущенные длинные волосы и заплетенный в них цветок; а она посмотрела вниз — на свои ступни и пальцы, а потом на Мау — на его

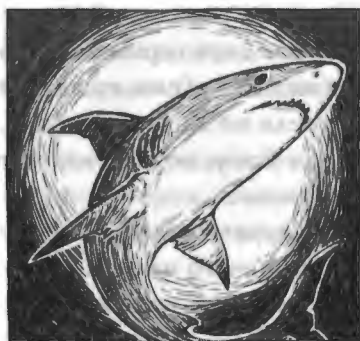

брюки, которые были гораздо длиннее ног, так что он стоял как будто в двух гармошках, а капитанская шляпа качалась на его кудрях, как корабль на море. Девочка посмотрела на Кале, но та глядела в небо. Мау посмотрел на Пилу, но тот глядел себе на ноги, хотя плечи его тряслись.

Тогда Мау и призрачная девочка посмотрели друг другу в глаза, и им ничего не оставалось делать, как расхохотаться и хохотать уже до полного изнеможения.

К веселью присоединились все остальные. Даже попугай крикнул: «Покажи нам панталончики!» — и нагадил Атабе на голову.

Но Мило, очень здравомыслящий человек, который случайно оказался лицом к морю, встал, показал пальцем и произнес: «Паруса».

Глава 7

НЫРЯЯ ЗА БОГАМИ

ШЕЛ ТИХИЙ ДОЖДЬ,
НАПОЛНЯЯ НОЧЬ ШУРШАНИЕМ.

«Еще три каноэ», — подумал Мау, вглядываясь в темноту. Три каноэ пришли вместе, подгоняемые легким ветерком.

Теперь на острове были два младенца (и еще один должен был скоро появиться на свет), одна маленькая девочка, один мальчик, одиннадцать женщин (считая призрачную девчонку), восемь мужчин (не считая Мау, у которого не было души) и три собаки.

Мау соскучился по собакам. Они вносили в жизнь что-то особое, чего не удавалось людям. Сейчас один пес сидел у ног Мау, в темноте, под тихим дождиком. Ни дождик, ни существа, возможно, обитающие в не-

видимом сейчас море, не слишком беспокоили пса, но Мау был теплым телом, бодрствующим в спящем мире, и в любой момент могла возникнуть необходимость поддержать его бегом и лаем. Время от времени пес кидал на Мау обожающие взгляды и громко, гулко сглатывал, что, видимо, означало: «Все, что прикажешь, господин!»

«Больше двадцати человек, — думал Мау, а дождь стекал по подбородку, как слезы. — Если придут охотники за черепами, этого недостаточно. Недостаточно, чтобы сражаться, и слишком много, чтобы спрятаться. И, уж конечно, вполне хватит на несколько сытных трапез для людоедов...»

Охотников за черепами никто никогда не видел. Говорили, что они плавают с острова на остров, но все это были рассказы с чужих слов. С другой стороны, если кто-то своими глазами видел охотников за черепами, то и они его должны были увидеть...

Воздух немного посерел — не то чтобы свет, скорее, призрак света. Свет окрепнет, и солнце выйдет, и, может быть, горизонт почернеет от каноз, а может быть, и нет.

В голове у Мау было лишь одно светлое воспоминание. Призрачная девчонка — ну и дурацкий у нее вид в травяной юбке! — и он, с еще более дурацким видом, в брюках, и все хохочут, даже Безымянная Женщина, и всё... хорошо.

И тут явились все эти новые люди. Они кишели вокруг, беспокойные, больные, голодные. Некоторые из них даже не поняли, куда попали. И все они были напуганы.

Если верить Дедушкам, это сброд. Люди, которыми пренебрегла волна. Почему? Они и сами этого не знали. Может быть, им удалось уцепиться за дерево, когда всех остальных унесло водой. Или они оказались где-то на высоком месте, или в море, как Мау.

Те, что были в море, вернулись к своим родичам и деревням, которых уже не было. Собрали что могли и пустились в путь, на поиски других людей. Они плыли, следуя течению, встретились и стали чем-то вроде плавающей деревни, где живут дети без родителей, родители без детей, жены без мужей, люди без всех вещей, которые окружают их и напоминают людям о том, кто они такие. Волна сотрясла мир и оставила обломки. Наверное, в море еще сотни таких людей.

А потом, а потом... откуда взялись эти слухи об охотниках за черепадами? Кто-то из других беженцев что-то крикнул на бегу, боясь даже остановиться? Какой-нибудь старухе что-нибудь приснилось? Мертвое тело проплыло мимо? Неважно, главное — испуганные люди снова пустились в путь на чем придется, взяв с собой крохи еды и тухлую воду.

Так пришла вторая волна и утопила людей в их собственном страхе.

И вот наконец они завидели дым. Почти все они знали остров Народа. Он был каменный! Его не могло смыть! На нем лучшие в мире якоря богов!

А нашли они сброд — едва ли лучше их самих: один старый жрец, странная девчонка-призрак, вождь — ни мальчик, ни мужчина, без души, а может быть, к тому же еще и демон.

«Спасибо, Атаба, — подумал Мау. — Люди не уверены, что я такое, а потому думают, что от меня всего можно ожидать». Пришельцы, кажется, не знали, как относиться к вождю, который не мужчина, но частица демона внушала им уважение.

Мау снилось, как остров опять наполняется людьми, но в его сне это были люди, которые жили здесь раньше. А эти, новые, были тут неуместны. Они не знали островных песнопений, не были плотью от плоти и костью от кости острова. Они потерялись, они хотели получить обратно своих богов.

Вчера у них вышел разговор об этом. Кто-то спросил Мау: точно ли якорь Воды стоял на своем месте, когда пришла волна? Мау пришлось думать изо всех сил, сохраняя на лице спокойствие. Он видел якоря богов каждый день. Все ли три были на месте, когда он отправлялся на остров Мальчиков? Уж конечно, он бы заметил, если бы один из них исчез. Пустота бросилась бы ему в глаза!

— Да, — сказал он, — они все были на месте.

И тогда женщина с серым лицом сказала:

— Но ведь человеку было по силам поднять один из камней, правда?

И Мау понял, к чему она клонит. Если кто-то сдвинул якорь с места и уволок под воду, разве это не могло вызвать волну? Это ведь все объяснило бы, правда? Это и должна быть причина, верно ведь?

Мау посмотрел на изможденные лица. Эти люди изо всех сил желали, чтобы он сказал «да». Скажи «да», Мау, предай своего отца, своих дядьев, свой народ, чтобы мир этих людей стал осмысленным.

Гневные слова Дедушек громыхали у него в голове. Он подумал, что сейчас у него кровь потечет из ушей. Что за оборванцы с мелких песчаных островков явились сюда и смеют их оскорблять? Дедушки приказали крови петь воинственные гимны у него в ушах, и Мау пришлось навалиться на копьё всем весом, чтобы не поднять его.

Но при этом он не сводил глаз с серолицей женщины. Он не помнил, как ее зовут. Он знал, что она потеряла мужа и детей. Она шла по стопам Лоахи. Мау видел это у нее в глазах и сдержался.

— Боги бросили вас. Когда вы нуждались в них, их не было рядом. Вот и все. Больше никаких объяснений нет. Поклоняясь им после этого, вы будете поклоняться преступникам и убийцам.

Он хотел это сказать. Но женщина смотрела на него, и он готов был скорее откусить себе язык, чем произнести эти слова. Он знал, что они правдивы, но здесь и сейчас они ничего не значили. Он оглядел напряженные лица людей, все еще с беспокойством ожидающих его ответа, и вспомнил, как потрясен и ранен был Пилу. Мысль может ранить, как копьё. Не бросают копьё во вдову, в сироту, в скорбящего.

— Завтра, — сказал он им, — я подниму из лагуны якорь Воды.

И люди отступили и удовлетворенно переглянулись. Не самодовольно, не победительно. Просто их мир на мгновение пошатнулся, а теперь встал на место.

И вот настало завтра — оно было где-то там, за шелестом дождя.

«Я соберу все три камня, — подумал он. — И что случится потом? Ничего! Мир изменился! Но эти люди будут все так же ловить рыбу, класть ее на якоря богов и трепетать в священном ужасе!»

Свет медленно просачивался сквозь дождь, и что-то заставило Мау обернуться.

В нескольких шагах от него кто-то стоял. У этой твари была большая голова, которая, если взглядеться, больше напоминала огромный клюв. И дождь падал на нее с каким-то необычным звуком — скорее щелкал, чем шелестел.

Про демонов рассказывают много всякого. Демоны бывают разные: иногда они прикидываются людьми, иногда зверями или чем-то средним, но...

...но демонов не бывает. Не может быть. Если богов нет, то нет и демонов, а значит, то, что стоит там, под дождем, — вовсе не огромное создание с чудовищным клювом больше человеческой головы, способным перекусить Мау пополам. Такой твари не может быть на свете, и нужно это доказать. Однако Мау решил, что вскочить и с криком броситься на чудовище — не самое разумное, что можно сделать.

«У меня ведь есть мозги, — подумал он. — Я должен *доказать*, что это не чудовище».

Налетел ветерок, и чудовище хлопнуло крылом.

Ох... но вспомни сундук с инструментами. В брючниках нет ничего особенного. Им просто повезло. Пилу сказал, что они происходят из места, где иногда бывает очень холодно. Тогда с неба падают холодные перья — наподобие града, который иногда выпадает во время шторма, но более пушистые. И потому брюч-

никам пришлось изобрести брюки, чтобы набабуки не отмерзали, и большие лодки, чтобы уплыть туда, где вода никогда не становится твердой. Им пришлось научиться думать по-новому, выдумать новые инструменты.

Это не демон. Так пойдем узнаем, что это.

Мау стал смотреть на тварь. Ноги у нее были человеческие. А то, что он принял за хлопающее крыло, не было крылом. Если внимательно всмотреться, это было больше похоже на ткань, раздуваемую ветром. Демон существовал только в страхах Мау.

Существо вдруг заворковало. Это было настолько не по-демонски, что Мау, поднимая брызги, прошлепал поближе и понял: это человек, обмотанный брезентом с «Милой Джуди», таким жестким, что он образовал что-то вроде палатки.

Это была Безымянная Женщина. Она баюкала младенца, и оба они были прикрыты от дождя. Она одарила Мау слабой затравленной улыбкой.

Дождь начал ослабевать. Уже стал виден прибой. Еще несколько минут, и...

— Покажи нам панталончики! Робертс опять наклюкался!

...и попугай проснется.

Пилу сказал, что этот крик означает: «Покажи мне свои маленькие брюки». Должно быть, это клич, по которому брючники узнают друг друга.

У Мау теперь тоже были маленькие брюки. Он отрезал штанины по колено и использовал материю для самой главной вещи в брюках — для карманов. В них можно было носить столько всякой всячины.

Безымянная Женщина ушла по пляжу обратно, а Мау стал слушать, как просыпаются люди.

Пора. Нужно вернуть людям их богов.

Он выскользнул из полубрюк с очень-полезными-карманами, разбежался и нырнул в лагуну.

Вот-вот должен был начаться отлив, но вода вокруг разбитого коралла была спокойной. Волна со страшной силой проломилась через риф: Мау видел глубокую синюю воду за проломом.

Якорь Воды сверкал под ногами, прямо в проломе. Его закинуло глубже, чем другие, и дальше от берега. Чтобы его вытащить, понадобится очень много времени. Так что лучше не откладывать.

Мау нырнул, обхватил каменный куб руками и потащил. Куб не шелохнулся.

Мау отвел в сторону пряди водорослей. Белый куб был зажат куском коралла. Мау попытался сдвинуть и этот коралл.

Секунд через пять голова Мау показалась на поверхности. Он поплыл назад к берегу, медленно и задумчиво. Он застал Атабу за отбиванием шмата солонины. Жрец работал металлическим молотком, взятым из плотницкого сундука. Все островитяне с удовольствием ели солонину, кроме Атабы, у которого не хватало зубов. Ему не всегда удавалось найти добровольца, который соглашался за него жевать. Мау молча сел и стал смотреть.

— Ты пришел посмеяться над моей немощью, демонский мальчишка? — спросил Атаба, подняв голову.

— Нет.

— Тогда поимей совесть и хотя бы забери у меня молоток.

Мау послушался. Работа была нелегкая. Молоток отскакивал от солонины. Из нее можно было бы делать щиты.

— Ты что-то задумал, демонский мальчишка? — спросил жрец немного погодя. — Ты не кощунствуешь уже почти десять минут.

— Мне нужен совет, о старец, — сказал Мау. — Насчет богов, кстати говоря.

— Да? Что, сегодня ты в них веришь? Я наблюдал за тобой вчера ночью. Похоже, ты понял, что с верой все не так просто, а?

— Скажи мне: богов — трое?

— Да.

— А не четверо?

— Некоторые называют Имо четвертым богом, но Он — Всё, в нем существуют и все боги, и мы, и даже ты.

— А у Имо нет якорей богов?

— Имо Есть. Поскольку Он Есть, Он вездесущ. А раз Он вездесущ, он не находится в каком-то определенном месте. Вся Вселенная — Его якорь.

— А как насчет звезды Атинди, всегда кружащей недалеко от солнца?

— Это сын Луны. Неужели ты не знаешь?

— Ему не строят якорей?

— Нет, — сказал Атаба. — Это просто излишки глины, что остались у Имо после сотворения мира.

— А красная звезда, которую называют Костром Имо?

Атаба подозрительно посмотрел на Мау.

— Мальчик, ты не можешь не знать, что на этом Костре Имо обжигал глину, чтобы сотворить мир!

— А боги живут в небе, но в то же время находятся близко к своим якорям?

— Не умничай. Ты это и без меня знаешь. Боги везде, но в определенных местах они могут присутствовать в большей степени. Что ты ко мне пристал? Хочешь подловить на чем-то?

— Нет. Просто хочу понять. И ни у какого другого острова нет белокаменных якорей богов, верно?

— Да! — закричал Атаба. — А ты хочешь меня сбить, чтобы я сказал что-нибудь неправильно!

Он подозрительно огляделся, словно ересь могла прятаться в кустах.

— И как, получилось?

— Нет, демонский мальчишка! То, что я тебе сказал, — истинная правда!

Мау перестал долбить, но молотка из рук не выпустил.

— Я нашел еще один якорь богов. Это не якорь Воды. А это значит, старик, что я нашел тебе нового бога... и, кажется, он — брючник.

В конце концов, они подплыли туда на большом каноэ.

Мило, Мау и Пилу ныряли по очереди с молотком и стальным зубилом из сундука с «Милой Джуди». Они молотили по кораллу, крепко зажавшему белый куб.

Мау как раз цеплялся за каноэ, переводя дух, когда с другого борта вынырнул Пилу.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — сказал он, боязливо оглядываясь на Атабу, который сгорбился на корме, — но там внизу, за первым камнем, еще один.

— Ты уверен?

— Посмотри сам. И вообще сейчас твоя очередь. Только осторожно — отлив уже очень сильно тянет.

И правда. На пути вниз Мау пришлось бороться с течением. Пока он спускался, Мило уронил на дно молоток с зубилом и поплыл вверх, разминувшись с Мау. Казалось, они трудятся под водой уже несколько часов. Под водой было очень трудно бить молотком: казалось, он утратил свою силу.

Вот камень, за которым нырял Мау сначала. Камень освободили от коралла, но там, где коралл отбили, теперь виднелся угол *другого* куба, из белого камня, который ни с чем не перепутаешь. Что это значит? Неужели еще какие-то боги? «Нам и с этими хлопот полон рот, — подумал он, — новые ни к чему».

Он провел пальцами по барельефу, высеченному на первом из только что найденных камней. Изображенная вещь напоминала инструмент из сундука брючников — Мау держал этот инструмент в руке и гадал, для чего он, пока Пилу не объяснил. Но в здешних местах не было никаких брючников, даже когда дедушка Мау был ребенком. Мау точно знал. А коралл был *древний*. И вообще, один из этих кубов врос прямо в скалу, словно жемчужина в устрицу. Мау никогда не нашел бы его, если бы волна не разбила риф.

Наверху раздался всплеск. Протянулась рука и схватила молоток. Перед глазами Мау возникло яростное лицо Атабы, и старик обрушил молоток на камень. Кверху побежали пузыри — жрец что-то яростно кричал. Мау попытался выхватить молоток и получил на удивление сильный удар ногой в грудь. Ничего не поделаешь, придется всплывать с тем воздухом, какой у него еще оставался.

— Что случилось? — спросил Пилу.

Мау висел на борту каноэ и задышался. Старый дурак! Зачем он это сделал?

— Что с тобой? Что он делает? Решил наконец помочь? — спросил Пилу с бодростью человека, еще не знающего, что происходит.

Мау покачал головой и опять нырнул.

Старик все так же бешено колотил по камням. Мау решил, что не стоит рисковать и напрашиваться на еще один пинок. Достаточно подождать. Атабе, как любому другому человеку, нужно дышать, а сколько воздуха может вместить эта тощая грудь?

Неожиданно много.

Атаба со всей силы колотил по камням, как будто рассчитывал пробыть тут весь день... а потом появилось облако пузырьков — у старика окончательно вышел весь воздух. У Мау мурашки побежали по коже. Безумие какое-то. Что опасного может быть в куске камня? Почему этот старый дурак готов испустить дух, лишь бы его разбить?

Мау пробился вниз через усиливающийся отлив, схватил тело и потащил обратно на поверхность. Он почти швырнул Атабу в руки братьев. Каноэ закачалось.

— Вылейте из него воду! — крикнул Мау. — Я не хочу, чтобы он умер! Тогда мне не на кого будет орать!

Мило уже перевернул Атабу головой вниз и хлопал его по спине. Вылилось много воды, а затем начался кашель. Старик продолжал кашлять, и Мило опустил его на палубу.

— Он пытался разбить новые камни, — сказал Мау.

— Но они выглядят как якоря богов, — сказал Мило.

— Да, — сказал Мау.

Они действительно так выглядели. Что бы он ни думал про богов и их якоря, эти камни выглядели как якоря богов.

Мило указал на стонущего Атабу.

— А он — жрец, — сказал он. Мило уважал факты. — И он пытался разбить камни?

— Да, — ответил Мау.

В этом не было сомнения. Жрец пытался разбить камни богов.

Мило посмотрел на него.

— Я не знаю, что думать, — сказал он.

— На одном из этих камней, там, внизу, изображен циркуль-измеритель, — бодро сказал Пилу. — Им брючники измеряют расстояния на своих картах.

— Это ничего не значит, — произнес Мило. — Боги старше брючников и могут изображать на камнях что им угодно... Эй!

Атаба снова нырнул через борт. Ноги мелькнули и исчезли в воде.

— Это он камень с измерителем хотел разбить! — зарычал Мау и тоже нырнул.

Теперь вода с силой неслась через пролом. Она перехватила Мау на пути к тощей фигуре и решила с ним поиграть, швырнуть его на острые зубья коралла.

Жреца она уже поймала. Он боролся, пробиваясь к каменным кубам, но отлив, который мчался уже в полную силу, схватил его, треснул о коралл и отбросил. Тонкая струйка крови расцвела в воде, потянулась за телом.

Никогда нельзя бороться с приливом! Он всегда сильнее! Неужели старый дурак этого не знает?

Мау поплыл за стариком, изгибаясь всем телом, как рыба, всеми силами стараясь держаться подальше от краев пролома. Впереди Атаба пытался всплыть, уцепиться за что-нибудь, но его смыло в белую пену.

Мау вынырнул набрать воздуха и снова нырнул...

«Мау, в воде кровь», — сказал Локаха, плывя рядом. — А за рифом живут акулы. Что теперь, маленький краб-отшельник?»

«Да не будет!» — подумал Мау и попытался двигаться быстрее.

«Он зовет тебя «демонский мальчишка». Он тебе улыбается, а за глаза распускает слухи о твоём безумии. Что он тебе?»

Мау постарался не думать. Углом глаза он видел серую тень — она легко плыла вровень с ним.

«Маленький краб-отшельник. Здесь ты не найдешь себе раковину. Ты направляешься в открытое море».

«Есть вещи, которые бывают, и те, которые не бывают», — подумал Мау и почувствовал, что под

ним открылась глубина. Сквозь волны над головой ярко светило солнце, но внизу все было зеленое, и эта зелень постепенно переходила в черный цвет. Вон Атаба. Он висит в солнечных лучах и не двигается. Кровь кольцами расходится в воде вокруг него, как дым от медленно горящего костра.

Тень закрыла солнце — над головой мелькнул серый силуэт.

Это было каноэ. Мау схватил тело жреца. Появился Пилу в облаке пузырей. Он на что-то лихорадочно указывал.

Мау повернулся туда и увидел акулу. Она уже нарезала круги. Акула была маленькая, но когда в воде кровь, любая акула слишком велика. А эта, казалось, заполнила собой весь мир Мау.

Он сунул Пилу тело старика, не сводя глаз с акулы. Она проплыла мимо — он взглянул в ее безумный закатившийся глаз. Мау начал слегка бултыхаться, чтобы акула не отвлекалась от него, и не останавливался, пока над головой не закачалась лодка — это Атабу втащили туда во второй раз.

Он видел: акула бросится на него после второго круга. И...

...и вдруг ему стало все равно. Вот мир, весь мир, молчаливый шар мягкого голубого света, и акула, и Мау — без ножа. Маленький шарик пространства без времени.

Мау медленно поплыл по направлению к рыбе. Кажется, ее это беспокоило.

Мысли приходили медленно и спокойно, без страха. Пилу и Атаба уже не в воде, и это главное.

Старик Науи сказал: «Если на тебя нападает акула, ты уже мертв, а когда ты мертв, любой способ стоит того, чтобы его попробовать».

Мау тихо поднялся на поверхность и глотнул воздуха. Когда он снова опустился в глубину, акула повернула и стала приближаться, разрезая воду.

Стой... Мау медленно работал ногами, акула приближалась, серая, как Локаха. У него только один шанс. В любой момент явятся другие акулы, но на залитой светом арене секунды проходили медленно.

Вот оно...

Стоп. Вот сейчас. «Да не будет», — сказал себе Мау и выбросил весь запас воздуха в одном крике.

Акула отскочила, словно ударившись головой о камень, и Мау не стал ждать, пока она вернется. Он мигом развернулся в воде и помчался к каноэ изо всех сил, стараясь двигаться как можно быстрее и при этом поднимать как можно меньше брызг. Когда братья втаскивали его на борт, акула проплыла под ними.

— Ты ее отогнал! — воскликнул Пилу, втаскивая его в лодку. — Ты закричал на нее, и она повернулась и бежала!

«Потому что старый Науи был прав, — подумал Мау. — Акулы не любят шума, а под водой он кажется громче; все равно *что* кричать, главное — кричать громко!»

Наверное, будь акула по-настоящему голодная, ему пришлось бы плохо. Но метод *сработал*! Он жив — о чем еще говорить?

Рассказать ли им? Даже Мило смотрел на него с уважением. Мау не смог бы сформулировать это

словами, но он чувствовал, что быть загадочным и немногим опасным ему сейчас очень полезно. И они никогда не узнают, что по дороге к каноэ он обмочился, а это, с точки зрения акул, пожалуй, еще хуже крови в воде. Но ведь акула никому не расскажет. Он огляделся, подозревая, что увидит дельфина, ожидающего, что ему швырнут рыбу. И это будет очень... правильно. Но дельфина не было.

— Она меня испугалась, — сказал он. — Может быть, это мой демон ее напугал.

— Ух ты! — сказал Пилу.

— Когда вернемся, напомни мне, что я должен Науи рыбу. — Он посмотрел на другой конец лодки, где мешком лежал Атаба. — Как он?

— Его побил о коралл, но жить будет, — сказал Мило.

Он вопросительно взглянул на Мау, словно хотел добавить: «Если ты не возражаешь». Но вместо этого спросил:

— Кто такой Науи? Новый бог?

— Нет. Лучше бога. Хороший человек.

Теперь Мау почувствовал, что замерз. В синем пузыре казалось очень тепло. Мау хотел задрожать, но нельзя было, чтобы они это увидели. Он хотел лечь, но на это не было времени. Он хотел вернуться, выяснить...

«Дедушки! — воззвал он про себя. — Скажите мне, что делать! Я не знаю песнопений, я не знаю песен, но хотя бы раз помогите! Мне нужна карта мира! Мне нужна карта!»

Ответа не было. Может быть, они просто устали. Но не могли же они устать сильнее, чем он! Насколько

утомительно быть мертвым? Мертвецам разрешается хотя бы прилечь.

— Мау? — пророкотал Мило у него за спиной. — Что происходит? Почему жрец хотел разбить священные камни?

Сейчас не время отвечать: «Я не знаю». Братья смотрели на него голодными, умоляющими глазами, как собаки, ожидающие еды. Они требовали ответа. Неплохо, если это будет правильный ответ, но если правильного дать нельзя, тогда любой сойдет, лишь бы мы перестали беспокоиться... И вдруг его осенило.

Так вот что такое боги! Они — первый подходящий ответ! Потому что нужно добывать еду, рожать детей, жить жизнь — на большие, сложные, тревожащие ответы нету времени! Нам нужен простой ответ, чтобы не приходилось думать; потому что, стоит начать думать, и можно наткнуться на ответы, не подходящие к миру, каким он нам нужен.

Так что я могу им сказать?

— По-моему, он думает, что они на самом деле не священные, — выдавил Мау.

— Это из-за циркуля? — спросил Пилу. — Вот что он хотел разбить! Он думает, что ты прав. Что их сделали брючники!

— Они выросли в коралл, — сказал Мило. — Рифы — старые. Брючники пришли недавно.

Мау заметил, что Атаба пошевелился. Мау подошел и сел рядом со жрецом, пока братья правили лодкой, лавируя и проводя ее обратно в проем рифа. На берегу собрались люди — они пытались понять, что происходит.

Пока братья были заняты делом, Мау наклонился к Атабе.

— Атаба, кто сделал якоря богов? — шепнул он. — Ты меня слышишь, я знаю.

Жрец открыл один глаз.

— Не твое дело меня допрашивать, демонский мальчишка!

— Я спас тебе жизнь.

— Старую, поношенную жизни! Она не стоила спасения! — сказал Атаба и сел. — Я не благодарю тебя!

— Действительно, она очень старая, поношенная и воняет пивом, но ты должен отдать долг, иначе она — моя. Ты можешь выкупить ее обратно, но по какой цене — решаю я!

Атаба страшно разозлился. Он трясся, кипя от злости и гнева, но правило он знал, его все знали.

— Ладно! — рявкнул он. — Чего ты хочешь, демонский мальчишка?

— Правды, — ответил Мау.

Жрец ткнул пальцем в его сторону.

— Врешь! Тебе нужна особая правда. Такая, которая тебе понравится. Маленькая хорошенькая правдочка, подходящая к тому, во что ты уже веришь! Но я скажу правду, которая окажется тебе не по нутру. Людям нужны боги, демонский мальчишка. Что бы ты ни говорил, люди будут устраивать святилища.

«Уж не читает ли жрец мои мысли?» — подумал Мау. Если так, то у жреца очень острое зрение, потому что в голове у Мау клубились розовые облака

усталости, затмевающие мысли, как будто он спал. Сон всегда возьмет свое. Если изо дня в день откладывать сон на потом, он рано или поздно явится и потребует возвращения долга.

— Кто тесал белый камень? Боги? — Язык едва шевелился, слова выходили невнятно.

— Да!

— Вот и соврал, — выговорил Мау. — На камнях следы орудий брючников. Боги, всякому ясно, не нуждаются в инструментах.

— Мальчишка, их инструменты — *люди*. Боги вложили идею о том, чтобы высечь эти камни, в головы наших предков!

— А другие камни?

— Ты прекрасно знаешь, что не только боги нашептывают человеку мысли!

— *Демоны?* — спросил Мау. — Думаешь, это *демонские* камни?

— Где боги, там и демоны.

— Может, и так, — сказал Мау. За спиной у него фыркнул Мило.

— Я знаю суть вещей, это моя работа! — завопил Атаба.

— Хватит, старик, — сказал Мау вежливо, как только мог. — Я спрошу в последний раз, и если решу, что ты соврал, то позволю богам развеять твою душу по ветру за край света.

— Ха! Да ведь ты не веришь в богов, демонский мальчишка! Или все-таки веришь? Ты разве сам себя не слышишь? Ты кричишь, топаешь ногами и орешь, что богов нет, а потом грозишь кулаком

небу и проклинаешь богов за то, что они не существуют! Ты нуждаешься в том, чтобы они существовали, — тогда пламя твоего отрицания будет согревать тебя сознанием твоей правоты! Ты не мыслитель — ты просто маленький мальчик, который кричит от боли!

Мау не переменялся в лице, но чувствовал, как слова жреца со звоном несутся у него в голове туда-сюда. «А во что я на самом деле верю? — подумал он. — Во что я верю? Мир существует, так что, может быть, и Имо тоже существует. Но он далеко, и ему все равно, что существует Локаха. Это точно. Ветер дует, огонь жжет, вода течет для добрых и злых, для правых и неправых. Зачем людям боги? Нам нужны люди. Вот во что я верю. Без других людей мы ничто. И еще я знаю: я так устал, что это даже в памяти не вмещается».

— Скажи мне, Атаба, кто, по-твоему, вытесал эти камни, — сказал Мау ровным голосом. — Кто принес их сюда? Кто обтесал их так давно, что они оказались под кораллом? Скажи мне, потому что я думаю, что ты тоже кричишь от боли.

Самые разные мысли пронеслись по лицу старика, искажая его, но деваться ему было некуда.

— Ты пожалеешь, — простонал жрец. — Ты еще возжаждешь неведения. Ты расскаешься, что так со мной поступил.

Мау предостерегающим жестом поднял палец. Больше ни на что не было сил. Розовые свиньи усталости топтались по его мозгам. Еще минута — и он просто свалится. Когда Атаба наконец снова загово-

рил, свистящим шепотом, голос отдался эхом, словно Мау слышал его в пещере. Темнота была соткана из мыслей, голода и боли — и того, и другого, и третьего слишком много.

— Кто приносит сюда камни и оставляет их, а, мальчишка? Подумай об этом. Скольких людей ты ранишь еще сильнее своей замечательной правдой?

Но Мау уже спал.

Мистер Блэк снова забарабанил в дверь рулевой рубки «Катти Рен».

— Пустите, капитан! Именем Короны!

Засов отодвинулся.

— Где она? — подозрительно спросил голос.

— Внизу! — заорал Джентльмен Последней Надежды, перекрывая рев ветра.

— Вы уверены? Она завела манеру выскакивать!

— Честное слово, она внизу! Откройте! Я замерзаю!

— Вы совершенно уверены?

— В последний раз умоляю, впустите нас!

— Кого это «нас»? — спросил недоверчивый голос.

— Ради бога! Со мной мистер Ред!

— Он один?

— Капитан, откройте во имя Короны!

Дверь открылась. Появилась рука и втащила обоих мужчин внутрь. За ними с грохотом ружейных выстрелов задвинулись засовы.

Внутри было, по крайней мере, теплее и не было ветра. Мистеру Блэку показалось, что злобный великан перестал молотить его кулаками.

— Здесь всегда так? — спросил он, стряхивая воду с зюйдвестки.

— Вы о чем? Для ревущих сороковых это прекрасная погода, мистер Блэк! Я как раз собирался выйти на палубу позагорать. Вы, я полагаю, пришли насчет сообщения.

— Что-то насчет приливной волны?

— Да, волна, и очень большая. Я получил сообщение час назад с военного корабля, вышедшего из Порт-Мерсии. Прошла по всему западу Пелагического океана. Множество людей погибло, много кораблей разбито. Здесь сказано, что Порт-Мерсия не пострадала. По их прикидкам, волна зародилась в семидесяти милях к югу от островов Четвертого Воскресенья Великого Поста.

— Это довольно далеко к северу от нас.

— И к тому же это случилось несколько недель назад! — сказал мистер Ред, изучая написанное карандашом послание.

— Верно, джентльмены. Но я все думал об этом, и мне не дает покоя мысль: а где была в это время «Милая Джуди»? Старина Робертс любил передвигаться от острова к острову, а «Джуди» не самое быстроходное судно. На борту «Джуди» дочь короля.

— Так, значит, наследница могла пострадать от волны?

— Не исключено, сэр, — мрачно сказал капитан. Он кашлянул. — Я могу проложить курс через те места, но это нас задержит.

— Мне нужно подумать, — отрезал мистер Блэк.

— Только думайте скорее, сэр. Все дело в ветре и воде, понимаете? Я не могу им приказывать, и вы не можете.

— Кому принадлежат острова Четвертого Воскресенья Великого Поста? — спросил мистер Блэк у мистера Реда. Тот пожал плечами.

— Мы претендуем на них, сэр, чтобы не дать зацепиться в этих местах голландцам и французам. Но острова эти крохотные, и там никого нет. Никого мало-мальски важного.

— «Рен» может покрыть большое расстояние, — сообщил капитан. — А поскольку король, по-видимому, в безопасности и, конечно, на этих богом забытых островках можно наткнуться на разных сомнительных типов...

Мистер Блэк воззрился вперед. «Катти Рен» летела, как облако. Гудели паруса, пел такелаж. «Катти» смеялась над расстояниями.

Помолчав, мистер Блэк произнес:

— Есть множество самых веских причин. Во-первых, мы не знаем точно, каким курсом шла «Милая Джуди». Этих островов слишком много, слишком много прошло времени, его величество наверняка и так уже выслал поисковые партии...

Мистер Ред сказал:

— Он же не знает, что он король. Вполне возможно, что он лично отправился на поиски.

— К северо-западу — пираты и людоеды, — произнес капитан.

— А Корона требует, чтобы мы нашли короля как можно скорее! — воскликнул мистер Блэк. — Кто-

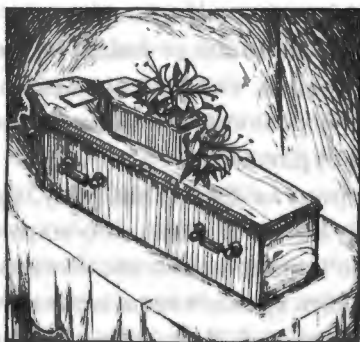
нибудь из вас, джентльмены, *готов принять это решение за меня?*

Воцарилось ужасное молчание, нарушаемое лишь ревом, с которым корабль неся по волнам.

— Очень хорошо, — заметно спокойнее произнес мистер Блэк. — Значит, капитан, мы следуем первоначальным приказам. Я сделаю в судовом журнале соответствующую запись.

— Должно быть, сэр, нелегко вам было принять такое решение, — сочувственно произнес мистер Ред.

— Да. Нелегко.

Глава 8

УЧИТЬСЯ СМЕРТИ НУЖНО ВСЮ ЖИЗНЬ

ДАФНА ЕЛА ДЛЯ МИССИС БУРБУР, У КОТОРОЙ НЕ БЫЛО ЗУБОВ. Проще говоря, жевала для старухи еду, чтобы как следует размягчить ее. Старательно работая челюстями, Дафна думала, что дома она жила совсем по-другому.

Как бы то ни было, домашняя жизнь теперь казалась ненастоящей. Домом — настоящим домом — стала циновка в хижине, где Дафна спала каждую ночь глубоким, непроглядно черным сном, и Женская деревня, где Дафна старалась быть полезной. И ей это удавалось. И на местном языке она с каждым днем говорила все лучше.

Но миссис Бурбур она совсем не понимала. Даже Кале понимала старуху с трудом и сказала Дафне: «Очень старый слова. Из много давно». Миссис Бур-

бур знали на всех островах, но помнили только древней старухой, а молодой ее никто не знал. Мальчик Ото-Ай знал только, что она сняла его с плавающего бревна и пила морскую воду, чтобы оставить ему пресную в своем бурдюке.

Старуха тронула Дафну за руку. Дафна рассеянно выплюнула комок жеваного мяса и протянула старухе. Надо признать, что это не самый приятный способ проводить время; в этом, если вдуматься, была определенная доля «А-А-А-А!!!», но ведь могло быть гораздо хуже: например, если бы старуха жевала еду для Дафны.

— Эрминтруда.

Слово на миг повисло в воздухе.

Она огляделась, пораженная. Никто на острове не знал этого имени! Несколько женщин возились с посадками поблизости, в огороде, но большая часть островитян сейчас работали в поле. Рядом старуха упоенно сосала свежеразжеванное мясо, издавая звуки, с какими засоренный сток ванны втягивает воду.

Это был собственный голос Дафны. Должно быть, она замечталась, чтобы отвлечься от жевания.

— Мальчика нужно принести сюда. Скажи, чтобы его принесли сюда сейчас же.

Вот опять. Неужели сама Дафна это сказала? Губы не двигались, она бы это почувствовала. Это совсем не то, что люди обычно называют «разговаривает сам с собой». Дафна сама обращалась к себе. И она не могла спросить: «Что ты имеешь в виду?» Не свой же голос ей спрашивать!

Пилу рассказывал, что Мау слышит у себя в голове мертвых Дедушек. Дафна тогда подумала: неудивительно, после всего, что пережил этот мальчик.

Может быть, и она слышит его предков?

— Да, — сказал ее собственный голос.

— Почему? — спросила она.

— Потому что это священное место.

Дафна заколебалась. Кто бы с ней ни разговаривал, он знает, как ее зовут, а на острове *никто* не знает ее имени — ни одна живая душа. Этот секрет не из тех, которым можно похвалиться. Но Дафна не сумасшедшая, потому что ни один сумасшедший не провел бы последние полчаса, жуя еду для миссис Бурбур... хотя нет, это, наверное, не очень удачный довод. Бабушка и люди вроде нее сказали бы, что для девочки, которая может стать королевой, если умрут 139 человек, жевать еду для какой-то старухи, выглядящей, звучащей и пахнущей как миссис Бурбур, — именно безумие, самое настоящее, разве что пена изо рта не идет.

Может, это Бог, но Дафна почему-то так не думала. В церкви Дафна каждый раз прислушивалась из всех сил, особенно после той ужасной ночи, но, конечно, Он был очень занят. Здесь, по-видимому, обитают боги поменьше. Возможно, это один из них.

Она огляделась. Здесь не было ни скамей, ни полированной бронзы, но царила атмосфера тихой деловитости, словно сотканная из ветерков. В Женской деревне, кажется, никогда не дул резкий ветер, а сильные шумы терялись среди деревьев.

Это действительно священное место, и не из-за каких-то богов. Оно просто... само по себе священное, потому что оно существует, потому что таким его сделали боль, кровь, радость, смерть, что отдавались эхом в веках.

Опять прозвучал голос:

— Быстро! Сейчас же!

Дафна оглядела деревню. Две женщины копались на грядках и даже головы не подняли. Но это «Быстро! Сейчас же!» почему-то заставило Дафну вскочить на ноги.

«Должно быть, я говорила сама с собой, — думала она, спеша прочь из Женской деревни. — Это часто бывает. А для моряков, потерпевших кораблекрушение, это вообще нормально, я не сомневаюсь».

Она сбегала по склону. Внизу стояла небольшая толпа. Дафна сперва решила, что на остров приплыли еще люди, а потом увидела скорченное тело, привалившееся к углу одной из хижин.

— Что вы с ним сделали? — завопила она на бегу.

Пилу повернулся к ней, а все прочие поспешно отступили перед ее гневом.

— Мы? Я стараюсь заставить его лечь, но он со мной дерется! Я бы поклялся, что он спит, но я никогда не видел, чтобы человек спал *вот так!*

Дафна тоже никогда такого не видела. Мау сидел с широко открытыми глазами, но Дафне стало не по себе: она подозревала, что если он и видит перед собой какой-то пляж, то, во всяком случае, не этот. Руки и ноги Мау подергивались, словно он хотел бежать и не мог.

Она встала на колени рядом с ним и приложила ухо к груди. Необязательно было придвигаться вплотную. Сердце билось так сильно, словно хотело вырваться на волю.

Пилу подошел поближе и шепнул:

— Нехорошо вышло...

В эти слова он умудрился вложить следующее: нехорошо вышло не по его вине, он тут вообще ни при чем, и он решительно против того, чтобы выходило нехорошо, особенно в непосредственной близости от него. После песенки про звезду Пилу побаивался Дафны. Он не сомневался, что она обладает силой.

— Что значит «нехорошо»? — спросила она, озираясь.

Но ответ был бы излишним, поскольку Атаба стоял совсем рядом и лицо у него было свирепое. Судя по всему, тут, как выразилась бы кухарка, работавшая у них дома, *«поговорили»*.

Атаба обратил к ней лицо, похожее на выпоротую задницу (как сказала бы та же кухарка), а потом опять отвернулся к воде.

Тут воды лагуны вспучились, появился Мило и зашагал вверх по белому песку. С Мило потоками лилась вода, а на плече он нес камень богов.

— Я хочу знать, что происходит! — сказала Дафна.

Никто не обратил внимания. Все смотрели, как приближается Мило.

— Я тебе сказал! Я запретил тебе приносить это на берег! — завопил Атаба. — Я жрец Воды!

Мило окинул жреца долгим, неторопливым взглядом и продолжал шагать. Мышцы двигались у него

под кожей как намащенные кокосы. Дафна слышала, как хрустит песок у него под ногами — шаги давались с усилием. Мило добрался до якорей богов и, хэкнув, сбросил свою ношу. Камень слегка ушел в песок.

На песке уже лежали четыре таких. «Тут что-то не так, — подумала Дафна. — Разве их не три было и один из них потерялся? Откуда же взялись другие?»

Рослый островитянин потянулся, хрустнув суставами, а потом обратился лицом к небольшой толпе и произнес медленно и серьезно, словно проверяя истинность каждого слова, прежде чем выпустить его на волю:

— Кто тронет эти камни, будет отвечать передо мной.

— Этот камень — работа демонов! — завопил Атаба.

Он взглянул на толпу, ища поддержки, но тщетно. Насколько Дафна могла судить, люди не были ни на чьей стороне. Они просто не любили крика. Дела и без крика обстояли достаточно плохо.

— Демоны, — пророкотал Мило. — Тебе, похоже, очень нравится это слово. Ты зовешь Мау «демонский мальчишка». Но он спас тебя от акулы, верно? А *ты* сказал, что якоря богов сделали мы. Сказал! Я слышал!

— Только *некоторые*, — пяťясь, проговорил Атаба. — Только некоторые!

— Ты не сказал «некоторые»! — парировал Мило. — Он не говорил «некоторые», — объявил он, обращаясь к толпе. — Он говорил, чтобы выкупить свою

жизнь, и ни разу не произнес слово «некоторые»! У меня хороший слух. Он не сказал «некоторые»!

— Какая разница, что он сказал? — воскликнула Дафна. Она обратилась к стоящей рядом женщине: — Принеси одеял для Мау! Он холодный как лед!

— Мау спас Атабу от акулы, — сказал Пилу.

— Это ложь! Мне ничего не грозило... — начал жрец и замолк, потому что Мило зарычал.

— Видели бы вы! — быстро произнес Пилу, поворачиваясь к толпе. Он широко распахнул глаза и как можно шире развел руки. — Я в жизни не видал такой большой акулы! Она была длиною с дом! У нее были зубы, как, как... как огромные зубы! И она приближалась к нам с такой скоростью, подняла такие волны, что едва не потопила каноз!

Дафна моргнула и покосилась на толпу. У слушателей были такие же круглые глаза, как у Пилу. У всех отвисли челюсти.

— А Мау просто ждал, стоя в воде, — продолжал юноша. — Он не обратился в бегство! Он не пытался спастись! Он взглянул акуле в глаза, прямо там, в ее собственном мире! Он замахал ей руками, акуле, акуле с зубами, как мачете, акуле с зубами, как иглы! Он подзывал ее! Да! Я был в воде — и я видел! Он поджидал акулу! И акула приближалась все быстрее! Она летела, как копье! Все быстрее и быстрее!

В толпе кто-то заскулил.

— И тут я увидел нечто поразительное! — продолжал Пилу, блестя широко открытыми глазами. — Ничего удивительнее я в жизни не видел! И не увижу,

даже если доживу до ста лет! Пока акула неслась, разрезая воду, пока акула с огромными зубами неслась к Мау, пока акула величиной с дом резала воду, как нож, Мау... обмочился!

Волночки лагуны с тихим шепотом лизали песок, и в бездонной тишине этот звук вдруг показался очень громким.

Женщина, принеся засаленное одеяло из ближайшей хижины, чуть не налетела на Дафну, потому что не могла отвести глаз от Пилу.

«Ну спасибо, Пилу, — ядовито подумала Дафна, когда магия начала развеиваться. — Ты так хорошо начал, их сердца уже были у тебя в руках, так нет, надо было взять и все испортить...»

— И тогда я увидел, — прошептал Пилу, понижая голос и обводя взором круг лиц — заглядывая в глаза каждому по очереди. — Тогда я понял. Он никакой не демон! Он не бог, не герой. Нет. Он просто человек! Человек, который боится! Такой же, как вы и я! Но разве мы с вами стали бы ждать, исполненные страха, чтобы акула с огромными зубами явилась и съела нас? А он ждал! Я видел! И когда акула надвинулась на него, он крикнул! Он закричал такие слова: «Да! Нэ! Бу! Дэ!»

«Да! Нэ! Бу! Дэ!» — забормотали несколько слушателей, словно во сне.

— И акула повернулась и понеслась прочь! Акула не осмелилась на него броситься. Она повернула вспять, и мы были спасены. Я там был. Я видел.

Дафна осознала, что у нее вспотели ладони. Акула словно только что пронеслась мимо. Дафна словно

заглянула в ее ужасный глаз. Она могла бы нарисовать ее зубы. Она словно сама была там и все видела. Пилу как будто показал ей происшедшее.

Дафна вспомнила, как к ним в церковь пригласили мистера Гриффина, проповедника из неконформистской часовни. Проповедь была весьма сырая, так как от крика мистера Гриффина в воздухе образовалось облако из капелек слюны. Но этот человек был так исполнен Бога, что Бог в нем переливался через край, заполняя собою все кругом.

Мистер Гриффин проповедовал так, словно держал в руке огненный меч. Летучие мыши падали с балок. Орган заиграл сам собой. Заплескалась святая вода в каменной чаше. В общем, это было совсем не похоже на проповеди почтенного Флеблоу-Паундапа, который в удачный день мог пробормотать всю службу за полчаса, прислонив к амвону сачок для бабочек и банку с морилкой.

Когда они добрались домой, бабушка задержалась в передней, сделала глубокий вдох и произнесла: «Н-ну!» И все. Обычно люди вели себя в приходской церкви очень тихо. Возможно, боялись разбудить Бога — вдруг Он начнет задавать неудобные вопросы или устроит какое-нибудь испытание.

Пилу рассказывал историю об акуле так же, как мистер Гриффин проповедовал. Он словно написал в воздухе картину, а потом оживил ее. Правда ли то, о чем он рассказывал? Действительно ли это случилось именно так? Но разве теперь это могло быть иначе? Они ведь сами там побывали. Они *видели* своими глазами. Они *участвовали* в событиях.

Дафна посмотрела вниз, на Мау. Глаза у него были все еще открыты, и тело подергивалось. А потом она подняла взгляд и уставилась в лицо Кале, которая произнесла:

— Его забрал Локаха.

— Ты хочешь сказать, что он умирает?

— Да. На нем холодная рука Локахи. Ты знаешь, каков Мау. Он не спит. Он слишком мало ест. Он таскает все тяжести, бегают, исполняя все дела сразу. И в голове тоже, он слишком много думает. Кто когда видел, чтобы он не работал, не сторожил, не копал, не таскал? Он пытается нести на спине весь мир! А стоит такому человеку ослабеть, Локаха бросается на него.

Дафна наклонилась к Мау. Губы у него были синие.

— Ты не умираешь, — шепнула она. — Не может быть, чтобы ты умирал.

Она осторожно потрясла его, и с его губ сорвался поток воздуха, слабый, как чих паука:

— Не...

— Не бывает! — победоносно произнесла Дафна. — Видишь? Локаха до него еще не добрался! Посмотри на его ноги! У себя в голове он бежит!

Кале внимательно посмотрела, как дергаются ноги Мау, и положила руку ему на лоб. У нее округлились глаза.

— Я слыхала о таком, — сказала она. — Это все тени. Это его убьет. Небесная Женщина скажет нам, что делать.

— А где она?

— Ты для нее жуешь, — улыбнулась Кале. У нее за спиной появилась Безымянная Женщина и в ужасе уставилась на Мау.

— Миссис Бурбур?! — спросила Дафна.

— Она очень стара. Она обладает большой силой.

— Тогда скорей!

Дафна подсунула руки под плечи Мау и потянула вверх. К ее изумлению, Безымянная Женщина вручила своего младенца Кале и взяла Мау за ноги. И выжидательно посмотрела на Дафну.

Вдвоем они взбежали по холму, вскоре намного опередив всех остальных. Когда они добрались до хижины, миссис Бурбур уже ждала их, блестя черными глазками.

Как только Мау положили на циновку, старуха изменилась.

До сих пор Дафна воспринимала миссис Бурбур как странное существо крошечного роста. Старуха была почти лысая, передвигалась на четвереньках и выглядела так, словно была сделана из старых бурдюков. Кроме того, она, откровенно говоря, жадно и неопрятно ела и к тому же имела неподобающую привычку выпускать газы, хотя тут, наверное, виновата была солонина.

Сейчас она осторожно ползала вокруг Мау, бережно трогая его то здесь, то там. Она прислушалась у каждого уха по очереди, потом подняла одну ногу, потом другую, внимательно рассматривая, как они дергаются, — так ученый-натуралист мог бы следить за новым видом дикого животного.

— Не может быть, что он умирает! — выпалила Дафна, не в силах вынести ожидания. — Он просто

не спит! Он все ночи проводит на посту! Но нельзя же умереть от недосыпа! Разве не так?

Древняя старуха широко ухмыльнулась ей и подняла одну из ступней Мау. Медленно провела обломанным черным ногтем по подергивающейся стопе. Похоже, увиденное ее разочаровало.

— Он ведь не умирает? Не может быть, чтобы он умирал! — еще раз настойчиво произнесла Дафни, когда вошла Кале; другие люди столпились у двери.

Миссис Бурбур игнорировала их и посмотрела на Дафну. Этот взгляд очень ясно говорил: «Да? Откуда ты взялась, такая умная?» Затем старуха еще некоторое время приподнимала ноги Мау и тыкала в них пальцами, просто чтобы показать, кто тут главный. Потом подняла голову и обратилась к Кале с очень торопливой речью. В середине речи Кале засмеялась и покачала головой.

— Она говорит, что он в... — Кале запнулась и зашевелила губами, ища слово, которое, по ее мнению, будет понятно Дафне. — Он между там и здесь. Где тени. Не живой. Не мертвый.

— Где это? — спросила Дафна.

Еще один трудный вопрос.

— Это нигде — туда нельзя дойти. Нельзя доплыть. По морю — нет. По суше — нет. Как тень. Да! Место теней!

— Как мне туда попасть?

Этот вопрос Кале перевела для миссис Бурбур, и ответ был очень коротким.

— Тебе? Никак!

— Слушай, он спас меня, когда я тонула. Спас мою жизнь, понимаешь? Кроме того, у вас такой обычай.

Если кто-то спас твою жизнь, ты у него вроде как в долгу. Долг нужно отдать. И я хочу это сделать!

Эти слова перевели миссис Бурбур, и она, по-видимому, одобрила их. Она что-то сказала.

Кале кивнула.

— Она говорит, чтобы попасть в мир теней, нужно умереть, — перевела она. — Она спрашивает, умеешь ли ты умирать.

— Ты хочешь сказать, что в этом надо *тренироваться*?

— Да. Много раз, — спокойно ответила Кале.

— Я думала, больше одной попытки не дают! — сказала Дафна.

Вдруг перед ней очутилась миссис Бурбур. Она вперила в девочку яростный взгляд, поворачивая голову так и этак, словно хотела что-то разглядеть у нее в лице. Дафна не успела шелохнуться, как старуха вдруг схватила ее руку и прижала к собственному сердцу.

— Бум-бум? — спросила она.

— Сердце стучит? Э... да, — ответила Дафна, из всех сил стараясь не испытывать замешательства, но тщетно. — Очень слабо слышно... Я хочу сказать, у вас очень большая... э... очень много...

Сердцебиение прекратилось.

Дафна попыталась отнять руку, но старуха держала крепко. Лицо миссис Бурбур не выражало ничего, кроме легкой задумчивости, словно она пыталась складывать в уме большие числа. В хижине как будто потемнело.

Дафна ничего не могла с собой поделать. Она принялась считать про себя:

«...пятнадцать... шестнадцать...»

И тут... «бум» — едва слышно... «бум» — чуть громче... «бум-бум»... и сердце забилося как обычно. Старуха улыбнулась.

— Э... я могу попробовать! — сказала Дафна. — Только скажите мне, что делать!

— Она говорит, нет времени тебя учить, — произнесла Кале. — Она говорит, что учиться смерти нужно всю жизнь.

— Я очень быстро учусь!

Кале покачала головой.

— Твой отец тебя ищет. Он вождь брючников, да? Если ты умрешь, что мы скажем? Когда твоя мать будет плакать по тебе, что мы скажем?

Дафна почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и попыталась их удержать.

— Моя мать... уже не будет плакать, — с трудом выговорила она.

Темные глазки миссис Бурбур снова заглянули в глаза Дафны, как в прозрачную воду, — и вот она, Дафна, в ночной рубашке в голубой цветочек, сидит наверху лестницы, обхватив колени, в ужасе глядит на маленький гробик, стоящий на крышке большого и рыдает, потому что маленького мальчика похоронят в одиночестве, в ящике, вместо того чтобы положить его с матерью, и ему будет так страшно!

Она слышала, как вполголоса беседуют мужчины с ее отцом, и как звякает графин для бренди, и как пахнет древний ковер.

Раздалось бурчание кишечных газов. На ковре сидела миссис Бурбур, жуя солонину и с интересом глядя на Дафну.

Старуха встала, сняла гробик и бережно поставила на ковер. Снова потянулась вверх, подняла крышку большого гроба и выжидательно посмотрела на Дафну.

Внизу раздались шаги — горничная, рыдая, пересекла мощенную плиткой площадку и исчезла за дверью, обтянутой зеленым сукном и ведущей на кухни.

Дафна знала, что делать. В мыслях она проделала это уже тысячу раз. Она подняла из гробика холодное одинокое тельце, поцеловала в личико и бережно уложила рядом с их общей матерью. Плач прекратился...

...она моргнула, потому что ей в лицо опять уставились блестящие глазки миссис Бурбур, а уши заполнил звук прибора.

Старуха повернулась к Кале и выплюнула серию свистящих и дребезжащих звуков — то ли длинную речь, то ли какое-то приказание. Кале начала было отвечать, но старуха резко подняла палец. Что-то переменялось.

— Она говорит, это ты должна привести его обратно, — сказала слегка встревоженная Кале. — Она говорит, что далеко, на том краю света, утихла боль.

Интересно, как же эти черные глазки могут видеть. *«Далеко, на том краю света»*. Может быть. *Как она это сделала?* Это было похоже не на сон, а на воспоминание! Но боль в самом деле начала утихать...

— Она говорит, ты имеешь силу, как и она сама, — продолжала Кале. — Она часто путешествует по миру теней. Я знаю, что это правда. Она очень известная.

Миссис Бурбур снова слегка улыбнулась Дафне.

— Она говорит, что пошлет тебя к теням, — неохотно продолжала Кале. — Она говорит, у тебя очень хорошие зубы и ты была добра к старушке.

— Э... мне это было совсем нетрудно, — произнесла Дафна и яростно подумала: «Откуда она знает? Как она это сделала?»

— Она говорит, нет времени тебя учить, но она знает другой путь, и когда ты вернешься из теней, ты прожухнешь еще много мяса для нее своими замечательными белыми зубами.

Старушка улыбнулась Дафне так широко, что в эту ухмылку едва не провалились ее уши.

— Обязательно!

— Так что сейчас она тебя отравит, чтобы ты умерла, — закончила Кале.

Дафна взглянула на миссис Бурбур, которая ободряюще кивнула.

— В самом деле? Э... спасибо, — ответила Дафна. — Большое спасибо.

Мау бежал. Он не знал, почему или зачем: ноги сами бежали. А воздух... не был воздухом. Он был густой, как вода, и черный, но почему-то Мау видел сквозь него далеко и мог в нем быстро двигаться. Вокруг Мау из земли вырастали огромные колонны и, казалось, уходили бесконечно далеко вверх, к крыше из морских волн.

Что-то серебристое, стремительное пронеслось мимо и исчезло за колонной, а следом еще одно такое же, и еще одно.

Это рыба или что-то вроде рыбы. Значит, он действительно под водой. Под водой и смотрит снизу вверх на волны...

Он в темном течении.

«Локаха!» — заорал он.

«Здравствуй, Мау», — произнес Локаха.

«Я не умер! Это нечестно!»

«Нечестно? Я не знаю такого слова. Кроме того, ты почти умер. Несомненно, ты скорее мертв, чем жив, и с каждой минутой умираешь чуточку больше».

Мау попытался ускорить бег, но он и без того уже бежал быстро как никогда.

«Я не устал! Я могу бежать сколько угодно! Это какой-то трюк, верно? Даже у трюков должны быть свои правила!»

«Согласен, — ответил Локаха. — И это действительно трюк».

— Но это ведь безопасно, правда? — спросила Дафна. Она лежала на циновке рядом с Мау, неподвижным и расслабленным, как тряпичная кукла, если не считать подергивающихся ног. — Это должно сработать?

Она старалась, чтобы голос не дрожал, но одно дело было храбриться — точнее, два дела: храбриться и сохранять решимость, когда речь идет лишь о возможности, — и совсем другое, когда краем глаза видишь деловитые приготовления миссис Бурбур.

— Да, — сказала Кале.

— Ты уверена? — спросила Дафна.

«Что это я ною, как маленькая?» Ей стало за себя стыдно.

Кале едва заметно улыбнулась ей и подошла к миссис Бурбур, сидящей на корточках у огня. Корзины сушеных... *штук* принесли из другой хижины, где они хранились, а Дафна знала правило: чем ядовитее и опаснее снадобья, тем выше их подвешивают. Эти висели едва ли не на крыше.

Кале заговорила со старухой тоном ученицы, обращающейся к уважаемой учительнице. Старуха перестала обнюхивать горсть того, что Дафне показалось пыльными бобовыми стручками, и искоса взглянула на Дафну. Не улыбнулась и не помахала рукой. Миссис Бурбур была занята делом. Она что-то сказала краем губ и швырнула все стручки в небольшой трехногий котел, стоявший перед ней.

Кале вернулась.

— Она говорит, что безопасно — не надежно. Надежно — не безопасно. Надо делать или не делать.

«Я тонула, и он меня спас, — подумала Дафна. — Зачем я задала этот дурацкий вопрос?»

— Пусть будет надежно, — сказала она. — Чтобы надежней некуда.

Миссис Бурбур на том конце хижины ухмыльнулась.

— Можно, я спрошу еще кое-что? Когда я буду... ну... *там*, что мне надо будет делать? Что я должна говорить?

Ей ответили:

— Делай то, что лучше. Говори то, что нужно.

И всё. Миссис Бурбур не расщедрилась на объяснения.

Старуха приковыляла обратно с половинкой устричной раковины в руках.

Кале сказала:

— Слижи то, что в раковине, и ложись на циновку. Когда капля воды упадет тебе на лицо... ты проснешься.

Миссис Бурбур осторожно вложила раковину в руку Дафне и что-то коротко сказала.

— Она говорит, ты вернешься, потому что у тебя очень хорошие зубы, — услужливо перевела Кале.

Дафна посмотрела на раковину. Та была тускло-белая и пустая, если не считать двух зеленовато-желтых комочков. Столько трудов, а в результате; кажется, и поглядеть не на что. Дафна поднесла раковину ко рту и поглядела на Кале. Женщина сунула руку в тыкву с водой, а потом простерла над циновкой Дафны. Она поглядела на Дафну сверху вниз; на конце пальца блестела капля воды.

— Давай, — сказала она.

Дафна облизала раковину, не ощутив никакого вкуса, опустилась на циновку и расслабилась.

И вдруг испугалась. Не успела ее голова коснуться циновки, капля сорвалась с пальца и полетела к ней.

Она хотела закричать:

— Мне не хватит вре...

Но тут ее поглотила тьма, и грохот волн сомкнулся над головой.

Мау бежал вперед, но голос Лоахи не отставал.

«Мау, ты устаешь? Ноги болят, просят отдыха?»

«Нет! — ответил Мау. — Но... ты сказал, что есть правила. Что за правила?»

«Ох, Мау... Я только согласился, что правила должны быть. Это не значит, что я должен тебе их открыть».

«Но ты должен меня поймать, верно?»

«Твое предположение истинно», — ответил Локаха.

«Что это значит?»

«Это значит, что ты отгадал правильно. Ты уверен, что не начал уставать?»

«Да!»

На самом деле сила прилиwała к ногам Мау. Он чувствовал себя живым как никогда. Колонны полетели мимо еще быстрее. Он настиг стайку рыбок, которые в панике бросились врассыпную, оставляя серебристый след. А на темном горизонте забрезжил свет. Кажется, там дома, белые, большие, как те, из рассказа Пилу про Порт-Мерсию. Откуда взялись дома под водой?

Что-то белое мелькнуло и под ногами. Мау посмотрел под ноги и чуть не споткнулся. Он бежал по белым каменным блокам. Бежал так быстро, что их не удавалось толком разглядеть, а притормозить он не осмеливался, но размером эти камни были точно как якоря богов.

«Прекрасно, замечательно, — произнес Локаха. — Мау, а тебе не приходило в голову, что ты бежишь не в ту сторону?»

Последние слова были произнесены дуэтом. Протянулись руки и схватили Мау.

— *Туда!* — завопила Дафна прямо ему в ухо и потянула его обратно, в ту сторону, откуда он бежал. — Почему ты меня не слушал?

— Но... — начал Мау, упираясь, чтобы поглядеть на белые здания. Из них выходило что-то вроде столбика дыма... а может, просто большой пучок водорослей трепало течением... или луч света на них падал.

— Я сказала — *туда!* Ты что, хочешь умереть насовсем? Да беги же!

Но куда ушла сила из ног? Теперь он словно бежал в воде, в настоящей воде. Он взглянул на Дафну, которая почти тащила его.

— Как ты сюда попала?

— Умерла, очевидно... Да будешь ты бежать или нет! И что бы ты ни делал, не оглядывайся!

— Почему?

— Потому что я только что оглянулась! Быстрее!

— Ты взаправду умерла?

— Да, но я должна скоро поправиться. Скорее, миссис Бурбур! Капля уже сорвалась!

Тишина обрушилась, как молот из перышек, оставив отверстия, формой похожие на шум прибора.

Беглецы остановились — не по собственной воле, а по необходимости. Ноги Мау, бесполезные, висели, не касаясь земли. Воздух посерел.

— Мы идем по стопам Лоахи, — произнес Мау. — Он простер над нами свои крыла.

Слова сами полились у Дафны с языка. Она слышала их впервые лишь несколькими неделями раньше, на похоронах юнги Скэттерлинга, убитого мятежниками. Юнга был рыжий и конопатый и не очень нравился Дафне, но она плакала, когда волны проглотили парусиновый сверток. Капитан Робертс принадлежал к Братству Способствующих — члены

братства верили Евангелию от Марии Магдалины, как... как Священному Писанию¹. В церкви Святой Троицы этого куска никогда не читали, но Дафна сохранила его в закоулке памяти, а теперь он вырвался, оглушительный, как боевой клич:

— *И тех, кого поглотит пучина, она не удержит!*

Сломленные и разметанные будут исцелены!

Снова восстанут в вечное утро, облекшись в новые ризы!

В кораблях из тверди вознесутся они средь звезд!

— Миссис Бур...

¹ Дафна не сомневалась, что среди апостолов были женщины. Как она объяснила изумленному капитану Робертсу: «Господа нашего всегда изображают одетым в белое — а кто-то ведь должен был ему вовремя постирать». (Прим. автора.)

Глава 9

ОТВАЛИТЕ КАМЕНЬ

КАПЛЯ РАЗБИЛАСЬ О ЛИ-
ЦО ДАФНЫ. ОНА ОТКРЫЛА ГЛАЗА И ЗАКОНЧИЛА:
— ...бур!

Кале и старуха стояли над ней и улыбались. Моргая от яркого света, Дафна чувствовала, как старуха осторожно выпутывает что-то у нее из волос. Но происходило и что-то еще. Воспоминания выливались из нее потоком. Лик смерти... огромные столпы, на которых покоится мир... белые камни... все это уносилось в прошлое, стремительно, как серебряные рыбки, и тускнело на лету.

Дафна посмотрела на циновку рядом с собой. Мау лежал неподвижно и похрапывал.

«Ничего особенного не произошло, — подумала она. Голова немного кружилась. — Он ужасно за-

мерз, и его принесли сюда, чтобы он хоть немного согрелся». Потом случилось... что-то — очертания еще оставались в памяти, но заполнить их Дафна уже не могла. Разве что...

— Там были серебряные рыбки? — подумала она вслух.

Миссис Бурбур, кажется, страшно удивилась. Она что-то сказала Кале, которая закивала и заулыбалась.

— Она говорит, что ты действительно женщина, обладающая силой, — перевела Кале. — Ты вытащила его из темного сна.

— Да? Я не помню. Но там были рыбы.

Когда Кале ушла, дырка в памяти Дафны все еще не затянулась, и в ней по-прежнему плавали рыбы. Случилось что-то большое, важное, и Дафна была там, а теперь ничего не может вспомнить, кроме рыб?

Миссис Бурбур скрючилась у себя в углу и вроде бы уснула. Дафна была уверена, что старуха не спит. Наверняка подглядывает сквозь щелочки почти опущенных век и подслушивает изо всей силы, только что ушами не хлопает. Все женщины слишком сильно интересовались ею и Мау. Точно как горничные у них дома — лишь бы посплетничать. Очень глупо и ни к чему, совершенно ни к чему!

Мау лежал на циновке и казался очень маленьким. Он уже не дергался, а лежал, скорчившись, сжавшись в комок. Теперь Дафну пугала его неподвижность.

— Эрминтруда, — сказал голос в воздухе.

— Да, — ответила она и добавила: — Ты — это я, правда?

— Во сне он по-прежнему видит темные воды. Коснись его. Обними его. Согрей его. Дай ему знать, что он не один.

Голос был, похоже, ее собственный, и она покраснела. Она чувствовала, как розовый жар поднимается по шее вверх.

— Это будет непристойно, — прошипела она, не подумав. И тут же чуть не прикусила себе язык: «Это не я! Это какая-то дура, внучка какой-то вздорной старухи!»

— Тогда кто же ты? — спросил голос из воздуха. — Создание, которое умеет чувствовать, но не умеет касаться? Здесь? *В этом* месте? Мау одинок. Он думает, что у него нет души, и потому строит себе душу. Помоги ему. Спаси его. Скажи ему, что глупые старики заблуждаются.

— Глупые ста... — начала Дафна, и память тут же подсунула нужное. — Дедушки?

— Да! Помоги ему отвалить камень! Он — дитя женщины, и он плачет!

— Кто ты? — спросила она в воздух.

— Кто ты? — донеслось словно эхом. И голос умолк, не оставив даже очертаний в тишине.

«Мне надо об этом подумать, — решила она. — А может быть, и нет. Не сейчас, не здесь, потому что, может быть, слишком много думать иногда вредно. Потому что, как бы ты ни старалась быть Дафной, у тебя за плечом всегда будет стоять Эрминтруда. В любом случае здесь есть миссис Бурбур, она сойдет за дуэнью, и даже гораздо лучше, чем бедный капитан Робертс, хотя бы потому, что она вовсе не мертва».

Дафна встала на колени у циновки Мау. Голос оказался прав: по лицу мальчика текли слезы, несмотря на то, что он вроде бы крепко спал. Дафна осушила слезы губами — ей показалось, что это будет правильно, — а потом попыталась подsunуть под него руку, но это оказалось очень трудно, и рука скоро затекла, и ее все равно пришлось вытащить обратно. «Долой романтику», — решила Дафна. Она подтащила свою циновку к циновке Мау и легла. Теперь ей стало проще обнять его одной рукой, но из-за этого пришлось лежать в ужасно неудобной позе, подложив под голову другую руку. Через некоторое время Мау потянулся к Дафне и осторожно взял ее ладонь в свою. В этот момент, несмотря на жутко неудобную позу, Дафна уснула.

Миссис Бурбур подождала, убедилась, что Дафна спит, разжала руку и посмотрела на серебристую рыбку, которую она выудила из волос девочки. Рыбка извивалась на ладони.

Тогда старушка проглотила ее. Всего лишь рыба из сна, но такие вещи полезны для души.

Дафна проснулась, когда первые лучи зари красили небо в розовый цвет. У Дафны болели даже те мышцы, о существовании которых она раньше и не подозревала. Как же супружеские пары справляются? Загадка.

Мау тихонечко храпел и даже не пошевелился.

Как помочь такому человеку? Он хочет быть везде и делать все сразу. Он наверняка опять попытается делать больше положенного, снова перетрудится,

и Дафне опять придется его выручать. Она вздохнула. Этот вздох был старше ее самой: ее отец, конечно, был точно такой же. Он работал ночами, заполняя вализы дипкурьеров министерства иностранных дел, и при нем круглосуточно дежурил лакей, чтобы в любой момент подать кофе и сэндвичи с жареной уткой. Горничные не удивлялись, если по утрам заставляли хозяина на рабочем месте; он спал, уронив голову на карту Нижней Сидонии.

Бабушка любила ехидно заметить: «Надо полагать, у его величества нету *других* министров?» Но теперь Дафна понимала. Отец, как и Мау, пытался заполнить дыру в душе работой, чтобы оттуда не хлынули воспоминания.

Сейчас она была рада, что рядом никого нет. Кроме храпа Мау и миссис Бурбур не слышно было ни звука, только ветер и грохот волн, бьющихся о риф. Но на острове это сходило за тишину.

— Покажи нам панталончики! — донеслось снаружи.

О да, и этот несчастный попугай. Он порой по-настоящему действовал на нервы. Иногда он пропадал целыми днями, потому что глубоко, с воодушевлением возненавидел птиц-дедушек и с огромным удовольствием делал им гадости при каждом удобном случае. А потом, стоило улучшить момент тишины и... чего-нибудь похожего на духовное единение с Вселенной... эта мерзкая птица обязательно сваливалась на голову, вопя: «Покажи нам... невыразимые!»

Она вздохнула. Временами Вселенной явно недовосставало порядка.

Дафна прислушалась и поняла, что птица улетела на гору.

«Так, — подумала она, — начнем с главного». Поэтому сначала подошла к очагу и поставила на медленный огонь, чтобы едва кипело, кусок солонины в горшке. Добавила кое-каких кореньев, про которые Кале говорила, что их можно есть, и половинку очень маленького стручка красного перца. Только половинку: они были такие жгучие, что целый стручок когда-то страшно обжег ей рот. А вот миссис Бурбур ела их сырыми.

Кстати, она задолжала старухе целую гору пережеванного мяса.

А теперь настала пора большого испытания. Нельзя пускать вещи на самотек. Если Дафна собирается быть женщиной, которая обладает силой, она должна владеть и ситуацией. Нельзя вечно оставаться девчонкой-призраком, которую внешние обстоятельства швыряют как хотят.

Так. Стать на колени? Здесь, кажется, это не принято, но ей не хотелось показаться невежливой, даже если действительно окажется, что она разговаривает сама с собой.

Руки сложить вместе. Глаза закрыть? Так легко что-нибудь напутать...

Голос зазвучал сразу же — она даже не успела подумать, с чего начать.

«Ты не вложила копьё в руку Мигаю», — сказал ее собственный голос в ее собственной голове.

«О ужас, — подумала она. — Кто бы это ни был, он знает, что я до сих пор про себя зову того мальчика Мигаем».

— Вы какой-нибудь языческий бог? — спросила она. — Я много думала об этом, и, ну, боги беседуют с людьми, а насколько я понимаю, здесь довольно много богов. Я просто хотела спросить, не разразят ли меня гром и молния, потому что я этого очень не люблю. А может быть, я просто сошла с ума и слышу голоса. Правда, это соображение я отвергла, потому что сумасшедшие обычно не задумываются, не сумасшедшие ли они. Поэтому если человек думает, не сумасшедший ли он, значит, он точно не сумасшедший. Я просто хотела бы знать, с кем я разговариваю, если вы, конечно, не возражаете.

И стала ждать.

— Э... я прошу прощения, что назвала вас языческим, — добавила она.

Ответа по-прежнему не было. Она не знала, следует ли ей испытывать облегчение, и решила вместо этого слегка обидеться.

Она кашлянула.

— Ну и ладно, — сказала она, вставая. — Я сделала все, что могла. Извините, что отняла у вас время.

Она двинулась к выходу из хижины.

— Мы брали новорожденного и давали ему в ручку копье, — сказал голос. — Чтобы он вырос великим воином и убил много детей других женщин. Мы *сами* это делали. Так нам велел род, так велели жрецы и боги. И вот явилась ты, не знающая наших обычаев. И первое, что ощутил младенец, было материнское тепло, первое, что он услышал, — твоя песня о звездах!

Насколько глубоко она влипла?

— Послушайте, я прошу прощения, что песня про звезду была не к месту... — начала она.

— Это хорошая песня для ребенка, — сказал голос. — В ней есть вопрос.

Еще страннее и непонятнее.

— Так я плохо поступила или нет?

— Почему ты нас слышишь? Нас уносит ветром, наши голоса едва различимы, но ты, брючница, слышала наше мучительное молчание! Как?

«Может, потому, что слушала?» — подумала Дафна. Может быть, она не переставала слушать, еще с тех дней, проведенных в церкви, когда умерла мама. Дафна перечитала все молитвы, какие знала, и ждала в ответ хоть шепота. Она не требовала, чтобы перед ней извинились. Не просила, чтобы время пошло вспять. Она просто хотела получить объяснение, что-нибудь более осмысленное, чем «на то Божья воля» — взрослый вариант детского «потому что потому».

Одинокие размышления в стылой спальне привели ее к мысли, что случившееся очень похоже на чудо. В конце концов, была ужасная гроза, и если бы доктор умудрился добраться на место и при этом его лошадь *не* поразила бы молния, это было бы настоящим чудом. Разве нет? Все сказали бы, что чудо. Но в бескрайней темноте дождливой ночи, посреди бури молния умудрилась ударить в лошадь, такую маленькую по сравнению с окружавшими ее огромными, раскачивающимися деревьями. Разве не чудо? Во всяком случае, похоже. Кажется, именно такие вещи называют Божьим Промыслом?

Дафна очень вежливо задала этот вопрос архиепископу, и, по ее мнению, бабушка поступила совершенно неразумно, когда завопила, как раненый павиан, и выволокла ее из собора за ухо.

Но Дафна все ждала хоть чего-нибудь: голоса, шепота, слова, которое придало бы всему смысл. Она просто хотела... разобраться.

Она посмотрела вверх, в темную крышу хижины.

— Услышала, потому что слушала, — сказала она.

— Тогда слушай нас, о девочка, которая слышит безмолвных.

— А кто вы такие?

— Мы — Бабушки.

— Я никогда не слыхала про Бабушек!

— А как ты думаешь, откуда берутся маленькие дедушки? У каждого мужчины есть мать и у каждой матери тоже. Мы рожали маленьких дедушек, кормили их своим молоком, вытирали им попки и целовали их, чтобы высохли слезы. Мы учили их есть и показывали, какая еда полезна, чтобы они росли крепкими. Мы учили их детским песенкам, в которых живет мудрость. А потом отдавали Дедушкам, которые учили их убивать сыновей других женщин. Тех, у кого лучше всего получалось убивать, высушивали в песке и относили в пещеру. А мы отправлялись обратно в темные воды, но отчасти оставались здесь, в этом месте, где мы родились, где мы рожали, а часто и умирали тоже.

— Дедушки все время кричат на Мау!

— Они — эхо в пещере. Они вспоминают боевые кличи своей юности, снова и снова, как говорящая птица. Они неплохие люди. Мы их любили как сы-

новей, как мужей, как отцов, но у стариков все путается в голове, и они не замечают, как вращается мир. Мир должен вращаться. Скажи Мау, чтобы он отвалил камень.

На этом они исчезли. Дафна почувствовала, как они выскальзывают у нее из головы.

«Это невозможно, — подумала Дафна. — Ладно, было невозможно — до этого момента. Они были реальны, и они все еще здесь. Они — то, что я чувствовала, когда рождался Мигай. Как будто сама деревня — живая, и она на моей стороне. Быть может, иные голоса настолько древние, что их понимает *каждый*».

Свет возвращался медленно, поначалу серый, как на рассвете. Где-то поблизости послышался шорох. Дафна повернула голову на звук и увидела в дверном проеме хижины девочку. Та в ужасе смотрела на Дафну. Дафна не помнила, как ее зовут, потому что она прибыла лишь несколько дней назад, вместе с горсткой других выживших, и никто из них не приходился ей родственником. А Дафна едва на нее не накричала.

Дафна очень осторожно подошла к девочке, села на корточки и протянула к ней руки. Казалось, один удар сердца — и девочка обратится в бегство.

— Как тебя зовут?

Девочка посмотрела на свои ноги и прошептала что-то похожее на «Блайби».

— Очень красивое имя, — сказала Дафна и осторожно привлекла девочку к себе.

Маленькое тельце затряслось в рыданиях. Дафна мысленно отметила: сказать Кале. Люди прибыва-

ли теперь каждый день, и часто тем, кто нуждался в уходе, самим приходилось ухаживать за другими. Это было не так уж и плохо, но, хотя все получали еду и место для сна, у людей были и другие потребности, не менее важные, которые из-за всеобщей занятости оставались незамеченными.

— Блайби, ты умеешь готовить? — спросила она; девочка робко кивнула. — Отлично! Видишь, человек лежит на циновке?

Девочка опять кивнула.

— Хорошо. Отлично. Мне нужно, чтобы ты приглядела за ним. Он был очень болен. Мясо в горшке будет готово, когда солнце встанет на ладонь выше пальм. Мне надо пойти поглядеть на камень. Скажи этому человеку, чтобы он поел. Да, и сама не забудь поесть.

«До чего я докачусь? — размышляла она, спеша прочь из Женской деревни. — Я спала в одной комнате с молодым человеком без официальной дуэньи (интересно, считается ли миссис Бурбур?), варила пиво, бегала практически *голая*, моими устами вещали боги, как будто я древнегреческая фифия, хотя Бабушки, скорее всего, не тянут на богов, и, если вдуматься, в Древней Греции были не фифии, а пифии. И, строго говоря, я была при нем сиделкой, так что это, вероятно, все же в рамках приличий...»

Она остановилась и огляделась. Да какая разница? На острове это совершенно никого не волнует. Так перед кем она извиняется? Почему ищет себе оправданий?

«Скажи Мау, чтобы отвалил камень». Почему всем от него что-то нужно? Она слыхала про камень. Он

находился в небольшой долинке на боковом склоне горы, куда был заказан вход женщинам.

В общем, незачем было идти туда сейчас, но она была зла на всех и хотела просто выбраться на свежий воздух и сделать что-нибудь наперекор кому-нибудь. За камнем, скорее всего, окажутся скелеты, но что с того? Уйма *ее* предков лежат дома в семейной подземной часовне, в церкви, но они не пытаются выбраться наружу и никогда ни с кем не заговаривают. Уж бабушка бы им показала, если б они только попробовали! Кроме того, сейчас белый день, а они, конечно, выходят только ночью. И к тому же думать, что они вообще куда-то выходят, — чистое суеверие.

Она тронулась в путь. Вверх вела хорошо заметная тропа. Дафна слыхала, что этот лес не очень большой и тропа проходит его насквозь. Здесь не водились ни саблезубые тигры, ни огромные гориллы, ни злобные ящеры из доисторических времен... по правде сказать, вообще ничего интересного. Но каким бы ни был лес, пусть в нем лишь несколько квадратных миль — если он вжался в несколько пересекающихся между собой небольших долин, и все, что в нем растет, сражается против всего остального, что в нем растет, за каждый рваный клочок солнечного света, и в любую сторону видно лишь на несколько шагов, и невозможно определить дорогу по шуму моря, потому что он доносится очень слабо и притом отовсюду, — кажется, что лес не просто огромный, а еще и растет с каждой минутой. И тогда начинаешь верить, что лес ненавидит тебя с той же силой, с какой ты ненавидишь его.

Следить за тропой не было смысла, потому что она скоро превратилась в сотню тропок, все время расходящихся и сходящихся. В подлеске шуршала какая-то живность, а иногда твари — судя по звукам, гораздо крупнее свиней — скакали галопом вдали, по невидимым Дафне тропинкам. Насекомые звенели и жужжали вокруг, но гораздо хуже были огромные пауки, которые сплели свои сети поперек тропинок и сами висели в них, большие, величиной с ладонь, и чуть не плевались от злости. Дафна читала в одной из книжек про Великий Южный Пелагический океан, что «за несколькими прискорбными исключениями, чем больше и страшнее на вид паук, тем менее вероятно, что он окажется ядовитым». Она в это не верила. «Прискорбные исключения» в этом лесу висели повсюду, и — она не сомневалась — кое-кто из них пускал голодные слюни.

Вдруг впереди показался ясный дневной свет. Она бы побежала туда со всех ног, но, к счастью (хотя в тот момент это было неочевидно), одно из «прискорбных исключений» как раз собиралось использовать свою паутину в качестве трамплина, и Дафне пришлось протискиваться мимо с большой осторожностью. И хорошо, потому что конец тропинки сулил действительно огромное количество свежего воздуха, но при заметной нехватке опоры для ног. Там была небольшая площадка, где хватило бы места для двух человек, желающих посидеть и полюбоваться видами, а потом — обрыв до самого низа, к морю. Обрыв, конечно, был не совсем отвесный: упавшему представилась бы возможность пару раз отскочить от скальных уступов.

Дафна воспользовалась случаем несколько раз вдохнуть воздуха без мух. Неплохо было бы в этот момент увидеть парус на горизонте. «Просто замечательно, с точки зрения развития сюжета», — подумала Дафна. Вместо этого она заметила, что часть дня уже прошла. Дафна не очень боялась чужих привидений, но через этот лес ей не хотелось бы идти в сумерках.

А найти путь домой — это, наверное, совсем не сложно. Правда же? Каждый раз, когда тропинка раздваивается, нужно выбирать ту, которая ведет вниз, вот и все. Дафна была вынуждена признать, что предыдущая стратегия — выбирать тропу, ведущую вверх, каждый раз (или, по крайней мере, каждый раз, когда ее не загораживало особенно злобное «прискорбное исключение») — не сработала. Но, в конце концов, логика должна была восторжествовать.

В каком-то смысле она и восторжествовала. После очередной развилки Дафна вышла в небольшую долину, лежащую в объятиях гор, и перед ней оказался тот самый камень. Ошибиться было невозможно.

В долине там и сям росли деревья, но жалкие, полуживые. Земля под ними была сплошь покрыта птичьим гуано.

Перед камнем, недалеко от него, на опоре из трех валунов стояла большая чаша, тоже из какого-то камня. Дафна заглянула в чашу, стыдясь собственного любопытства, поскольку, что греха таить, в такого рода долине такая каменная чаша просто обязана была содержать в себе несколько человеческих черепов. Внутренний голос подсказывал Дафне: зловещая долина, плюс полумертвые деревья, плюс зловещий вход

в пещеру, равно черепа в чаше (или, в крайнем случае, на кольях). Но, даже прислушиваясь к голоску, Дафна чувствовала, что это нечестно по отношению к Мау, Кале и всем прочим. Человеческие черепа никогда не всплывали в повседневных разговорах. Даже — что гораздо важнее — за обедом.

Из чаши поднимался противный запах кислого, липкого демонского питья. Пиво прокисло, но оно явно и с самого начала было не очень хорошее. Ужасно признаваться в таких вещах, но у Дафны в последнее время стало получаться по-настоящему хорошее пиво. Все так говорили. «Это дар, — сказала Кале — точнее, частично сказала и частично показала жестами, — и девушка, которая так хорошо варит пиво, обязательно найдет очень хорошего мужа». Будущее замужество Дафны по-прежнему было волнующей темой для обитательниц Женской деревни. Дафне иногда казалось, что она перенеслась в роман Джейн Остин, персонажи которого почему-то очень легко одеты.

Здесь, наверху, было ветрено и холоднее, чем внизу. В таком месте не хочется застревать на ночь.

Ну хорошо. Пора высказать то, с чем она сюда пришла.

Она твердой походкой подошла к камню, подбоченилась и начала:

— А ну, слушайте меня! Я все знаю про предков! У меня у самой куча предков! Один из них был король, а уж более предких предков просто не бывает! Я пришла из-за Мау! Он пытается делать все сразу, а вы его все время тираните! Он творит чудеса и чуть

не уработался до смерти, а вы ему даже «спасибо» ни разу не сказали! Разве можно так себя вести?

«А ведь *твои* предки ведут себя именно так, — сказала ее совесть. — Вспомни, как смотрят на тебя их портреты в Длинной галерее. Вспомни, сколько денег выбрасывает твой отец на содержание загородной усадьбы только потому, что ее построил его прапрапрадедущка. Да, как насчет *твоего отца*?»

— Я знаю, что творится с людьми, которыми помыкают! — закричала она еще громче. — Они, в конце концов, сами начинают верить, что в них нет ничего хорошего! Пускай они работают так, что засыпают за рабочим столом; все равно этого всегда мало! Они начинают робеть, дергаться от малейшего шума, ошибаться, и тогда их еще больше тиранят, потому что, видите ли, тираны никогда не останавливаются, что бы человек ни делал, и мой о... и тот, кого тиранят, уже готов на что угодно, лишь бы это прекратилось, но это все равно не прекращается! Я этого не потерплю, слышите? Если вы не исправитесь в кратчайшие сроки, то наживете себе неприятностей, поняли?

«Я кричу на камень, — подумала она, слушая горное эхо своего голоса. — Чего я жду? Что камень ответит?»

— Меня кто-нибудь *слышит*? — закричала она и подумала: «А вдруг сейчас кто-нибудь скажет «да»? И уж если на то пошло, что я буду делать, если кто-нибудь скажет «нет»?»

Но ничего не произошло, и это страшно оскорбило Дафну — особенно если учесть, скольких трудов ей стоило сюда добраться.

«Меня только что подчеркнуто игнорировала целая пещера мертвых стариков».

Кто-то стоял у нее за спиной. И она не слышала, как он подошел. Но она злилась из-за кучи разных вещей, а теперь — в первую очередь на себя за то, что накричала на камень. И кто бы там ни стоял у нее за спиной, сейчас она ему все скажет.

— Один из моих предков сражался в войне Алой и Белой розы, — высокомерно продолжала она, не оглядываясь, — и тогда было принято носить белую или красную розу, чтобы показать, на чьей ты стороне, но мой предок очень любил розовые розы сорта «Леди Лавиния» — кстати сказать, они до сих пор растут у нас в усадьбе. Из-за этого ему пришлось сражаться с обеими сторонами сразу. И он остался в живых, между прочим, потому что все считали, что убить умалишенного — плохая примета. Вот что вам нужно знать о моей семье: мы, может быть, упрямые и глупые, но драться *умеем*.

Она резко повернулась:

— Как ты смеешь ко мне подкра... Ох.

— Пнап! — раздалось в ответ.

Рядом стояла птица-дедушка и взирала на Дафну с оскорбленным видом. Правда, это была не самая заметная особенность птицы. Гораздо заметнее было то, что она оказалась не одна. Птиц было уже не меньше пятидесяти, и они все прибывали. Теперь их стало и слышно тоже, потому что у больших птиц аэродинамика была как у кирпича, и они старались приземлиться как можно ближе к Дафне, а это кончалось тем, что их внимание рассеивалось и они падали на

головы другим птицам-дедушкам. В воздух взлетали облака перьев, и злобно щелкали клювы: «Пнап! Пнап!»

Дафне казалось, что вокруг бушует метель. Сначала вроде бы весело и забавно, зимняя сказка и все такое, и думаешь — поскольку снег мягкий, он неопасный. А потом понимаешь, что тропы уже не видно, и темнеет, и снег закрывает небо...

Тут одна большая птица чисто случайно приземлилась Дафне на голову и, пытаясь удержаться, вцепилась в волосы когтями, похожими на стариковские пальцы. Дафна закричала на птицу и умудрилась спихнуть ее. Но птицы все валились кучами вокруг, толкаясь и щелкая клювами. В вонючей и шумной круговерти из перьев Дафна соображала с трудом, но, кажется, птицы не собирались на нее нападать. Они просто хотели быть там же, где она, — все равно где.

Да, а запах! Ничто так не воняет, как стая птиц-дедушек в непосредственной близости. Помимо обычной птичьей вони — сухого костяного запаха перьев — у птиц-дедушек ужасно разит из клювов, как ни у одного другого живого существа. Волны этого смрада били по коже, словно шершавые щетки. И все птицы беспрестанно щелкали клювами — каждая пыталась перещелкать другую, так что Дафна едва не пропустила спасительный крик.

— Покажи нам панталончики! Раньше был я выпивоха, а теперь я пахну плохо!¹

Птицы запаниковали. Они терпеть не могли попугая, так же как он их. А когда птица-дедушка хочет

¹ Перевод стихов Марии Белиловской.

убраться подальше, она непременно оставит на месте все ненужное для полета.

Дафна скорчилась и закрыла голову руками от хлынувшего града костей и погадок из рыбы. Наверное, хуже всего был шум, но если вдуматься, в этой ситуации *все* было хуже всего.

Вдруг мимо Дафны метнулась смугло-золотистая фигура, держащая по кокосу в каждой руке. Фигура шаталась, пинками расчищая себе путь среди паникующих птиц, пока не достигла каменной чаши. Чаша была полна птиц-дедушек — со стороны это напоминало цветы в вазе. Человек поднял кокосы высоко в воздух и резким движением разбил их друг о друга.

Наружу хлынуло пиво, и его аромат разнесся по воздуху. Клювы птиц немедленно обратились в сторону чаши, стремясь к пиву, как стрелки компаса — к северу. Про Дафну тут же забыли.

— Лучше бы я умерла, — сказала она в пространство, выпутывая кости из волос. — Нет, лучше бы я оказалась в хорошей горячей ванне с мылом и полотенцами. А потом бы оказалась *еще в одной* ванне, потому что, уж поверьте, такую голову с одного раза не отмыть. А уже потом лучше бы я умерла. Я думаю, это самое плохое, что со мной в жизни слу... — Она умолкла, потому что с ней случилось то, что было гораздо хуже и, сколько ни живи, всегда будет хуже... И закончила: — Вторая самая плохая вещь, которая со мной в жизни случилась.

Мау сел на корточки рядом с ней.

— Мужская деревня, — сказал он, ухмыляясь.

— Да уж, похоже, — отрезала Дафна. Она уставилась на Мау. — Откуда ты взялся?

Мау нахмурился, и она поняла, что он ее не понял. Они уже более или менее нашли общий язык благодаря Пилу и Кале, но в основном для обычных повседневных вещей. А «откуда ты взялся?» было слишком сложно, потому что эти слова задавали совсем не тот вопрос, который вроде бы лежал на поверхности. Дафна видела, как Мау пытается ее понять.

— Э... Я взялся от своей матери и от своего отца... — начал он, но Дафна была уже готова к этому.

— Я хотела спросить, как ты оказался *здесь*! — громко перебила она.

Пока он думал, раздалось несколько приглушенных ударов. Это падали птицы-дедушки, словно пожилые дамы, перебравшие хереса на Рождество. «Уж не отравились ли они пивом, — подумала Дафна, — ведь никто из них даже не пытался спеть песню. Но вряд ли. Как-то раз у нее на глазах птица-дедушка съела целого дохлого краба, пролежавшего на солнце несколько дней. Кроме того, клювы лежащих птиц подергивались, тихо, довольно пощелкивая. На место упавших птиц заступали их жаждущие товарищи».

— Девочка сказала, что ты что-то говорила про камень, — объяснил Мау. — А потом она заставила меня съесть миску мяса. Очень настаивала. А потом я пришел сюда так быстро, как только мог, и она за мной не поспела.

Он показал рукой. Блайби шла вверх по склону — очень осторожно, стараясь не наступать на храпящих птиц.

— Она сказала, что ты ей велела за мной присматривать.

Они сели и стали ждать, стараясь не смотреть друг на друга. Потом Мау произнес:

— Понимаешь, это так устроено: птицы пьют пиво, а дух пива поднимается вверх, к Дедушкам. Так говорили жрецы.

Дафна кивнула.

— У нас дома для этого используют хлеб и вино, — сказала она и подумала: «Ох, тут лучше не вдаваться в подробности. В этих местах знают, что такое каннибализм. Как бы не вышло... ненужной путаницы».

— Но я думаю, что это неправда, — сказал Мау.

Дафна кивнула и подумала еще немного.

— Может быть, некоторые вещи — правда, но в каком-то особенном смысле?

— Нет. Люди так говорят, когда хотят поверить в ложь, — отрезал Мау. — И обычно верят.

Воцарилась еще одна пауза. Ее заполнил попугай. Поскольку его смертельные враги были парализованы демонским питьем, он спикировал на них и принялся старательно снимать с них панталоны, то есть аккуратно, без усталости ощипывать белые перышки с ног, одно за другим. При этом он издавал радостные, но, к счастью, приглушенные попугайские вопли.

— Они очень... розовые, — сказала Дафна, обрадовавшись, что подвернулась невинная тема для разговора. Относительно невинная.

Немного спустя Мау спросил:

— Ты помнишь, как мы... бежали?

- Да. Не совсем. Я помню рыбок.
- Серебряных? Длинных и тонких?
- Да, как угри! — воскликнула Дафна. Ветерок гнал перья по долине, сбивая в комки.
- Значит, это на самом деле было?
- Наверно.
- Я хотел спросить, что это было — сон или явь?
- Миссис Бурбур говорит, что да, — ответила Дафна.
- А кто... кто такая миссис Бурбур?
- Та очень старая женщина, — объяснила Дафна.
- Ты говоришь про Мар-Исгалу-Егисагу-Гол?
- Да, наверное.
- А на что именно она говорит «да»?
- На твой вопрос. Думаю, она имеет в виду, что это неправильный вопрос. Слушай, Локаха с тобой правда разговаривает?
- Да!
- На самом деле?
- Да!
- В голове? Как сон?
- Да, но я могу отличить, где сон, а где нет! — сказал Мау.
- Это хорошо, потому что со мной разговаривают Бабушки.
- Кто такие Бабушки?
- Пока Дафна объясняла, а Мау старался понять, Блайби (если ее на самом деле так звали) дошла до них и уселась у их ног, играя перьями птиц-дедушек. Мау подобрал перо и стал вертеть в пальцах.
- Значит, они не любят воинов.

— Они не любят, когда людей убивают. И ты не любишь.

— Ты знаешь про охотников за черепами? — спросил Мау, смахивая перышко с лица.

— Конечно. Про них все знают. У них огромные боевые галеры, борта которых обвешаны черепами врагов. А их враги — это все остальные люди.

— На острове сейчас около тридцати человек. Сегодня утром прибыло еще несколько. Большинство едва держатся на ногах. Они пережили волну, но не собирались дожидаться прихода охотников за черепами.

— Ну что ж, у нас достаточно каноэ. Может, возьмем и поплывем на восток?

Она сказала это, не подумав. Потом вздохнула.

— Мы не можем, да?

— Не можем. Если бы у нас было больше крепких и здоровых людей, больше времени, чтобы собрать еду в дорогу, тогда можно было бы попробовать. Но нас ждет восемьсот миль открытого океана.

— Те, кто послабее, умрут. А ведь они приплыли сюда, чтобы спастись!

— Наш остров называется «Место, где рождается солнце», потому что он на востоке. Они надеются, что мы их спасем.

— Тогда мы можем спрятаться и ждать, пока охотники за черепами уйдут. Бабушки велели отвалить камень.

Мау так и уставился на нее.

— И спрятаться среди мертвецов? Ты думаешь, мы должны так поступить?

— Нет! Мы должны сражаться!

Она сама изумилась тому, как выпалила эти слова. Их выкрикнули ее предки — все эти хладнокровные каменные рыцари в подземной часовне. Им бы никогда не пришлось в голову прятаться, даже если бы это был единственный разумный выход.

— Тогда я придумаю способ, — сказал Мау.

— А что говорят Дедушки?

— Я их больше не слышу. Только щелканье... и жужжание насекомых.

Дафна захихикала.

— Наверное, Бабушки их как следует отругали. Моя бабушка вечно ругала моего дедушку. Он знал о пятнадцатом веке все, что только можно, и при этом вечно спускался к завтраку без зубов.

— Они выпадали у него ночью?

— Нет. Он их вытаскивал, чтобы почистить. Это были новые зубы, сделанные из костей животных.

— Вы, брючники, умеете давать старикам новые зубы? Что еще? Может, вы и глаза новые умеете вставлять?

— Э-э-э... Да, вообще-то, у нас есть кое-что очень похожее.

— Почему вы настолько *умнее* нас?

— Знаешь, я не думаю, что мы умнее. Просто когда живешь в местах, где половину времени очень холодно, поневоле начнешь изобретать всякие вещи. Я думаю, что вся наша империя образовалась из-за погоды. Люди были готовы что угодно делать, лишь бы не сидеть взаперти из-за дождя. Я почти уверена: они выглядывали в окно и тут же неслись открывать Индию и Африку.

— Это большие острова?

— Огромные, — сказала Дафна.

Мау вздохнул и сказал:

— И там живут люди, от которых остались камни.

— Что?

— Якоря богов, — объяснил Мау. — Я теперь понимаю Атабу. Я не думаю, что он верит в богов, но он верит в веру. И еще он думает, что брючки приплыли сюда очень давно.

Мау замолк и покачал головой.

— Может быть, они привезли с собой камни как балласт. Да, наверное. Посмотри, сколько камней было в «Милой Джуди». Для вас это ничего не стоящие булыжники, для нас — самые разные орудия. А может быть, те люди принесли нам металл и орудия, как дарят игрушки детям, и мы вытесали камни, желая, чтобы те люди вернулись. Наверняка было так. Мы ведь очень маленький остров. Крошечный.

«Финикийцы, — мрачно подумала Дафна. — Они совершали очень, очень дальние морские путешествия. И китайцы тоже. А как насчет ацтеков? Или даже египтян? Говорят, они посещали Дальнюю Австралию. А кто знает, что тут было тысячу лет назад? Наверняка он прав. Но он ужасно грустный».

— Ну да, это очень маленький остров, но зато очень старый, — сказала она. — Я думаю, Бабушки не просто так приказали тебе отвалить большой камень.

Оба посмотрели на камень, который отсвечивал золотисто-желтым светом в лучах заката.

— Знаешь, я не припомню такого длинного дня, — сказала Дафна.

— А я помню, — сказал Мау.

— Да. Тот день был тоже очень длинный.

Мау помолчал.

— Чтобы отвалить камень, нужно десять крепких мужчин, — сказал он. — У нас столько нету.

— Я об этом думала, — ответила Дафна. — А сколько надо мужчин, если один из них будет Мило со стальным ломиком?

Дело оказалось небыстрое. Пришлось выцарапывать желобок в камне и подтаскивать древесные стволы, чтобы дверь не вывалилась наружу, когда ее начнут двигать. Солнце уже совершило полпути по небосводу и начало спускаться, когда Мило подошел к камню с шестифутовым стальным ломом.

Мау мрачно посмотрел на лом. Это был полезный инструмент, и хорошо, что он у них есть, но это вещь работы брючников, очередной подарок с «Милой Джуди». Они все еще обдирали ее, как термиты.

Даже у каноэ есть своего рода душа. Это все знали. Иногда эта душа была не очень добрая, и тогда каноэ, даже хорошо построенное, плохо слушалось. Если человеку везло, ему доставалось каноэ с хорошей душой, как то, которое Мау построил на острове Мальчиков. Оно как будто само всегда знало, что нужно хозяину. Мау видел, что у «Милой Джуди» была хорошая душа. Ужасно жалко было разбирать корабль и неприятно сознавать, что они опять не могут достигнуть цели без помощи брючников. Мау было почти стыдно, что и у него в руках ломик, но эти ломики были такие *полезные*. Только брючникам

некуда было девать металл до такой степени, что они догадались делать из него палки. Но ломтики были замечательные. Они открывали что угодно.

— Возможно, на этой двери лежит проклятие, — сказал Атаба за спиной Мау.

— А ты можешь определить, лежит или нет?

— Не могу! Но мы поступаем неправильно.

— Это мои предки. Я хочу получить их наставления. С какой стати им меня проклинать? С какой стати мне бояться их старых костей? Почему ты боишься?

— Нельзя тревожить то, что покоится в темноте. — Жрец вздохнул. — Но меня нынче уже никто не слушает. Люди говорят: «В коралле полно белых камней, так какие же из них священные?»

— Так какие?

— Три старых якоря, конечно.

— Можно их испытать, — влезла Дафна, не подумав. — Оставить рыбу на новом камне и посмотреть, придет удача или нет. Хм... надо продумать научный подход...

Она поняла, что все прислушиваются к ее словам, и умолкла.

— Ну, по крайней мере, это будет интересно, — неловко закончила она.

— Я ничего не понял из твоих слов, — сказал Атаба, холодно глядя на нее.

— Я понял.

Мау вытянул шею, чтобы увидеть говорящего, и увидел высокую худую фигуру Том-Али, строителя каноэ. Он прибыл на остров с двумя детьми. Чужими детьми, мальчиком и девочкой.

— Говорите, почтенный Том-Али, — сказал Мау.

— Я хочу спросить богов, почему моя жена и сын погибли, а я нет.

В толпе послышался ропот.

Мау знал этого человека. Он знал всех новоприбывших. Они ходили одинаково — медленно. Некоторые все время сидели и глядели на море. И все они были какие-то серые. Их лица словно спрашивали: «Зачем я здесь? Почему именно я? Неужели я плохой человек?»

Теперь Том-Али чинил каноэ, и мальчик помогал ему, а девочка помогала в Женской деревне. Дети иногда справлялись лучше взрослых: пережив волну, они находили себе место и приживались там. Но Том-Али произнес вслух то, что многие не хотели слышать. Надо поскорее дать им какую-нибудь другую пищу для размышлений.

— Нам всем сегодня нужны ответы, — сказал Мау. — Поэтому я прошу всех помочь отодвинуть камень. Никому не придется заходить внутрь. Я один туда войду. Может быть, я найду истину.

— Нет, — твердо сказал Атаба. — Я войду туда с тобой, и *мы* найдем истину.

— Хорошо, — ответил Мау. — Так мы найдем вдвое больше истины.

Атаба встал рядом с Мау, и мужчины заняли свои места.

— Ты сказал, что не боишься. Ну а я боюсь, знаешь ли, мальчишка, до кончиков пальцев на ногах.

— Истина в том, что в этой пещере хранятся мертвецы, вот и все, — сказал Мау. — Сушеные. Пыль.

Если тебе непременно надо бояться, подумай об охотниках за черепами.

— Не отмахивайся от прошлого так легко, демонский мальчишка. Оно тебя еще научит кой-чему.

Мило всунул ломик между камнем и скалой и налег на него. Камень заскрипел и сдвинулся на дюйм.

Они работали медленно и осторожно, потому что камень, упав, действительно мог раздавить кого угодно. Но желобок оказался очень полезен. Камень аккуратно откатился прочь, и открылась половина зева пещеры.

Мау заглянул туда. Там ничего не было. Он вообразил себе все, что угодно, только не *пустоту*. Пол был довольно гладкий. На полу было немного пыли, и несколько жуков удрало в темноту, но кроме этого в пещере ничего не было. Только глубина.

Почему он думал, что, если отвалить камень, наружу вывалятся кости? Почему решил, что пещера забита до отказа? Он подобрал камешек и со всей силы швырнул в темноту. Камешек полетел, отскакивая от стенок. Казалось, он скакал очень долго.

— Ну хорошо, — сказал наконец Мау, и пещера швырнула эти слова обратно ему в лицо. — Дафна, нам понадобятся эти лампы.

Она встала, держа в каждой руке по фонарю с «Милой Джуди».

— Красный и зеленый. Сигнальные фонари с правого и левого борта. Я прошу прощения, но каютных ламп осталось очень мало, и керосина у нас в обрез.

— А вот этот белый фонарь рядом с тобой? — спросил Мау.

— С этим я сама пойду, — ответила девочка-призрак. — Чтобы не терять время зря, будем считать, что мы это уже обсудили и я настояла на своем.

«Опять вещи брючников, — подумал Мау и взял свой фонарь. — Интересно, а что мы раньше использовали?» Он коснулся низкого потолка и получил ответ на этот вопрос. На пальцах осталась сажа.

Значит, факелы. Из свиного жира получались вполне приличные факелы. Если находился лишний жир, их использовали для ночной рыбалки, потому что рыба идет на свет. «Мы жили рыбой и солониной с «Милой Джуди», потому что так было проще всего, — подумал он. — Теперь нам придется искать своих мертвецов при свете фонарей брючников».

Глава 10

ВИЖУ, ИБО ВЕРУЮ

ПЕЩЕРА ЖДАЛА. МАУ ПОДУМАЛ: «В НЕЙ МОЖЕТ БЫТЬ ЧТО УГОДНО. В том-то и дело. Мы должны это выяснить. Нам нужно *знать*». Дафна, кажется, не боялась. Мау предупредил ее, что тут могут быть кости, и она ответила, что это очень хорошо, ведь кости не могут никого убить, а раз это она получила послание от Бабушек, то она и должна проследить, чтобы его выполнили, большое спасибо за беспокойство.

Дедушек они нашли там, где далекий дневной свет уже едва брезжил вдали, и Мау начал понимать. Они были не страшные... их было жалко. Кое-кто до сих пор сидел так, как его когда-то посадили, — прижав колени к подбородку, глядя плоскими мертвыми глазами на далекий источник света. Пустые оболоч-

ки и раскрошенные кости, и больше ничего. Хорошо присмотревшись, можно было увидеть, что тела не распадались, потому что были обмотаны бумажной лианой. Действительно очень разностороннее растение, даже после смерти человеку от него есть польза.

Они остановились, когда от дневного света осталась маленькая точка в конце туннеля.

— Сколько же их еще будет? — подумал вслух Атаба.

— Я считаю, — ответил Мау. — Пока сто с чем-то.

— Сто два, — сказала Дафна.

Казалось, Дедушкам нет конца. Они сидели в затылок друг другу, как старейшая в мире гребная команда, уводящая лодку в вечность. Некоторые все еще держали копья и дубинки, привязанные к рукам.

Исследователи пошли дальше, и свет пропал. Мимо них проходили сотни мертвецов. Дафна уже сбилась со счета. Она все время напоминала себе, что ей совсем не страшно. Ведь ей же было интересно на той лекции по анатомии! Неважно, что всю лекцию она просидела с зажмуренными глазами.

Однако теперь ей приходилось смотреть на сотни и тысячи покойников, и скользящий по ним свет фонаря Атабы не облегчал дела. Из-за этого света казалось, что мертвецы двигаются. Все они были островитяне: Дафна видела на древней дубленой коже выцветшие татуировки, какие и сейчас носят все мужчины на острове... точнее, все, кроме Мау. Волна на фоне заходящего солнца...

— Как давно вы хороните людей в этой пещере? — спросила она.

— Испокон веков, — ответил Мау, убегая вперед. — Здесь есть люди и с других островов тоже!

— Вы не устали, почтенный? — спросила Дафна Атабу, когда они остались одни.

— Нет, девчонка.

— Вы тяжело дышите.

— Это мое дело. Тебя оно совершенно не касается.

— Я просто... побеспокоилась.

— Я буду очень признателен, если ты перестанешь беспокоиться, — отрезал Атаба. — Я знаю, к чему ты ведешь. Начинается с ножей и горшков, а потом мы все вдруг оказываемся собственностью брючников, да-да, и приходят ваши жрецы, и наши собственные души нам уже не принадлежат.

— Я ничего подобного не делаю!

— А что будет, когда явится твой отец на большой лодке?

— Не знаю... — ответила Дафна.

Правду сказать она не могла. «Что толку отрицать, у нас действительно есть привычка втыкать флаги где попало. Мы это делаем почти машинально, — думала она, — словно домашнюю работу выполняем».

— Ага, замолчала, — сказал жрец. — Женщины говорят, ты хорошая девочка и приносишь пользу, но брючники отличаются от охотников за черепами только тем, что охотники за черепами рано или поздно убираются восвояси!

— Разве можно так говорить?! — горячо возразила Дафна. — Мы не едим людей!

— Есть разные способы пожирать людей, и ты достаточно умна, да, достаточно умна, чтобы это пони-

мать. Иногда люди даже не осознают, что их съели, пока не услышат сытую отрыжку!

— Идите скорей! — крикнул Мау, чей зеленый фонарь слабо светился вдалеке.

Дафна побежала, чтобы Атаба не видел ее лица. Да, ее отец — хороший человек, но нельзя отрицать, что нынешний век — век имперских игр. Никто не потерпит, чтобы маленький островок принадлежал самому себе. Что сделает Мау, если кто-нибудь воткнет флаг на его пляже?

А вот и он. Лицо у него было зеленое, и он указывал на строй Дедушек.

Подойдя поближе, Дафна увидела белый камень, стоящий у стены коридора. На камне сидел Дедушка. Он сидел как вождь, но в той же позе, что и прочие обитатели пещеры, — обхватив руками колени. И смотрел он в другую сторону, прочь от устья пещеры, в неведомое.

Перед ним продолжался строй мертвых воинов, обращенных лицом в сторону... чего? Дневной свет теперь был у них за спиной.

Мау, блестя глазами, ждал, пока приковыляет Атаба.

— Атаба, ты знаешь, почему они смотрят не в ту сторону? — спросил он.

— Они как будто охраняют нас от чего-то, — ответил жрец.

— Здесь? От чего? Здесь ничего нет, кроме темноты.

— А может, есть и еще кое-что, о чем лучше всего забыть? Думаешь, волна никогда не приходила рань-

ше? А в последний раз она пришла и не ушла. Вода так и не схлынула. Это был конец света.

— Это всего лишь сказка. Я помню, мать мне ее рассказывала, — ответил Мау. — Ее все знают: «Давным-давно, когда все было по-другому и луна тоже была другая...» Люди испортились, и потому Имо наслал на них огромную волну.

— Там был ковчег? Ну... какая-то большая лодка? — спросила Дафна. — Я хочу сказать, как люди выжили?

— Кто-то был в море, а кто-то на высоких местах, — сказал Мау. — Так говорится в этой сказке, правда, Атаба?

— Что они сделали плохого? — спросила Дафна. Атаба прокашлялся.

— В истории говорится, что они хотели стать богами, — сказал он.

— Верно, — ответил Мау. — А ты можешь мне сказать, что мы сделали такого плохого в этот раз?

Атаба заколебался.

Мау колебаться не стал. Он заговорил быстро и резко, словно пружина разворачивалась:

— Я говорю про своего отца, свою мать, про весь свой *народ*! Они все *погибли*! Моей сестре было семь лет! Назови мне причину. Должна быть какая-то причина! Почему боги позволили им умереть? Я нашел в ветвях дерева труп младенца. Чем он оскорбил богов?

— Мы ничтожны. Нам не суждено постичь природу богов, — сказал Атаба.

— Нет! Ты этому сам не веришь, я слышу по голосу! Мне не суждено постичь природу птицы, но я могу

наблюдать за ней, слушать, как она поет, и так узнать о ней больше. Разве нельзя то же сделать с богами? Где правила? Какое зло мы совершили? Скажи мне!

— *Я не знаю!* Ты думаешь, я их не спрашивал? — Слезы покатались по щекам Атабы. — Думаешь, у меня не было семьи? Я не видел свою дочь и ее детей с того дня, как пришла волна. Ты слышал, что я сказал? Не все вертится вокруг тебя! Я завидую твоей ярости, демонский мальчишка. Она заполняет тебя! Она питает тебя, дает тебе силу. Но мы, все остальные, слушаем, желаем определенности, а находим пустоту. Но в душе мы знаем, что должно быть... что-то, какой-то ответ, какая-то закономерность, порядок, и потому взываем к молчаливым богам — они лучше, чем тьма. Вот и все, мальчишка. У меня нет для тебя ответов.

— Тогда я пойду искать их в темноте, — сказал Мау, поднимая фонарь. — Пойдем дальше с нами, — добавил он уже спокойнее.

В свете фонаря заблестели дорожки слез на щеках жреца.

— Нет, — хрипло ответил он.

— Тогда нам придется оставить тебя здесь, — сказал Мау. — Среди мертвецов. А я думаю, тебе тут не место. Или иди с нами. Тогда на твоей стороне будут хотя бы призрак и демон. Кроме того, нам может понадобиться твоя мудрость.

К удивлению Дафны, старик улыбнулся.

— Думаешь, она у меня еще осталась?

— Не сомневаюсь. Так идем? Вряд ли там окажется что-то еще хуже меня.

— У меня вопрос, — быстро вставила Дафна. — Скажите, пожалуйста, как часто сюда помещают нового Дедушку?

— Раз или два за полвека, — ответил Атаба.

— Вы уверены? Здесь их *тысячи*.

— Эта пещера существует испокон веков, и мы тоже, — ответил Мау.

— Хотя бы на этом мы сошлись, — решительно произнес Атаба.

— Но это же очень давно!

— Потому здесь так много Дедушек! — ответил Мау. — Это же очевидно.

— Да, — сказала Дафна. — Действительно, все очень просто, если так посмотреть.

Они тронулись в путь, и она спросила:

— Что это за звук?

Они остановились, и на этот раз все трое услышали за спиной слабое потрескивание и шорох.

— Это мертвые восстают? — спросил Атаба.

— Вы знаете, я надеялась, что такая возможность никому в голову не придет, — ответила Дафна.

Мау прошел несколько шагов назад по пещере, которую наполнял тихий треск. «Мертвые не могут ходить, — подумал он. — Это один из признаков, по которому определяют, что человек умер. Поэтому я забрался сюда, так далеко от синего неба, и мне нужно выяснить: а что же они *могут* делать? Так в чем же причина? И где я раньше слышал этот звук?»

Он прошел чуть дальше по туннелю, туда, где звука уже не было, и подождал. Немного спустя опять по-

слышался треск, и Мау вспомнился солнечный свет в жаркие дни. Там, где он оставил своих спутников, тоже трещало.

— Пойдемте дальше, — сказал он, — и оно само перестанет, главное — не останавливаться.

— Они не проснутся? — спросил Атаба.

— Это веревки из бумажной лианы, которыми связаны Дедушки, — объяснил Мау. — Даже если бумажная лиана сухая, как кость, нагреваясь, она трещит и ломается. Это начинается от тепла наших фонарей и тел, если мы слишком долго стоим на одном месте. Вот и все.

— Меня это, во всяком случае, напугало, — сказала Дафна. — Ты молодец. Дедукция на основе наблюдений и экспериментов.

Мау пропустил эти слова мимо ушей, поскольку понятия не имел, что они означают. Но ему было приятно. Дедушки не проснулись. Шум, который он слышал мальчиком, производили бумажные лианы, когда нагревались или охлаждались. Это было правдой, и он мог это доказать. И совсем нетрудно догадаться. «Так почему я едва сдерживаюсь, чтобы не обмочиться от страха? Потому что треск бумажной лианы — это совсем неинтересно, в отличие от ходящих скелетов. Почему-то скелеты придают больше важности нам самим. Даже наши страхи придают нам какую-то важность, потому что мы боимся оказаться незначительными».

Он посмотрел на Атабу: жрец приблизился к одному из Дедушек и торопливо отступил, когда начался треск.

«Мое тело трусливо, но я не боюсь. Я ничего не уstraшусь, никогда, — подумал Мау. — После всего, что было».

Впереди показался свет. Показался внезапно, когда они завернули за угол туннеля, — красный, желтый и зеленый. Свет мерцал, пока они к нему подходили. Атаба застонал и остановился, и Мау понял, что ему самому нельзя останавливаться. Он посмотрел вдоль коридора, уходящего вниз под небольшим углом.

— Оставайся тут и присмотри за стариком, — сказал он девочке-призраку. — Я не хочу, чтобы он убежал.

«Я не боюсь своего мочевого пузыря, который вот-вот лопнет, — твердил про себя Мау, пробегая мимо молчаливых стражей. — Я не боюсь своих ног, которые хотят обратиться в бегство. Я не уstraшусь картин, которые с воплями проносятся у меня в голове». Он бежал, и свет бежал впереди него, и он повторял свои клятвы, пока, подобно капитану Робертсу, не понял, что их надо срочно подправить. «Я не уstraшусь тени, что выходит из дивного сияния дня, ибо я нашел свой страх здесь, во тьме, и протяну руку и коснусь его, так же как он протягивает руку, чтобы коснуться меня...»

Его пальцы встретились с пальцами отражения на гладкой поверхности плиты из золотого металла, высотой примерно в человеческий рост.

Мау приложил ухо к металлической плите, но та молчала. Толкнул ее, но она не двинулась.

— Стойте, где стоите, — сказал он своим спутникам, когда они приблизились к нему. — Мы долго

шли вниз. Возможно, по другую сторону этой штуки — вода.

Он потыкал металл ломиком. Металл был очень мягким, а слой его — очень толстым, но его окружал обычный островной камень, с которым наверняка будет легче справиться. Камень скоро начал крошиться под ударами острого конца лома. Через некоторое время послышалось шипение и донесся запах мокрой соли. Стало быть, море действительно где-то поблизости, но, по крайней мере, они находятся выше уровня воды.

Он подозвал остальных и опять принялся рубить камень, изумляясь легкости, с которой камень поддавался стали, открывая проем в черноту. Там было сыро; в темноте тихо плескалась вода. При свете фонаря Мау едва различал белые ступени, уходящие вниз.

И только-то? Всего лишь проход в какую-то приморскую пещеру? Таких пещер было полно у подножия утесов на западной стороне острова. Дети исследовали их испокон веков и ни разу не обнаружили ничего интересного.

Но свет фонаря выхватил из темноты что-то блестящее.

— Я войду туда с тобой, — сказала Дафна за спиной у Мау.

— Нет. Оставайся тут. Там может быть опасно.

— Вот именно поэтому я должна пойти с тобой.

— Эта пещера стояла запертая с начала времен! Что со мной может случиться?

— Что? Ты сам только что сказал, что там может быть опасно! — возразила Дафна.

— Я войду первым, — сказал Атаба у нее за спиной. — Если Локаха там, я возьму его за руку.

— Я не буду здесь сидеть и слушать, как все эти старики на меня трещат! — запротестовала Дафна. — Да, я знаю, что это всего лишь лианы, но *это не спасает!*

Трое переглянулись в свете фонарей и дружно полезли через узкий проем в помещение, наполненное спертым, словно загнившим воздухом.

Ступеньки за дверью полностью состояли из камней богов. Все камни были украшены рисунками и походили на те, которые стояли на пляже. Многие рисунки занимали несколько камней сразу. Там и сям камни потрескались или вообще отсутствовали.

«Куски камня, — подумал Мау. — Почему мы решили, что они достойны поклонения?»

Он поднял фонарь повыше и увидел почему.

Перед ним, по колени в воде, сидели огромные, сверкающие белизной, блестящие боги — Воздух с огромным животом и четырьмя сыновьями на плечах, сияющая Вода, яростный Огонь с руками, привязанными к бокам, точно как в той истории. Вода и Воздух держали по большому каменному шару; шар Огня был установлен у него на голове и отсвечивал красным. Была тут и четвертая статуя, бледная, разбитая. У нее не было головы, а одна рука свалилась в воду. Мау на миг подумал: «Это Имо. Его разбили. Осмелюсь ли я найти его лицо?»

Атаба завизжал (и в туннеле от этого звука слегка сдвинулся с места один мертвец).

— Ты их видишь? Ты *видишь*? — выдавил жрец, в промежутках втягивая затхлый воздух. — Узри богов, демонский мальчишка!

Он сложился пополам в приступе кашля. Здешний воздух был *и вправду* нехорош: сколько его ни вдыхай, он не прибавлял жизни.

— Да, вижу, — ответил Мау. — Это каменные боги, Атаба.

— А из чего им быть — из плоти? И что за камень так сияет? Я прав, демонский мальчишка, я прав в своей вере! Ты не можешь этого отрицать!

— Я не могу отрицать видимое, но могу вопрошать о природе того, что вижу, — возразил Мау, а старик опять зашелся свистящим кашлем.

Мау оглянулся в темноте на пятнышко света — фонарь Дафны.

— Бежим назад! — закричал он. — Сейчас же! Здесь даже огонь задыхается!

— Это всего лишь статуи! — крикнула в ответ Дафна. — Но вот это... *изумительно*!

Где-то рядом с ней заскрежетал сдвигаемый камень.

Атаба страшно хрипел. Казалось, он выпиливал каждый свой вдох из дерева.

Мау поглядел на мерцающий огонек своего фонаря и закричал:

— Надо выбираться отсюда!

— А здесь скелет! — крикнула Дафна. — И у него... Не может быть! Ты должен это видеть! Посмотри, что у него во рту!

— Ты что, хочешь бежать обратно по туннелю в темноте? — изо всех сил закричал Мау (и снаружи, в туннеле, сдвинулся один Дедушка).

Это, кажется, подействовало. Фонарь Дафны двинулся по направлению к двери. Запыхавшаяся Дафна поравнялась с Мау. Ее фонарь горел темно-оранжевым пламенем.

— Ты знаешь, я думаю, это могли быть греки, — сказала она, — или египтяне! Мы, брючники... точнее, наверное, тожники, они ведь носили тоги...

— Так мы что, и богов своих у вас выпросили? — рявкнул Мау, обхватывая жреца рукой за плечи.

— Что? Нет! Скорее...

Мау потащил ее за собой в узкий проем.

— Хватит разговоров! — сказал он. — Быстро! Идем!

Это «идем!» отозвалось по всему коридору. Самый старый Дедушка, ближайший к Мау, повалился навзничь с легким шорохом и рассыпался в прах, и полоски сухой бумажной лианы тоже, но при этом задел своего соседа...

Они в ужасе наблюдали, как Дедушки в строю валятся один за другим, опрокидываясь и рассыпаясь в прах. Волна падений прошла мимо фонарей, наполняя воздух едкой, пронизывающей пылью.

Они переглянулись и мгновенно приняли общее решение.

— Бежим!

Волоча между собой спотыкающегося старика, они помчались по коридору, полого уходящему вверх. Пыль щипала глаза и горло, но примерно на соро-

ковом падающем скелете они обогнали волну падений. Но не остановились; пыль за спиной клубилась плотным облаком, словно так же, как и они, хотела вырваться наружу. Поэтому они бежали, пока воздух не стал почище и шум не затих вдали.

Дафна удивилась, когда Мау замедлил ход. Но он показал на белый камень, выступающий из стены, и сидящего на нем сгорбленного Дедушку.

— Можно отдохнуть немного, — сказал Мау. — Этот слишком высоко, его не столкнут.

Он прислонил Атабу к стене. Жрец дышал уже с каким-то скрежетом, но, несмотря на это, улыбался.

— Я *видел* богов, — произнес он. — И ты, Мау, их тоже видел.

— Благодарю тебя, — ответил Мау.

— За что? — Атаба заметно удивился.

— За то, что не назвал меня демонским мальчишкой.

— О, я умею быть великодушным победителем.

— Они каменные, — сказал Мау.

— Из волшебного камня! Молоко мира! Ты когда-нибудь видел его в таких количествах? Разве человеческая рука его тесала? Разве человеческий ум мог замыслить такое? Это знак. В сердце тьмы я нашел просветление! Я был прав!

— Они каменные, — терпеливо повторил Мау. — Разве ты не видел каменные блоки на полу? Это твои «камни богов»! Их сделали для того, чтобы по ним ходить! Они свалились в море, а ты думаешь, что они священные!

— Это правда, что человек в темноте может сбиться с пути. Но в этих камнях мы видели отсвет истины.

Боги сделали тебя своим орудием, мальчик. Ты презрел и отверг их, но чем быстрее от них убегал, тем ближе подходил к ним. Ты...

— Нам надо двигаться, — сказала Дафна, перекрывая шум падающих костей. — Даже если они не смогут сюда добраться, пыль доберется! *Идем*, я сказала!

Они повиновались, как подобает разумным мужчинам, когда настаивает женщина, и пошли дальше по туннелю так быстро, как только мог ковылять Атаба.

Но Дафна заколебалась. Волна падающих и рассыпающихся Дедушек почти дошла до камня, и, действительно, камень должен был ее остановить, но Мау говорил слишком уверенно, а это для Дафны значило, что он был не так уж уверен. Ему необязательно было останавливаться, но Атаба плохо себя чувствовал. «Он по-настоящему заботится о старике, — подумала она. — Демон не стал бы...»

— Трах!

Падающие кости ударились о камень и остановились. Точнее, все остановились, кроме одной.

Позже Дафна думала, что это, наверное, было ребро. Оно вылетело из праха в воздух, как лосось из воды, и ударилось о череп Дедушки, сидящего на камне. Дедушка откинулся назад и свалился на скелет, сидящий по другую сторону камня. Тот скелет тоже упал.

И тут пошла игра в домино. «Трах! Трах! Трах!» — здесь пол был ровнее, и кости катились быстрее. Почему Дафна этого не ожидала? Дедушки просидели в заплесневелой пещере миллионы лет. Они хотят на свободу!

Она побежала за мужчинами, спасаясь от пыли. Кто-то когда-то говорил, что при вдохе мы втягиваем в себя крохотные частицы всех, кто когда-то жил на Земле, но Дафна решила, что совершенно необязательно вдыхать всех покойников сразу.

— *Бежим снова!* — крикнула она.

Они уже поворачивались, чтобы посмотреть, что происходит. Дафна схватила старика за другую руку и потащила его, а за ним — Мау, как на буксире, пока они не разобрались, какая из шести ног кому принадлежит.

Вход вновь показался вдали белой точкой. Он был далеко, но Атаба застонал уже через несколько шагов.

— Оставь фонари здесь, — выдохнул Мау. — Они уже не нужны. Я понесу его!

Он поднял жреца и перекинул через плечо.

Они побежали. Казалось, точка совсем не увеличивается. Никто не оглядывался. Смысла не было. Все, что оставалось, — не сводить глаз с крохи дня и бежать, пока ноги не закричат от боли.

«Мы смотрели только на статуи богов, — думала Дафна, стараясь отвлечься от того, что падало у них за спиной. — Надо было посмотреть на стены! Но, конечно, островитяне бы все равно не поняли, что видят. Им повезло... в каком-то смысле... что я здесь».

Что-то захрустело под ногами. Она рискнула на миг опустить взгляд и увидела, что это скачут мелкие косточки, нагоняя ее.

— Они прямо за нами!

— Я знаю, — ответил Мау. — Быстрее!

— Не могу! Пыль меня достанет!

— Да не будет! Давай руку!

Мау половчее перебросил тело жреца через плечо и схватил Дафну за руку, чуть не сдернув ее с ног. Его ноги отталкивались от каменного пола, словно движимые паром поршни. Чтобы не ехать волоком, Дафна могла только упираться ногами в пол, когда он оказывался в досягаемости.

Круг дневного света все приближался — он так долго был крохотным, но теперь стремительно рос. Древний прах, который щипал кожу и от которого першило в горле, опередил бегущих, взвился под потолок, затмевая свет дня.

...И вдруг они вырвались в вечерний свет, внезапно и поразительно яркий после мрака туннеля. Он слепил глаза, и Дафна зашаталась, погружаясь в море белизны, затопившее собою весь мир. Мау, должно быть, тоже на время ослеп, поскольку выпустил ее руку. Оставалось лишь обхватить голову руками и надеяться, что приземлишься на мягкое.

Она споткнулась и упала, а прах Дедушек после многих тысяч лет заключения наконец вырвался на волю и развеялся по ветру над склонами горы.

Неплохо было бы в этот момент услышать тысячи голосов, затихающих по мере того, как облако пыли уносится ветром, но, к сожалению, ничего такого Дафна не услышала. «Реальности часто недостает мелких живописных деталей», — подумала она.

До нее донеслись голоса людей, и зрение начало понемногу возвращаться. Она уже различала землю прямо под собой и оттолкнулась от нее руками, чтобы

сесть. Сухая, пыльная трава тихо зашелестела, и в поле ее зрения оказались ботфорты! Большие, добротные, туго зашнурованные ботфорты, покрытые запекшейся коркой из песка и соли! А над ботфортами были брюки. Настоящие, плотные брючничковские брюки! Она же говорила, что он за ней придет, и он пришел! И как раз вовремя!

Она встала, и разочарование поразило ее, словно ее огрели лопатой по голове.

— Ваша светлость! Подумать только, какая удачная встреча, — сказал пришелец, ухмыляясь. — Так, значит, старушка «Джуди» сюда добралась? Кто бы подумал, что старый пердун на такое способен. Похоже, правда, что ему самому это не помогло — вижу, у этого черномазого на голове его шляпа. Что случилось со старым дураком? Они его съели, а? И наверняка даже молитву перед едой не прочитали. Держу пари, он страшно разозлился!

Фокслип! Не самый отвратительный из мятежников, но это мало что значило: за поясом у него было два пистолета, а пистолетам все равно, кто жмет на курок.

Большинство островитян собрались на прогалине. Должно быть, это они привели сюда брючничков. Ну конечно... Дафна столько твердила им, что отец за ней придет. Скорее всего, большинство жителей острова никогда в жизни не видели брючничков.

— Мистер Фокслип, а где ваш друг, мистер Поулгрейв? Он с вами? — спросила она, заставляя себя улыбаться.

Раздался грубый голос:

— Здесь я, мисс.

Она вздрогнула. Поулгрейв! И стоит так, что она его не видит, а это еще хуже. Он специально зашел ей за спину — его вечный приемчик. Склизкий червяк.

— А мистер Кокс тоже к нам присоединится? — спросила она, стараясь удержать на лице улыбку.

Фокслип оглядел долину. Он пересчитывал людей: Дафна видела, как он шевелит губами.

— Кокс? Я его застрелил, — сказал Фокслип.

«Врешь, — подумала она. — Ты бы не осмелился. Кишка тонка. Ты ведь не настолько глуп. Если б ты промахнулся, он бы тебе сердце вырезал. Боже мой, пару месяцев назад я бы не могла даже подумать такие слова. Расширила горизонты, ничего не скажешь».

— Вот и хорошо, — сказала она.

Мысли скакали в голове как бешеные. Двое мужчин с пистолетами. И будут стрелять, если что. Стоит ей сказать что-нибудь не то, и кого-нибудь убьют. Нужно увести их отсюда... увести и напомнить, что она — ценность.

— Мистер Фокслип, мой отец заплатит вам много денег, если вы меня отвезете в Порт-Мерсию, — сказала она.

— О, я не сомневаюсь, что кто-нибудь за что-нибудь дорого заплатит, так или иначе, — ответил Фокслип, снова озираясь. — Есть много способов, о да. Так, значит, ты теперь королева дикарей? Белая девочка, одна-одинешенька. Ужасная жалость. Готов спорить, ты соскучилась по приличному обществу, так что два джентльмена вроде нас для тебя сейчас самое оно... Я говорю «два джентльмена», хотя, конечно,

меня смущает привычка мистера Поулгрейва ковырять в носу и вытирать палец об рукав. Впрочем, бывало, и епископы вели себя похуже.

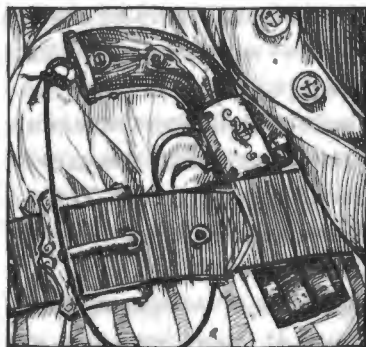
Потом, гораздо позже, она думала: «Все могло бы получиться, если бы не Атаба».

В подземной тьме он увидел богов. И теперь эти священные воспоминания пульсировали у него в голове. Он запыхался и плохо понимал, что происходит, но он видел богов, и все его сомнения унес ветер, развеявший прах истории. Действительно, боги были каменные, но они сияли в своем тайном жилище, и он был уверен, что они с ним говорили, подтвердили истинность всего, во что он верил, и в этом новом мире он должен был стать их пророком, которого вынесли из тьмы пылающие крылья уверенности.

И вдруг эти *брючники*! Носители всего дурного! Они — болезнь, ослабляющая душу! Они несут с собою сталь, говядину и адские устройства, от которых люди лениятся и глупеют! Но Атаба преисполнился священным огнем, и как раз вовремя.

Он двинулся по прогалине, выкрикивая древние проклятия. Коленные суставы отчетливо щелкали. Дафна едва понимала, что он говорит. Слова изливались лавиной, споря друг с другом. Кто знает, что видели пылающие глаза жреца, когда он выхватил у юноши копье и потряс им, угрожая Фокслипу...

...который застрелил его.

Глава 11

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Эхо пистолетного выстрела раскатилось по склонам горы. У Дафны в голове оно отдалось еще громче. Атаба повалился навзничь, как подрубленное дерево.

Дафна сообразила: «Только Пилу и Мило понимают, что произошло. Все остальные в жизни не видели огнестрельного оружия. Просто раздался грохот, и старик упал. Может быть, мне еще удастся предотвратить бойню». Мау, склонившийся над телом Атабы, уже вставал на ноги. Дафна лихорадочно замахала ему, чтобы не поднимался.

И тут Фокслип покончил жизнь самоубийством. Правда, сам он этого еще не знал, но все уже было решено.

Он выхватил второй пистолет и рявкнул:

— Скажи черномазым, чтоб не двигались. Первый, кто шевельнется, — покойник. А ну скажи им!

Она вышла вперед, подняв руки.

— Я знаю этих людей! Это Фокслип и Поулгрейв! Они были в экипаже «Милой Джуди». Они убивают людей! Они застрелили мистера Уэйнсли и мистера Пламмера! И смеялись! Они... Пилу, объясни, что такое пистолет!

— Это плохие люди! — сказал Мило.

— Да! Плохие! И у них есть еще пистолеты. Видите? Вон, за поясом!

— Ты про делатели искр? — спросил Мау, все так же сидевший на корточках. Мышцы напряглись, готовые к прыжку.

«Боже мой, — подумала Дафна, — как сейчас нехстати его хорошая память».

— Сейчас некогда объяснять. Направив эту штуку на человека, можно его убить вернее всякого копья. А эти люди в самом деле могут убить, понимаешь? Но меня они, скорее всего, не убьют. Я слишком дорого стою. Держись подальше. Это внутренние дела брючников!

— Но ты направляла делатель искр на меня...

— *Некогда объяснять!* — прошипела Дафна.

— Что-то вы разговорились, барышня, — сказал Фокслип. Поулгрейв, стоящий за спиной у Дафны, захихикал. Дуло пистолета уперлось ей в позвоночник.

— Я как-то видел, как одного чувака застрелили в позвоночник, мисс, — шепнул Поулгрейв. — И пуля там застряла, ей-крест. Странное дело, этот чувак заплясал, прям как чокнутый, ноги вскидывает, как

псих, и орет. Свалился не раньше, чем минут через десять. Чего только на свете не бывает.

— Закрой дупло! — сказал Фокслип, нервно осматривая поляну; большинство островитян растворились в кустах, но у оставшихся был *не слишком* довольный вид. — И чего этот старый дурак напросился на пулю? Теперь черномазые на нас обозлились!

— Они с виду не ахти какие воины, — ответил Полугрейв. — Авось продержимся, пока наши подойдут...

— Заткнись, я сказал!

Дафна подумала: «Они не знают, что делать. Глупые, напуганные люди. Беда только в том, что у этих глупых, напуганных людей *есть пистолеты*. И еще к ним должно прийти подкрепление. Мау говорил, что Имо сотворил нас умными. Я умнее дурака с пистолетом? Думаю, что да».

— Джентльмены, — произнесла она, — почему бы нам не договориться как цивилизованным людям?

— Смеяться изволите, ваше величество? — спросил Фокслип.

— Отвезите меня в Порт-Мерсию, и мой отец дарует вам прощение и даст золота. Лучшего вам никто не предложит. Посмотрите с точки зрения математики. Да, у вас есть пистолеты, но сколько времени вы сможете обходиться без сна? Дикарей, — она с трудом выдавила из себя это слово, — намного больше, чем вас. Даже если один из вас все время будет на чеку, он сможет выстрелить два раза, а потом ему перережут горло. Конечно, возможно, что они и не с горла начнут — ведь они, как вы справедливо указали, дикари и вовсе не так цивилизованны, как вы. У вас должна

быть лодка. Вряд ли вы планировали остаться тут надолго.

— Но ты у нас в заложниках, — ответил Поулгрейв.

— Мы еще можем поменяться ролями. Стоит мне закричать... Зря вы застрелили жреца.

— Старик был жрецом? — явно испугался Поулгрейв. — Убить духовное лицо — плохая примета!

— Языческие не считаются, — сказал Фокслип, — а если кому тут и не повезло, так это ему, а?

— Но у них есть заклинания; они могут уменьшить человеку голову...

— Похоже, они тебе мозги уменьшили, — сказал Фокслип. — Не будь идиотом! А вы, принцесса, пойдете с нами.

«Принцесса», — подумала она. У мятежников была отвратительная манера все время называть ее какими-то слащавыми кличками. Ее от омерзения бросало в дрожь. Скорее всего, они этого и добивались.

— Нет, мистер Фокслип, я не принцесса, — осторожно сказала она, — но все равно вы пойдете со мной. Не отставайте.

— Чтоб ты нас завела в ловушку?

— Солнце скоро сядет. Хотите остаться тут в темноте? — Она вытянула руку ладонью вверх и добавила: — И под дождем.

Налетел шквал, на землю упали первые капли.

— Здешние жители видят в темноте, — продолжала Дафна. — И умеют ходить бесшумно, как ветер. А ножи у них такие острые, что они могут перерезать человеку...

— Почему все так обернулось? — спросил Поулгрейв, обращаясь к Фокслипу. — Я думал, ты умный! Ты сказал, нам достанутся лучшие трофеи. Ты сказал...

— А теперь я говорю, чтоб ты заткнулся. — Фокслип повернулся к Дафне. — Ну хорошо, миледи. Не думай, что я поверил во всю эту брехню. Как рассветет, мы уплываем с этой задрипанной скалы. Может, даже к папочке тебя отвезем. Но смотри, чтоб в конце нам перепало золотишка, а не то пожалеешь. Никаких фокусов, ясно?

— Да, барышня. У нас четыре заряженных пистолета, — сказал Поулгрейв, махнув одним из них в ее сторону. — И они остановят все, что угодно, ясно?

— Они не остановят пятого человека, мистер Поулгрейв.

Он переменился в лице, что доставило Дафне огромное удовольствие. Она обратилась к Фокслипу:

— Фокусы? Я? Нет. Я хочу домой. И я не знаю никаких фокусов.

— Поклянись жизнью своей матери, — сказал Фокслип.

— Что?

— На «Джуди» ты вечно задирала нос. Поклянись, я сказал. Тогда я тебе, может, даже поверю.

«Знает ли он о моей матери? — гадала она. Спокойные мысли словно плавали поверх озера ярости. — Капитан Робертс знал, и еще я сказала Кокчику, но даже он не стал бы судачить о таких вещах с Фокслипом и ему подобными. Да разве можно вообще требовать от человека такой клятвы!»

Фокслип зарычал. Дафна слишком долго не отвечала, и ему это не нравилось.

— Что, язык проглотила? — спросил он.

— Нет. Но это очень важная клятва. Мне надо подумать. Я обещаю, что не попытаюсь от вас сбежать, я не буду вам врать и не попытаюсь завести вас в ловушку. Достаточно?

— И клянешься в этом жизнью своей матери? — не отступал Фокслип.

— Да, *клянусь*.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал Фокслип. — Правда, мистер Поулгрейв?

Но Поулгрейв смотрел на роняющий капли лес по обе стороны тропы.

— Там водятся всякие твари, — застонал он. — Они ползают и кишат!

— Я не удивлюсь, если там еще и слоны есть, и львы с тиграми, — бодро заметил Фокслип. И добавил погромче: — Но у этого пистолета жутко чувствительный курок, и если мне только *покажется*, что я слышу какой-то лишний звук, этой барышне будет очень плохо. Услышу чужие шаги — и ее можно будет нести на кладбище!

Как только Дафна и двое брючников исчезли из виду за поворотом тропы, Мау выступил вперед.

— Мы можем броситься на них. Дождь на нашей стороне, — шепнул Пилу.

— Ты ведь слышал, что сказал тот, который повыше. Я не могу рисковать ее жизнью. Она спасла мою жизнь. Дважды.

— А я думал, ты *ее* тоже спас.

— Да, но в первый раз, когда я спас ее жизнь, я спас и свою тоже. Понимаешь? Если бы ее не было, я бы взял самый большой камень и вошел бы в темную воду. Один человек — ничто. Два человека — народ.

Пилу сморщил лоб, напряженно думая.

— А три человека тогда что?

— Народ побольше. Давай пойдем за ними... только осторожно.

«И во второй раз она спасла меня от Лоахи», — подумал он, когда они пустились в путь, бесшумно, как призраки под дождем. Он тогда проснулся, и в голове у него не было ничего, кроме серебряных рыб, и старуха ему все рассказала. Он бежал к белому городу на морском дне, а потом там оказалась Дафна. Она вытянула его наверх, обогнав Лоаху. Даже на мудрую женщину это произвело впечатление.

У девочки-призрака был план, но она не могла поделиться с Мау. Оставалось только красться за ней, взяв дубинки и копья...

Нет, совершенно незачем за ней красться. Он и так знал, куда она пойдет. Он смотрел на бледнеющий в сумерках силуэт: она вела тех двоих по тропе вниз, в Женскую деревню.

«Интересно, есть здесь кто-нибудь?» — подумала Дафна. Она видела миссис Бурбур наверху, у пещеры. Все, кто мог ходить, пошли наверх. Только в дальних хижинах лежали больные. Придется соблюдать осторожность.

Она зажгла пучок сухой травы от костра, горевшего у хижины, и засветила одну из ламп, принесенных с «Джуди». Дафна делала все очень осторожно, рассчитывая каждое движение, — ей не хотелось думать о том, что она сделает потом. Нужно разделить на две несообщающиеся половинки. Все равно у нее тряслись руки, но любая девочка имеет право на дрожь в руках, если двое мужчин наставили на нее пистолеты.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она. — Цинновки хоть как-то лучше голой земли.

— Премного благодарен, — сказал Поулгрейв, оглядывая хижину.

У Дафны чуть не разорвалось сердце. Когда-то какая-то женщина учила этого человека хорошим манерам. А он вместо благодарности вырос вором, подхалимом и убийцей. И сейчас, когда он боится и ему не по себе, крупца настоящей вежливости выплыла из глубин, как чистый прозрачный пузырик из болотной трясины. Это не облегчало дела.

Фокслип только хрюкнул и сел, прислонившись спиной к внутренней стене хижины — скальной стенке.

— Это ловушка, а? — спросил он.

— Нет. Вы же заставили меня поклясться жизнью матери, — холодно сказала Дафна и подумала: «И это был грех. Даже если у вас нету вообще никакого бога, это грех. Некоторые вещи сами по себе грех. А я собираюсь вас убить, и это тоже смертный грех. Но с виду это не будет похоже на убийство».

— Не хотите ли пива? — спросила она.

— Пива? — повторил Фокслип. — Здесь есть настоящее *пиво*?

— Ну, нечто подобное. Во всяком случае, демонский напиток. Я все время готовлю свежее.

— Ты варишь пиво? Но ты же из благородных! — воскликнул Поулгрейв.

— Может быть, я варю благородное пиво, — сказала Дафна. — Порой приходится делать то, что нужно. Так дать вам пива?

— Она хочет нас отравить! — сказал Поулгрейв. — Это ловушка!

— Да, принцесса, мы выпьем пива, — согласился Фокслип, — но сначала поглядим, как ты сама будешь его пить. Мы, знаешь ли, не вчера на свет родились.

Он подмигнул ей — вышла неприятная гримаса, полная коварства, зловредная и безо всякой веселости.

— Да, барышня. Ты позаботься о нас, а мы уж позаботимся о тебе, когда дружки Кокса, людоеды, явятся на пикник! — сказал Поулгрейв.

Выходя наружу, Дафна слышала, как Фокслип шипит на Поулгрейва. Впрочем, она и так ни на минуту не поверила, что они собирались ее «спасти». Значит, Кокс нашел охотников за черепами? Интересно, кого из них следует пожалеть?

Она пошла в соседнюю хижину, где варилось пиво, сняла с полки три кокосовые скорлупы с пузырящейся жидкостью и старательно выудила плавающие на поверхности трупки мух.

«То, что я задумала, *не* убийство, — сказала она себе. — Убийство — грех. Это *не будет* убийством».

Фокслип, конечно, сначала заставит ее тоже выпить пива, чтобы убедиться, что оно не отравлено. А ведь до сих пор она никогда много не пила — только по чуть-чуть, когда экспериментировала с новыми рецептами.

Бабушка говорила, что одна капля демонского питья лишает человека разума. Человек опускается, пренебрегает родительским долгом, разрушает свою семью и многое другое. Но ведь это пиво делала сама Дафна. Это не фабричное пиво, в которое могли насовать что угодно. Это пиво сделано из хорошего, качественного... яда.

Дафна вернулась, балансируя тремя широкими, мелкими глиняными чашками, и поставила их на пол между циновками.

— Так, вижу, у тебя отличные кокосы, — сказал Фокслип свойственным ему отвратительным, недружелюбным «дружелюбным» тоном. — Но вот чего, барышня. Ну-ка перемешай пиво, чтоб мы пили одно и то же, слышишь?

Дафна пожала плечами и повиновалась под пристальными взглядами мужчин.

— Похоже на лошадиную мочу, — заметил Полулгрейв.

— Ну, лошадиная моча — это не так уж плохо, — сказал Фокслип.

Он взял стоявшую перед ним чашу, посмотрел на чашу, стоявшую перед Дафной, поколебался, а потом неприятно ухмыльнулся.

— Надо полагать, у тебя хватило ума не отравить свою чашку, думая, что мы их поменяем, — сказал он. — Ну-ка, пей, принцесса!

— Да, за папу, за маму! — подхватил Поулгрейв. Опять словно крохотная стрела пронзила сердце Дафны. Так всегда говорила мама, уговаривая ее не оставлять брокколи на тарелке. Вспоминать было больно.

— Пиво одно и то же во всех трех чашах. Вы же заставили меня поклясться.

— Я сказал — *ней!*

Дафна плюнула в свою чашку и запела пивную песню — островной вариант, а не свой собственный. Она подозревала, что песня про барашка сейчас будет неуместна.

И вот она запела песню о четырех братьях, и поскольку бóльшая часть ее мыслей была занята этой песней, меньшая часть услужливо подсказала: воздух — это планета Юпитер, а наука утверждает, что эта планета состоит из газов. Какое удивительное совпадение! Дафна запнулась и не сразу собралась с мыслями, чтобы продолжить: в каком-то закоулке мозга сидело беспокойство из-за того, что она собиралась сделать.

Когда она закончила, воцарилось потрясенное молчание. Наконец Фокслип произнес:

— Это еще что за чертовщина? Ты *харкнула* в свое пиво!

Дафна поднесла чашку ко рту и отхлебнула. Ореховый привкус был чуть сильнее обычного. Дафна подождала, пока пиво, пузырьясь, стечет в желудок, и увидела, что мятежники по-прежнему плятятся на нее.

— Нужно плюнуть в пиво и спеть пивную песню, — она рыгнула и прикрыла рот ладонью. — Прошу про-

щения. Я могу вас научить. Или просто подпевайте. Пожалуйста, очень вас прошу. Это древний обычай...

— Я не буду петь всякое языческое мумбо-юмбо! — отрезал Фокслип.

Он схватил чашку и сделал большой глоток — Дафна изо всех сил старалась не закричать.

Поулгрейв не прикоснулся к пиву. Он все еще не верит! Он переводил взгляд подозрительных блестящих глазок с товарища по мятежу на Дафну и обратно.

Фокслип поставил чашу и рыгнул.

— Давненько я не...

Тишина взорвалась. Поулгрейв потянулся к пистолетам, но Дафна уже слетела с места. Чашка с хрустом ударила его по носу. Поулгрейв завизжал и упал на спину, а Дафна схватила с пола его пистолеты. Она старалась одновременно думать и не думать. Не думать о человеке, которого только что убила. (Это была казнь!)

Думать о человеке, которого, может быть, придется убить. (Но я же не могу доказать, что он убийца! Ведь не он убил Атабу!)

Она возилась с пистолетом, а Поулгрейв, плюясь кровью, пытался встать. Пистолет оказался тяжелее, чем думала Дафна, и неуклюжие пальцы не слушались. Она проглотила ругательство, вспомнив о специальном бочонке для ругани, установленном на «Милой Джуди».

Наконец ей удалось оттянуть курок, совсем как учил капитан Робертс. Раздался двойной щелчок. Кокшик называл это «двухфунтовым звуком». Когда она

спросила почему, он объяснил: «Потому, что если человек услышит такое в темноте, он тут же теряет два фунта... весу!»

Поулгрейв, во всяком случае, сразу притих.

— Я *выстрелю*, — соврала она. — Не двигайтесь. Хорошо. Теперь слушайте меня. Я хочу, чтобы вы убрались отсюда. Вы здесь никого не убивали. Убирайтесь. Прямо сейчас. Если я увижу вас тут еще раз, я... в общем, вы об этом пожалеете. Я вас отпускаю, потому что у вас была мать. Кто-то по-настоящему любил вас, кто-то старался научить вас хорошим манерам. Впрочем, вам все равно не понять. А ну вставайте и вон отсюда! Выходите из хижины и бегите, чем дальше — тем лучше! Быстро!

Скрючившись и пытаясь так бежать, прикрывая рукой сломанный нос, истекая соплями и кровью и, уж конечно, не оглядываясь, Поулгрейв умчался в зарево заката, словно краб, что пытается, спасая свою жизнь, скрыться в полосе прибоя.

Дафна села, но-прежнему держа перед собой пистолет и ожидая, пока хижина перестанет вращаться.

Она посмотрела на молчаливого Фокслипа, который так и не пошевелился.

— Зачем ты был такой... дурак? — спросила она, потыкав его пистолетом. — Зачем убил старика, который грозил тебе палкой? Ты стреляешь в людей, не раздумывая, и сам же называешь *их* дикарями! Почему ты такой дурак, что счел меня душой? Почему не стал меня *слушать*? Я же тебе *сказала*, что мы поем пивную песню. Неужели трудно было бы просто подпеть? Но нет, ты считал себя умнее, потому что они дикари!

А теперь лежишь мертвый, с дурацкой улыбочкой на глупом лице. Ты мог остаться в живых, но ты ведь меня не послушал. Ну что ж, мистер идиот, теперь у вас куча времени, так что слушайте! Дело в том, что пиво готовится из очень ядовитого растения. Этот яд парализует все тело сразу. Но, видите ли, в человеческой слюне есть особые вещества, и если плюнуть в пиво, а затем спеть пивную песню, оно превращается в безобидный напиток с ореховым привкусом, и, кстати, все говорят, что я здорово улучшила его вкус. Чтобы пиво стало неядовитым, нужно меньше пяти минут, ровно столько, сколько требуется, чтобы спеть официальную пивную песню. А можно просто повторить: «Ты скажи, барашек наш» шестнадцать раз. Потому что, понимаешь, дело не в песне, а в *сроке ожидания*. Я это сама установила с помощью научных экспериме... ик, — она рыгнула, — прошу прощения. Я хотела сказать «экспериментов».

Она прервала монолог, чтобы вытошнить пиво, а заодно, судя по ощущениям, и все, что она съела за последний год.

— А ведь вечер мог быть таким прекрасным, — сказала она. — Ты знаешь, что собой представляет этот остров? Хотя бы догадываешься? Конечно, нет, потому что ты дурак! И покойник! А я — убийца!

Она разразилась слезами, большими, безудержными, и принялась спорить сама с собой.

«Но послушай, они же мятежники! Если бы их судили, их бы приговорили к вешанию!»

(Не к вешанию, а к повешению. Но для этого и нужны суды — чтобы одни люди не убивали других

только потому, что те, по их мнению, заслуживают смерти. В суде есть судья и присяжные, и если обвиняемого находят виновным, его вешает палач, аккуратно и в соответствии с процедурой. Палач сначала преспокойно позавтракает и, может быть, прочитает молитву. Он будет вешать приговоренных спокойно, без гнева, потому что в этот момент он представляет собой закон. Так это устроено.)

«Но все *видели*, как он застрелил Атабу!»

(Верно. Значит, *все* и должны были решить, что с ним делать.)

«Как они могли решить? Они ведь не знали того, что знаю я! А ты знаешь, что это за люди! У них было четыре пистолета! Если бы я не убрала их с дороги, они бы перестреляли других людей! Они говорили о захвате острова!»

(Да. Но все равно то, что ты сделала, было убийством.)

«А что же тогда палач? Он тоже убийца?»

(Нет, потому что так провозгласило большинство людей. Для этого и существует зал суда. Там вершится закон.)

«И тогда все становится правильно? А разве Бог не сказал «не убий»?»

(Да. Но потом все сильно запуталось.)

В дверном проеме что-то зашевелилось, и рука Дафны подняла пистолет. Затем мозг велел руке опустить его.

— Хорошо, — сказал Мау. — Я не хочу, чтобы в меня стреляли второй раз. Помнишь?

Слезы потекли снова.

— Прости меня. Я тогда думала, что ты... что ты дикарь, — кое-как выговорила Дафна.

— Что такое дикарь?

Она показала пистолетом на Фокслипа.

— Что-то вроде него.

— Он умер.

— Мне очень жаль. Он непременно хотел выпить свое пиво.

— Мы видели другого, он бежал к нижнему лесу. Он был в крови и хрюкал, как больная свинья.

— Потому что он не захотел пить пиво! — провыла Дафна. — Прости меня... я привела сюда Локаху...

Мау сверкнул глазами.

— Нет, это они его привели, а ты отослала его прочь с полным желудком, — сказал он.

— Приплывут другие! Они говорили об этом, — выдавила из себя Дафна.

Мау ничего не сказал, только обнял ее за плечи.

— Я хочу, чтобы завтра устроили суд, — сказала она.

— Что такое суд? — спросил Мау.

Он подождал ответа, но не услышал ничего, кроме храпа. Он посидел с ней, наблюдая, как темнеет небо на востоке. Потом осторожно уложил Дафну на циновку, взвалил на плечо коченеющий труп Фокслипа и отправился на пляж. Безымянная Женщина смотрела, как он погрузил тело в каноэ и выгреб в открытый океан. В океане Фокслип отправился за борт с куском коралла, привязанным к ногам. Пусть его сожрет какая-нибудь тварь, достаточно голодная, чтобы жрать падаль.

Безымянная Женщина смотрела, как он вернулся и поднялся обратно на гору, где Мило и Кале бодрствовали над телом Атабы, чтобы он не стал призраком.

Утром они вместе с Мау пошли на пляж, где к ним присоединились Безымянная Женщина и еще несколько человек. Солнце уже всходило, и Мау не удивился, что рядом скользит серая тень. Один раз Мило прошел через нее насквозь и не заметил.

«Еще две смерти, краб-отшельник», — сказал Лохаха.

«Ты доволен? — разозлился Мау. — Тогда отправь этого жреца в совершенный мир».

«Как ты можешь просить об этом, крабик-отшельник, не верящий в богов?»

«Потому что он верил. И ему было не все равно. А его боги даже на это оказались неспособны».

«Мау, я не вступаю в торги, даже когда люди просят не за себя».

— Я, по крайней мере, пытаюсь! — крикнул Мау. Все уставились на него.

Тень развеялась.

На краю рифа, над темным течением, Мау привязал к старику обломки коралла и стал смотреть, как тот опускается в глубину, недостижимую для акул.

— Он был хорошим человеком! — заорал Мау в небо. — Он заслуживал богов получше!

В нижнем лесу, среди зловонных испарений кто-то трясся.

Артур Септимус Поулгрейв, а для друзей, если бы они у него были, — Септик, провел эту ночь очень

плохо. Он знал, что умирает. Просто знал. Ему было очень плохо. За последний темный, словно залитый супом, час каждая тварь в этих джунглях постаралась его укусить, клюнуть или ужалить. Здесь были пауки — ужасные, огромные, ожидающие на каждой тропе на уровне носа, и насекомые, все до одного вооруженные, судя по ощущениям, раскаленными докрасна иглами. Одни твари кусали за уши, другие старались забраться в штаны. Третьи топтали его ногами. Посреди ночи что-то ужасное прыгнуло с дерева ему на голову и попыталось открутить ее от плеч. Как только станет посветлее, он рискнет, рванет к лодке и уберется с острова. «В общем и целом, — думал он, вытаскивая из уха какую-то тварь с чрезмерно большим количеством ног, — хуже не бывает».

На дереве прямо над ним что-то зашелестело; он поднял голову как раз в тот момент, когда упитанная птица-дедушка решила хорошенько проблеваться перед завтраком, и понял, что ошибался.

Тем же утром Дафна подошла к Пилу с судовым журналом с «Милой Джуди» и сказала:

— Я хочу справедливого суда.

— Это хорошо, — ответил Пилу. — Мы идем смотреть на новую пещеру. Ты пойдешь с нами?

Большая часть островитян столпились вокруг него: вести о найденных богах разошлись быстро.

— Ты не знаешь, что такое суд, да?

— Э... нет, — ответил Пилу.

— Это когда решают, поступил ли человек плохо и нужно ли его наказать.

— Ну вот ты и наказала этого брючника, — радостно ответил Пилу. — Он убил Атабу. Он был пират!

— Да, но... вопрос в том, имела ли я право это делать? У меня не было власти, чтобы его убивать.

За плечом Пилу воздвиглась фигура его брата. Мило склонился и что-то шепнул Пилу на ухо.

— А, да, — сказал Пилу. — Мой брат напомнил мне про тот раз, когда мы были в Порт-Мерсии и одного моряка поймали на воровстве. Его привязали к мачте и били кожаными штуками. Ты об этом? Кожу мы найдем.

Дафна вздрогнула.

— Э... нет, спасибо. Но... э-э-э... разве на островах не бывает преступлений?

Пилу понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чем она говорит.

— А, я понял. Ты хочешь, чтобы мы тебе сказали, что ты поступила не плохо. Правильно?

— Девочка-призрак говорит, что на все должны быть правила и причины, — сказал Мау за спиной Дафны. Она даже не знала, что он здесь.

— Да, но вы не должны говорить, что я поступила правильно, только потому, что я вам нравлюсь, — добавила Дафна.

— Ну, *он* нам точно не нравился, — ответил Пилу. — Он убил Атабу!

— Кажется, я понимаю, чего она хочет, — сказал Мау. — Давайте попробуем. Это будет... интересно.

И состоялось первое судебное заседание Народа. Судью и присяжных не выбирали: все островитяне

сели в круг, включая детей. Мау тоже сел в круг. Здесь не было более и менее важных людей... и Мау сидел в кругу, как любой другой островитянин.

Каждый должен сам принять решение... а Мау сидел в одном кругу со всеми. Не очень высокий, даже без татуировок, он не выкрикивал приказов... но каким-то образом *присутствовал* в большей степени, чем все остальные. И еще у него была капитанская шляпа. Он был капитан.

Дафна слышала, как порой новоприбывшие говорили о Мау. Они использовали что-то вроде кода: «бедный мальчик», говорили они, и «как ему тяжело пришлось», и где-то в этих словах прятался невысказанный, но недвусмысленный намек на то, что Мау слишком молод, чтоб быть вождем. Обычно в этот момент появлялись Мило или Кале, словно тень набегала на солнце при затмении, и разговор переходил на рыбную ловлю или детей. И каждый день Мау становился чуть старше и по-прежнему оставался вождем.

В суде председательствовал Пилу. Он был в своей стихии. Но нуждался в помощниках.

— Нам нужен обвинитель, — объяснила Дафна. — Это человек, который считает, что я поступила неправильно. И защитник, который будет говорить, что я поступила правильно.

— Тогда я буду защитником, — радостно сказал Пилу.

— А обвинитель? — спросила Дафна.

— Ты.

— Я? Нет, я уже делаю что-то другое!

— Но все знают, что этот человек убил Атабу. Мы видели! — сказал Пилу.

— Слушай, а что, на острове вообще не бывает убийств?

— Иногда бывает, что кто-нибудь перебрал пива или драка из-за женщин, всякое такое. Весьма при-
скорбно. Есть история, очень старая, про двух братьев, которые подрались. Один убил другого, но в битве все могло повернуться по-иному, и тогда убитым оказался бы тот брат, а не этот. Убийца бежал. Он знал, какое наказание положено за убийство, и сам наложил его на себя.

— Ужасное наказание?

— Его ожидало изгнание с острова, он должен был покинуть свой народ, свою семью. Ему не суждено было больше ходить по стопам своих предков, не суждено было спеть погребальное песнопение отцу, слушать песни своего детства, обонять аромат вод своей родины. Он построил каноэ и уплыл в новые моря, далеко, туда, где солнце обжигает людей, раскрашивая их в разные цвета, а деревья каждый год умирают на полгода. Он прожил много жизней, много повидал, но в один прекрасный день нашел место, лучше которого быть не могло, потому что это был остров его детства, и он шагнул на берег и умер счастливым, потому что вернулся домой. Тогда Имо превратил этих братьев в звезды и поместил в небе, чтобы мы помнили о брате, который уплыл так далеко, что, в конце концов, вернулся.

«Боже мой, — подумала Дафна, представляя себе умирающего брата, — это так печально. Но у этой

истории есть еще один смысл. Она — о человеке, который уплыл так далеко, что вернулся обратно... О, я *должна* еще раз пойти в ту пещеру!»

— Но девочка-призрак и так уже изгнана, — заметил Мау. — Волна изгнала ее на наш остров.

Спор разгорелся с новой силой.

Через полчаса он несколько не приблизился к цели. Все население острова сидело вокруг Дафны, пытаясь ей помочь и понять, что произошло, по ходу судебного заседания.

— Ты говоришь, что это были плохие брючки, — сказал Мау.

— Да, хуже не бывает, — ответила Дафна. — Убийцы и мучители. Ты говоришь, что ходишь по стопам Лоахи, а они ходили в его набедренной повязке, когда он не мылся много недель.

Все засмеялись. Наверное, она что-то неправильно сказала.

— А как же они ходили в его набедренной повязке? — спросил Пилу. Все опять засмеялись, но, к его разочарованию, не так громко.

— Это неправильный вопрос, — вмешался Мау. Смех прекратился. Мау продолжал: — Ты говоришь, что сказала им про пивную песню, но они тебя не послушали. Ты ведь не виновата, если человек — дурак.

— Да, но, понимаешь, я расставила им ловушку, — сказала Дафна. — Я знала, что они меня не послушают!

— Почему они не должны были послушать?

— Потому что...

Она заколебалась, но другого пути не было.

— Пожалуй, я лучше расскажу все полностью, — сказала она. — Я хочу рассказать вам все. Чтобы вы узнали, что случилось на «Милой Джуди». Узнали про дельфинов, про бабочку, про человека в каноэ.

Сидящие в кругу слушали, открыв рот, а Дафна рассказывала им о том, что видела сама, что рассказал ей Кокчик и что записал в судовом журнале бедный капитан Робертс. Она рассказала про первого помощника Кокса, про мятеж и про человека в каноэ...

...Он был смуглый и, как миссис Бурбур, словно скроен из старой дубленой кожи. «Милая Джуди» нагнала его в море среди островов — он очень старательно работал веслами в маленьком каноэ, направляясь куда-то к горизонту.

Если верить первому помощнику Коксу, старик показал ему грубый жест. Фокслип и Поулгрейв поддерживали эту версию. Но капитан побеседовал с каждым из них в отдельности и отметил в судовом журнале, что ни один из них не смог в точности описать упомянутый жест.

Кокс выстрелил в этого человека и попал. Фокслип тоже выстрелил. Дафна помнила, как он смеялся. Поулгрейв выстрелил последним, как и следовало ожидать. Он был из тех негодяев, которые способны пнуть ногой труп, потому что мертвецы не дают сдачи. Поулгрейв непрестанно хихикал, а когда Дафна выходила на палубу, не сводил с нее глаз. Но он был, по-видимому, умнее Фокслипа. Что, впрочем, было нетрудно. Фокслип умом не превосходил среднего омара — от этого ракообразного его отличали только жестокость и манера вечно хорохориться. Парочка

все время таскалась за Коксом. Трудно было понять, зачем, если не знать, что на свете бывают рыбы, которые таскаются за акулами — плавают вдоль бока акулы или даже у нее в пасти. Там они защищены от других рыб, там их не съедят. Никто не знает, что с этого имеет акула: то ли не замечает их, то ли приберегает на случай, если захочется тайно перекусить среди ночи.

Конечно, Кокса нельзя сравнивать с акулой. Он гораздо хуже. Акулы — просто машины-пожиратели. У них нет выбора. А у Кокса, первого помощника капитана, выбор был. Этот выбор предоставлялся ему каждый день, и каждый день Кокс выбирал быть Коксом. Станный выбор: если бы зло было болезнью, Кокс давно уже оказался бы в изоляторе на каком-нибудь негостеприимном острове. И даже там мирные пушистые кролики начали бы драться друг с другом. По правде сказать, Кокс был заражен. Всюду, куда падала его тень, ссорились старые друзья, раздражались небольшие войны, молоко скисало, мучные черви бежали из сухарей, а крысы вставали в очередь, чтобы прыгнуть в море. Во всяком случае, так говорил Кокчик, но он, надо сказать, был склонен к небольшим преувеличениям.

И еще Кокс ухмылялся. Это была не мерзкая, шершавая ухмылочка Поулгрейва, при виде которой хотелось вымыть руки. Это была улыбка человека, любящего свою работу.

Он взошел на борт в Порт-Адвенте, когда пять членов экипажа не вернулись из увольнения на берег. Кок сказал Дафне, что это бывает. От капитана, который

строго запрещает команде играть в карты, свистеть, пить и ругаться, люди бегут, сколько им ни плати. Ужасно видеть, сказал Кокчик, когда такой хороший человек и так ударился в религию. Но *именно потому*, что Робертс был такой хороший человек и умелый капитан, многие члены экипажа ходили с ним в одно плавание за другим, несмотря на чудовищный и немыслимый запрет на ругань (моряки нашли выход: поставили бочонок с водой у шпигатов и ругались в него, когда становилось невмоготу; Дафна очень старалась, но не могла разобрать всех слов; к концу дня вода в бочонке так нагревалась, что в ней можно было мыться).

Про Кокса знали все. Первого помощника Кокса не нанимали на корабль. Он сам являлся. Даже если вы не нуждались в первом помощнике, потому что у вас уже был один, на нынешнего первого помощника вдруг нападало горячее желание вернуться во вторые помощники, о да, сэр, премного благодарен.

Бесхитростные и простодушные люди принимали за чистую монету восторженные рекомендации других капитанов, не задаваясь вопросом, почему этим капитанам так не терпится спровадить Кокса на другой корабль. Правда, Кокчик сказал, что, по его мнению, Робертс все знал насчет Кокса и горел миссионерским пылом: не каждый день выпадает случай спасти такого закоренелого, отборного грешника от геенны огненной.

Возможно, что Кокс, оказавшись на корабле, где трижды в день проводились обязательные молитвенные собрания, преисполнился пылом иного рода —

черным, с язычками пламени по краям. Как говорил Кокчик, зло в одиночку не ходит.

Как ни удивительно, Кокс охотно посещал молитвенные собрания, присоединял свой голос к общему хору и *внимательно слушал*. Те, кто его знал, насторожились. Нечестие было для Кокса хлебом и водой, и если неясно, что он задумал, — жди настоящей беды.

Когда Коксу нечего было делать, он стрелял в живых существ. В птиц, летучих рыб, обезьян — в кого угодно. Однажды на палубу приземлилась большая синяя бабочка, занесенная ветром с какого-то острова. Кокс попал в нее так метко, что остались только два крылышка, а потом подмигнул Дафне, словно ему удался особенно ловкий трюк. У Дафны был такой кузен, звали его Ботни — он не мог пройти мимо лягушки, чтобы ее не раздавить, мимо котенка, чтобы не пнуть его ногой, мимо паука, чтобы его не прихлопнуть. В конце концов, Дафна нечаянно сломала Ботни два пальца — придавила лошадкой-качалкой в детской, пообещала напустить ему в штаны ос, если он не исправится, и разразилась слезами, как раз когда прибежали люди. Если человек ведет свой род от древних воителей, как Дафна, это поневоле придает характеру определенную безжалостность.

К несчастью, некому было направить стопы Кокса по истинному пути и оправить его пальцы в гипс. Правда, среди команды ходили слухи, что он переменился. Он по-прежнему стрелял в кого попало, но на богослужениях всегда сидел в первом ряду и рассма-

тривал старину Робертса как натуралист — редкого жука. Похоже, капитан *завораживал* Кокса.

Что же до капитана — возможно, он хотел спасти душу Кокса от геенны огненной, но самого Кокса ненавидел и не стеснялся это показывать. Коксу это было не по душе, но застрелить капитана он не мог, слишком сильный шум поднялся бы. Поэтому, как сказал Кокчик, он, должно быть, решил побить капитана на его поле, точнее — на его воде, уничтожить изнутри.

Кокс убивал живых тварей только потому, что они были живые, но лишь ради времяпрепровождения. В отношении капитана у него были гораздо более честолобивые планы. Кокс решил целиться в его веру.

Для начала Кокс завел привычку внимательно слушать на молитвенных собраниях и завершать каждую фразу капитана воплями «Аллилуйя!» или «Аминь!» и громкими аплодисментами. Еще он задавал невинные вопросы типа: «А чем кормили львов и тигров в ковчеге, сэр?» или «А куда девалась вся вода после потопа?». В один прекрасный день он попросил Кокчика накормить весь экипаж пятью хлебами и двумя рыбами. Капитан сказал, что эту историю нельзя понимать буквально. Кокс отдал ему честь по всей форме и спросил: «А что тогда можно понимать буквально, сэр?»

Обстановка накалялась. Капитан стал раздражителен. Те, кто давно ходил с ним, говорили, что он хороший человек и хороший капитан и что он сам на себя не похож. От раздражительности капитана страдали все. Он всюду выискивал недостатки и превращал

каждый день в тяжкую повинность. Дафна старалась как можно больше времени проводить у себя в каюте.

А еще был попугай. Неизвестно, кто научил его первому ругательному слову, хотя дрожащий палец подозрения указывал на Кокса. Но к этому времени раздоры охватили всю команду. У Кокса были свои сторонники, у капитана — свои верные защитники. Начались драки. Стали пропадать разные мелкие вещи.

— Это очень плохо, — сказал Кокчик. — Если человеку приходится постоянно следить за сохранностью своих вещей, это раскалывает экипаж, как ничто другое.

Он сказал, что их ждет роковая судьба и расплата. «Скорее рок, чем расплата», — добавил он.

А на следующий день Кокс застрелил старика в каноэ. Дафна рада была бы сказать, что весь экипаж ополчился на Кокса за его поступок, и в каком-то смысле это была правда; но многих беспокоило не столько нарушение заповеди, сколько возможность, что поблизости окажутся родственники старика на быстрых каноэ, с острыми копьями и не захотят выслушивать объяснения. А некоторые даже считали, что, подумаешь, одним стариком больше — одним меньше, но Кокс и его дружки стреляли еще и в дельфинов, а это было жестоко и навлекало на корабль несчастье.

В конце концов, стороны перешли к открытым боевым действиям. Злость так кипела, что Дафне казалось: в конфликте участвуют не две стороны, а больше. Она пересидела войну у себя в каюте, на

бочонке с порохом, с заряженным пистолетом в руке. Капитан приказал ей, если победят люди Кокса, выстрелить в бочонок, чтобы «спасти свою честь». Дафна, правда, не была уверена, стоит ли чего-нибудь спасенная честь, если она сыплется с неба в виде мелких клочков вперемешку со всей остальной каютой. К счастью, она так и не узнала ответа на этот вопрос, потому что капитан Робертс подавил мятеж, отцепив одну из вертлюжных пушек «Джуди» и направив ее на мятежников. Эта пушка предназначалась для стрельбы картечью по пиратам, которые пытаются взять корабль на abordаж. Пушка не годилась для стрельбы с руки, и если бы капитан выстрелил, его, скорее всего, подбросило бы в воздух, но все находящиеся по другую сторону пушки умерли бы от большого количества отверстий, несовместимых с жизнью. Кокчик рассказывал: капитан преисполнился такой ярости, что даже Кокс осознал это. Лицо капитана приняло выражение Всевышнего, разбирающегося с особенно грешным городом, и, может быть, у Кокса как раз достало здравого смысла, чтобы понять: этот человек еще злее его самого, по крайней мере, временно, и этого времени хватит, чтобы разорвать Кокса и его приспешников на кусочки. А может быть, сказал Кокчик, капитан был уже готов совершить незаконное убийство, но понял, что Коксу хочется именно этого и что его дьявольская душа тут же отправится в ад и утащит душу капитана с собой.

Но капитан не выстрелил, сказал Кокчик. Капитан положил пушку на палубу. Выпрямился, сложил руки на груди и мрачно улыбнулся, а Кокс стоял с расте-

рянным видом, и тут все члены экипажа, верные капитану, направили на Кокса пистолеты. Мятеж выдохся. Кокса и его дружков загнали в корабельную шлюпку с провиантом, водой и компасом. И тут, конечно, встал вопрос об оружии. У мятежников еще оставались дружки среди команды; они заявили, что бросать людей в этих неверных водах без оружия — все равно что приговорить их к смерти. В конце концов, им оставили оружие на небольшом островке в миле от места мятежа, хотя капитан Робертс и заявил, что у любого пиратского корабля или работорговца, стоит ему наткнуться на Кокса, очень скоро будет новый капитан. Робертс велел зарядить вертлюжные пушки и держать их наготове день и ночь и сказал, что если шлюпку мятежников еще хоть раз увидят с корабля, в нее будут стрелять.

Шлюпку спустили на воду, и она отчалила. Экипаж шлюпки был мрачен и молчалив, кроме Поулгрейва и Фокслипа, которые насмехались и плевались. Кокчик сказал, это потому, что они слишком глупы и не понимают: они направляются в бурные воды, а командует ими безумец и убийца.

«Джуди» так и не оправилась от мятежа, но продолжала идти прежним курсом. Люди были молчаливы и, когда не стояли на вахте, держались обособленно. «Джуди» была несчастна. Пять человек дезертировали еще в Порт-Генри, а за вычетом еще и мятежников команде просто не хватило людей, когда пришла волна.

Все это Дафна рассказала островитянам. Она старалась быть предельно правдивой и там, где по-

лагалась на рассказы Кокчика, с его склонностью к преувеличениям, обязательно упоминала об этом. Она жалела, что у нее нет таланта Пилу; он, споткнувшись о камень, мог подать это как захватывающее приключение.

Когда она умолкла, воцарилась тишина. Бóльшая часть собравшихся повернулась к Пилу. Дафна старалась рассказывать на чужом языке, как могла, но все же многие смотрели на нее непонимающе.

Пилу повторил всю ее историю с начала и до конца, но в лицах. Она видела капитана Робертса, грузного и помпезного; тот, кто ходил бочком, несомненно, был Поулгрейв, а тот, кто ревел и топал, — Кокс. Они все время кричали друг на друга, пальцы Пилу щелкали, как пистолеты, и вся история словно развернулась в воздухе перед глазами зрителей.

Щепотку безумного реализма добавил попугай. Он бешено плясал на верхушке кокосовой пальмы и вставлял в рассказ выкрики типа: «А как насчет Дарвина? Ва-а-ак!»

Перевод Пилу кое-как поспевал за рассказом Дафны, но когда дело дошло до убийства старика, понадобились дополнительные разъяснения.

— Он убил человека в каноэ, потому что тот не был брючником?

Дафна была к этому готова.

— Нет. Человек, которого я убила... тот, кто умер, мог бы это сделать, но, я думаю, Кокс убил старика просто потому, что не нашел другой мишени.

— Э... я не очень хорошо понимаю по-английски... — начал Пилу.

— Мне очень жаль, но ты понял меня правильно.

— Он убивает для Лоахи и тем самым добавляет себе славы, как охотники за черепами?

— Нет. Просто потому, что ему так хочется.

Судя по взгляду Пилу, он понял, что это будет очень тяжело объяснить. Так и вышло. По-видимому, слушатели решили, что в этих словах нет никакого смысла.

Он упорно продолжал, перевел еще несколько фраз и снова обратился к Дафне:

— Дельфины? Не может быть. Ни один моряк не убьет дельфина. Ты, должно быть, ошиблась.

— Нет. Он действительно убивал дельфинов.

— Но ведь это значит убить чью-то душу, — сказал Пилу. — После смерти мы становимся дельфинами, пока не настает время родиться вновь. Разве можно убивать дельфинов?

Слезы удивления и гнева заструились по его лицу.

— Мне очень жаль. Кокс убивал дельфинов. Фокслип тоже в них стрелял.

— Зачем?

— Чтобы быть как Кокс, очевидно. Чтобы казаться большим человеком.

— Большим человеком?

— Как ремора. Э... вы называете их рыбами-прилипалами. Они плавают с акулами. Может быть, им нравится думать, что они тоже акулы.

— Даже охотники за черепами не станут стрелять в дельфинов, а они поклоняются Лоахе! В это невозможно поверить!

— Я сама видела. И капитан Робертс записал в судовом журнале. Сейчас покажу.

Она запоздало вспомнила, что Пилу не столько умеет читать, сколько опознает письменный текст, если ткнуть в него пальцем. Пилу посмотрел на Дафну, словно взывая о помощи, так что она подошла к нему поближе и нашла в журнале нужное место:

«Кокс и его дружки снова стреляли в дельфинов, противно всем представлениям о человечности и морским обычаям. Да простит его Господь, потому что ни один достойный моряк не простит. Воистину, я подозреваю, что даже для неисчерпаемого милосердия Всевышнего это будет нелегкая задача!»

Дафна прочитала это вслух. Люди в кругу беспокойно зашевелились. Они громко перешептывались — Дафна не разбирала слов — и, похоже, начали приходить к какому-то общему согласию. Кивки и шепот пробежали по людскому кругу в двух разных направлениях, пока не сошлись на Мау. Он улыбнулся плотно сжатыми губами.

— Эти люди могли без причины застрелить человека с коричневой кожей, — сказал он. — Они стреляли в дельфинов, которых уважают даже брючники. Девочка-призрак, ты можешь заглянуть к ним в голову. Правда ведь? Ты видишь, как они думают?

Дафна не могла взглянуть ему в лицо.

— Да, — сказала она.

— Мы для них дикари. Звери. Черномазые.

— Да.

Она не смела поднять голову и встретиться с ним взглядом. Она помнила, что в тот первый день нажала на спусковой крючок. А Мау *поблагодарил* ее за дар огня.

— Когда я впервые встретил девочку-призрака... — начал Мау.

«Ох, неужели он хочет им *рассказать*? Не может быть!» — подумала она. Но у него на губах играла улыбочка — так он улыбался, когда злился по настоящему.

— ...она дала мне еду, — продолжал Мау, — а потом дала пистолет, чтобы я мог разжечь огонь, хотя она была далеко от дома и боялась. Она даже позаботилась о том, чтобы вынуть шарик, который летит и убивает, чтобы я не поранился. А потом она пригласила меня на «Милую Джуди» и угостила чудесным хлебом со вкусом омара. Вы все знаете девочку-призрака.

Она подняла голову. Все смотрели на нее. Мау встал и вышел в середину круга.

— Эти люди были другие, — сказал он, — и девочка-призрак знала, как они думают. Они не захотели спеть пивную песню, потому что считали нас какими-то зверями, а себя — чересчур великими и гордыми, чтобы петь песню зверей. Девочка-призрак об этом знала.

Он оглядел собравшихся.

— Девочка-призрак думает, что она убила человека. Так ли это? Решайте.

Дафна хотела понять, о чем будут говорить собравшиеся, но все заговорили разом, а поскольку все заговорили разом, то все стали говорить еще громче. Но что-то происходило. Маленькие разговоры сливались в большие, а потом подхватывались и переносились из уст в уста по кругу. Дафна подумала:

«К какому бы решению они ни пришли, оно, скорее всего, не будет коротким, в два-три слова». Пилу встал и пошел по кругу — подсаживался к говорящим, ненадолго вступал в общий разговор, переходил на другое место и там проделывал то же самое.

Никто не поднимал рук и не голосовал, но Дафна подумала: «Может быть, так же было и в Древних Афинах? Это чистая демократия. Человек не просто получает голос: ему предоставляется слово».

Разговоры начали стихать. Пилу встал, прервав последний разговор, и снова вышел в середину круга. Он кивнул Мау и заговорил:

— Человек, который способен убить жреца, или убить человека просто ради удовольствия поглядеть, как тот будет умирать, или убить дельфина... — тут по кругу прошел громкий стон, — вообще не может быть человеком. Народ говорит, что это, должно быть, злой демон, поселившийся в оболочке человека. Девочка-призрак не могла его убить, потому что он уже был мертвый.

Мау сложил ладони рупором у лица.

— Таково ваше решение?

Раздался хор одобрительных воплей.

— Хорошо.

Он хлопнул в ладоши и повысил голос:

— Слушайте все! Мы не закончили чинить изгородь от свиней, и нам нужны еще доски с «Джуди», и верши для рыбы тоже сами не сплетутся!

Круг распался на людей, спешащих в разные стороны. Никто не колотил по столу деревянным молотком, никто не надевал мантию. Люди просто без особой

суеты выполнили нужное дело, а теперь, ну что ж, надо и изгородь починить.

— Ты этого хотела? — спросил Мау, вдруг оказавшийся рядом с Дафной.

— А? Что? — Она даже не видела, как он подошел. — О да. Э... да. Спасибо тебе. Это был очень хороший, хм, приговор. А ты что скажешь?

— Я скажу, что они решили, и дело закончено, — резко ответил Мау. — Этот человек привел сюда Локаху и служит ему своими пистолетами. Но Локаха — никому не слуга.

Глава 12

ПУШКИ И ПОЛИТИКА

МАУ СЕЛ НА КАМЕНЬ БОГОВ.

— Как ты думаешь, где сейчас Кокс?

— Я всем сердцем надеюсь, что волна его утопила! — сказала Дафна. — Знаю, что это нехорошо, но все равно надеюсь.

— И боишься, что не утопила, — сказал Мау. Это был не вопрос, а утверждение.

— Верно. Думаю, одной волне с таким не справиться. Ха! Фокслип сказал, что убил Кокса. Я уверена, это только потому, что он хотел показаться большим человеком. Но Поулгрейв сказал что-то про Кокса и его дружков-каннибалов. Может такое быть?

— Не знаю. Охотники за черепами убивают ради славы и черепов. А он, ты говоришь, без причины.

Убивает живые существа, потому что они живые. Он похож на дурной сон, на чудовище. Охотники за черепами не будут знать, что с ним делать.

— Суп? — предположила Дафна.

— Сомневаюсь, — сказал Май. — Каннибалам приходится быть разборчивыми в еде. От Мило они станут сильнее, от Пилу получают магический голос, а от меня... несварение желудка. Никто не захочет съесть сумасшедшего.

Дафна вздрогнула.

— Главное, чтобы они меня не съели!

— Нет, они не станут есть женщину, — сказал Май.

— Как это благородно с их стороны!

— Они скормят тебя своим женам, чтобы те стали красивыми.

Воцарилась одна из *таких* пауз — одновременно ледяная и раскаленная. Она наполнилась беззвучными словами, которые нельзя было говорить вообще, или надо было сказать в другое время, по-другому, или можно было сказать, или нужно было сказать, но нельзя, и эта пауза могла тянуться вечно или до тех пор, пока один из двоих ее не нарушит...

— Кхм, — сказала Дафна, и все остальные слова улетучились навеки. Потом, много времени спустя, она часто думала, что могло бы случиться, если бы она не воспользовалась словечком из арсенала своей бабушки. Оно все решило. Некоторые люди могут сказать главные слова только в один-единственный подходящий момент. Печально, но ничего не поделаешь.

— Во всяком случае, я не представляю себе, чтобы его кто-то съел или хотя бы оставил на тарелке, —

торопливо заговорила она, заглушая последние отзвуки рокового «кхм». — Я уверена, капитан был прав, когда сказал, что Кокс, как эпидемия, захватит любой подобравший его корабль. Человек, которому все равно, кого убивать, может добиться невероятных результатов. А Кокс *готов* убивать. Я уверена, этих двоих послали сюда на разведку. А значит, Кокс действительно нашел корабль *побольше*.

— Шлюпка, на которой они приплыли, до сих пор здесь, но прошлой ночью украли каноэ, — сказал Мау. — Думаю, мы плохо понимаем такие вещи.

— Я думаю, что это ничего не изменит.

— Верно. Охотники за черепами идут за ними по пятам, охотятся на выживших. Рано или поздно они явятся и сюда. Но я хочу...

— Э...

Это был маленький мальчик. Дафна не помнила его имени. Он подпрыгивал как человек, которому не хочется прерывать чужой разговор, но очень надо.

— Да, Хоти? — сказал Мау.

— Э... они говорят, что у них кончаются колющие ветки для изгороди вокруг большого поля, — боязливо произнес мальчик.

— Беги и скажи им, что большие заросли колючих кустов есть к западу от пещеры Дедушек.

Мальчик припустил прочь, и Мау крикнул ему вслед:

— Да скажи, что я велел резать ветки подлиннее! Короткими ветками чинить без толку.

— Вы должны защитить остров, — сказала Дафна. Его словно ударили по лицу.

— Ты думаешь, девочка-призрак, я не собираюсь его защищать? Ты действительно так думаешь?

— Дело не только в людях! Вы должны защитить своих богов!

— Что? Как ты можешь мне такое говорить?

— Не метафизических... у которых камни, жертвы и все прочее! Я говорю про статуи и все остальные вещи в пещере!

— Эти? Всего лишь куча камней. Бесполезные... штуки.

— Нет! Они не бесполезные. Они говорят вам, кто вы есть!

Дафна немного ссутулилась. За последние дни много всего произошло, и ей больно было услышать слова «девочка-призрак», да еще произнесенные таким резким тоном. Больно. Конечно, все, и даже Мау по временам, звали ее «девочка-призрак», и раньше ее это не беспокоило. Но сейчас это означало: «Убейся, девчонка-брючник, ты для нас чужая».

Она внутренне собралась.

— Ты не посмотрел. Ты не видел, что я тогда нашла в пещере! Помнишь Воздух, Воду и Огонь, у каждого из них был свой шар? И безголовую статую?

— Прости меня, — сказал Мау, опуская голову на руки.

— Что?

— Я тебя расстроил. Я вижу, когда ты расстраиваешься. У тебя начинает блестеть лицо, а потом ты стараешься себя вести, как будто ничего не случилось. Извини, что я на тебя накричал. Это все из-за... ну, сама знаешь.

— Знаю.

Они посидели молча — такое молчание бывает, когда мысли окончательно перепутались и не могут стать словами. Потом Дафна кашлянула.

— В общем, ты видел разбитого бога? И руку, которая торчала из воды?

— Да, я все видел, — ответил Мау, но смотрел он при этом на женщину, которая спешила к ним.

— Нет! Ты не видел! Мы уже начинали задыхаться! Разбитая статуя раньше что-то держала в руке. Я нашла это, пока вы спорили с Атабой. Это было изображение всего мира. Мира вверх ногами. Пойдем, и ты сам увидишь.

Она взяла его за руку и потянула к тропе, ведущей в гору.

— Это все должны увидеть! Это очень...

— Что, Кара? — спросил Мау у женщины, трепетно ожидавшей там, где ее нельзя было не заметить.

— Меня послали сказать, что река стала вся мутная, — сказала женщина, бросив испуганный взгляд на Дафну.

— Свинья забралась на восточные луга и валяется в ручье, — сказал Мау, вставая. — Я сейчас пойду и...

— Ты пойдешь со мной! — крикнула Дафна. Женщина быстро попятилась, а Дафна повернулась к ней и продолжала: — Выломай палку и иди вверх по долине реки, пока не найдешь свинью в воде, а когда найдешь, потыкай ее палкой! Это не так уж трудно! Мау, ты — вождь. То, что я хочу тебе показать, не относится к свиньям! Это важно...

— Свиньи — это тоже важ...

— *Это важнее свиней! Ты должен пойти и посмотреть!*

К концу дня посмотреть успели все, пусть лишь по несколько минут. Двигаясь в обоих направлениях по длинной пещере, люди перемешивали воздух, так что он был уже не такой затхлый, как раньше; правда, светильники его потребляли в большом количестве. Пошли в ход все фонари, принесенные с «Джуди».

— Это мир, — произнес Мау, глядя во все глаза. — Мир имеет форму шара? И мы с него не падаем?

Слова вырывались у девочки-призрака, словно языки пламени.

— Да, да, и вы об этом знаете! Ты же знаешь историю про брата, который уплыл так далеко, что вернулся домой?

— Конечно. Ее каждый ребенок знает.

— Я думаю, что люди с этого острова совершили кругосветное путешествие — давным-давно. Вы хранили память об этом, но со временем она превратилась в сказку для детей.

«Даже во тьме», — подумал Мау. Он провел рукой по шару, который Дафна назвала глобусом. Он был самый большой из четырех. Он упал на пол, когда разбилась статуя. Глобус Имо. Мир. Мау провел кончиками пальцев по поверхности шара. Шар приходился ему до подбородка.

«Так, значит, это наш мир», — подумал Мау, ведя пальцами по золотой линии, сверкающей на каменной поверхности. Линий было много, и все вели в одну

и ту же точку — вернее, выходили из нее, словно какой-то великан метал копья по всему свету. «Это был мой предок», — сказал себе Мау, осторожно коснувшись знакомого символа, который сообщал ему, что это место построили никакие не брючники. Камень тесали его предки. Его народ высек из камня этих богов.

В памяти Мау взревел дух Атабы: «Это ничего не значит, демонский мальчишка! Сами боги направляли их орудия». Мау подумал: «А для меня значит. Очень много значит».

— Я думаю, что ваша земля была большая, как Крит, — сказала девочка-призрак у него за спиной. — Я тебе потом покажу Крит на карте. Ваши люди плавали по всему свету! По большей части в Африку, Китай и срединные Америки, и знаешь что? Я думаю, теория Джона Кролла насчет ледяных щитов — правильная! Я ходила на его лекцию в Королевское общество. Поэтому у Европы и Северной Америки не хватает таких больших кусков... э, не потому, что я ходила на его лекцию, а потому, что они были покрыты льдом! Ты знаешь, что такое лед? А. Ну, это когда вода становится очень холодная и наконец превращается во что-то вроде хрусталя. В общем, на том конце света все было покрыто льдом, а на вашем было еще тепло, и вы делали *удивительные* вещи!

— Лед, — пробормотал Мау.

Он чувствовал себя как в неизвестном море, без карты, без возможности ориентироваться по знакомым запахам, а голос девочки бился в него со всех сторон. Глобус — это что-то вроде карты, вроде

тех карт, которые они нашли на «Джуди». Там, где сейчас его остров, где раньше были все острова их цепочки, на глобусе располагалась большая земля, сделанная из золота. Отсюда люди плавали по всему свету. А потом... что-то случилось. Как сказал Атаба, боги разгневались, или, как сказала девочка-призрак, хрустальный мир брючников растаял. Так или иначе — результат был один. Поднялся уровень моря.

Закрыв глаза, Мау видел белые здания на морском дне. Интересно, та огромная волна пришла стремительно? Тряслась земля, пылали горы? Должно быть, это произошло внезапно. Вода поднялась, и от суши остались отдельные островки, и мир переменялся.

«Когда мир был совсем другим», — прошептал он.

Он присел на край того, что все называли прудом богов. В голове теснились мысли. Где бы взять голову побольше? Его... предки доставили сюда молочный камень и сделали из него ступени, резьбу на стенах богов — может быть, все из одного куска камня. И еще тут была разбитая статуя Имо. Голова его, видно, закатилась в глубину пруда. Имо пал, и вместе с ним пал мир.

Но что-то вернулось. Дафна сказала, что Народ стар — старее рифа. Люди Народа плавали за пределы известных им морей, под незнакомыми звездами.

Он посмотрел вверх и увидел незнакомые звезды. Свет перемещался по мере того, как группы людей двигались по залу. Потолок сверкал, точно так же, как и статуи. Она сказала, что они из стекла. Они были похожи на звезды в ночном небе, но это не были звезды Мау. Это были хрустальные звезды чужого неба.

— Есть люди, которые должны это видеть, — сказала Дафна.

— Кто должен это видеть, уже видит, — ответил Май.

Несколько секунд они молчали, потом девочка сказала:

— Извини. Я имела в виду, что ученые из Королевского общества могут объяснить нам, что все это значит.

— Они жрецы? — подозрительно спросил Май.

— Нет. Совсем нет! По правде сказать, некоторые из них вообще не ладят со жрецами... священниками. Но они ищут ответы.

— Хорошо. Присылай их сюда. Но я знаю, что означает это место. Мои предки хотели сказать нам, что они были здесь, — вот что оно значит, — ответил Май.

Он чувствовал, что на глаза наворачиваются слезы, но эти слезы были вызваны неистойвой, горячей гордостью за свой народ.

— Посылай своих мудрых брючников, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал, — и мы поприветствуем братьев, которые уплыли на другой конец света и наконец вернулись обратно. Я не глуп, девочка-призрак. Если мы давным-давно плавали в те места, мы должны были там поселиться. А когда твои ученые люди придут сюда, мы скажем им: «Мир круглый; чем дальше уплываешь, тем больше приближаешься к дому».

Он едва видел Дафну в темноте. Когда она снова заговорила, голос ее дрожал.

— Я расскажу тебе кое-что еще более удивительное, — сказала она. — По всему свету люди вырезают богов из камня. По всему свету. И по всему свету люди считают планеты богами. Но твои предки, Мау, знали то, чего не знал никто, кроме них. Посмотри, у бога Воздуха на плечах сидят четыре маленькие фигурки. Это его сыновья, верно? Они бегали наперегонки вокруг своего отца, чтобы решить, кто из них будет ухаживать за женщиной, живущей на луне. Правда? Об этом говорится в пивной песне.

— И что ты мне хочешь про них сказать?

— Мы называем планету Воздуха Юпитером. У Юпитера четыре луны, которые обращаются вокруг него. Я сама видела их в телескоп. А еще есть Сатурн, который вы называете Огнем. Женщина — Бумажная Лиана привязала ему руки к поясу, чтобы он не крал у нее дочерей. Правда?

— Очередная сказка для детей. Я в нее не верю.

— А ведь это правда. Ну, в каком-то смысле. Я не знаю насчет Женщины — Бумажной Лианы, но планета Сатурн окружена кольцами, и, я полагаю, под определенным углом они действительно похожи на пояс.

— Это просто сказка.

— Нет! Это *стало* сказкой. А луны Юпитера существуют! И кольца Сатурна! Твои предки их видели — хотела бы я знать как. А потом они сочинили эти песни, которые матери поют детям! Так и передается знание, только вы не знали, что это — знание! Видишь, как блестят боги? Они покрыты стеклянными пластинками. Твои предки делали *стекло*. На этот счет

у меня тоже есть идея. Мау, когда за мной приедет папа и я вернусь домой, это будет самая знаменитая пещера в...

Ужасно было смотреть, как меняется ее лицо. Самозабвенное возбуждение медленно и плавно сменилось черным отчаянием. Словно тень накрыла пейзаж.

Мау поймал ее, не дав упасть, и ощутил ее слезы на собственной коже.

— Он приедет, — быстро сказал Мау. — Просто океан очень большой.

— Но он должен знать, каким курсом шла «Джуди», а ведь это большой остров! Он должен бы уже быть здесь!

— Океан гораздо больше. И еще волна была! Наверное, твой отец ищет южнее, думая, что «Джуди» перевернулась. А может, севернее, думая, что волна протащила вас дальше. Он приедет. Мы должны быть готовы.

Мау похлопал ее по спине и огляделся. Дети, которым быстро надоело смотреть на большие непонятные темные штуки, собрались вокруг и с интересом наблюдали за ним и Дафной. Мау попытался их отогнать.

Рыдания прекратились.

— Что это у мальчика в руке? — хрипло спросила Дафна.

Мау подозвал мальчика и попросил у него на время новую игрушку. Дафна уставилась на вещь и принялась хохотать. Точнее, было больше похоже, что она задыхается — как человек, настолько пораженный чем-то, что ему не до дыхания. Она выдавила из себя:

— Умоляю, спроси, где он это взял?

— Он говорит, что эту штуку ему дал дядя Пилу. Он нырял в пруд богов.

«Дядя Пилу», — подумала Дафна. На острове было очень много дядь и тетя и совсем мало матерей и отцов.

— Скажи мальчику, что я готова сменять у него эту вещь на стебель сахарного тростника длиной с его руку, — сказала Дафна, — и он может вытягивать руку, как хочет. Годится?

— Он ухмыляется, — заметил Май. — Думаю, достаточно было слов «сахарный тростник»!

— В обмен на эту вещь недостаточно и горы сахара. — Дафна поднесла к глазам свое новое приобретение. — Сказать тебе, что это? Люди, которые сделали эту вещь, не только наблюдали за звездами и плавали к новым землям. Они думали о мелочах, облегчающих жизнь. Я никогда не слышала, чтобы их делали из золота, но ошибки быть не может: это — вставные челюсти!

Много лет спустя, когда она стала гораздо старше и ей приходилось очень много времени проводить на совещаниях, она вспоминала тот военный совет. Должно быть, это был единственный военный совет за всю историю человечества, на котором вокруг участников бегали дети. И уж точно единственный, где сновала миссис Бурбур со своими новыми зубами. Она выхватила их из рук Дафны, когда та демонстрировала их Кале, а забрать у миссис Бурбур что-то, с чем она не желала расставаться, было практически невозможно. Челюсти были ей велики, и она почти

наверняка не могла ими жевать, но когда она открывала рот при свете дня, они сверкали, как солнце.

На совете говорил в основном Пилу, но, говоря, он все время поглядывал на Мау. Пилу говорил так быстро и настойчиво, что у Дафны перед глазами вставали картины. Она видела сцену из «Генриха V», где король произносит речь перед Азенкурской битвой — во всяком случае, эту сцену, как она могла бы выглядеть, если бы Шекспир был маленький, смуглый и носил узенькую набедренную повязку вместо брюк (или трико, в случае с Шекспиром). Но в словах Пилу было гораздо большее, и он умел делать одну очень важную для оратора вещь: он начинал с чистой правды и ковал ее, пока она была горяча. В результате она становилась такой тонкой, что чуть не лопалась, и вся блестела, слепя глаза, словно новые зубы миссис Бурбур в полдень.

Они — самый древний народ! Он поведал слушателям, что их предки изобрели каноэ и плавали в них под новыми небесами к таким дальним землям, что, в конце концов, снова приплывали домой! И они видели дальше других народов! Они видели, как четыре сына бога Воздуха гонялись друг за другом в небесах! Они видели, как Женщина — Бумажная Лиана обмотала лианами бога Огня! Они строили удивительные приборы, давным-давно, когда все было по-другому!

Но сейчас должны прийти плохие люди! Очень плохие люди, воистину! Поэтому сам Имо послал на остров «Милую Джуди», первый корабль, который был когда-либо построен, и огромная волна принесла на остров «Джуди» и все вещи, которые должны были

понадобиться островитянам в эти тяжелые времена, в том числе замечательное соленое мясо и девочку-призрака, которой известны секреты неба и рецепт замечательного пива...

Услышав это, Дафна покраснела и попыталась поймать взгляд Мау, но он отвернулся.

А Пилу все кричал:

— И с помощью «Милой Джуди» мы встретим охотников за черепами огнем и отбросим их на другой край света!

«Не может быть, — подумала Дафна. — Он знает про пушку! Он нашел пушку “Джуди”».

Пилу закончил речь под воодушевленные крики. Люди столпились вокруг Мау.

Войны были всегда, даже между соседними островками. Насколько поняла Дафна, они были по большей части немногим серьезнее кулачных потасовок конюхов в конюшнях. Это был удобный способ заработать внушительные шрамы и истории, которые потом можно будет рассказывать внукам. Случались еще набеги с одних островов на другие для похищения невест, но их организовывали женщины — заранее, по секрету, так что это не считалось.

Но пушка! Дафна видела орудийные учения на «Джуди». Даже Кокс не шутил с пушками. Был один правильный способ выстрелить из пушки и множество замечательных возможностей сделать что-нибудь не так и взлететь на воздух вместе со всеми окружающими.

Толпа собралась вокруг Пилу для пения патриотических песен, а Дафна пробралась к Мау и пронзила его взглядом.

— Сколько пушек? — гневно спросила она.

— Мило нашел пять, — сказал Мау. — Мы собираемся разместить их на склоне горы над пляжем. Да, я знаю, что ты хочешь сказать, но братья умеют обращаться с пушками.

— В самом деле? Они в лучшем случае видели, как это делают другие! Пилу еще думает, что он умеет читать, а на самом деле он просто угадывает!

— Пушки дают нам надежду. Теперь мы знаем, кто мы. Мы не собираем крохи за пределами царства брючников. Мы не дети. Когда-то и мы были отважными мореплавателями. Мы ходили на другой конец света. Может, мы и брюки носили.

— Э... я боюсь, что Пилу зашел слишком далеко...

— Нет, он умен. Думаешь, будет лучше, если он скажет им правду? Что у меня нет ничего, кроме горстки фактов, горстки догадок и большой надежды? Что мы слабы и что, если я ошибаюсь, в день атаки охотников за черепами те, кто доживет до заката, позавидуют мертвым? Это лишь напугает людей. Если ложь делает нас сильнее, ложь станет моим оружием.

Он вздохнул.

— Людям нужна ложь, чтобы жить. Они требуют ее, крича во весь голос. Ты давно была у «Джуди»? Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Через нижний лес пролегла хорошо протоптанная тропа. За последние месяцы островитяне столько всего перетаскали на пляж, что даже быстрорастущие лианы и прожорливые травы не успевали расти

здесь. Местами обнажилась скала, покрытая каменной крошкой.

— Мы ходим на «Милую Джуди» за любой необходимостью, — говорил Мау на ходу. — Она дает нам дерево, пищу, свет. Где бы мы были без «Джуди» и ее груза? «Джуди» дает нам все, в чем мы нуждаемся. Так говорят люди. А теперь, поскольку наши боги подвели нас...

Он отступил на шаг.

К доскам обшивки кто-то прибил красную рыбу. Судя по запаху, она висела уже несколько дней. Под рыбой был примитивный рисунок красной, черной и белой краской: мужчина и женщина из палочек и кружочков. Дафна уставилась на рисунок.

— Это, надо полагать, я, — сказала она, — а это ты в шляпе бедного капитана Робертса.

— Да. — Мау вздохнул.

— Шляпа вышла хорошо, — дипломатично сказала Дафна. — Где они взяли белый цвет?

— Нашли палочку белой краски в сундуке с инструментами, — мрачно ответил Мау.

— А, это называется мел, — сказала Дафна. — Надо полагать, эти круглые штуки рядом — бочонки?

— Да. Теперь это место богов. Я слышал, что люди говорят. Кое-кто думает, что боги послали «Джуди», чтобы помочь нам! Ты можешь в это поверить? Интересно, кто тогда послал волну? Эти люди чему угодно поверят! Сегодня утром я слышал, как один из новоприбывших говорил о «пещере, созданной богами»! Это *мы* ее построили! И богов тоже сделали люди. Богов из холодного камня, чтобы спрятаться

от тьмы в удобную раковину лжи. Но когда придут охотники за черепами, на пляже будут стоять пять пушек, сделанных людьми! И когда они заговорят, они уж не солгут!

— Вы взорветесь! Эти пушки швыряли как попало и таскали по камням, да они и с самого начала были старые и ржавые! Кокчик сказал, что, если из них выстрелить больше чем половиной заряда, они превратятся в жестяной банан. Они взорвутся!

— Мы не побегим. Мы не можем бежать. Значит, мы должны сражаться. А если сразимся, должны победить. Но, по крайней мере, мы знаем, *как* будут сражаться они.

— Откуда вы можете это знать?

— Оттуда, что когда охотники за черепами являются на остров, они высаживаются на пляж и вызывают нашего вождя на поединок.

— Тебя? Но ты же не можешь...

— У меня есть запасные планы. Пожалуйста, доверься мне.

— Ты будешь стрелять из пушки?

— Возможно. Они поклоняются Локахе. Они думают, что он им помогает. Они собирают для него черепа. Они едят человеческое мясо в его честь. Они верят: чем больше людей убьют, тем больше рабов у них будет в стране Лоахи, когда он заберет их к себе. Смерть их не пугает. Но Лоаха *ни с кем* не вступает в сделки.

Они уже вернулись на пляж. В отдалении двое мужчин очень медленно тащили пушку вверх по тропе.

— Думаю, у нас не так много времени, — сказал Мау. — Человек с большим разбитым носом скажет Коксу, что у нас на острове одни больные и дети и никаких брючников. Кроме тебя.

— Ему все равно, кого убивать. Он застрелил бабочку, помнишь? — спросила Дафна.

Мау покачал головой.

— Как он может просыпаться каждое утро и решать быть собой?

— Думаю, тот, кто сможет его понять, тоже превратится в него. Он так влияет на людей. Делает их похожими на себя. Так произошло с Фокслипом. Кокс добивается того, что единственный способ его убить — стать еще хуже его. Это едва не сработало с бедным капитаном Робертсом. Смотри, Мау, чтобы это не случилось и с тобой!

Мау вздохнул.

— Пойдем-ка обратно, пока нам не начали поклоняться.

Они пошли вслед за пушкой. Дафна приотстала. Даже в брюках, которые были ему слишком велики, Мау двигался как профессиональный танцор. Бабушка несколько раз брала Дафну с собой на балет, стараясь, чтобы та получила положенное настоящей леди воспитание и ни в коем случае не вышла замуж за безбожника-ученого. Дафна скучала до одурения; артисты танцевали совсем не так грациозно, как она ожидала. Но Мау ходил так, словно каждая часть его тела знала, где она сейчас и где она должна оказаться, и с какой именно скоростью ей надо туда попасть. Люди заплатили бы большие деньги, только чтобы

посмотреть, как движутся мускулы у него на спине. Как сейчас. Когда солнце засияло на плечах Мау, Дафна гораздо лучше поняла некоторые разговоры горничных, подслушанные ею когда-то. Кхм.

Утром они выстрелили из пушки. Это мероприятие состояло в следующем: сначала его участники поджигали очень длинный фитиль, а потом очень быстро убегали в противоположном направлении. Грохот был впечатляющий, и большинство зрителей успели подняться на ноги вовремя, чтобы увидеть брызги от ядра, упавшего в воду у противоположного края лагуны.

Но Дафна не разделяла всеобщего ликования. Конечно, и Кокчик говорил, что вся оснастка «Джуди» слишком старая и годится только на свалку, но Дафна заглянула в стволы пушек, и это действительно было душераздирающее зрелище. В четырех пушках были трещины, а внутренность пятой была бугриста, как поверхность Луны. Человеку, выросшему в уверенности, что при выстреле из пушки ядро должно вылетать из жерла, хватило бы одного взгляда на такое орудие, чтобы отказаться из него стрелять. Дафна пыталась объяснить это Мау, но он не стал слушать, и на лице его появилось уже знакомое ей выражение: «Я знаю, что делаю. Не мешай. Все будет хорошо». А пока что Мило и Пилу у огня загадочно молотили по пустым жестянкам с камбуза «Джуди», расплющивая их в лепешку, и отказывались объяснить зачем. Некоторые мужчины и мальчики постарше учились стрелять из пушки. Поскольку пороха было мало и по-настоящему стрелять они не могли, они огра-

ничивались тем, что засовывали в ствол деревянную гильзу и кричали: «Бабах!». Дафна съязвила: она надеется, что предполагаемый противник тренируется кричать «А-а-а-а!».

Ничего не происходило, и это продолжалось довольно долго. Они доделали ограду от свиней, и, значит, теперь можно было закончить посадки. Они начали строить новую хижину, но гораздо выше по склону горы. Сажали деревья. Одному из мужчин кабан вспорол ногу — это произошло на первой кабаньей охоте со времен волны, — и Дафна зашила ногу, промыв рану «матерью пива». Мау нес еженочную вахту на пляже, и Безымянная Женщина часто составляла ему компанию, но, по крайней мере, она стала доверять людям настолько, что оставляла с ними своего мальчика. И это было хорошо, потому что у нее внезапно появился большой интерес к бумажной лиане. Она срезала длинные листья по всему острову, а потом бесконечно плела из них веревку за веревкой. Поэтому теперь Безымянную Женщину называли Женщиной — Бумажной Лианой, потому что так уж работают мысли у людей.

Однажды она с серьезным видом вручила своего ребенка Дафне, и Кале что-то сказала — Дафна не разобрала слов, но все женщины вокруг расхохотались, так что почти наверняка это было что-то вроде: «Пора тебе уже и своим обзавестись!»

Люди расслабились.

И тут явились охотники за черепами — утром, когда едва начало светать.

Они явились с барабанами и факелами.

Мау помчался вверх по пляжу, к хижинам, крича: «Охотники за черепами! Охотники за черепами!»

Люди проснулись и побежали, точнее, забегали, натываясь друг на друга, а снаружи по-прежнему слышались звяканье и барабанный бой. Собаки лаяли и путались у людей под ногами. Мужчины по одному и по два поспешили к пушкам на холме, но было уже слишком поздно.

— Вы все покойники, — сказал Мау.

Туман над лагуной начал рассеиваться. Мило и Пилу перестали барабанить и грохотать и погребли обратно к берегу. Люди глупо и обиженно озирались. Тем не менее на склоне горы один человек во весь голос закричал: «Бабах!», явно очень довольный собой.

Чуть позже Мау спросил у Дафны о несчастных случаях.

— Ну, один человек уронил копье себе на ногу, — сказала она. — Одна женщина растянула лодыжку, споткнувшись о собственную собаку. А у мужчины, который был наверху у пушки, рука застряла в стволе.

— Как это он умудрился? — спросил Мау.

— Видишь ли, он засовывал в пушку ядро, а оно выкатилось обратно и прищемило ему пальцы, — объяснила Дафна. — Может, ты бы написал письмо людоедам, чтобы они не приплывали. Я знаю, что ты не умеешь писать, зато они, наверное, не умеют читать.

— Я должен получше организовать людей, — вздохнул Мау.

— Нет! — возразила Дафна. — Скажи им, чтобы *сами себя* организовали. Пусть выставляют часовых. Пусть кто-нибудь всегда дежурит у пушек. Скажи

женщинам, чтобы заранее разобрались, куда им бежать. Да, и пообещай, что самый быстрый пушечный расчет получит лишнюю порцию пива. Заставь их *думать*. Скажи им, что надо сделать, и пускай сами соображают как. А теперь извини, у меня пиво не готово!

Дафна вернулась в хижину и, обоняя знакомые, уютные домашние запахи котла, пива и миссис Бурбур, задумалась о Кокчике. Пережил ли он волну? Если кто ее и должен был пережить, это, конечно же, он.

Дафна много времени проводила на камбузе «Милой Джуди», потому что это была кухня, а на кухнях она чувствовала себя как дома. Еще там было безопасно. Даже в самый разгар мятежа с Кокчиком все дружили, и врагов у него не было. Любой моряк, даже безумец вроде Кокса, знал, что с коком нужно дружить: у кока всегда найдется масса возможностей незаметно сквитаться с обидчиком, а тот обнаружит свою оплошность, лишь когда придется среди ночи перегибаться через борт в попытках выbleвать собственный желудок.

И, кроме всего прочего, Кокчик был интересным собеседником. Он, кажется, ходил во все моря на всевозможных кораблях; еще он постоянно совершенствовал собственный гроб, взятый с собою в плавание. Гроб стал частью обстановки камбуза, и на него обычно складывались кастрюли. Кокчик очень удивился, когда Дафна сочла это некоторой странностью.

Возможно, из-за самой важной подробности, связанной с гробом: дело в том, что гроб нужен был Кокчику не для смерти. А для жизни, потому что гроб

был плавучий. Кокчик даже приделал к нему киль. Он с огромным удовольствием демонстрировал Дафне, как хорошо обустроена внутренность гроба. В гробу был саван на случай, если Кокчик действительно умрет, но до того злосчастного дня саван можно было использовать как парус; для этой цели в гробу имелась небольшая складная мачта. Внутри гроба была мягкая обивка с многочисленными карманами, содержащими в себе корабельные галеты, сухофрукты, крючки и лески, компас, карты и замечательное устройство для опреснения морской воды. Это был крохотный плавучий мир.

— Мне подкинул эту идею один гарпунер. Я встретил его, когда работал на китобойных судах, — объяснил ей однажды Кокчик, пришивая очередной карман к внутренней обивке гроба. — Вот он был странный, это точно. У него было больше татуировок, чем можно увидеть на Эдинбургском фестивале, а зубы подпиленные и острые, как кинжалы. Каждый раз, нанимаясь на судно, он притаскивал с собой этот гроб — чтоб, значит, если умрет, его похоронили по-христиански, а не просто сбросили за борт, зашитым в холстину, вместе с пушечным ядром. Я подумал, что и мне такое не помешает, — основная идея хороша, но нуждается в доработке. Как бы то ни было, с того судна я скоро списался на берег, мы еще мыс не обогнули — у меня завелись черви в кишках, и меня высадили в Вальпараисо. Но нет худа без добра, потому как, я уверен, тот рейс добром не кончился. Я в свое время повидал чокнутых капитанов, но этот был сумасшедший, как я не знаю что. И поверь мне: если капитан чокнутый,

то и корабль у него чокнутый. Я часто гадаю, что с ними со всеми случилось.

Дафна закончила возиться с «матерью пива» и пошла вниз по склону, чтобы посмотреть на небольшой, нависающий над пляжем утес из крошащегося камня. Там сидел Мау, и все артиллеристы тоже, а с ними почему-то Женщина — Бумажная Лиана.

«От этой пушки никакого толку, — подумала Дафна. — Он не может этого не понимать. Так что же он затеял?»

Донесся крик: «Бабах!», и Дафна вздохнула.

Двое Джентльменов Последней Надежды выбежали на палубу и присоединились к капитану, стоящему у борта.

— Что за срочность? — спросил мистер Блэк. — Мы ведь, кажется, еще довольно далеко от островов Четвертого Воскресенья Великого Поста?

— Впередсмотрящий заметил, что кто-то стрелял на необитаемом острове, — сказал капитан, глядя в подозрную трубу. — Должно быть, какой-нибудь бедняга потерпел кораблекрушение. Вон там остров. На картах его нет. Технически, мистер Блэк, для смены курса мне нужно ваше разрешение.

— Разумеется, капитан, вы должны, э-э-э, вы должны изменить курс, — сказал мистер Блэк. — Собственно говоря, я вижу, что вы это уже сделали.

— Совершенно верно, сэр, — осторожно сказал капитан. — На море свои законы.

— Отлично, капитан. Мне следует прислушиваться к вашим советам.

Воцарилось молчание, вызванное тем, что *никто не заговорил о дочери короля*.

— Я уверен, что Робертс привел корабль в порт, — сказал капитан, снова старательно разглядывая необитаемый остров.

— Очень любезно с вашей стороны так говорить.

— А пока что, — бодро продолжал капитан, — я, похоже, вижу перед собой потерпевшего кораблекрушение моряка, которому очень повезло. Похоже, кто-то раньше нас открыл этот остров. Я вижу костер и человека, который удит рыбу с...

Капитан запнулся и стал подкручивать подозрную трубу.

— Да, я вынужден признать, что он, по-видимому, сидит в гробу...

На следующий день тревоги не было, а через день ее устроили опять, и Мау сказал, что все прошло хорошо. Каждое утро у людей все лучше получалось вопить: «Бабах!» И каждый день Дафна гадала, что же такое на самом деле задумал Мау.

Глава 13

ПЕРЕМИРИЕ

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ ЯВИЛИСЬ ПРЯМО ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

Они пришли с барабанами и факелами. Факелы горели в тумане, словно красные солнца.

Уши Мау слышали их шум. Пламя факелов отразилось у него в глазах. Потом он очнулся от чего-то, что было не совсем сном, и почувствовал, как вершится будущее.

«Как это у меня получается?» — задумался он. В самый первый день, когда он стоял на часах, охраняя Народ, у него уже было это воспоминание. Оно летело к нему из будущего. Он часто пользовался фокусом с серебряной нитью — воображал будущее у себя в голове, а потом подтягивался к нему, держась за серебряную нить. Но на этот раз

будущее дергало его, тянуло к себе, в это место и в это время.

— Явились, — шепнул кто-то рядом. Он увидел Безымянную Женщину. Обычно ее лицо было лишено всяких эмоций, но сейчас смертельно испугало Мау. Оно выражало неприкрытую, жгучую ненависть.

— Звони в колокол, — скомандовал он, и она помчалась вверх по пляжу.

Мау пошел обратно, вглядываясь в туман. Этого он не ожидал. Он этого не видел!

Звон колокола «Милой Джуди» раскатился по лагуне. Мау помчался по тропе и с облегчением увидел в сырых туманах едва различимые силуэты спешащих людей. Где же солнце? Ему уже давно пора взойти!

— Ва-а-ак! Старый ханжа и врун!

И тут взорвался рассветный хор. Все птицы, лягушки, жабы и насекомые заорали что было мочи. Золотой свет накатился на остров с востока, проплавляя рваные дыры в тумане. Пейзаж был прекрасен, если не считать черно-красных военных каноэ. Многие из них были настолько велики, что не пролезли в лагуну. Они причалили к острову Малый Народ, и люди толпами выскакивали из каноэ на песок.

«И никаких голосов в голове, — подумал Мау. — Никаких покойников. Я один. Нельзя ошибиться...»

К нему подбежал Пилу с тяжелым свертком, замотанным в листья бумажной лианы.

— Мы держали его сухим. Все будет хорошо.

Мау взглянул наверх, на склон горы. У каждой пушки стоял человек с длинным запалом. Все они

с беспокойством смотрели на него. *Все* смотрели на него.

Он снова посмотрел вниз, на пляж, и увидел Кокса, который возвышался среди охотников за черепами.

Мау ожидал увидеть кого-то вроде Фокслипа — тощего, болезненного на вид. Но этот человек был на добрый фут выше и почти таких же габаритов, как Мило. На голове у него была брючниковская шляпа с торчащими из нее перьями. Перья красные — цвет вождя. Значит, он сделал именно то, что предсказывала девочка-призрак: захватил власть. Таков был закон у охотников за черепами: вождем становился самый сильный мужчина. В этом был определенный смысл. Во всяком случае, для сильных мужчин.

Однако охотники за черепами не нападали. Они держались возле лодок; только один из них шагал вверх по пляжу, подняв копье над головой.

В каком-то смысле, в каком-то странном смысле, это было облегчение. Мау не любил держать в голове сразу два плана.

— Он с виду очень молодой, — сказала рядом девочка-призрак.

Мау стремительно обернулся. Она действительно здесь и кажется совсем маленькой рядом с Мило. Мило держал дубинку размером со среднее дерево; точнее, это и *был* обтесанный ствол средних размеров дерева.

— Ты должна была спрятаться в лесу с остальными! — сказал он.

— Да? Может быть. Но я пойду с тобой.

Мау посмотрел на Мило, но поддержки не получил. Со дня рождения Путеводной Звезды девочка-призрак в глазах Мило была безупречна и могла делать все, что считает нужным.

— Кроме того, — добавила она, — если они победят, нас всех ждет один конец. Почему они не атакуют?

— Потому что хотят говорить. — Мау показал на приближающегося человека. Тот был очень молод и изо всех сил старался не показывать, что ему страшно.

— Почему?

Юноша воткнул копье в песок и обратился в бегство.

— Может быть, потому, что они видели пушку. Я на это надеялся. Посмотри на них. Они недовольны.

— Им можно доверять?

— Насчет перемирия? Да.

— В самом деле?

— Да. Существуют правила. Пилу и Мило будут говорить. Я — всего лишь мальчишка, у меня нет татуировок. Со мной охотники за черепами разговаривать не станут.

— Но ты же вождь!

Он улыбнулся.

— Да, только им не говори.

«Интересно, а в битве при Ватерлоо все было так же?» — задумалась Дафна, пока они шли по пляжу к ожидающей их кучке людей. Это... странно. Это очень... цивилизованно, словно битва — что-то такое, что начинается по свистку. Существуют правила —

даже здесь. А вот и Кокс. Боже милостивый, даже воздух после него хочется помыть.

Первый помощник Кокс подошел к ним. Он ухмылялся, словно встретил давно потерянного друга, который должен ему деньги. Кокс никогда не хмурился. У него, как у крокодилов и акул, всегда находилась улыбка для людей, особенно беспомощных, отданных на его милость или, во всяком случае, туда, где находилась бы его милость, будь у него хоть капля таковой.

— О, кого я вижу, — сказал он. — Здравствуй-те, барышня. Значит, «Джуди» добралась аж сюда? А где же старина Робертс и его праведная команда? На молитве?

— Они здесь и вооружены, мистер Кокс, — ответила Дафна.

— В самом деле? — бодро спросил Кокс. — Ну тогда я — царица Савская.

Он указал на склон над пляжем, где явственно виднелись пушки.

— Эти пушки с «Джуди», верно?

— Я вам ничего не скажу, мистер Кокс.

— Значит, да. Металлолом, насколько я помню. Скрыга Робертс пожмотился на новые, я-то знаю. Выстрели хоть раз, они и лопнут, как колбаса! Хотя моих смельчаков-верноподданных они почему-то напугали. Да, кстати говоря, я ведь ихний вождь. Видишь мою новую шляпу? Модная, а? Я — король каннибалов! — Он подался вперед. — Теперь, раз я король, будь со мной почтительна. Обращайся ко мне «ваше величество»!

— Как же вы стали королем, мистер Кокс? — спросила Дафна. — Я уверена, что без убийств тут не обошлось.

— Только одного пришлось убить, не переживай. Мы как раз получили замечательную новую шляпку от одних очень любезных голландцев. И только выбросили их за борт, эти черножопые друзья подвалили, быстро так, ну и завязалась дискуссия. Я пристрелил одного — он как раз собирался расплющить меня своей кувалдой, здоровый такой черт, сплошная боевая раскраска да перья... А я как раз забрал пистолет у капитана-голландца, отличная машинка, я и подумал, что сырная голова обойдется, и забрал у него пушку, прежде чем выбросить его акулам... в общем, я проделал господину дикарю дополнительное отверстие для вентиляции, у этого пистолета замечательно плавный ход и никакой отдачи — все гладко, как поцелуй. И вдруг, фокус-покус — и я оказываюсь ихним королем. И все поплыли к ним на остров, на пиршество по случаю коронации. Не смотри на меня так, я ел рыбу.

Он огляделся.

— Боже милостивый, где мои манеры? Позвольте представить вам моих ребят с острова, который они называют Землей Тысячи Огней! Надеюсь, вы о них слыхали? Таких закоренелых негодяев и в дюжине часовен не найдешь!

Он театрально махнул рукой в сторону группы людей — видимо, вождей рангом поменьше, — собравшихся вокруг Пилу и Мило, и продолжал:

— Они слегка воняют, что да, то да, но это все из-за ихней диеты. Мало растительной пищи. Я им

говору: да ешьте вы их прямо в одеже, пуговицы вам на пользу пойдут! Что поделать, не слушают. Почти такие же негодяи, как я, а я на такие похвалы нескор. Парни, что вон там стоят, — ихнее дворянство, хотите верьте, хотите нет.

Дафна взглянула на представителей указанного дворянства и, к своему ужасу, узнала их. Она знала этих людей. Она жила среди них бóльшую часть своей жизни. Конечно, ее знакомые не были каннибалами в прямом смысле (хотя насчет десятого графа Кростерского ходили всякие слухи, но за званым обедом, как Дафна подслушала с помощью все того же кухонного лифта, общественное мнение сошлось на том, что он просто был очень голоден и чрезвычайно близорук).

Эти старики украшали себя костями в носу и раковинами в ушах, но все равно в них было что-то знакомое. У них был цветущий, важный вид людей, которые стараются не оказаться на самом верху. Семья Дафны часто принимала у себя очень похожих людей из правительства. За многие годы они узнали, что на самом верху неуютно и небезопасно. На одну ступеньку ниже — вот место для разумного человека. Можно быть советником короля, обладать значительным влиянием, но не напоказ, и тогда тебя будут убивать гораздо реже. А если правителю втемяшивалось в голову что-то странное и он явно зарывался... можно было принять меры.

Стоявший ближе всех к Дафне «государственный деятель» нервно улыбнулся ей, хотя потом она поняла, что он, возможно, был просто голоден. В общем,

если убрать длинные волосы, уложенные в затейливую прическу с пером наверху, и добавить очки в серебряной оправе, он был как две капли воды похож на премьер-министра ее родной страны или, по крайней мере, на премьер-министра, который провел год под ярким солнцем. Под боевой раскраской на его лице Дафна заметила морщинки.

«Вождь людоедов, — подумала она. — Неприятный чин». Но на поясе у него болтался отполированный череп, на шее — ожерелье из белых ракушек и фаланг человеческих пальцев, и, насколько знала Дафна, у премьер-министра не было большой черной дубинки, усаженной зубами акулы.

— Удивительное сходство, не правда ли? — спросил Кокс, будто прочитав ее мысли. — А на острове остался еще один — в сумерках сойдет за архиепископа Кентерберийского. Подумать только, как много меняют стрижка и костюм с Сэвил-роу!

Он подмигнул — чудовищно, как всегда, — и Дафна, которая поклялась себе не вступать с ним в дискуссии, услышала собственный голос:

— Архиепископ Кентерберийский не людоед!

— Он бы с этим не согласился, мисс. Хлеб и вино, милая барышня, хлеб и вино.

Дафна вздрогнула. У Кокса был необыкновенный дар — заглядывать к человеку в голову и оставлять за собой изгаженное пространство. Ей хотелось извиниться перед пляжем за то, что Кокс осквернил песок своими ступнями. Но она пригляделась к лицам морщинистых стариков, и сердце ее подпрыгнуло. Они сверлили Кокса взглядами. Они его ненавидели! Он

привел их сюда, и они оказались под жерлами пушек! Их могут убить, а ведь они всю жизнь положили на то, чтобы их не убили. Ну да, он убил их предыдущего вождя, но только потому, что у него оказалась волшебная стреляющая палка. От него разило безумием. Традиции — это прекрасно, но иногда приходится вспоминать о здравом смысле...

— А вы, мистер Кокс, выучили язык своих новых подданных? — невинно спросила Дафна.

Кокса этот вопрос ужасно удивил.

— Что, я? Да разрази меня гром, если я стану учить ихнюю тарабарщину! Уга-вуга, буга-муга! Это не для меня. Если уж тебе так интересно, я учу их английскому. Я их, материнных детей, цивилизую, даже если придется перестрелять всех до одного. Кстати, насчет уга-вуга, о чем это они там разболтались?

Дафна прислушалась краем уха. Переговоры между воюющими сторонами проходили как-то странно. Вражеские воины слушали Пилу, но, когда он отвечал, поглядывали на Мило, словно Пилу сам по себе ничего не представлял.

Мау был вообще не у дел. Он стоял за спиной у братьев, опершись на копье, и слушал. Дафна подошла, ожидая, что придется расталкивать толпу, и обнаружила, что не пришлось: вражеские вожди стремительно расступались перед ней.

— Что происходит? — шепнула она. — Они боятся пушек?

— Да. Они верят, что надо устроить поединок — один вождь против другого. Если наш вождь побьет их вождя, они уплывут.

— Им можно доверять?

— Да. У них вера такая. Если их бог к ним неблагосклонен, они не сражаются. Но Кокс хочет, чтобы они сразились все разом, и они знают, что должны ему повиноваться. Он хочет устроить побоище. Он сказал им, что пушки не сработают.

— А ты думаешь, что сработают, — сказала Дафна.

— Думаю, что одна сработает, — тихо ответил Мау.

— Одна? Одна?!

— Не кричи. Да, одна. Всего одна. Но это неважно, потому что все равно у нас пороху только на один выстрел.

Дафна потеряла дар речи. Наконец она выдавила из себя:

— Но ведь было три бочонка!

— Верно. Маленький бочонок из твоей каюты был наполовину пуст. В остальных — пороховой суп. Туда попала вода. Вышла вонючая каша.

— Но вы стреляли несколько недель назад!

— В маленьком бочонке хватило пороху на два выстрела. Первый раз мы попытались выстрелить из самой целой пушки. У нас получилось. Ты видела. Но теперь вдоль всей пушки трещина, а это была самая лучшая пушка. Но не бойся, мы ее починили.

Дафна нахмурилась.

— Как можно починить пушку? Никак нельзя! Во всяком случае, не здесь!

— Брючникам, может, и нельзя, а мне можно, — гордо сказал Мау. — Вспомни, ты ведь и свинью подоить тоже не умела!

— Ну хорошо, так *как* же вы починили разорванную пушку?

— Нашим традиционным способом, — просиял Мау. — Связали веревкой!

— Вере...

— Ва-а-ак! Кокс — чертово отродье!

Даже Дафна, уже открыв рот, чтобы возразить, повернулась на крик...

Но Кокс опередил всех. Его рука двигалась быстрее попугая, летящего вдоль пляжа. Кокс одним движением взвел курок, прицелился и выстрелил трижды. Попугай вскрикнул и свалился в заросли бумажной лианы над пляжем. В воздухе повисло несколько перышек.

Кокс поглядел на зрителей, раскланялся и помахал рукой, как музыкант, только что сыгравший очень сложный фортепианный концерт. Но охотники за черепами глянули на него так, словно он маленький мальчик, который обмочился и похвастается этим.

Дафна все еще пыталась осознать слова Мау про веревку, но поверх этого всплыла мысль: «Три выстрела подряд! У голландского капитана был не пистолет, а револьвер!»

— Думаю, пора. Пилу, наверное, уже достаточно заморочил им головы. Переводи, пожалуйста, мои слова на язык брючников.

Она не успела и возразить, как он зашагал по пляжу. Собравшиеся в кучку не успели опомниться, как он уже растолкал их и стал посреди круга, лицом к охотникам за черепами.

— Кто сказал, что наши пушки не стреляют? — громогласно прокричал он. — Хватит споров! *Огонь!*

Наверху, на утесе, Безымянная Женщина, или Женщина — Бумажная Лиана, которая до этого сидела, послушно скрючившись над зеленой пушкой, поднесла шнур к запалу и, как было велено, очень быстро отбежала в сторону. Она постояла за деревом, пока не затих грохот, а потом еще быстрее прибежала обратно. Она не обращала внимания на пушку, окутанную облаком пара, и смотрела на лагуну.

Ядро упало посреди лагуны, и три лодки перевернулись. В воде бултыхались люди. Она улыбнулась и оглянулась на пушку. Без единого слова Безымянная Женщина упросила остальных, чтобы ей разрешили выстрелить. Разве не она собирала бумажные лианы? Разве не она плела из них веревки с рассвета до заката, вплетая в них неистощимую ненависть из собственного сердца? Разве Мау не видел, как она помогала Пилу заделывать трещины в стволе металлическими пластинами? Разве он не видел, как бережно она обматывала веревками пушку, слой за слоем, и каждый слой был прочен, как ее жажда мести?

Он видел. И веревки выдержали. Узкие полоски бумажной лианы удержали красный гром внутри пушки.

Она вернулась к дереву, взяла своего ребенка из колыбельки, сплетенной из бумажной лианы, поцеловала его и зарыдала.

— Мы снова будем стрелять, — закричал Пилу, пользуясь всеобщим замешательством. — Мы уничтожим ваши большие каноэ. Мы бросили вам вызов! Вы должны принять его! Или хотите плыть домой?

Охотники за черепами сгрудились вокруг Кокса, который ругал их последними словами.

— Что вам терять, мистер Кокс? — прокричала Дафна, перекрывая шум. — Неужели вы сомневаетесь в своей победе?

А потом прошипела на островном языке:

— Мы потопим все ваши каноэ! Наши пушки хорошо охраняются! — Мау что-то шепнул ей, и она добавила: — Мистер Кокс, если вы возьмете в руки оружие в кругу Каханы, они убьют вас. Это против всяких правил!

Раздался гулкий стук. Это Мило колотил себя кулаками в грудь.

— Кто со мной сразится? — закричал он. — Кто со мной сразится?

— Ладно! Я буду сражаться! — рявкнул Кокс. Он оттолкнул нескольких прилипал и отряхнул пыль с рубахи.

— Видишь, как тяжело быть королем в здешних местах? — пожаловался он Дафне. — Небось «медвежьи шкуры»¹ так не ополчаются на своего короля! Это форменный мятеж!

Он злобно поглядел на Мило.

— Я буду сражаться с этим, здоровенным, — сказал он. — В такого легче попасть.

— У тебя ведь был план? — прошипела Дафна, обращаясь к Мау. — Ты ведь не дашь ему застрелить Мило насмерть?

— Да, у меня есть план. Нет, он не застрелит Мило. Мы хотели сказать, что Мило — вождь, только если на поединок выйдет кто-то из охотников за черепами, потому что Мило победил бы. Но я не могу

¹ Личная охрана британского монарха.

позволить, чтобы Кокс его застрелил. Он слишком большой, в него легко по...

Дафна стала наконец понимать, и у нее окаменело лицо.

— Это будешь ты, да? Ты собираешься с ним сразиться?

Ее оттеснили — это Мило уронил огромную руку на плечо мальчика, отчего Мау поневоле слегка скособочился.

— Слушайте меня! — закричал он охотникам за черепами. — Я не вождь! *Мау* — вождь! Он побывал в стране Локахи и вернулся оттуда. Он отпустил на волю мертвецов. Боги спрятались от него в пещере, но он их нашел, и они раскрыли ему тайну мира! И еще у него нет души.

«Японский бог!» — подумала Дафна. Однажды, когда ей было восемь лет, один лакей выругался при ней этими словами, и его за это уволили. До плавания на «Милой Джуди» она считала, что это самое плохое ругательство на свете. Ей и до сих пор так казалось.

Японский бог! Обычно Мило столько не говорит и за целый день! Эти слова словно исходили из уст его брата — они были правдой, замаскированной под ложь, и почему-то отдавались эхом в голове. Кажется, у вражеских воинов они тоже отдавались эхом в голове. Воины изумленно уставились на Мау.

Тяжелая рука опустилась и на плечо Дафны.

— Эй, барышня! Мне придется стрелять в этого сопляка, верно? — спросил Кокс.

Она резко повернулась и сбросила его руку. Но он крепко ухватил ее запястье.

— Я бы могла застрелить *вас*, Кокс, что бы вы там ни говорили!

Он засмеялся.

— Никак нашей барышне понравилось убивать? — спросил он, приблизив свое лицо вплотную к ее лицу. — Только имей в виду, я всегда думал, что отравление не считается. Интересно, он позеленел? А в горле у него булькало? Но ты молодец, вышибла Поулгрейву, мартышке чертовой, два передних зуба... Надеюсь, он не пытался тебя лапать? Если пытался, я его застрелю. Впрочем, я его и так вчера застрелил, говнюка такого, извините, что я по-французски...

Дафне удалось выдернуть руку.

— Не смейте меня трогать! И не смейте даже *намекать*, что я похожа на вас! Не смейте...

— Хватит.

Мау не кричал. Громче его слов кричало копьё. Оно было направлено в сердце Коксу.

Несколько секунд никто не двигался, а потом Кокс очень медленно, рассчитывая каждое слово, произнес:

— Никак это твой миленький? Ах, ах, что скажет наш папочка? Боже, боже! Да ты его еще и разговаривать научила!

Людоедский двойник премьер-министра встал между ними, воздев руки, а остальные вдруг начали грозить копьями и дубинками.

— Еще нет драться! — сказал премьер-министр Коксу на ломаном английском и обратился к Дафне.

— У мальчика нет души? — спросил он на островном языке.

— Волна забрала его душу, но он сделал себе новую, — ответила она.

— Неправда. Никто не может сделать себе душу! «Все равно он обеспокоен», — подумала Дафна.

— А он сделал! Он сделал ее снаружи себя. Ты на ней стоишь, — сказала она. — *И не пытайся отскочить в сторону.* Его душа обнимает весь остров, каждый листок, каждый камень!

— Девочка-призрак, говорят, что ты обладаешь силой. — Мужчина отступил на шаг. — Это правда? Скажи, какого цвета птицы в стране Лоахи?

— Там нет цветов. И птиц нет. Рыбы там серебряные и быстрые, как мысль.

Слова будто ждали наготове у нее в голове. «Боже милостивый, — подумала она, — я знаю ответ!»

— Сколько времени можно находиться в стране Лоахи?

— Пока падает капля воды, — ответили губы Дафны, не успел он и договорить.

— А человек, который сам создает себе душу... Он был в стране Лоахи?

— Да, но сумел обогнать его.

Темные пронзительные глаза некоторое время разглядывали Дафну. Ей показалось, что она выдержала какой-то экзамен.

— Ты очень умна, — застенчиво сказал старик. — Я хотел бы когда-нибудь съесть твои мозги.

Книги по этикету, которыми пичкала Дафну бабушка, почему-то не описывали подобных ситуаций. Конечно, не очень умные люди говорят младенцам: «Ух, какой ты сладкий! Так бы и съел!» Но когда по-

добные вещи произносит человек, покрытый боевой раскраской и владеющий более чем одним черепом, они кажутся менее забавными. Дафна, чьим проклятием были хорошие манеры, ограничилась словами:

— Спасибо, вы очень добры.

Он кивнул и пошел обратно к соплеменникам, столпившимся вокруг Кокса.

К Дафне, улыбаясь, подошел Мау.

— Ты понравилась их жрецу, — сказал он.

— Не я, а мои мозги! И даже если он их съест, я все равно буду умнее тебя! Ты что, не видишь, что у Кокса в руке? Это револьвер-«перечница»! У одного папиного знакомого есть такой. Шестиствольный. Значит, он может выстрелить шесть раз без перезарядки! И вдобавок к этому у него еще и обычный пистолет!

— Я буду двигаться быстро.

— Пули ты все равно не обгонишь!

— Я буду от них уворачиваться, — сказал Мау с возмутительным спокойствием.

— Ты что, не понимаешь? У него револьвер и пистолет, а у тебя одно копьё. Твое копьё кончится раньше, чем его пистолеты!

— Зато у его пистолетов кончится «Бабах» раньше, чем у моего копьё кончится острота, — ответил Мау.

— Мау, я не хочу, чтобы ты умирал! — завопила Дафна. Слова отдались эхом от утесов, и она ужасно покраснела.

— А кто должен умереть? Мило? Пилу? Нет. Если кто-то и умрет, это должен быть я. Я уже умирал. Я знаю, как это делать. Разговор окончен!

Глава 14

ПОЕДИНОК

Гул голосов у них за спиной затих.

Тишина упала на боевые каноэ, над которыми виднелись ряды лиц; на кучку вождей на берегу; на людей, которые притаились на утесе, подсматривая. Солнце светило так ярко, что было больно глазам; оно словно высасывало цвет из пейзажа. Мир затаил дыхание.

Не будет ни отсчета, ни сигнала. Нет и правил. Но есть традиция. Поединок начнется, когда первый из сражающихся возьмет в руки оружие. Копье и нож Мау лежали перед ним на песке. В десяти футах от него Кокс после долгих споров положил на песок свои пистолеты.

Оставалось только следить за взглядом противника.

Кокс ухмыльнулся.

Разве не об этом мечтал каждый мальчишка? Стоять лицом к лицу с врагом? Все собралось здесь, под раскаленным добела солнцем: вся ложь, все страхи, все ужасы, все кошмары, принесенные волной, — все они стояли здесь в виде одного смертного человека. Здесь Мау мог их победить.

Важно было только одно: «Кто не смеет думать, что победит, тот не победит».

У Мау заболели глаза — так пристально он вглядывался. Палящий свет солнца почти ослепил его, но, по крайней мере, в голове больше не слышались голоса...

Но вот...

«Сегодня хороший день для смерти», — сказал Локаха.

Рука Мау взлетела в воздух, швырнув горсть песка в глаза Коксу. Мау не стал ждать — он схватил нож и помчался, слыша ругательства за спиной. Но где нет правил, там нет и обмана. Он подобрал свое оружие, когда положил копье на землю. Он не обязан был говорить, что выбрал в качестве оружия песок. И это было хорошее оружие.

Не останавливайся. Не оглядывайся. Беги.

Плана у него не было. У него и раньше не было плана. Была только надежда, самая малость, и еще кое-что, чему научила его девочка-призрак в их самую первую встречу: пистолеты боятся воды.

Сейчас ему надо было оказаться в лагуне, и он мчался туда, по возможности виляя и петляя на ходу. В воде он будет как дома. Кокс — большой, тяжелый, вода будет тянуть его за одежду. Да!

Прогредел выстрел, и пуля просвистела у головы Мау. Но он уже был в лагуне и нырнул, как только вода стала чуть выше колен. Придется подниматься на поверхность, чтобы вздохнуть, но ведь Кокс не рискнет полезть за ним в воду?

Доплыв до середины лагуны, где дрейфовали разбитые каноэ, Мау остановился и воспользовался их прикрытием, чтобы подышать. Потом осторожно выглянул из-за каноэ, чтобы посмотреть, где Кокс. Тот стоял прямо в полосе прибоя и уже заметил Мау.

Мау нырнул, но Кокс этого ожидал. Может быть, это правда, что он умеет заглядывать к людям в голову...

Мау обернулся. Он ничего не мог с собой поделать. Мужчины должны стать лицом к лицу с врагом хотя бы однажды...

И увидел, что к нему приближается пуля. Она ударилась о воду в нескольких футах от него, таща за собой хвост пузырей... и остановилась в нескольких дюймах от лица Мау. Он осторожно выловил пулю, когда она стала падать, а потом отпустил и проводил изумленным взглядом. Пуля упала на песчаное дно.

Как это могло случиться? Похоже, пули на самом деле не любят воду...

Мау всплыл, чтобы глотнуть воздуха, и, ныряя обратно, услышал еще один выстрел. Повернувшись, он увидел, что к нему несется поток воздушных пузырей. Пуля отскочила от руки. Отскочила! Мау едва почувствовал ее прикосновение!

Он поплыл к проему рифа, чтобы оказаться на глубине. Проем сегодня наполовину загоразивали

водоросли. Хоть какое-то прикрытие. Но что такое с пулями? Ведь от Атабы пуля вовсе не отскочила. Она сделала в нем большую дырку, и было много крови.

Придется опять подняться на поверхность: Кокс наверняка гораздо опасней, когда его не видишь.

Мау схватился за край коралла и встал поудобнее на корень дерева, застрявшего в проеме. Очень осторожно подтянулся.

И увидел, что Кокс бежит по дуге старого коралла, ведущей от берега к острову Малый Народ и новому пролому. Мау слышал, как хрустит коралл под сапогами — Кокс ускорял бег, а людоеды-наблюдатели спешно убирались с дороги.

Кокс поднял взгляд, прицелился и, не переставая топотать по кораллу, выстрелил дважды.

Пуля прошла через ухо Мау. Он свалился назад в воду, и первая мысль его была о боли. Вторая — тоже о боли, потому что ее было очень много. Вода становилась розовой. Он потрогал ухо — большая часть его отсутствовала. Третья мысль была: «Акулы». А следующая, существующая в каком-то маленьком собственном мире: «Он стрелял пять раз. Когда он расстреляет все пули, ему придется перезаряжать оружие. Но я бы на его месте дождался, пока в большом пистолете кончатся патроны, и тогда перезарядил бы его, держа маленький пистолет наготове, на случай, если черномазый вдруг выскочит из воды».

Это была странная, пугающая мысль. Она плясала в голове Мау, как белая нить на зловещем красном фоне. Мысль продолжалась: «Он умеет думать, как ты. Ты должен думать как он».

«Но если я буду думать, как он, он выиграет», — подумал в ответ Мау.

«Почему же? — возразила новая мысль. — Думать, как он — не значит быть, как он! Охотник приучается понимать кабанов, но сам от этого не превращается в свинину. Он приучается понимать погоду, но сам не становится облаком. И когда на охотника бросается ядовитый зверь, охотник не забывает, кто из них охотник, а кто дичь! *Нырй! Сейчас же!*»

Он нырнул. Дерево, наполовину застрявшее в проломе, было опутано массой водорослей и пальмовых ветвей — все это переплелось и скрутилось, пока волны гоняли дерево по морю. Мау нырнул под защиту дерева.

На нем уже возник собственный маленький мир. Многие ветки были сорваны, но дерево опутали хвосты водорослей, маленькие рыбки вплывали в эти темно-зеленые леса и выплывали обратно. Но еще лучше то, что, втиснувшись между деревом и краем пролома, как раз можно высунуть лицо из воды под прикрытием водорослей.

Он опять нырнул. Вода вокруг порозовела. Сколько может быть крови в одном ухе? Достаточно, чтобы привлечь акул, — вот сколько.

Послышался удар, и дерево вздрогнуло.

— Ага, мальчик, я тебя поймал, — сказал Кокс. Судя по звуку, он стоял прямо над Мау. — Теперь тебе некуда деваться, а?

Дерево снова закачалось — человек разгуливал по нему взад-вперед в тяжелых сапогах.

— И я не свалюсь, не волнуйся. Для моряка это бревно — все равно что широкий проспект!

Раздался еще удар. Кокс принялся прыгать, раскачивая дерево. Оно слегка повернулось в воде, и Мау не успел спрятаться обратно в тень — мимо лица пролетела еще одна пуля.

— Ай-ай-ай. У нас царапинка, — сказал Кокс. — Отлично. Осталось только подождать, пока явятся акулы. Страсть люблю смотреть, как они кушают.

Мау, перебирая руками, двигался под водой вдоль бревна. За ним тянулся розовый след.

Уже было шесть выстрелов. Мау поднял голову под прикрытием большого клубка водорослей и услышал щелчок.

— Знаешь, я сильно разочаровался в этих людоедах, — сказал Кокс прямо над головой. — Сплошные разговоры, сплошные правила, сплошное мумбо-юмбо. Дикое количество мумбо-юмбо, ха-ха. Они какие-то вегетарианцы. Должно быть, миссионеров переели.

Снова раздался щелчок. Кокс перезаряжал пистолет. Для этого нужны две руки, верно?

Щелк...

Мау протянул руку к поясу и не нашел ножа. Щелк...

Поэтому он поплыл вдоль нижней части ствола, лицом вверх, так что его нос был всего в футах от коры, по которой ползали мелкие крабы.

Так все и кончится. Лучше всего подняться наверх и дать себя застрелить. Несомненно, лучше, чем акулья пасть. И тогда все, кто когда-то знал про Народ, умрут...

«Мау, ты что, совсем дурак?» Это был новый голос, и он сказал: «Мау, я — это ты. Просто ты. Ты не умрешь. Ты победишь, если будешь внимателен!»

Щелк...

Бледно-зеленые водоросли перед глазами расступились, и мелькнуло что-то черное. Время словно остановилось — Мау раздвинул водоросли и увидел его. Он плотно сидел в стволе, покрытом зарубками, напоминающими, что мужчины помогают другим мужчинам.

Как Мау гордился собой в тот день. Он вогнал топор *алаки* в дерево так глубоко, что следующему мальчику пришлось бы напрячь все силы, чтобы его вызволить. Следующим мальчиком оказался сам Мау.

Бездумно, словно наблюдая за собой со стороны, он схватился за топорище и стал поднимать ноги, пока они не уперлись в ствол снизу. Топор сидел плотно.

— Я слышу, как ты там елозишь, — сказали прямо над головой. — Сейчас начнешь елозить еще быстрее. Я уже вижу плавники. Язви твою корень, надо было запастись бутербродами.

Щелк...

Топор освободился. Мау ничего не почувствовал. Голову снова затопила серая мгла. Не думай. Делай то, что надо делать, — одно за другим, по порядку. Топор освободился. Теперь у тебя есть топор. Это факт. Другой факт — Кокс уже зарядил пистолет.

Перебирая ветви, Мау подтянулся к небольшому просвету, где мог дышать, оставаясь невидимым. Точнее, где он мог *надеяться*, что остается невидимым. Он быстро втянул голову под воду. Мимо пролетела пуля. Осталось пять пуль, и Кокс уже терял терпение. Он выстрелил опять (осталось четыре пули — это факт) и оказался прямо над Мау, стараясь уловить движение в путанице плавающих водорослей. Пуля

ринулась вниз, прямо, как копье, но сбилась с дороги. «В воде тяжело бежать, — сказал себе Мау. — Чем больше усилий прилагаешь, тем тяжелее. Это факт. Должно быть, с пулями то же самое. Это новый факт!»

— Ну что, на этот раз я попал? — спросил Кокс. — Надеюсь, что да, для твоего же блага, потому что они уже совсем близко. Нет, я только из любезности сказал, что надеюсь, потому что мне хочется посмотреть, как ты будешь извиваться. Я здесь побуду, пока акула не рыгнет после обеда, а потом вернусь на берег и мило поболтаю с твоей барышней.

В легких у Мау начало саднить. Он потряс ствол дерева и опустил поглубже. Он не слышал, что орал Кокс, но четыре пули плюхнулись в воду над головой. Несколько секунд за ними тянулись хвосты пузырей, а потом пули принялись медленно тонуть, сносимые течением.

Шесть выстрелов. Остался только маленький пистолет. Да, Коксу придется перезаряжать револьвер. А для этого нужны обе руки. Это факт.

Сейчас будут еще факты, один за другим, и все аккуратно встанут на свое место, как маленькие серые кубики.

Мау быстро всплыл, волоча топор за собой. Свободной рукой он схватился за обломанный сук, ногами уперся в другой — легкие уже пылали огнем — и вложил всю тяжесть тела, всю скорость и все оставшиеся силы в бросок.

Топор вылетел из воды по огромной дуге, рассекая застывшее время, и капли воды зависли в воздухе, отмечая его траекторию. Он закрыл солнце, выманил на

небо звезды, и по всему миру загревели грозы и случились странные закаты (во всяком случае, так потом рассказывал Пилу) — и пока время наверстывало свое с удвоенной скоростью, топор ударил Кокса в грудь, и он повалился с бревна спиной вперед. Мау видел, как, падая, Кокс поднял пистолет, потом его лицо расплылось в широкой ухмылке, углы рта обагрила кровь, и его утянуло в бурлящие воды.

Акулы явились к обеду.

Мау лежал на бревне, пока не стало тихо. Он лежал и думал; сквозь алую пелену боли в легких с трудом пробирались маленькие белые мысли: «Хороший топор был. Интересно, удастся ли его отыскать».

Он с усилием встал на колени и моргнул, не очень уверенный в том, кто он такой. А потом посмотрел вниз и увидел серую тень.

«Я пока похожу по твоим стопам», — сказал голос прямо у него над головой.

Мау с трудом поднялся на ноги. Все до единой мысли, оставшиеся в голове, казалось, тоже были покрыты синяками. Он дошел до дальнего конца бревна и перешагнул с него на дорожку, усеянную обломками коралла. Там, где он шел, серая мгла заполняла воздух, и по обе стороны его тихо вздымались и опадали огромные крылья Лоахи. Мау чувствовал себя... металлическим: твердым, острым, холодным.

Они дошли до первого из больших военных каноэ, и Мау ступил на него. Немногие воины, до сих пор не попрыгавшие в воду, в испуге рухнули на колени. Он посмотрел им в глаза.

«Они видят меня, они мне поклоняются, — сказал Локаха. — В веру трудно поверить, правда? Ибо сейчас, в этот момент, под этими звездами у тебя есть дар. Ты можешь убить их прикосновением, словом, касанием своей тени. Ты это заслужил. Какой смерти ты для них хочешь?»

— Отвезите всех своих пленников на берег и оставьте там, — сказал Мау ближайшим людям. — Передайте эту команду всем, а потом можете уходить. Если останетесь здесь, я сомкну над вами свои крыла.

«И это все?» — спросил Локаха.

Мау повернулся и зашагал по коралловому рифу. Мысли собирались из кусочков в холодной пустоте головы.

«Да, — ответил он, — это все».

«Я бы поступил по-другому», — сказал голос смерти.

«А я нет, Локаха. Я — не ты. У меня есть выбор».

Он плелся дальше в коконе из тишины и серой тени.

«У тебя выдался удачный день», — сказал Локаха.

Мау не отвечал. За спиной у него в стане охотников за черепами шла испуганная суeta. «Нам придется кормить кучу новых ртов, — думал Мау. — Столько дел... Вечно дел невпроворот...»

«Я нечасто удивляюсь, — сказал Локаха, — и ты ошибаешься. В сложившихся обстоятельствах у меня есть одна возможность...»

Песок под ногами Мау почернел, и по сторонам воцарилась тьма. Но прямо перед ним пролегла тропа из сверкающих звезд. Мау остановился и сказал:

— Нет. Это опять ловушка.

«Но это же путь в Совершенный мир! — воскликнул Локаха. — Лишь немногим довелось видеть эту тропу!»

Мау повернулся.

— Думаю, если Имо нужен совершенный мир, он нужен ему здесь, внизу, — произнес он.

Он все еще видел окружающий пляж, но смутно, словно за стеной темной воды.

«Этот? Он очень далек от совершенства!» — заметил Локаха.

— За сегодняшний день он стал чуть-чуть совершенней. А впереди еще много дней.

«Ты в самом деле хочешь обратно? — спросил Локаха. — Другого шанса я не дам. Я вообще не даю шансов. Есть только то, что бывает».

— И то, что не бывает? — спросил Мау.

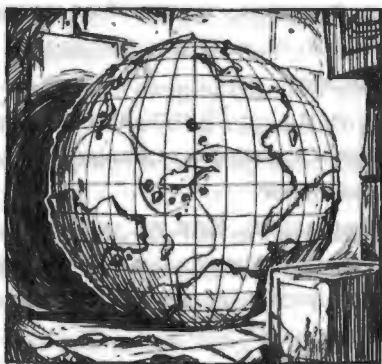
«Это? Это тоже бывает, только где-то в другом месте. Все, что может случиться, должно случиться, и у всего, что может случиться, должен быть мир, в котором это случается. Потому Имо построил столько миров, что сосчитать их не хватит чисел. Потому Его огонь и горит таким красным светом. До свидания, Мау. Я с интересом буду ждать нашей следующей встречи. Ты умеешь переворачивать миры вверх тормашками... О, и еще одно. Другие люди, которых я упомянул, — им тоже предлагали пройти сверкающей тропой. Они все сказали то же, что и ты. Они понимали, что совершенный мир — это путь, а не точка назначения. У меня только одна возможность, Мау, но я умею делать выбор».

Мау был жив. Это факт. Призрачная девочка бежала ему навстречу по песку с распростертыми объятиями, и это тоже был факт. Мау ощущал странную слабость в ногах, и этот факт с каждой секундой становился все более неопровержимым. Но когда она обняла его и они вдвоем стали смотреть, как людоедские каноэ выгружают свой скорбный груз, и не двинулись с места, пока последнее каноэ не стало точкой на горизонте... это была очевидность размером с весь Народ.

[illegible]

ONE GOOD EXAMPLE, ROBINETTE BROWN, ONE

1. *Содержание*
 2. *Введение*
 3. *Глава I. Общие сведения о...*
 4. *Глава II. Описание...*
 5. *Глава III. Результаты...*
 6. *Глава IV. Заключение...*
 7. *Список литературы*
 8. *Приложения*
 9. *Справочные материалы*
 10. *Дополнительные сведения*
 11. *Информационные ресурсы*
 12. *Контактная информация*
 13. *Сведения об авторе*
 14. *Сведения о редакции*
 15. *Сведения о публикации*
 16. *Сведения о распространении*
 17. *Сведения о стоимости*
 18. *Сведения о сроках поставки*
 19. *Сведения о гарантии*
 20. *Сведения о возврате*
 21. *Сведения о замене*
 22. *Сведения о ремонте*
 23. *Сведения о обслуживании*
 24. *Сведения о обучении*
 25. *Сведения о сертификации*
 26. *Сведения о стандартах*
 27. *Сведения о безопасности*
 28. *Сведения об экологии*
 29. *Сведения о здоровье*
 30. *Сведения о культуре*
 31. *Сведения о спорте*
 32. *Сведения о туризме*
 33. *Сведения о транспорте*
 34. *Сведения о связи*
 35. *Сведения о энергетике*
 36. *Сведения о строительстве*
 37. *Сведения о промышленности*
 38. *Сведения о сельском хозяйстве*
 39. *Сведения о рыболовстве*
 40. *Сведения о охотничьем хозяйстве*
 41. *Сведения о лесном хозяйстве*
 42. *Сведения о водном хозяйстве*
 43. *Сведения о воздушном транспорте*
 44. *Сведения о морском транспорте*
 45. *Сведения о железнодорожном транспорте*
 46. *Сведения о автомобильном транспорте*
 47. *Сведения о городском транспорте*
 48. *Сведения о общественном транспорте*
 49. *Сведения о личном транспорте*
 50. *Сведения о средствах массовой информации*
 51. *Сведения о рекламе*
 52. *Сведения о маркетинге*
 53. *Сведения о менеджменте*
 54. *Сведения о бухгалтерском учете*
 55. *Сведения о налогообложении*
 56. *Сведения о юриспруденции*
 57. *Сведения о медицине*
 58. *Сведения о ветеринарии*
 59. *Сведения о ветеринарной медицине*
 60. *Сведения о ветеринарной фармакологии*
 61. *Сведения о ветеринарной хирургии*
 62. *Сведения о ветеринарной акушерстве*
 63. *Сведения о ветеринарной гинекологии*
 64. *Сведения о ветеринарной педиатрии*
 65. *Сведения о ветеринарной геронтологии*
 66. *Сведения о ветеринарной психологии*
 67. *Сведения о ветеринарной социологии*
 68. *Сведения о ветеринарной антропологии*
 69. *Сведения о ветеринарной этнологии*
 70. *Сведения о ветеринарной лингвистике*
 71. *Сведения о ветеринарной филологии*
 72. *Сведения о ветеринарной истории*
 73. *Сведения о ветеринарной географии*
 74. *Сведения о ветеринарной экологии*
 75. *Сведения о ветеринарной биологии*
 76. *Сведения о ветеринарной зоологии*
 77. *Сведения о ветеринарной ботанике*
 78. *Сведения о ветеринарной микробиологии*
 79. *Сведения о ветеринарной вирусологии*
 80. *Сведения о ветеринарной иммунологии*
 81. *Сведения о ветеринарной паразитологии*
 82. *Сведения о ветеринарной фармакологии*
 83. *Сведения о ветеринарной токсикологии*
 84. *Сведения о ветеринарной радиологии*
 85. *Сведения о ветеринарной рентгенологии*
 86. *Сведения о ветеринарной ультразвуковой диагностике*
 87. *Сведения о ветеринарной лабораторной диагностике*
 88. *Сведения о ветеринарной клинической диагностике*
 89. *Сведения о ветеринарной профилактике*
 90. *Сведения о ветеринарной санитарии*
 91. *Сведения о ветеринарной гигиене*
 92. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 93. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 94. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 95. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 96. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 97. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 98. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 99. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*
 100. *Сведения о ветеринарной ветеринарии*

Глава 15

МИР ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

МАУ ПРИШЕЛ В СЕБЯ.

Незнакомая женщина кормила его кашей с ложечки. Увидев, что он открыл глаза, она слегка взвизгнула, чмокнула его в лоб и выскочила из хижины.

Глядя в потолок, Мау ждал, пока вернутся воспоминания. Кое-что еще было в тумане, но дерево, топор и смерть Кокса он видел так же ясно, как геккончика, который сейчас сидел вниз головой на потолке и смотрел на Мау. В памяти все отложилось так, словно Мау наблюдал за кем-то со стороны. В событиях участвовал другой человек, и этим другим человеком был он сам.

«Интересно, — подумал он, — а что, если...»

— Не бывает!

Этот вопль пронзил голову Мау, словно молния. Клюв, из которого он исходил, располагался в шести дюймах от уха Мау.

— Покажи нам... — Попугай осекся, забормотал что-то вполголоса, потом довольно мрачно закончил: — Невыразимые.

— О, замечательно. Как ты себя чувствуешь? — спросила, входя в хижину, девочка-призрак.

Мау сел, как подброшенный пружиной.

— Ты вся в крови!

— Да, я знаю. Моя последняя хорошая блузка, — ответила Дафна. — Зато больному стало гораздо лучше. По правде сказать, я собой горжусь. Мне пришлось отпилить человеку ногу ниже колена! А рану я запечатала — плеснула на нее из ведра горячей смолы, точно как в учебнике!

— Разве это не больно? — спросил Мау. Оттого, что он сел, у него закружилась голова, и он снова лег.

— Нет, если держать ведро за ручку. — Она посмотрела на его непонимающее лицо. — Извини, это была шутка. Благослови небо миссис Бурбур: она может усыпить человека так, что он не проснется, что с ним ни делай. В общем, я думаю, он выживет, а с такой ужасной раной на это нельзя было и надеяться. А сегодня утром мне пришлось отпилить ступню. Она вся... в общем, это был кошмар. Людоеды просто ужасно обращались с пленниками.

— И теперь ты отпиливаешь от них негодные куски?

— Спасибо тебе большое. Вообще-то это называется хирургия. И это совсем нетрудно, если только

найти кого-нибудь, чтобы держал справочник открытым на нужной странице.

— Нет, нет, я не говорю, что это плохо! — торопливо поправился Мау. — Я только... просто потому, что ты этим занимаешься. Я думал, ты не выносишь вида крови.

— Потому я и стараюсь ее остановить. Раз уж могу что-то исправить. Ну-ка, давай поставим тебя на ноги.

Она обхватила его руками.

— А что за женщина меня кормила? Я ее вроде бы где-то видел.

— Она говорит, что ее настоящее имя Фи-а-эль, — ответила Дафна. Мау вцепился в стену, чтобы не упасть. — Мы ее раньше звали Безымянной Женщиной, а теперь зовем Женщиной — Бумажной Лианой.

— Что? Но ведь она совершенно по-другому выглядит...

— Ее муж оказался в одном из тех каноэ. Она сразу подбежала к нужному каноэ и вытащила оттуда мужа своими руками. Разрази меня гром, если я знаю, как она угадала. Я послала ее смотреть за тобой, потому что, ну, это ему я вынуждена была отпилить ногу.

— Ньютон лучше всех! — заорал попугай, прыгая вверх-вниз.

— А я думал, попугай погиб, — сказал Мау.

— Все думали, что попугай погиб, кроме самого попугая. Он объявился вчера. У него не хватает одного пальца на ноге и кучи перьев, но, думаю, когда у него заживет крыло, все будет в порядке. Теперь он за птицами-дедушками *бегает*. Им это страшно не

нравится. И я, э-э-э... начала его перевоспитывать, чтобы не ругался.

— Да, я так и подумал, — ответил Мау. — Что такое Нью-тан?

— Ньютон, — рассеянно поправила Дафна. — Помнишь, я рассказывала тебе про Королевское общество? Он был одним из первых его членов. Я считаю, что он величайший из всех ученых, которые когда-либо жили, но в старости он сказал, что чувствовал себя лишь маленьким мальчиком, собирающим камушки на берегу необъятного океана неизведанных истин.

Мау сделал круглые глаза. Дафна, потрясенная, поняла, что давно не видела его таким молодым.

— Он был на нашем пляже?!

— Ну, э-э-э... не на *этом* пляже, конечно, — объяснила Дафна. — Может, он и вообще не был ни на каком пляже. Брючки называют это метафорой. Это такая особенная ложь, которая помогает понять правду.

— А, про это я все знаю, — ответил Мау.

— Не сомневаюсь. — Дафна улыбнулась. — А теперь пойдем на свежий воздух.

Она взяла Мау за руку. У него в нескольких местах была сильно содрана кожа — он не помнил, как это произошло, — все тело болело, а на месте уха была рваная рана. Но он легко отделался. Он вспомнил пулю в воде — как она замедлила ход и свалилась ему на ладонь. Вода бывает жесткой — это знает любой, кто хоть раз падал на нее животом с высоты, — но все равно...

— Идем же! — воскликнула Дафна, таща его на свет.

В Женской деревне кипела жизнь. Люди работали на полях. На пляже былолюдно. В лагуне даже играли дети.

— У нас так много работы, — сказал Мау, качая головой.

— Они ее уже делают, — ответила Дафна.

Они стояли молча и смотрели. Скоро люди заметят их, и они вернутся в мир, но пока что они были частью пейзажа.

Через некоторое время девочка сказала:

— Я помню время, когда здесь ничего не было... только мальчик, который меня даже не видел.

А мальчик сказал:

— Я помню девочку-призрака.

После еще более длинной паузы девочка спросила:

— Ты бы согласился вернуться назад? Если бы мог?

— Ты хочешь сказать, если бы не было волны?

— Да. Если бы не было волны.

— Тогда я бы вернулся домой, все были бы живы и я бы стал мужчиной.

— Ты бы предпочел быть тем мужчиной? Поменяться с ним местами? — спросила девочка-призрак.

— И не быть собой? Не знать, что мир — шар? Не встретить тебя?

— Да!

Мау открыл рот, чтобы ответить, и обнаружил, что слов слишком много — они застряли. Пришлось ждать, пока в них не появился просвет.

— Как я могу тебе ответить? Я не знаю нужных слов. Был мальчик по имени Мау. Я мысленно вижу его. Он так гордился собой, потому что собирался стать мужчиной. Он оплакивал свою семью и превратил слезы в ярость. Если бы мог, он сказал бы: «Да не будет!», и волна укатилась бы обратно, словно ее никогда и не было. Но есть другой мальчик. Его тоже зовут Мау, и голова его не может вместить того, что он узнал. Что он может сказать? Он *родился* в этой волне, он теперь знает, что мир — круглый, он встретил девочку-призрака, которая сожалеет, что стреляла в него. Он звал себя синим крабом-отшельником, мечущимся по песку в поисках новой раковины, а теперь он смотрит на небо и знает, что любая раковина будет слишком мала. *Любая*. Как ты попросишь его *не быть*? Любой ответ неверен. Я могу быть только тем, кто я есть. Но иногда он плачет у меня внутри, зовя своих родных.

— И сейчас плачет? — спросила Дафна, глядя в землю.

— Каждый день. Но очень тихо. Ты не услышишь. Послушай, я должен тебе рассказать. Локаха говорил со мной. Он простер надо мной свои огромные крыла там, на пляже, и прогнал охотников за черепами. Ты не видела?

— Нет. Охотники за черепами бежали, как только упал Кокс, — сказала Дафна. — Ты хочешь сказать, что ты повстречался со Смертью? *Снова?*

— Он сказал мне, что миров больше, чем чисел. И «не бывает» на самом деле не бывает. Бывает только «бывает где-нибудь еще».

Мау пытался объяснить, а она пыталась понять.

Когда у него кончились слова, она спросила:

— Ты хочешь сказать, что где-то есть мир, где волны *не было*? Где-то... там?

— Думаю, да... Я думаю, что я почти увидел этот мир. Иногда по ночам, карауля на берегу, я его почти вижу. Я его почти *слышу*! И там есть Мау, человек, который я, и я жалею его, потому что в его мире нет девочки-призрака...

Она обняла его за шею и осторожно притянула к себе.

— Я бы ничего не стала менять, — сказала она. — Здесь я не какая-то кукла. Я приношу пользу. Люди меня слушают. Я совершила поразительные вещи. Разве я могу вернуться в прежнюю жизнь?

— Ты это собираешься сказать отцу? — В голосе Мау слышалась печаль.

— Да, наверное, что-то вроде этого.

Он осторожно развернул ее лицом к морю.

— Корабль идет, — сказал он.

К тому времени, как они добежали до лагуны, шхуна встала на якорь за рифом. Пока с корабля спускали шлюпку, Дафна пошла туда вброд, настолько глубоко, насколько могла, не обращая внимания на всплывающий вокруг нее подол платья.

Мау смотрел с берега: человек спрыгнул с кормы, как только шлюпка приблизилась к Дафне, и, одновременно смеясь и плача, поддерживая друг друга, двое выбрались на песок. Толпа расступилась, чтобы освободить место для обнимающихся — но Мау сле-

дил за двумя мужчинами, вылезающими из шлюпки. На мужчинах были красные куртки, а в руках они держали сложно устроенные палки и смотрели на Мау, словно он был в лучшем случае неприятной помехой.

— Дай посмотрю на тебя, — сказал его превосходительство, отступая на шаг. — Да ты стала совсем... Что случилось? У тебя кровь на плече! У нас на борту доктор, я его сейчас...

Дафна глянула на себя.

— Это просто брызги, — отмахнулась она. — И вообще это не моя кровь. Мне пришлось отпилить человеку ногу, и я не успела помыться.

За спиной у них из шлюпки вылез третий солдат с толстым рулоном и принялся его разворачивать. Он нервно поглядывал на Мау.

— Что здесь происходит? — резко спросил Мау. — Почему у них ружья? Что делает этот человек?

Он шагнул вперед, и два штыка загородили ему путь.

Дафна повернула голову и отстранилась от отца.

— Что такое? — решительно спросила она. — Вы не можете запретить ему ходить по его собственной земле! Что в этом рулоне? Флаг, верно? Вы привезли флаг! И ружья!

— Малыш, мы ведь не знали, что мы тут найдем, — сказал слегка опешивший отец. — Видишь, у вас тут пушки.

— Ну да, у нас тут пушки, — пробормотала Дафна; ее саму, кажется, страшно смутила эта вспышка гнева. — Они только для виду.

Но тут гнев вернулся.

— А эти ружья — нет! Ну-ка опустите их!

Его превосходительство кивнул солдатам, которые опустили мушкеты на песок — осторожно, но очень быстро. На шум пришел Мило, а он умел угрожающе выситься.

— И флаг! — добавила Дафна.

— Эванс, будьте добры, поддержите его пока так, — сказал его превосходительство. — Понимаешь, малыш, мы не хотим ничего плохого этим... э-э-э... — он бросил взгляд на Мило, — милым людям, но нам нужно укрепить свои претензии на острова Четвертого Воскресенья Великого Поста. Мы утверждаем, что они являются лишь частью архипелага Государственного Выходного Дня...

— Кто это «мы»? Ты?

— Ну, в конечном итоге король...

— Он не получит этот остров! — заорала Дафна. — Чего захотел! Обойдется! Он еще с Канадой не разобрался!

— Милая, кажется, лишения, перенесенные тобою на этом острове, не прошли даром... — начал его превосходительство.

Дафна отступила на шаг.

— Лишения? Да я не променяю этот остров ни на что на свете! Я помогала при родах! Я убила человека...

— Того, которому ты отпилила ногу? — спросил сбитый с толку отец.

— Что? Этот? Нет, этот, скорее всего, поправится, — Дафна небрежно махнула рукой. — Нет, тот, кого я убила, был убийцей. И еще я научилась варить

пиво. По-настоящему хорошее пиво! Папа, слушай меня внимательно. Очень важно, чтобы ты понял *прямо сейчас*. Папа, это другой край света, правда. Это — самое начало. Это... место, где ты сможешь простить Бога.

Слова вылетели словно сами собой. Отец стоял как громом пораженный.

— Извини, папа, — сказала она. — Вы с бабушкой в ту ночь так громко кричали, что я не могла не услышать. — И, поскольку сейчас было не время лукавить, добавила: — Особенно потому, что старалась.

Лицо его посерело. Он посмотрел на нее.

— Что такого особенного в этом месте?

— Здесь есть пещера. В ней вырезаны в камне удивительные вещи. Она древняя. Возможно, ей больше ста тысяч лет.

— Пещерные люди, — хладнокровно произнес его превосходительство.

— Я думаю, там на потолке карты звездного неба. Эти люди изобрели... да практически всё. Они совершали кругосветные путешествия, когда мы еще жались вокруг костров. Я думаю, что смогу это доказать.

Дафна взяла отца за руку.

— В лампах еще есть керосин, — сказала она. — Пойдем, я тебе покажу. Да не вам! — добавила она, обращаясь к солдатам, которые тут же встали по стойке «смирно». — Вы останетесь здесь. И никаких захватов чужих земель, пока нас не будет, ясно?

Солдаты посмотрели на его превосходительство. Он неопределенно пожал плечами, как полагалось хорошо воспитанному дочерью отцу.

— Слушайтесь ее, разумеется, — сказал он.

Дочь взяла его за руку и сказала:

— Пойдем, сам увидишь.

Они двинулись по тропе, но не успели еще выйти из радиуса слышимости, как Пилу подошел к солдатам и спросил:

— Не хотите ли пива?

— *Не позволяй им пить пиво, пока они в него не плюнут и не споют шестнадцать раз «Ты скажи, барашек наш»!* — прозвучал приказ свыше, а затем: — И скажи им, что нам понадобится керосин для ламп.

— Боже мой! — Это были первые слова ее отца при виде богов. Он некоторое время озирался с открытым ртом, а потом выговорил: — Невероятно! Всеу этому место в музее.

Дафна не могла этого так оставить, поэтому сказала:

— Да, я знаю. Потому это все здесь и находится.

— Но здесь этого никто не увидит!

— Увидят, папа, — любой, кто захочет приехать и посмотреть. А это значит — все ученые мира.

— Но это место отовсюду очень далеко, — заметил его превосходительство, проводя пальцами по каменному глобусу.

— Нет, папа. Это все остальные места далеко. Центр — здесь. Для Королевского общества, во всяком случае, расстояния не будут помехой. Они сюда приплывут и с края света!

— *На* край света, малыш, — возразил отец.

Дафна толкнула глобус. Он немного откатился, и континенты заплясали. Мир перевернулся.

— Это *планета*, папа. С края света или на край света, зависит только от точки зрения. Я уверена, что здешние жители не будут возражать, если крупные музеи захотят сделать копии. Но нельзя забирать сокровище у островитян. Оно принадлежит *им*.

— Думаю, люди скажут, что оно принадлежит всему миру.

— Значит, они думают как воры. У нас нет никаких прав на эти сокровища. Но если мы не поведем себя как идиоты и хамы, думаю, местные жители проявят великодушие.

— Великодушие, — повторил отец, пробуя это слово на вкус, как незнакомое печенье.

Дафна прищурилась.

— Уж не думаешь ли ты, что великодушие встречается только на том краю света?

— Нет, ты права, конечно. Я сделаю все, что от меня зависит. Я вижу, что это очень важное место.

Она его поцеловала.

Он опять заговорил, колеблясь, не зная, как лучше выразить свою мысль:

— Так с тобой тут... было все в порядке? Тебя хорошо кормили? Тебе было чем заняться... помимо отпиливания ног?

— Если честно, я только одну ногу отпилила. А, и еще ступню. Я помогла родиться двум младенцам — правда, в первый раз я только смотрела и спела песню.

И еще миссис Бурбур рассказывала мне про лекарства за то, что я жевала для нее свинину...

— Жевала... для нее... свинину... — повторил отец как завороченный.

— Потому что у нее нет своих зубов, понимаешь?

— А, ну да, тогда конечно. — Его превосходительство неловко переступил с ноги на ногу. — А еще какие-нибудь... приключения?

— Дай подумать... Мау спас меня, когда я тонула, он теперь вождь... а, да, еще я встретила вождя людоедов, он был как две капли воды похож на премьер-министра!

— Правда? — отозвался отец. — Хотя, если вдуматься, в этом нет ничего особенно удивительного. А никто не... не пытался... тебя обидеть?

Он так осторожно это сформулировал, что она чуть не рассмеялась. Ох уж эти отцы! Но она не могла рассказать ему о хихикающих горничных, о кухонных сплетнях, а тем более — о шуточках Кале. Она столько времени провела в Женской деревне. Уж не думает ли папа, что она ходила, заткнув уши и зажмурившись?

— Один убийца. К сожалению, надо сказать, он был из экипажа «Джуди». Он застрелил одного человека, а потом наставил пистолет на меня.

— Боже милостивый!

— Поэтому я его отравила. Ну, что-то вроде. Но Народ назвал это... как называется, когда палач кого-нибудь вешает?

— Э-э-э... приведением приговора в исполнение? — спросил его превосходительство, изо всех сил стараясь уследить за нитью ее рассказа.

— Точно. А еще я сломала нос другому человеку глиняной чашкой, потому что он собирался меня застрелить.

— В самом деле? Ну да, наверное, это быстрее, чем отравить, — сказал его превосходительство, стараясь во всем найти рациональное зерно.

Его лицо в свете ламп выглядело ужасно. Дафне казалось, что оно сделано из воска и вот-вот расплавится.

— Знаешь, теперь, когда я вспоминаю, мне самой кажется, что все это было чересчур... — Она замолчала.

— Богато событиями? — предположил отец.

И она рассказала ему все — о том, как светит луна над лагуной и как сияют звезды, и про мятеж, и про бедного капитана Робертса, и про попугая, и про красных крабов, и про птиц-панталоны, и про осьминогов-древозазов, и про Кокса, первого помощника. А боги смотрели на них сверху вниз. Дафна тащила отца мимо сотен белых каменных плит, украшающих стены, и говорила не переставая:

— Смотри, жираф. Значит, они знали про Африку! Дальше там есть еще и слон, но он, может быть, индийский. Это явно лев. На одном камне, который, в конце концов, оказался на пляже, вырезана лошадь, а кто мог привезти сюда лошадь? А вот на других плитах вырезано что-то непонятное, я думаю — не алфавит ли это... А — арбуз, и так далее... Но на многих плитах по краям вот такие точки и черточки,

так что, может быть, я и ошибаюсь. И посмотри, как часто среди резьбы повторяется изображение руки! Я думаю, это для масштаба. А вон там...

И так далее и тому подобное. Наконец она закончила словами:

— И еще я уверена, что у них были телескопы.

— Не может быть! Ты нашла изображение?

— Ну... нет. Но многих плит не хватает.

Она рассказала ему о сыновьях Юпитера и змее вокруг Сатурна.

На отца это не произвело особого впечатления, но он погладил ее по руке.

— А может быть, раньше небо было яснее, — сказал он. — Или нашелся человек с очень хорошим зрением.

— Но я выработала замечательное научное объяснение!

Отец покачал головой.

— Я тебя очень люблю, но это всего лишь догадка. И, смею добавить, надежда. Я жду от тебя большего, малыш.

«Ага, это совсем как те споры, которые мы вели, возвращаясь домой из Королевского общества, — подумала Дафна. — Я должна защитить свою точку зрения. Отлично!»

Она указала на богов.

— Они сияют, потому что покрыты мельчайшими стеклянными пластинками, — сказала она. — Пластинки закреплены свинцовыми гвоздиками. Один мальчик по моей просьбе поплавал в пруду и поискал там. Эти люди умели делать тонкое стекло!

Отец сел, привалившись спиной к прохладному камню. Он кивнул.

— Это вполне вероятно. Стекло знали многие культуры. У нас есть зачатки гипотезы, но ты еще не нашла мастера — изготовителя линз.

— Папа, здравый смысл подсказывает, что однажды стеклодув обратил внимание на пузырек воздуха в стекле и заметил, как свет...

Отец жестом остановил ее.

— Науку не интересует то, что «подсказывает здравый смысл», — сказал он. — «Здравый смысл подсказывает», что Земля плоская. Мы точно *знаем*, что древние римляне интересовались примитивными линзами, но очки были изобретены только в тринадцатом веке. Обычно честь их изобретения приписывается итальянцу Сальвино Д'Армате...

— Почему всегда все... в Северном полушарии? — спросила Дафна. — Переверни мир вверх тормашками!

Она подтащила отца к стене рядом с глобусом и показала на одну из плит.

— Помнишь, я тебе говорила, что они любят изображать руки, держащие предметы? — спросила она и подняла повыше лампу. — Вот! Разве это не очки?

Он критически осмотрел плиту, словно человек, пытающийся решить, чего ему хочется — пирога или торта.

— Возможно, — ответил он. — Но возможно также, что это маска, или весы, или загадочный предмет ритуального назначения. Боюсь, это тебе не очень поможет.

Дафна вздохнула.

— Ну хорошо, если я найду какие-нибудь доказательства, что они знали о существовании линз, ты согласишься, что они могли знать, как сделать телескоп?

— Да, тогда у тебя будут основания. Но все равно, имей в виду, я не приму это как доказательство того, что они делали телескопы. Только как доказательство того, что они *могли* их делать.

— Пойдем, я тебе покажу.

На этот раз она повела его по другую сторону от богов, к нише, образовавшейся там, где из стены вывалилась белая плита.

— Один мальчик нашел вот это в иле на дне пруда богов. Одно стеклышко разбито, другое треснуло, но ты видишь, что это линзы. Осторожно.

Она осторожно положила очки ему на ладонь.

Он моргнул.

— Очки в золотой оправе... — скорее выдохнул, чем произнес он.

— Ну что, папа, доказала я свою теорию телескопа? — радостно спросила она. — Мы знаем, что изобретение очков ведет к изобретению телескопов.

— Нас ведь привело, по крайней мере, однажды — еще раньше, чем островитян. Я знаю, ты скажешь — «не раньше, а позже». Почему ты мне сразу не показала эти очки?

— Я хотела, чтобы ты признал: я все делаю по-научному.

— Ты молодец, — сказал его превосходительство. — Ты построила очень сильную гипотезу. Но, к сожалению, я должен сказать, что это еще не полноценная теория. Тебе нужно найти телескоп.

— Это нечестно! — воскликнула Дафна.

— Нет, это наука, — ответил отец. — Одной возможности недостаточно. Вероятности — тоже! Нужно точно знать, что произошло. Но когда ты опубликуешь свою теорию, множество людей попытаются ее опровергнуть. Чем больше неудач они потерпят, тем более правой ты окажешься. А они, скорее всего, предположат, что какой-нибудь путешественник из Европы приплыл сюда и потерял тут очки.

— И золотые вставные челюсти? — срезала его Дафна.

Она рассказала ему про самую ценную собственность миссис Бурбур.

— Я бы очень хотел на них посмотреть. В них кое-кому будет легче поверить. Не расстраивайся насчет телескопа. Ясно, что ты открыла неизвестную ранее культуру мореплавателей, весьма сведущих в технике. Девочка моя, большинство людей до потолка бы прыгало после такого открытия!

— Я их не открывала, — сказала Дафна. — Это Мау их открыл. Я только заглядывала ему через плечо. Это ему пришлось пройти мимо ста тысяч своих предков. Это *их* место, папа. Их предки его построили. И высекли на глобусе изображение волны, разбивающейся на фоне заходящего солнца, — такую татуировку носят все мужчины на островах уже тысячи лет. Я ее видела! И знаешь что? Я могу доказать, что в этой пещере до меня не бывал ни один европеец.

Дафна огляделась. Она глубоко дышала от наплыва чувств.

— Видишь золото на богах и на глобусе и большую золотую дверь?

— Да. Конечно, малыш. Это трудно не заметить.

— Вот именно, — сказала Дафна, поднимая лампу. — Оно *до сих пор здесь!*

Мау сидел, расстелив на коленях карту, принесенную с «Джуди». Официально это было заседанием островного совета или могло быть, будь на острове хоть что-нибудь официальное. На совет мог прийти любой — а поскольку любой мог прийти, многие не приходили. На остров во множестве прибыли новые люди, которых надо было накормить и обиходить; потом, может быть, многие из них отправятся обратно на свои острова, если те еще существуют, но для путешествия нужно быть здоровым и сытым. Это означало дополнительную работу для всех островитян. Кое-кто не явился на совет, потому что ушел в море рыбачить; при выборе между рыбалкой и голосованием рыба обычно побеждает.

— Что, все это красное принадлежит английским брючникам? — спросил Мау.

— Угу, — ответил Пилу.

— Такая куча мест!

— Угу.

— Они неплохие, — сказал Пилу. — Главное, чего они требуют, — чтобы люди носили брюки и поклонялись ихнему богу. Его зовут Бог.

— Просто Бог?

— Ну да. У него есть сын-плотник, и если ты ему поклоняешься, то после смерти взойдешь по свер-

кающей тропе. Они красиво поют и иногда угощают печеньем.

Пилу пристально посмотрел на Мау.

— Мау, о чем ты думаешь?

— Придут другие люди. Некоторые — с пушками, — задумчиво произнес Мау.

— Верно, — сказал Пилу. — В пещере много желтого золота. Брючники любят золото, потому что оно блестит. Они как дети.

— Большие дети, — заметил Мило, — с ружьями.

— Кале, как ты думаешь, что нам делать? — спросил Мау, не отрываясь от карты.

Женщина пожала плечами.

— Я доверяю девочке-призраку. Отец такой девочки должен быть хорошим человеком.

— А что будет, если я возьму каноэ, съезжу на остров брючников и воткну там свой флаг? — спросил Том-Али. — Тогда их остров станет нашим?

— Нет, — сказал Мау. — Они только посмеются. Флаги — это как ружья, только не стреляют. Если у тебя есть флаг, к нему нужно ружье.

— Ну и что? У нас есть пушки.

Мау замолчал.

— И негодный порох, — заметил Пилу.

— Я думаю... Я думаю, что если рыба-прилипала оказалась в море, полном акул, она должна плавать с самой большой акулой, — сказал Мило.

Эти слова встретили всеобщее одобрение; островной совет делал лишь первые шаги в международной политике, но в рыбах члены совета разбирались.

Все посмотрели на Мау, который опять устался на карту. Он смотрел на нее так долго, что все забеспокоились. С тех пор как бежали охотники за черепами, Мау как-то изменился. Все это видели. Казалось, при ходьбе его ноги касаются земли только потому, что он им так велит; если с ним заговаривали, он глядел на собеседника взглядом человека, осматривающего новые, одному ему видные горизонты.

— Мы не можем быть сильнее империи, — сказал он, — но мы можем быть чем-то таким, чем она быть не осмеливается. Мы можем быть слабыми. Девочка-призрак рассказала мне о человеке по имени Ис-Ак Нью-Тан. Он не был воином, у него не было копья, но солнце и луна вращались у него в голове, и он стоял на плечах великанов. Король того времени оказал Нью-Тану величайшую честь, потому что он знал тайны неба. И у меня есть идея. Я поговорю с девочкой-призраком.

«Должно быть слово вроде «медового месяца», — подумала Дафна, — но не для мужа и жены, а для отца и дочери». Этот «медовый месяц» продолжался двенадцать дней. Она ощущала себя родителем, а отца — ребенком. Она никогда раньше не видела его таким. Они исследовали весь остров; за короткое время отец научился поразительно хорошо говорить на местном языке. Он плавал с Мило на ночной лов при свете факелов и ужасно напился пива вместе со всеми остальными мужчинами; в результате они на большом каноэ принялись грести в нескольких на-

правлениях одновременно, распевая при этом старую песню студенческих лет отца.

Он научил островитян играть в крикет, и они сыграли матч против солдат и моряков с корабля, используя винтовки в качестве столбиков. Самое интересное началось, когда Кале стала подавать мячи.

Отец Дафны объявил, что Кале не только подаст мячи быстрее всех, кого он когда-либо видел, но к тому же подает их с меткостью австралийского аборигена, нанося патологоанатомически точные и злонамеренные удары. Сначала трех солдат, повизгивающих от боли, отнесли в лагуну — пусть посидят в воде, пока не полегчает. Четвертому хватило одного взгляда на Кале, которая неслась к нему громовой поступью, замахиваясь правой рукой. Он помчался к лесу, прикрывая пах шлемом. Чтобы спасти игру, Кале отстранили от роли подающего, особенно после того, как отец Дафны объяснил, что женщин на самом деле не следует допускать к игре в крикет, ибо они не понимают ее сущности. Но Дафне показалось, что Кале как раз очень хорошо поняла сущность игры и решила ее поскорее закончить, чтобы наконец заняться чем-нибудь поинтереснее, ибо, по мнению Кале, в мире было полным-полно вещей поинтереснее крикета.

Когда островитяне отбивали мячи, солдатам приходилось немногим лучше. Мало того что жители острова обладали дьявольской меткостью, они почему-то решили, что мячом нужно попасть в кого-нибудь из команды противника. В конце концов, объявили ни-

чью из-за большого количества травм — почти все травмированные к этому времени сидели в лагуне.

И тут пришел корабль, и игру так или иначе пришлось прекратить.

Мау завидел его первым; он всегда первым замечал все, что являлось с моря. Он впервые в жизни видел такой большой корабль, с таким количеством парусов. Казалось, к острову движется шторм. Все ждали на пляже. Корабль бросил якорь у рифа и спустил шлюпку. На этот раз в шлюпке были не солдаты. Гребли четверо людей в черном.

— Боже мой, да это же «Катти Рен», — сказал его превосходительство и отдал Пилу свою битую. — Интересно, что им тут надо?.. Эй, на шлюпке! Вам помощь нужна или как?

Шлюпка коснулась берега, один человек выскочил из нее, подбежал к отцу Дафны и, невзирая на протесты, увлек его подальше от игровой площадки.

Последовал разговор, повергший Мау в недоумение, поскольку человек в черном говорил шепотом, а его превосходительство отвечал в полный голос. Мау слышал только шелест, перебиваемый громогласными восклицаниями: «Я?..», «Что, все сразу?..», «А дядя Берни? Я точно знаю, что он в Америке!..», «Там водятся львы?..», «Послушайте, я правда не...», «Прямо тут?..», «Разумеется, никто не хочет появления нового Ричарда Львиное Сердце, но, я думаю, все же необязательно...» — и так далее. Потом его превосходительство поднял руку, остановив человека в черном посреди очередной шелестящей тирады, и обратился к Мау. Его превосходительство явно был

чем-то ошарашен. Он сказал напряженным голосом: «Простите, вы бы не могли привести мою дочь? Я полагаю, она в дамской резиденции зашивает кого-нибудь. Э... я уверен, что произошло недоразумение, которое скоро разъяснится. Я уверен, тут не о чем беспокоиться».

Когда они вернулись, солдаты его превосходительства, которые больше недели прохлаждались в штанах и рубахах, уже натянули свои красные мундиры и стояли на часах, хотя пока было не очень понятно, кого они охраняют, от чего и как, не говоря уже за чем. Поэтому до получения приказов в явном виде они охраняли всех от всех.

С корабля на воду спустили еще одну шлюпку, и она тоже направилась в лагуну. Один из пассажиров шлюпки, сидящий прямо, будто аршин проглотил, оказался Дафне знаком. К несчастью.

Она подбежала к отцу.

— Что происходит? — Она окинула взглядом людей в черном и добавила: — И кто все эти... люди?

— Это ваша очаровательная дочь, сир? — спросил один из людей в черном, приподнимая шляпу перед Дафной.

— «Сир»? — переспросила Дафна.

Она уставилась на человека в черном. Обзывать кого бы то ни было очаровательным можно только при наличии письменных доказательств.

— Оказывается, я, если не принимать в расчет некоторые тонкости, король, — объяснил его величество. — Надо сказать, это очень не вовремя. Этот джентльмен — мистер Блэк из Лондона.

Дафна перестала сверлить незнакомца взглядом.

— Но я думала, сто тридцать во... — начала она. Потом у нее на лице проступил ужас. Она оглянулась на приближающуюся шлюпку. — Неужели бабушка... выкинула какую-нибудь глупость? С кинжалами и пистолетами?

— Ее светлость? Насколько мне известно, нет, — сказал Джентльмен Последней Надежды. — А вот и она сама, ваше величество. Мы сначала, конечно, зашли в Порт-Мерсию и забрали его преосвященство епископа Топли. К сожалению, архиепископ Кентерберийский плохо переносит путешествия, но он вручил нам подробные указания насчет коронации.

— Коронации? *Здесь?* Уж это, конечно, может подождать! — сказал его величество.

Но Дафна не сводила глаз с фигуры в приближающейся шлюпке. Не может быть! Неужели она отважилась на весь этот путь? Хотя ради возможности покомандовать королем... Еще как отважилась! Да она потащила бы корабль зубами на буксире! И на этот раз папе уже не сбежать на другой край света.

— Строго говоря, да, — сказал мистер Блэк. — Вы стали королем, как только умер предыдущий король. В ту же самую секунду. Так это работает.

— Неужели? — отозвался его величество.

— Да, государь, — терпеливо произнес мистер Блэк. — Господь все устрояет.

— Замечательно, — слабо отозвался король. — Очень мило с Его стороны.

— Для полной ратификации, понимаете, вы должны стоять на земле Англии, но в этих необычных об-

стоятельствах, — не унимался мистер Блэк, — в эти беспокойные времена, и так далее и тому подобное, мы решили, что удастся избежать лишних споров... например, в случае нашей задержки... если корона уже будет плотно сидеть у вас на голове. Меньше будет поводов для препирательств с любителями поспорить... с французами, например... а такие споры могут отнять довольно много времени.

— Как, например, Столетняя война, — подсказал второй джентльмен.

— Очень точно подмечено, мистер Эмбер. В любом случае дома мы устроим еще одну коронацию — конечно, без лишних проволок. Гирлянды, приветственные крики, сувенирные кружки для детей и все такое. Но в данном случае Корона решила, что нужно известить вас и сделать все как положено, если мне позволено будет так выразиться, как можно быстрее.

Пока он говорил, двое его спутников начали чрезвычайно осторожно разбирать небольшой ящик, привезенный с собой.

— А разве Корона — это не я? — спросил его величество.

— Нет, государь! Вы король, государь, — терпеливо объяснил мистер Блэк. — Вы, как и мы, подчиняетесь Короне. Вы ее подданный.

— Но я же могу вам приказывать?

— Вы, разумеется, можете высказывать свои пожелания, государь, и мы сделаем все от нас зависящее, чтобы их выполнить. Но, увы, — приказывать нам вы не можете. Хороши бы мы были, если бы слушали приказы королей. А, мистер Браун?

Один из двоих, склонившихся над ящиком, на секунду поднял голову.

— Да, мистер Блэк. Вышло бы снова как с Карлом Первым.

— Истинная правда, мистер Браун, — согласился мистер Блэк. — Вышло бы снова как с Карлом Первым, а я думаю, никому не захочется снова увидеть на троне Карла Первого...

— Почему? — спросила Дафна.

Мистер Блэк повернулся к ней и словно бы изучал ее взглядом в течение секунды.

— Потому, что из-за его самоуверенности и глупости Англия едва не лишилась Короны, ваше королевское высочество, — ответил он наконец.

«А ведь и правда! — подумала Дафна. — Я теперь *на самом деле* принцесса. Японский бог! И, кажется, с такой должности не положено уходить в отставку. Принцесса! Слышите, мистер Фокслип, где бы вы ни были? Ха!»

— Но разве не Кромвель казнил Карла? — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал царственно.

— Конечно, ваше высочество. Но проблема была не в Кромвеле. Проблема была в Карле Первом. Кромвель был решением. Признаю, после этого он какое-то время всем мешал, зато его правление было так неприятно, что народ обрадовался восстановлению королевской власти. Корона умеет ждать.

— Карлу Первому отрубили голову, — произнесла Дафна, глядя, как причаливает новая шлюпка.

— Это лишний раз доказывает, что его никому не захочется снова увидеть, — без запинки ответил

мистер Блэк. — Мы бы ни слова не поняли из того, что он говорит.

Из шлюпки с посторонней помощью выбрался пухленький человечек в одежде священника — если не считать саронга, и, в свою очередь, подал руку... да, несомненно, бабушке Дафны. Бабушка держала в руке зонтик. Зонтик! Конечно, не для того, чтобы прятаться от дождя. Зонтик был нужен бабушке, чтобы тыкать им в людей. Уж Дафна-то знала.

— О, а вот и ее светлость, — сказал мистер Блэк; по мнению Дафны, эта реплика была совершенно излишней. Он добавил: — Она была такой чудесной попутчицей. Морские мили так и мелькали.

Улыбочка на его лице была выдающимся произведением искусства.

Бабушка оглядела остров, словно обследуя его на предмет пыли, и вздохнула.

— Неужели нельзя было найти место почище? — сказала она. — Впрочем, ладно. Генри, я надеюсь, что ты чувствуешь себя хорошо и готов нести бремя ответственности, наложенное на нас Божественным Провидением.

— Вы хотите сказать, что все эти люди умерли по воле Божественного Провидения? — резко спросила Дафна. Ей представилась вереница предков — они валяются, как костяшки домино... Все сто тридцать восемь человек...

— Дафна, нельзя разговаривать с бабушкой таким тоном, — сказал отец.

— Дафна? Дафна? Что еще за «Дафна»? — спросила ее светлость. — Удивительно нелепое имя. Не

глупи, Эрминтруда. А теперь, бога ради, давайте перейдем к делу, пока нас не съели.

Дафна покраснела от стыда и гнева.

— Как вы смеете! Некоторые из них понимают по-английски!

— И что?

Дафна втянула воздух, но стоило ей открыть рот, отец мягко положил руку ей на плечо.

— Этим ты ничего не решишь, — сказал он. — И нам действительно пора переходить к делу.

Он оставил Дафну, подошел к епископу и пожал ему руку.

— Чарли, рад тебя видеть. А где твоя высокая шапка?

— Потерялась в море, старина. А епископский посох источили проклятые термиты! Прошу прощения за саронг, но я не смог найти брюки, — сказал епископ, пожимая руку королю. — То, что случилось, конечно, ужасно. Большое потрясение. Но все же нам не дано постичь путей Пров... Всевышнего.

— Возможно, это был Божий Промысел, — встала Дафна.

— Воистину, воистину, — сказал епископ, роясь в мешке.

— Или чудо, — продолжала Дафна.

Пусть бабушка только попробует взять ее за ухо на ее собственном пляже! Но бабушка нелегко смирялась с поражением, а порой и вовсе не смирялась.

— Эрминтруда, я с тобой потом поговорю о твоём безобразном поведении...

Она сделала несколько шагов вперед. Но у нее на пути вдруг оказались два джентльмена.

— А, вот оно, — очень громко воскликнул епископ и выпрямился. — Конечно, мы здесь, как правило, не держим мира для помазания монархов на царство, но мои ребята делают кокосовое масло для пропитки крикетных бит, чтоб не теряли гибкости. Надеюсь, оно подойдет.

Последняя фраза была обращена к мистеру Блэку, которого епископ боялся еще больше, чем ее святости.

— Прекрасно подойдет, ваше преосвященство, — ответил мистер Блэк. — Мисс... Дафна, будьте так любезны, спросите островитян, не можем ли мы воспользоваться одним из этих церемониальных камней в качестве трона?

Дафна посмотрела на разбросанные камни богов. За последнюю неделю про них как-то все забыли.

— Мау, можно... — начала она.

— Можно, — ответил Мау. — Только предупреди их, что они не работают.

Если верить историческим хроникам, это была самая быстрая коронация после Бубрика Саксонца, который был коронован остроконечной короной на вершине холма в грозу и после этого правил ровно полторы секунды.

И вот человек сел на камень. Человеку вручили золотую державу и золотой скипетр, который островитяне одобрили, потому что, по сути своей, скипетр — всего лишь блестящая дубинка. Мау предпочитал копье, но в глубине души островитяне были

уверены, что у вождя должна быть хорошая большая дубина. Потом некоторые на пробу помахали этой дубиной сами и решили, что для настоящего боя она тяжеловата. Скипетр заинтересовал островитян гораздо сильнее короны, которая сверкала на солнце и больше ничего полезного не делала. Но из-за этой короны и некоторого количества разговоров человек встал с камня королем столькох мест на планете, что людям, которые делают карты его владений, порой не хватает красных чернил.

В этот момент люди в черном извлекли откуда-то уменьшенные копии брючниковского флага, с жаром замахали ими и закричали «Ура!».

— А теперь позвольте корону назад, ваше величество, — быстро сказал мистер Блэк. — Я вам дам расписку, конечно.

— Когда нас в Лондоне коронуют как следует, будет совсем другое дело, — сказала бабушка. — А это только для...

— Помолчи, женщина, — ровным голосом сказал король.

На миг Дафне показалось, что эти слова услышала она одна. Бабушка их явно не слышала, поскольку продолжала говорить. А потом ее уши догнали язык и не поверили собственным глазам.

— Что ты сказал? — выговорила она.

— Ах, матушка, наконец-то до вас дошло, — сказал король. — Коронуют меня, а не *нас*. Я — это я, а не «мы». На троне — одна пара ягодиц, в короне — одна голова. А вы, с другой стороны, всего лишь злоязычная мегера с манерами лисы, так что *не смейте*

меня перебивать! Как вы смеете оскорблять людей, у которых мы в гостях! И прежде чем снова открыть рот, подумайте вот о чем: вы считаете себя выше так называемых низших классов и трясетесь над этим различием. А я всегда обнаруживал, что они вполне достойные люди, если им выпадает случай помыться. Ну так вот, я теперь король — понимаете, король, — и из самой сути благородного происхождения, за которое вы цепляетесь мертвой хваткой, следует, что вы *не* будете мне отвечать. А *будете*, напротив, любезны с хозяевами острова и благодарны им все время, пока мы здесь находимся. Кто знает, может быть, этот остров воззовет и к вашей душе, как он воззвал к моей. А если вы даже сейчас составляете в уме ядовитую реплику, позвольте предложить вашему вниманию замечательную, всячески рекомендуемую мною альтернативу: молчание. Это приказ!

Король перевел дух и кивнул предводителю Джентльменов Последней Надежды.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против? — спросил он у них.

Бабушка смотрела в пустоту.

— Конечно, государь. Вы ведь король, — пробормотал мистер Блэк.

— Прошу прощения, мисс, — сказал кто-то позади Дафны. — Вы ведь мисс Эрминтруда?

Она обернулась на голос. Это пришла назад одна из шлюпок и высадила на берег еще часть команды. Перед Дафной стоял небольшого роста человечек в плохо сидящей одежде. Похоже, бывший хозяин одежды рад был от нее избавиться.

— Кокчик?!

Он просиял.

— Видите, мисс, я говорил, что мой гроб спасет мне жизнь!

— Папа, это Кокчик. На «Джуди» он был мне верным другом. Кокчик, это мой отец. Он король.

— Вот как славно, — сказал Кокчик.

— Гроб? — переспросил король, опять сбитый с толку.

— Папа, я тебе рассказывала, помнишь? Кармашки? Мачта и саван? Маленький надувной бильярдный стол?

— Ах, *этот* гроб! Подумать только. Как долго вы были в море, мистер кок?

— Две недели, сэр. У моей печурки топливо вышло после первой недели, так что я обходился галетами, мятными лепешками и планктоном, пока не причалил к острову, — ответил кок.

— Планктоном? — переспросила Дафна.

— Процеживал его через бороду, мисс. Я подумал, раз киты его едят, может, и мне сойдет? — Он сунул руку в карман и извлек оттуда засаленный листок бумаги. — А высадился я на очень забавный островок. На нем была медная табличка с надписью, прибитой к дереву. Я списал ее, вот, смотрите.

Король и его дочь прочитали полустертую надпись карандашом: «Остров Дня Рождения Миссис Этель Дж. Банди».

— Он правда есть! — завопила Дафна.

— Отлично, — сказал король. — За ужином непременно расскажите нам о своих приключениях.

А теперь прошу меня извинить, я вас покину ненадолго — мне нужно править.

Король Генрих Девятый потер руки.

— Что у нас там еще... А, да. Чарли, хочешь быть архиепископом?

Его преосвященство епископ Топли, который уже укладывал вещи в мешок, отчаянно замахал руками. На лице у него отразился ужас.

— Нет, спасибо, Генри!

— Точно? Ты уверен?

— Совершенно уверен, спасибо. Они меня заставят носить ботинки. Нет уж, я здешние острова ни на что не променяю!

— Ага, значит, даже собственный приход для тебя не лучший исход, — сказал король медленно и звучно, как говорят люди, представляя вниманию публики очень плохой каламбур.

Никто не засмеялся. Даже Дафна, как ни любила отца, смогла выдавить из себя лишь кривую улыбку. И тогда отец сделал нечто непростительное даже для короля. Он начал объяснять.

— Видимо, вы не заметили игры слов? — сказал он с ноткой обиды в голосе. — Есть слово «исход» как выход из какого-либо места и есть исход как результат. В данном случае сан архиепископа и получение прихода стали бы для епископа Топли как знаком того, что он покинул эти земли, так и результатом, исходом его служения мне.

— У архиепископов нет приходов, государь, — серьезно сказал мистер Блэк. — У них епархии. Приходы — у священников.

— Строго говоря, архиепископ — также и священник, — задумчиво произнес мистер Ред. — Но собственного прихода ему не положено, а следовательно, для архиепископов эта шутка не очень подходит.

— Видите, ваше величество, как все замечательно устроилось, — сказал мистер Блэк, одарив короля лучезарной улыбкой. — Небольшая поправка — и ваш каламбур вызовет фурор в церковных кругах.

— Я заметил, что вы не смеялись, мистер Блэк!

— Нет, ваше величество. Нам запрещено смеяться над словами королей, сир, иначе у нас ни на что другое времени не останется.

— Ну что ж, по крайней мере, одно в моей власти, — сказал король и подошел к Мау. — Сэр, вы окажете мне честь, присоединившись к моей империи. Должен заметить, что выбор в этом вопросе предоставляется немногим.

— Спасибо, король, — ответил Мау, — но мы...

Он запнулся и взглядом попросил Пилу о помощи.

— Мы не хотим к вам присоединяться, ваше государство. Империя слишком большая, мы в ней потеемся.

— Но тогда вы станете добычей первого, кто прибудет на остров с полудюжиной вооруженных людей, — сказал король. — Кроме меня, конечно, — поспешно добавил он.

— Да, ваше величество, — ответил Мау.

Он видел, как смотрит на него девочка-призрак, и понял, что момент настал.

— Поэтому мы хотим присоединиться к Королевскому научному обществу.

— Что? — Король посмотрел на дочь. Она ухмылялась. — Это ты их научила?

— Папа, наука зародилась на этом острове, — быстро ответила Дафна, — я только дала им нужные слова. Эта идея их собственная. Их предки были учеными. Ты видел пещеру! Все выйдет просто замечательно!

Пилу боязливо перевел взгляд с короля на его дочь и продолжил:

— Когда Королевское научное общество создавалось, король даровал им дубину, столь же полную величественности, сколь и его собственная...

— *Величественности?* — переспросил король.

— Это был Карл Второй, государь, — шепнул мистер Блэк. — По правде сказать, он действительно заявил, что Общество заслуживает булавы, «по величественности не уступающей моей собственной», и я так понимаю, нам еще повезло, что он не сказал «величественновению».

— ...а значит, он считал, что могуществом они равны королям, поэтому мы смиренно... нет, *гордо* просим принять нас в Общество, — сказал Пилу, покосившись на девочку-призрака. — Мы будем приветствовать всех людей науки как... э... братьев.

— Папа, соглашайся, соглашайся! — сказала Дафна. — Наука объединяет людей всех стран!

— Я не могу говорить за Общество... — начал король, но Дафна была готова. Что толку быть принцессой, если при этом нельзя перебивать короля?

— Именно что можешь, папа. На их здании ведь написано — «Королевское общество»!

— Это *ваше* общество, государь, — промурлыкал мистер Блэк. — И, конечно, располагается оно в *Лондоне*.

— И мы подарим им золотую дверь, — сказал Май.

— Что? — переспросила Дафна. Эта подробность оказалась для нее сюрпризом.

— Мы не позволим больше закрыть ее, — с жаром произнес Май. — Это будет наш дар братьям, которые уплыли так далеко, что в конце концов вернулись обратно.

— Но это же тонны золота! — воскликнул король. — По крайней мере, восемь тонн, я полагаю.

— Отлично, государь, — сказал мистер Блэк. — Победителю причитаются трофеи.

— Только мы не воевали, — ответил король. — Это слишком. Мы не можем ее принять! Они чересчур добры.

— Я просто хотел заметить, что народ любит, когда короли привозят домой ценные вещи, — сказал Джентльмен Последней Надежды.

— Например, целые страны, — вставила Дафна, сердито взглянув на него.

— Но это же *подарок*, мистер Блэк. Это не военный трофей, — сказал король.

— Что ж, это весьма удачный, хотя и необычный, исход, — как ни в чем не бывало произнес мистер Блэк.

— И вы нам тоже подарите подарок, — сказал Май. — Когда многое взято, что-то да вернется. Пилу?

— Большой телескоп, — произнес Пилу, — и лодку размерстvenностью не меньше «Милой Джуди», и десять бочонков солонины, и инструменты всяческой размерстvenности. Строительный лес, металлы всяческой разновидстvenности, книги с картинками и письменами про эти картинки...

Список был довольно длинный, и, когда Пилу закончил, Дафна сказала:

— Папа, это все обойдется не так уж дорого, даже с кораблем. И помни: первое, что они попросили, — это телескоп. Как ты можешь возражать?

Король улыбнулся.

— Я не буду возражать. И даже не буду громко удивляться вслух, если кое-кто поможет им с этим списком. Мне очень понравились «металлы всяческой разновидности». И ты, конечно, права. Ученые потянутся сюда толпами. Мау, спасибо, оставьте свою дверь себе.

— Нет, — твердо сказал Мау. — Она слишком долго была закрыта, ваше король. Я не позволю ее снова захлопнуть. Но у нас есть еще одна просьба, очень простая. Пусть каждый ученый, приезжая сюда посмотреть на то, что мы когда-то знали, расскажет нам все, что знает он.

— Лекции! — воскликнула Дафна. — Ну, конечно!

— И еще чтобы кто-нибудь научил нас врачеванию, — добавил Мау.

Епископ, про которого все как-то забыли, просиял и, приосанившись, выступил вперед.

— Если я могу вам как-то в этом помочь... — начал он. В голосе звучала надежда.

— Врачению, чтобы людям становилось лучше, — сказал Мау, вопросительно взглянув на Дафну.

— Да, конечно, — отозвался епископ. — Я считаю, что...

Дафна вздохнула.

— Простите, ваша милость, но он имеет в виду не вероучение, а врачевание, — сказала она.

— А, понятно, — печально сказал епископ. — Очень глупо с моей стороны.

— Но имейте в виду, если вы умеете вести дискуссии, Мау это может заинтересовать.

Она посмотрела на Мау, который посмотрел на нее, на Джентльменов Последней Надежды, на короля, на «Катти Рен», а потом опять на нее.

«Он знает, что я уеду, — подумала она. — И очень скоро. Иначе нельзя. Единственный ребенок короля не может жить на острове, затерянном в океане. Мау читает меня как книгу, если бы, конечно, он умел читать. Он *знает*. Я вижу по лицу».

На рассвете седьмого дня после прибытия «Катти Рен» капитан Сэмсон был готов снова поднять паруса. Корабль уже набрал достаточно провизии для возвращения в Порт-Мерсию, но пилить восемь тонн золота — дело небыстрое, особенно если хочется, чтобы ни одна золотинка не пропала.

Сейчас корабль стоял на якоре за рифом, едва различимый в тумане. Он был похож на игрушку; но при взгляде из Женской деревни все зависит от перспективы.

Шхуна его величества отбыла вчера. Островитяне радостно кричали и махали руками на прощание.

На борту сильно поубавилось инструментов, керосина, парусины, вилок и ложек. Самый быстрый парусник в мире томился на приколе, стремясь в полет по морям.

На поляне посреди Женской деревни в это время суток было более или менее безлюдно. Из хижин доносился храп и время от времени — бурчание желудка миссис Бурбур. Сады безмолвно слушали. И сама Женская деревня *слушала*. Дафна в этом не сомневалась. И всех, кто в ней был, заставляла прислушаться. Даже бабушку Дафны заставила. Вчера Дафна увидела бабушку рядом с миссис Бурбур, которая, несомненно, была женщиной *очень большой* силы, так как, судя по всему, ее новая собеседница жевала для нее солонину. Ее светлость не видела, что внучка ее видит, — наверное, так было лучше для них обеих.

Дафна оглядела сады и огороды.

— Я пришла попрощаться, — сказала она. — И поблагодарить.

Она не стала повышать голос. Бабушки либо слушали, либо нет.

Она стояла и ждала. Ответа не было. Овощи молчали. В отдалении птица-панталоны отрывивала остатки вчерашнего ужина.

— Ну, все равно спасибо, — сказала она и отвернулась.

«Интересно, они на самом деле были? — спросила она себя. — Здесь так быстро рассеиваются воспоминания. Наверное, их уносит ветром в море. Но я не забуду». Едва слышный голос у нее в голове

произнес: «Хорошо!» А может быть, ей показалось. Привычка слишком много думать очень осложняет жизнь.

Король попросил плотника с «Катти Рен», пока он на острове, помочь с постройкой нового дома, уже начатой плотником с королевской шхуны. И очень скоро обе команды тоже засучили рукава, потому что им было неудобно смотреть, как работает король. Остатки «Джуди» превратились в еще один длинный племенной дом и большую кучу полезных вещей. И, конечно, осталась сама «Джуди». Неожиданная находка.

Корабль влетел носом точно между двумя гигантскими смоковницами, и носовая фигура застряла, скрытая от глаз и неповрежденная, а корабль рассыпался вокруг стволов.

Два моряка прибили фигуру над дверью племенного дома. Все одобрили это, кроме короля, который выразил опасение, что неприкрытая грудь статуи грешит против общественных приличий. Он не понял, почему все засмеялись, но обрадовался, что как-то загладил свой неудачный каламбур.

Сейчас Дафна смотрела на носовую фигуру «Джуди» в последний раз. На деревянных губах играла едва заметная улыбка, а на шею статуе кто-то повесил венок из цветов.

Дафна сделала ей реверанс, потому что если кто из неживых существ и заслужил уважение, это «Джуди». Дафну научили делать реверансы много лет назад. На острове это умение пригодилось ей

примерно так же, как навыки катания на коньках, но в данном случае это был совершенно уместный поступок.

Шлюпка ждала на краю лагуны. Уже давно ждала. Толпа разбрелась, ибо махать и кричать кому-то, кто пока не торопится отбывать, в конце концов, надоедает. В общем, Кале тактично или не очень тактично погнала островитян обратно на поля. Она знала, когда людям нужно остаться наедине. Кроме того, Дафна со всеми уже попрощалась вчера на большом пиршестве, и король стал единственным брючником, удостоившимся татуировки с закатной волной, и все смеялись и плакали. Всего несколько часов назад Джентльмены Последней Надежды отнесли короля на корабль, потому что, как они объяснили, «ему немного нездоровится». Это кодовое выражение означало «перебрал пива».

Сейчас Дафна словно была одна-одинешенька на острове, если не считать собаки, греющейся на солнце. Впрочем, Дафна не сомневалась, что сотни глаз смотрят на нее с полей.

Она оглядела пляж. Там ждала шлюпка, и там был Мау, он стоял на своем обычном посту с копьем. Он взглянул на подошедшую Дафну с неопределенной улыбкой, какой он всегда улыбался, когда не совсем понимал происходящее.

— Все остальные уже на борту, — сказал он.

— Я вернусь, — ответила Дафна.

Мау принялся рисовать копьем зигзаги на песке.

— Да, я знаю, — сказал он.

— Нет, я, честно, вернусь.

— Да, я знаю.

— Похоже, ты мне не веришь.

— Я тебе верю. Но похоже, что ты *сама* себе не веришь.

Дафна поглядела себе под ноги.

— Да, я знаю, — кротко сказала она. — Отец собирается послать бабушку послом в Воссоединенные Штаты. Она сообразила, что сможет взять этих задалав-бостонцев в ежовые рукавицы, и теперь из всех сил делает вид, что недовольна. Я полагаю, что на самом деле она будет править ими железной рукой в бархатной перчатке, а это еще хуже. А больше у папы никого нет... ну, кроме кучи придворных и правительства и подданных империи, конечно. Но они не будут знать его как человека, только как лицо, увенчанное короной. Все очень плохо. Но я нужна папе.

— Да, нужна, — ответил Мау.

Дафна просверлила его взглядом. Очень глупо с ее стороны, но она ждала, что он начнет спорить... не столько спорить, сколько протестовать... ну... не протестовать, конечно, а просто... будет разочарован. Трудно говорить с человеком, который тебя понимает. Она сдалась и только сейчас заметила его руку.

— Что у тебя с рукой? — воскликнула она. — Ужас какой-то!

— Просто синяки. Меня и татуировали прошлой ночью, после пиршества. Смотри.

Она посмотрела. На левом запястье Мау красовался маленький синий краб-отшельник.

— Очень красиво!

— Это Мило сделал. А на другой руке...

Он повернулся другим боком.

— Закатная волна, — сказала Дафна. — О, я так рада, что ты наконец решил ее...

— Посмотри внимательней, девочка-призрак, — улыбнулся Мау.

— Что? О... она идет не в ту сторону.

— Она идет куда надо. Это *рассветная* волна, и мы ее дети, и мы не уйдем снова в темноту. Я клянусь. Это новый мир. Ему нужны новые люди. И ты права. Твой отец хороший человек, но он нуждается в тебе больше, чем... этот остров.

— Ну, я думаю...

— Он нуждается в твоей силе, — продолжал Мау. — Я видел вас вместе. Ты придаешь его миру форму. Он придаст форму вашему бедному народу. Ты должна отплыть с ним на этом корабле. Ты должна стоять рядом с ним. В глубине души ты это знаешь. Ты будешь приносить пользу. Люди будут тебя слушать.

Он взял ее за руку.

— Я тебе говорил, что Имо сделал множество миров. Я говорил, что иногда мне кажется: я могу заглянуть краем глаза в мир, где волны не было. А сейчас ты взойдешь на корабль... или не взойдешь. Что бы ты ни выбрала, в результате образуются два новых мира. И, может быть, иногда, на самом краю сна мы увидим тень другого мира. У нас не будет несчастливых воспоминаний.

— Да, но...

— Не надо больше слов. Мы знаем все слова, которые не должны быть сказаны. Но ты сделала мой мир совершеннее.

Дафна лихорадочно соображала, что бы сказать, и наконец сообразила:

— Уи-Аре завтра надо снять повязку с ноги. И мне до сих пор не нравится рука Каа-Хи: судовой врач с «Катти Рен» сказал, что ему лучше, но стоит разбудить миссис Бурбур, пускай она посмотрит. Да, и не верь ей — она на самом деле не может жевать этими зубами, так что пусть кто-нибудь жует для нее, и... Это все неуместно, да?

Мау засмеялся.

— Разве это может быть неуместно?

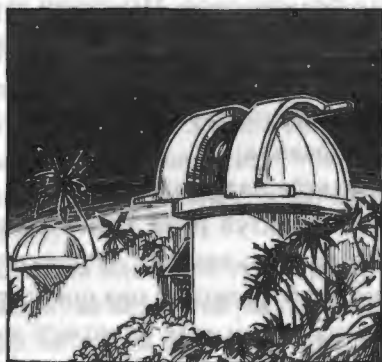
Он чуть неловко поцеловал ее в щеку и продолжал:

— А теперь мы разойдемся без сожалений, а потом встретимся вновь как старые друзья.

Дафна кивнула и высморкалась в последний хороший носовой платок.

И корабль ушел.

А Мау пошел на рыбалку. Он задолжал Науи рыбу.

СЕГОДНЯ

В УГЛУ КАБИНЕТА ТИХО ЩЕЛКАЛ СЕЙСМОГРАФ.

Старик замолчал, глядя, как в лагуне приводняется летающая лодка.

— А, это молодой Джейсон прибыл, он будет работать в субмиллиметровом диапазоне. — Он вздохнул. — Я уверен, что они делают замечательные вещи, но, между нами говоря, я никогда не любил работать с телескопами, в которые нельзя заглянуть. Прошу прощения, на чем я остановился?

Мальчик и девочка посмотрели на него.

— Вы сказали, корабль *ушел*? — спросил мальчик.

— О да, — ответил старик. — И тем все кончилось. Корабль ушел. Корабли для этого и существуют.

— И? — спросил мальчик.

— И все. Корабль ушел.

— И они не поженились, и ничего? — спросила потрясенная девочка.

— О нет, — ответил старик. — Точнее, они не поженились. Насчет «ничего» я не так уверен. Возможно, пара поцелуев...

— Но разве так можно заканчивать историю? — спросил мальчик. — Он пошел на *рыбалку*!

— Но в жизни только такие концовки и бывают, — ответил старик. — А разве цель истории не в том, чтобы отражать настоящую жизнь? Хотя я всегда думал, что он ушел ловить рыбу, чтобы люди не видели его слез. Ему, наверное, было очень одиноко. Он потом говорил: «Если вам так уж хочется жертвовать, жертвуйте свое время на алтарь общего блага. *Съешьте* эту рыбу или отдайте голодному».

Он поглядел на унылые лица мальчика и девочки, тихо кашлянул и сказал:

— Потом пришел другой корабль.

— И девочка-призрак была на нем, правда? — спросила девочка.

— О да, — сказал старик. — Примерно через год.

— А, я так и знала! — торжествующе сказала девочка.

— А телескоп? — спросил мальчик.

— Конечно! Шестнадцатидюймовый ньютоновский телескоп спустили на берег первым делом! И той ночью все в него посмотрели! — сказал старик. — И еще на корабле были все вещи из списка и шесть джентльменов из Королевского общества, согласно обещанию.

Старик широко улыбнулся, вспоминая.

— Конечно, с тех пор у нас перебывало немало ученых. Отец рассказывал мне, что мистер Эйнштейн сидел в этом самом кресле и играл на скрипке. Интересно заметить, что мой отец аккомпанировал ему на барабане, и все сочли, что результат вышел... необычный. Я сам имел честь аккомпанировать сэру Патрику Муру и профессору Ричарду Фейнману, когда они нанесли нам совместный визит. Ксилофон, бонго и военные барабаны! Замечательно! Ученые — очень музыкальные люди. И я горжусь, что мне выпала честь пожать руку профессору Карлу Сагану, когда он приезжал сюда с людьми с электрического телевидения. Помните, девочка-призрак решила, что стеклянные шарики на потолке — карта звездного неба, но не могла узнать ни одного созвездия? Так вот, профессор доказал, что это действительно карта звездного неба, но такого, каким оно было тридцать одну тысячу лет назад, и это подтвердил анализ наших стеклянных звездочек методом, который называется «датирование по следу осколков деления». Мы все время узнаем что-то новое. А сколько космонавтов к нам приезжает! Я уже сбился со счета. Интересно, что кое-кто из них побывал на Луне, но ни один не встретил живущей там женщины.

— Да, но вернулась ли девочка-призрак? — не отставала девочка.

— Не сказать, что совсем вернулась. Но вернулись ее сын и внучка.

— Тогда это все же печальная история, — сказала девочка.

— Ну, не знаю, — ответил старик. — Насколько мне известно, она вышла замуж за очень приятно-

го джентльмена из Голландии. Принца, насколько я помню. И, конечно, вы знаете, что она стала королевой.

— Да, но все равно все должно было кончиться по-другому, — настаивала девочка.

— Ну, она вернулась домой для блага своего народа, а Мау остался здесь для блага своего. Разве они неправильно поступили?

Девочка подумала и сказала:

— Надо полагать, они оба думали о своем народе больше, чем друг о друге.

— А ты что скажешь, молодой человек?

Мальчик посмотрел себе под ноги.

— Я считаю, что они думали о своем народе больше, чем о себе.

— Хорошие ответы. Я думаю, что они были по-своему счастливы.

— Но все-таки они были друг к другу неравнодушны, — сказала девочка, не желая сдаваться.

— Какое очаровательно старомодное выражение! Ну... да, когда она умерла — вскоре после смерти Мау, — брючники были против, потому что хотели похоронить ее в каменном ящике в одном из домов своего бога, но на ее стороне были Джентльмены Последней Надежды. Они привезли ее сюда на пароходе, набитом льдом, и мы завернули ее в бумажные лианы, привязали к телу камни и отправили его в темное течение, куда осторожно опустили Мау всего двумя месяцами раньше. А потом, как написал в дневнике мой прадедушка, все плакали и плакали... как и вы сейчас, молодые люди.

— Мне просто соринка попала в глаз, — сказал мальчик.

Старик улыбнулся, вытащил из кармана пачку сложенных кусков бумажной лианы и протянул девочке со словами:

— Пользуйся, не стесняйся.

— А потом в лагуне видели двух плавающих дельфинов, — твердо сказала девочка. Она высморкалась и вернула бумажные лианы старику.

— Не помню, чтобы мне об этом рассказывали, — сказал старик, беря лиановый платок за наименее мокрый угол.

— Но иначе не могло быть, — настаивала девочка. — Это единственная правильная концовка. Я думаю, они плавали в лагуне, но их никто не заметил, потому что слезы застилали людям глаза.

— Да, это вполне возможно, — тактично сказал старик. — А теперь настало время официальной части.

Он вывел мальчика и девочку из кабинета наружу, на широкую открытую дощатую веранду. Отсюда можно было полюбоваться одним из лучших видов на острове. Один конец веранды запутался в пологе нижнего леса, так что на него градом сыпались листья и цветы, а с другого открывался захватывающий вид на лагуну. На этом конце стоял небольшой сарайчик.

— И с той ночи, когда здесь установили первый телескоп, мы устраиваем ознакомительные экскурсии для юношества в день совершеннолетия, — сказал старик. — Ха! Должно быть, вы, молодые люди, к этому времени уже успели заглянуть во все купола и телескопы на горе? Они растут как грибы, верно?

И вы, должно быть, думаете, что уже все повидали? Вы заметили, что нынче люди разучились пользоваться *глазами*? Кругом одна сплошная фотография и электрический Интернет. Может быть, я отстал от века, но я считаю: то, что делается через компьютер, не называется «смотреть на звезды».

Он остановился у сарайчика.

— Так вот, сейчас я покажу вам кое-что такое, чего вы никогда не видели. Это на самом деле небольшой фокус, и, поняв, в чем тут дело, вы наверняка воскликнете: «Ха!» или произнесете иное подобное междометие. Но я считаю, что это, как вы бы выразились, «круто».

Он отпер дверь сарайчика, которая скользнула вбок по направляющим, и внутри обнаружился телескоп — гораздо меньше тех, что были установлены в больших белых куполах на вершине горы.

— Это он? — спросила девочка. — Очень маленький.

— По размеру, но не по историческому значению, — с упреком сказал старик, глядя на часы и передвигая телескоп с осторожностью человека, проделывавшего это уже тысячи раз. — Ага, вышло с первой попытки, — заметил он, поглядев в объектив.

— Стемнеет еще нескоро, — заметил мальчик.

— Вселенной это безразлично, — ответил старик и отступил от телескопа. — Давайте — кто первый? Смотрите.

— Но небо еще голубое! — воскликнула девочка.

— Ну раз ты такая умная, то не смотри, — бодро парировал он. — Слабó тебе посмотреть?

Она посмотрела и ахнула.

— Среди бела дня!

Она отошла. Мальчик, в свою очередь, заглянул в телескоп, отскочил и уставился в ясное голубое небо.

— Да, меня в первый раз тоже как громом поразило, — радостно сказал старик. — Юпитер, прямо среди бела дня. Вы видели штормовые пояса и трех сыновей Юпитера — мы, разумеется, зовем их лунами. Каллисто сейчас с другой стороны планеты. Правда, выбивает из колеи? Момент неуверенности? Мир перевернулся вверх тормашками?

— Да, я даже слегка испугался, — сказал мальчик.

— О да. Зато теперь ты знаешь, что Вселенная не планетарий. Она работает не только во время сеансов!

Старик сжал морщинистые руки в кулаки и произнес:

— Живите ради таких моментов! Они и делают человека живым! Нет лучшего лекарства, чем узнать, что ты ошибался! Юноша, что твоя мать вложила тебе в руку, когда ты родился?

— Э... деревянный телескоп, сэр. Чтобы я старался видеть дальше, — ответил мальчик.

Он был слегка выбит из колеи; у старика по лицу катились слезы, хоть он и улыбался.

— Хорошо, хорошо. А тебе, девушка?

— Синего краба-отшельника, сэр. Чтобы я не позволяла себе закрыться в раковине.

— Такой тотем ко многому обязывает. Ты должна всю жизнь задавать вопросы.

— Я знаю, сэр. Почему вы плачете, сэр?

Старик открыл рот, но ответил не сразу.

— Ага, хороший вопрос! Я обязан ответить, верно? — Он выпрямился. — Потому что вам понравился мой голубой Юпитер. Потому что мы продолжаем идти вперед. Потому что мы прошли уже очень долгий путь, и впереди у нас путь не менее долгий. Потому что на свете существуют звезды и синие крабы-отшельники. Потому что вы здесь, вы сильны и умны. Радость этой минуты. Все такое. Простите, мне нужно присесть.

Он подошел к древнему плетеному креслу, опустился в него, но тут же вскочил.

— Ай-ай-ай, Хелен, — с упреком сказал он, — ты же знаешь, что тебе сюда нельзя. Если я буду садиться на представителей охраняемого вида, у меня могут быть неприятности!

Он снял с кресла крупного осьминога-древолоза, опустил его на пол и похлопал себя по карманам.

— Кажется, у меня тут припасена сушеная креветка для хорошей девочки... А, вот она.

Он поднял креветку в воздух и сказал:

— Досчитай до... пяти.

Серое морщинистое щупальце подобрало обточенный морем камушек, лежавший у кресла, и пять раз стукнуло им по доскам пола. На старика уставилась пара очень больших, одухотворенных глаз.

— Умница! Знаете, она умеет считать до пятнадцати, — гордо сказал старик, быстро садясь в освободившееся кресло. — Правда, в последнее время Хелен вела себя не очень хорошо. Месяц назад она схватила за ногу этого очаровательного человека,

профессора Докинза... нам пришлось подманивать ее ведром крабов, чтобы она его отпустила. Приятно заметить, что профессор совсем не обиделся. А когда сюда приезжал Чарльз Дарвин, он часами просиживал в нижнем лесу, как и можно было ожидать, и первым заметил, что осьминоги используют примитивные орудия. Они его заворожили.

Он откинулся на спинку кресла, под которым свернулась Хелен, преисполненная надежд: где одна сушеная креветка, там могут быть и другие — возможно, целых пятнадцать!

— Сэр, вы верите в Имо? — спросил мальчик.

— А, всегдашний вопрос. Наконец-то мы до него дошли. Вы же знаете, что говорил Мау: Имо дал нам столько ума, чтобы мы смогли прийти к выводу, что его не существует.

— Да, сэр, все так говорят, но это не помогает.

Старик поглядел в морскую даль. На этой широте сумерки почти отсутствуют, так что в небе уже показались первые звезды.

Он прокашлялся.

— Ты знаешь... Пилу — самый первый — приходится мне прапрапрадедушкой по прямой линии, от отца к сыну. Он первым научился читать и писать, но, я полагаю, это вам известно. Члены Королевского общества, молодцы, прислали на первом же корабле учителя. У Мау детей не было, хотя... смотря как определять отношения родителя и ребенка. Вот одно из его высказываний: «Я проклинал Имо, потому что птицам и зверям он дал способность чувствовать приближение волны, а нам, таким умным созданиям, нет.

Но потом я понял, что он и нам дал такую способность. Он сделал нас умными. А дальше уже от нас зависит, как мы используем этот ум!» Я вспоминаю эти слова каждый раз, когда пищит сейсмограф. Но я не ответил на ваш вопрос, правда?

Кресло скрипнуло.

— Все, кого я знаю, верят, что Имо неотъемлемо, чудесным образом присутствует во всем — и в том, как Вселенная раскрывается навстречу нашим вопросам. Вечером хорошего дня, вот как сегодня, когда на воде лагуны лежит сверкающая тропа, я верю.

— В Имо? — спросила девочка.

Старик улыбнулся.

— Может быть. Просто верю. Вообще во все. Так тоже можно. Религия — не точная наука. Иногда, конечно, наука — тоже не точная наука.

Старик потер руки.

— Кто из вас двоих старше?

— Я, — ответила девочка.

— Подумаешь, на шесть минут! — сказал мальчик.

— Я знаю, сегодня ты впервые стоишь на часах, охраняя Народ. Копье есть? Хорошо. Знаешь, где стоял Мау? Хорошо. Иногда по этому поводу возникают разногласия. Я буду время от времени на тебя поглядывать, и если я что-нибудь понимаю в этой жизни, твой отец будет тоже за тобой присматривать откуда-нибудь. Так обычно бывает, когда дочери стоят на посту. Отцы — это такое дело... Притворись, что ты его не видишь.

— Э... — Девочка хотела что-то сказать, но смущенно запнулась.

— Да? — подбодрил он.

— Правда, что среди ночи приходит призрак Мау и встает на часах рядом с тобой? — спросила она очень быстро, словно стеснялась такого вопроса и хотела поскорее с ним разделаться.

Старик улыбнулся и похлопал ее по плечу.

— Расскажешь мне утром, — сказал он.

Он смотрел вслед молодым людям. Девочка заняла свое место на пляже с таким чудовищно напряженным сознанием собственной важности на лице, словно страдала запором. (Старик часто видел такие лица у молодых людей, приходивших нести стражу на берегу.) С вершины горы раздался рокот — это купола обсерваторий открывались на ночь.

«Величайшие ученые мира преподавали на этом острове, поколение за поколением, — подумал старик, готовя себе чай, — а наши дети до сих пор спрашивают, бывают ли на свете привидения. Какое мастерское произведение — человек...»¹

Помешивая чай, он вышел на веранду. По небу протянулась сверкающая тропа. В лагуне, освещенной последним лучом солнца, резвился дельфин — подпрыгивал в воздух, радуясь жизни, и брызги воды образовали вторую сверкающую тропу.

Старик улыбнулся. Он верил.

¹ Шекспир У. Гамлет. Акт II, сцена 2. (Перевод М. Морозова.)

Примечания автора

РАЗЫГРЫВАЯ КОЗЫРНУЮ КАРТУ МНОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ

Вы могли подумать, что действие этой книги происходит в Тихом океане. Ничто не может быть дальше от истины! На самом деле оно происходит в параллельной вселенной. Параллельные вселенные — явление, известное только выдающимся ученым-физикам и любому, кто видел хоть один научно-фантастический фильм. В этой вселенной происходили другие события, некоторые люди жили совсем в иное время, некоторые исторические подробности изменены, кое-где в повествование вплетены кусочки реальности (например, пиво и последние пять минут жизни «Милой Джуди»). Но Великий Педагогический океан — отдельное, ни на что не похожее место.

Странный факт: уже закончив эту книгу, я узнал, что острова Товарищества в Тихом океане, они же острова Общества, назвал так знаменитый капитан

Кук в честь Лондонского королевского научного общества, которое спонсировало первую британскую научную экспедицию на острова. Иногда очень сложно что-то выдумать...

ТОНУЩИЕ ПУЛИ

Это правда. Пули, выпущенные в воду, очень быстро теряют скорость. Некоторые, высокоскоростные, даже рикошетят от поверхности. Дело в следующем: чем сильнее бьешь по воде, тем больше она похожа на бетон. Однако не пытайтесь проделать это в домашних условиях. И в школе тоже. Я, правда, знаю одного человека, который повторил этот фокус на работе. Но поскольку его работа заключается в том, чтобы стрелять из огнестрельного оружия на съемках фильмов, никто не возражал. Мой друг подтвердил: пуля в воде в самом деле очень быстро замедляет ход.

СИНИЙ ЮПИТЕР

При правильном расположении планет, когда Юпитер находится в восточной части неба под конец дня, я очень люблю созерцать это явление в телескоп. Но если посмотреть через телескоп прямо на солнце, можно ослепнуть. Я не шучу. Так что заниматься астрономией днем можно только под руководством специалиста, который знает, что делает. Увы, это все то же старое доброе предупреждение: «Не пытайтесь проделать это в домашних условиях», только замаскированное.

ЗЕЛЕНАЯ ПУШКА

Она, вероятно, сработала бы на самом деле, так как бумажная лиана очень прочная. В прошлом пушки делались из дерева, кожи и даже льда (очень большого количества льда). В основном их делали прочными и легкими ровно настолько, чтобы хватило на один выстрел. Такие пушки использовали для того, что мы сейчас называли бы спецоперациями, когда один выстрел, сделанный в нужный момент, решал исход дела. Никто не ожидал от этих пушек долговечности — их должно было хватить ровно на столько, на сколько нужно.

Нет нужды повторять: не пытайтесь проделать это в домашних условиях.

МЫШЛЕНИЕ

Герои книги иногда предаются этому занятию. Попробуете ли вы его в домашних условиях — зависит исключительно от вас.

Оглавление

Как Имо сотворил мир давным-давно, когда все было по-другому и луна тоже была другая	7
Глава 1. ЭПИДЕМИЯ	9
Глава 2. НОВЫЙ МИР	35
Глава 3. ТРОПИЧЕСКАЯ ЛИХОРАДКА	65
Глава 4. СДЕЛКИ, ЗАВЕТЫ И ОБЕЩАНИЯ	92
Глава 5. МОЛОКО, КОТОРОЕ БЫВАЕТ	132
Глава 6. РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ	157
Глава 7. НЫРЯЯ ЗА БОГАМИ	200
Глава 8. УЧИТЬСЯ СМЕРТИ НУЖНО ВСЮ ЖИЗНЬ ...	225
Глава 9. ОТВАЛИТЕ КАМЕНЬ	247
Глава 10. ВИЖУ, ИБО ВЕРЮ	277
Глава 11. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ	297
Глава 12. ПУШКИ И ПОЛИТИКА	333
Глава 13. ПЕРЕМИРИЕ	358
Глава 14. ПОЕДИНОК	375
Глава 15. МИР ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ	387
СЕГОДНЯ	432
Примечания автора. РАЗЫГРЫВАЯ КОЗЫРНУЮ КАРТУ МНОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ	443

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродуцирована или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Пратчетт Терри

НАРОД, ИЛИ КОГДА-ТО МЫ БЫЛИ ДЕЛЬФИНАМИ

Ответственный редактор *Е. Сафонова*

Выпускающий редактор *К. Тринкунас*

Редактор *Д. Никонова*

Художественный редактор *В. Безкровный*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Н. Билюкина*

Корректор *Л. Китс*

Страна происхождения: Российская Федерация

Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, ул. Маршала Зорге, дом 4, строение 1, этаж 20, каб. 2013.

Тел.: 8 (495) 411-68-88.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өңірлік: «ЭКСМО» АҚС Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге мейдәт, 1 үй, 1 пинарат, 20 қабат, офис 2013 ж.

Тел.: 8 (495) 411-68-88.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-ө., литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің қарама-қарсы жағы: мерзімді шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сәйкесінше оқуға қатысты мағлұматтарды нағызданғанға қарамастан, бұл кітаптың мазмұнына

оқуға қатысты мағлұматтарды нағызданғанға қарамастан, бұл кітаптың мазмұнына

www.eksmo.ru/certification

Өңдірілген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 19.05.2021. Формат 80x100^{1/32}.

Гарнитура «Myri». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,74.

Тираж 2000 экз. Заказ 5486.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
"ЭКМО-АСТ"

ЧИТАЙ
ГОРОД

Москва: ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, строение 1.
Телефон: +7 (495) 411-80-74. E-mail: geoset@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг для образовательных учреждений, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: booksh@eksmo.ru

Отдел торговых функций «Эксмо» в канцелярии
и канцелярии товарной для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/п 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-57 (многоканальный).
e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

Финанс. «Торгового Дома «Эксмо» в Новом Новгороде
Адрес: 603094, г. Новый Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Пласе»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (82, 93, 94). E-mail: geoset@eksmo.ru

Финанс. ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 64, лит. «Б»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Финанс. ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге
Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новокиевская, д. 2ц
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Финанс. ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Б»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Финанс. ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7 (863) 303-62-10. E-mail: info@rmd.eksmo.ru

Финанс. ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новоосибирске
Адрес: 630015, г. Новоосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7 (383) 269-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Финанс. ООО «Издательство «Эксмо» в г. Томске
Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu с г. Томск
Адрес: 626022, г. Томск, ул. Парниковая, 1а, 2 этаж, ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-86

Республика Беларусь: ООО «ЭКМО АСТ Си энд Са»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукоса, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet»
Телефон: +375 17 251-40-28; +375 44 581-81-82
Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: emooast@yandex.by

Казахстан: «ТДЦ Алматы»
Адрес: 050058, г. Алматы, ул. Дембровского, 3А
Телефон: +7 (727) 261-66-19, 261-69-69 (81, 82, 86). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»
Адрес: 04673, г. Киев, ул. Вербова, 17а
Телефон: +38 (044) 260-90-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forukraine.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitalai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-9-444. Заказ по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-80-14. E-mail: market@eksmo-sale.ru

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
одни книги — много

ISBN 978-5-04-119664-6

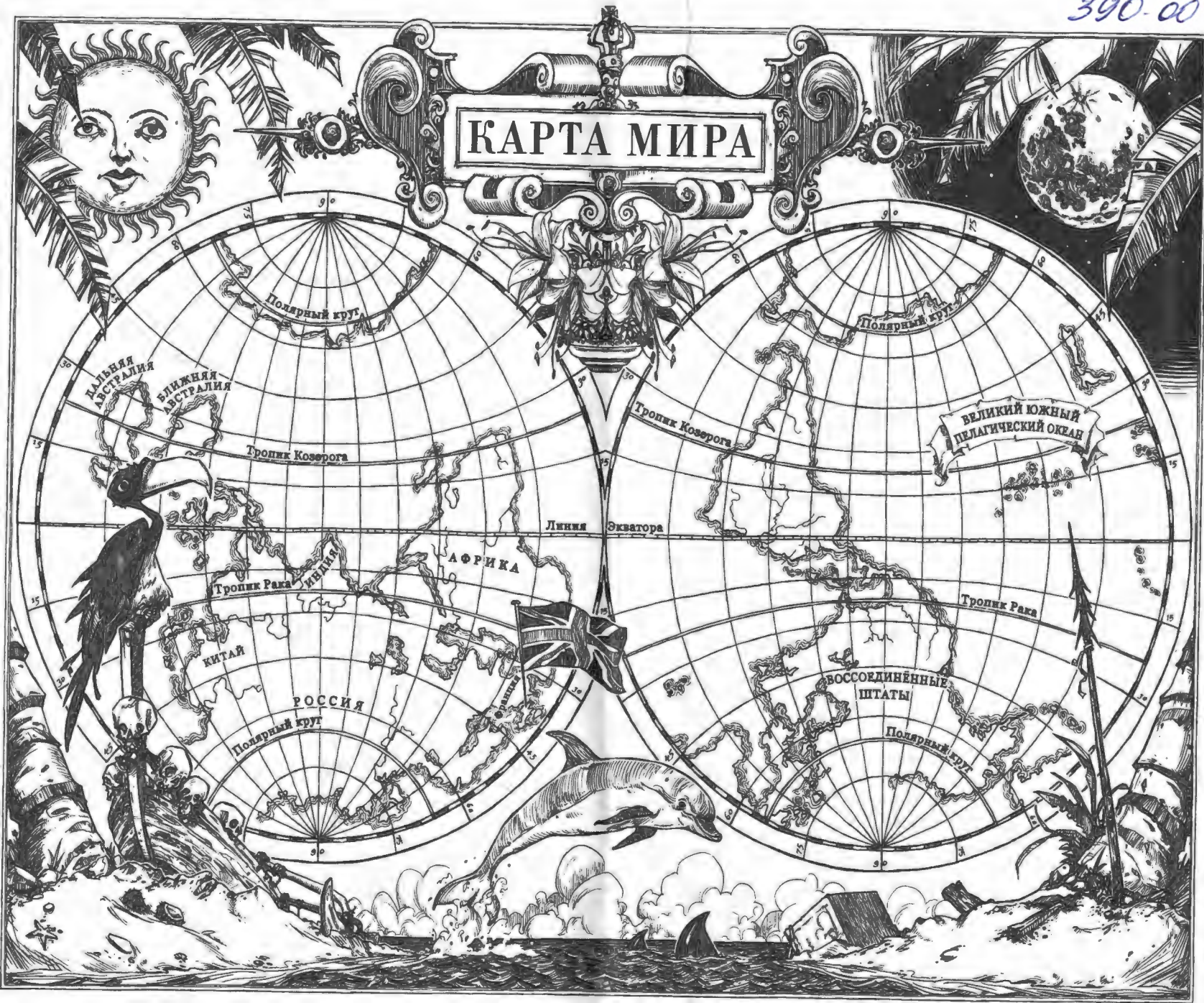
9 785041 196646 >

ВНИМАНИЕ! Книжки издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitalai-gorod.ru. Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-9-444. Заказ по России бесплатный.

КАРТА МИРА

Тринадцать лет и один месяц назад в китайском ресторане встретились начинающий автор и молодой журналист. И они стали друзьями, и написали книгу, и им удалось остаться друзьями, несмотря ни на что.

Прошлой ночью автор умер.

Он был уникален. Когда нам обоим было чуть меньше лет, мне посчастливилось написать с ним книгу, которая научила меня столь многому.

Я буду скучать по тебе, Терри.

НИЛ ГЕЙМАН

Терри был одним из величайших писателей-фантастов и, без сомнения, самым смешным. Он был столь же мудр, сколь и плодовит, а это о чем-то да говорит... Яркий, солнечный, проникательный, теплый и добрый человек. Человек безграничного терпения. Человек, который точно знал, как наслаждаться жизнью... и книгами.

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

Из всех писателей, книги которых я читал, Пратчетт показался мне самым человеческим. В одной только его уничижительно-сатирической книге было больше правды, чем в ста томах острой драмы.

Сэр Терри, примите мою искреннюю благодарность.

Не думаю, что мир, несмотря на все эти хвалебные отзывы, знает, что он имел в Вашем лице.

БРЕНДОН САНДЕРСОН

ISBN 978-5-04-119664-6

9 785041 196646 >

